

Balcanica

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство «Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Balcanica

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1979

Материалы сборника отражают результаты новейших исследований в области балканистики. Статьи затрагивают широкий круг проблем, касающихся как общетеоретических вопросов, так и конкретных исследований в области языков Балканского полуострова и смежных с ним ареалов; рассматриваются вопросы древних языковых и этнических контактов Балкан, актуальные проблемы современной балканской лингвистики.

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
Т.В. ЦИВЬЯН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник представляет собой первый итог деятельности Балканистического семинара, созданного в 1972 г. под руководством Вяч.Вс. Иванова при Институте славяноведения и балканстики.

С самого начала предполагалось, что тематика семинара будет определяться актуальными направлениями современной балканстики - в широком понимании термина. Соответственно наметились два основных круга семинарских занятий: античная балканстика и грамматическая типология современных балканских языков (последнее касалось, в особенности, балканского языкового союза, т.е. включало проблемы интерференции и языковых контактов).

За это время было проведено пять симпозиумов. Три из них (1972 г., 1975 г., 1978 г.) были посвящены античной балканстике, симпозиум 1974 г. - грамматическому анализу балканского языкового союза (доклады симпозиумов см. в изданиях Института: *Балканский лингвистический сборник. М., 1977; Славянское и балканское языкознание [вып. 3] Античная балканстика и сравнительная грамматика. М., 1977.*).

Симпозиум, состоявшийся в 1976 г., ввел в сферу балканистических штудий новую проблематику; исследование структуры балканского текста (см.: *Славянское и балканское языкознание [вып. 4] Карпато-восточнославянские параллели и структура балканского текста. М., 1977*). Этой же тематике посвящен шестой симпозиум (декабрь 1979 г.).

Этот "поворот" был подготовлен не только возрастающей популярностью лингвистики текста, возникшей как самостоятельная дисциплина сравнительно недавно: не в меньшей степени он был обусловлен внутренними потенциями самой балканстики. Она как бы стремится аккумулировать данные и методы, почерпнутые из разных областей знания. В этом смысле структура балканского текста, с одной стороны, предполагает объединение собственно лингвистики текста с методами анализа, принятыми в ряде смежных наук, а с другой, - постулирует "балканский текст". Он представляет собой самостоятельную единицу, которая соответствует разным видам или фрагментам общебалканской модели мира, на разных уровнях, в том числе и чисто лингвистическом, свидетельствующем о глубинной общности

балканских языков. Такой подход создает возможность транслонирования словесных текстов в другие, в том числе внеязыковые последовательности, и введение в этот круг истории археологии, этнографии, изобразительного искусства и т.д., иными словами, он определяет семиотический анализ текста.

Начало исследований такого рода было положено рабочими Вяч.Вс. Иванова, посвященными семиотическому анализу славянских и балканских древностей: там были комплексно применены методы реконструкции формального и содержательного уровня текста.

Далее региональные границы исследования были расширены. Широкие контакты Балкан позволили включить в рассмотрение иные традиции и прийти к важным выводам в области этногенеза славянских и балканских народов и их историко-культурного развития в прошлом и настоящем.

ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ
ЧАТАЛ-ГЮЮК И БАЛКАНЫ.
ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
И КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

Ранняя культурная история Балкан в конце неолита и начале медного века предстает по-новому в свете открытий последних десятилетий, позволивших выявить древнейший тип очень продвинутой цивилизации, характеризовавшейся наличием земледельческих поселений, керамического и металлургического производства, сложной системой ритуалов и мифов, отразившихся в символических изображениях и (пред) письменности. Основные черты этой культуры древних Балкан совпадают с характеристиками более ранних центров цивилизации Малой Азии. Исследование взаимосвязей этих двух ареалов оказывается ключевой проблемой раннебалканской культурной истории. Вероятное отражение той же традиции в тех районах Малой Азии, где, как в области с населением хатти, известны древние письменные тексты, фиксирующие язык рубежа III и II тыс. до н.э., позволяет в некоторых случаях (как при исследовании культа леопарда и его ареальных связей) опираться и на языковые сопоставления. Но еще более значимы описываемые сопоставления культур для прояснения возможных этнических субстратов тех языковых процессов, которые реконструируются в этих ареалах по данным сравнительно-исторического языкоznания, в частности, индоевропейского. Можно утверждать, что проблема этнического определения жителей Чатал-Гююка (и других раннеанатолийских центров) и обитателей древнебалканских поселений становится главной для реконструкции взаимодействий и миграций древних народов Юго-Восточной Европы и Западной Азии.

Вместе с тем, исследуя ранние культуры этих областей, удается наметить и гипотетическую преемственность верхнепалеолитических традиций Европы и последующих их преломлений на западной границе Азии. Поэтому рассматриваемая тема очень важна и для установления еще более широкой перспективы исходного единства ранних очагов культуры..

1. ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ЧАТАЛ-ГЮЮКЕ

Около 10 000-9 000 лет до н.э. в Европе происходили существенные изменения климата. Кончался последний ледниковый период, с ледниками вместе на север вскоре отступили и те животные, охотой на которых тысячелетиями жили люди Верхнего Палеолита. Необходимость приспособле-

ния к новым условиям среды была едва ли не главной причиной перехода от Верхнего Палеолита ("древнего каменного века"), длившегося более 25 000 лет, к мезолиту ("среднему каменному веку"). Мезолит характеризовался, в частности, появлением новых значительно более усовершенствованных и сложных орудий и оружия из камня, где тонкие каменные пластинки (**микролиты**), имевшие нередко отчетливую геометрическую структуру, использовались вместе с ручками из кости или дерева. В охоте начинали применять лук и стрелы, стали уже использовать одомашненную собаку. Основой хозяйства оставалась еще, как и в Верхнем Палеолите, охота и собирательство предметов питания, но эти древние формы добычи средств к существованию были уже значительно преобразованы. Это подготовило переход к производству и хранению пищи с помощью скотоводства и земледелия, что и определило основные черты того периода, который великий английский археолог Г. Чайлд называл "неолитической революцией". Она началась с прото-неолита ("раннего нового каменного века"), наиболее древний очаг появления которого можно приурочить к древнему Ближнему Востоку, в частности, и к древней Малой Азии¹.

В Малой Азии, как и в других областях Ближнего Востока, климатические изменения, хотя они в основном шли в том же направлении, что и европейские, были менее резко выражены, чем в Европе (но есть основания полагать, что и в Анатолии около 10000 лет до н.э. имело место последнее частичное оледенение). В области возле Антальи на юго-западного побережья Малой Азии удается, по-видимому, увидеть преемственность этапов перехода от верхне-палеолитической культуры, очень близкой к знаменитым западноевропейским образцам пещерного искусства, к культуре мезолита, а затем иproto-неолита. Исследуя область близ Антальи, турецкие археологи К. Кектен и Э. Бостанджи нашли в Бельдиби наскальные изображения животных, явно продолжающие ту традицию, которая хорошо известна по более ранним памятникам Верхнего Палеолита Франции и Испании (распространение искусства этого же типа далеко на Восток Евразии вплоть до Урала, Сибири и Центральной Азии доказано относительно недавними открытиями наших археологов). В пещерах Еюлю-Ин и Кара-Ин возле Бельдиби были найдены и характерные для Верхнего Палеолита образцы символических рисунков на мелких камнях. Едва ли не самое любопытное в этих рисунках состоит в том, что они одновременно сходны и с символами искусства и религии начала Верхнего Палеолита, и с самыми ранними образцами подобных рисунков (чаще всего геометрических, как крест) или, возможно, уже рисуночного письма неолита и даже медного

¹ См. о самых ранних свидетельствах, позволяющих проследить в этом ареале развитие от палеолита к мезолиту и еще более продвинутым типам культуры: *Bostanci E.V. Researches on the Midterranean Coast of Anatolia. A new paleolithic site at Beldibi near Antalya. - Anatolia, 1959, IV, p. 131-157.*

века Ближнего Востока и сопредельных областей, прежде всего Балкан.

Представления об истории письма претерпели значительные изменения благодаря открытиям на Балканах, где в культуре Винча найдено значительное число сосудов и других керамических изделий с письменными знаками преимущественно геометрического - "линеарного" типа, датирующихся 5300-5200 гг. до н.э.². Указанные рядом ученых со-впадения части знаков сprotoшумерскими (Урук IVa, IIIb. и т.п.)³ нельзя считать полностью исключенными по хронологическим причинам, так как для знаков шумерского письма в последнее время предположены значительно более ранние месопотамские прототипы. Но по географическим причинам **более** естественными кажутся сближения с архаичной символикой западной Малой Азии.

Преемственность, позволяющая на материале, в этом смысле уникальном, проследить развитие от типичной верхне-палеолитической культуры к мезолиту и позднее к proto-неолиту, предполагается для области Антальи и по другим данным. За верхне-палеолитической культурой Бельдиби следует как ее продолжение географически очень к ней близкая культура Бельбashi, тонкие микролиты которой явствен-но говорят уже о переходе к мезолиту (подобному мезолиту Сирии, Ливана и Палестины). В поздней культуре Бельдиби (длившейся вплоть до 7 тысячелетия до н.э.) наряду с микролитами встречаются каменные серпы, говорящие о начале земледелия, т.е. оproto-неолите, хотя, по-види-мому, основным источником средств существования все еще была охота. Любопытно, что в культуре области Антальи от-существовали изделия из обсидиана, который из Малой Азии в начале мезолита иproto-неолита широко вывозили в дру-гие центры Ближнего Востока.

Это позволяет думать, что область Анталья не была в то время тесно связана с лежащим к востоку от нее анато-лийским плоскогорьем, где добывали обсидиан.

Ввезенный из Анатолии обсидиан характерен для многих ранних культур Ближнего Востока - таких, как Джармо и на-туфийская proto-неолитическая культура. По этому призна-ку противопоставляется крайне западная часть Анатолии,

² См. о хронологии: *Vlassa N. Chronology of the Neolithic in Transylvania, in the light of the Tartaria settlement stratigraphy.* - Dacia, n.s., 1963, 7, p. 485-494; *Gimbutas M. Old Europe c. 7000-3500 B.C.: the earliest European civilization before the infiltration of the Indo-European peoples.* - The Journal of Indo-European studies, 1973, vol. 1, N 1, p. 12 (и рис. 2); *Idem. Cult, myth, and images of Old Europe, 7000-9000 B.C.,* London, 1975; *Idem. The neolithic cultures of the Balkan peninsula.* - In: Aspects of the Balkans, 1972.

³ *Falkenstein A. Zu den Tontafeln aus Tartaria.* - Ger-mania, 1965, 43, Halbbd. 2, SS. 269-273; *Rosenkranz N. Nichtalphabetiche Schriften der antiken Welt.* Köln, 1975, S. 10-12.

не знавшая обсидиана, и центральная Анатолия (равнина Конья) и ее восточная часть, которую именно торговля обсидианом связывала с другими областями Передней Азии.

Для более раннего периода кажутся возможными западные связи культуры Бельдиби и Бельбashi.

Явная близость истоков культуры области Антальи к западноевропейскому Верхнему Палеолиту вызвала гипотезу, согласно которой создатели неолитической революции на Ближнем Востоке (или хотя бы часть их) могли быть по происхождению связаны с носителями верхне-палеолитической культуры Европы. В пользу этой гипотезы приводят и антропологические доводы, говорящие о близости того типа *Homo sapiens*, который известен в Верхнем Палеолите Западной Европы, к так называемой "еврафриканской расе", знакомой по захоронениям ближневосточногоproto-неолита⁴.

Явную связь с культурной традицией Верхнего Палеолита можно обнаружить и в одном из наиболее замечательных памятников неолита Ближнего Востока - Чатал-Гююке. Чатал-Гююк на юге Анатолии (существенно восточнее Антальи) был открыт английским археологом Дж. Меллаартом в 1958 г. На протяжении 60-х годов Меллаарт продолжал раскопки древнейшего (восточного) холма Чатал-Гююка, дал детальное описание⁵ и очень интересные реконструкции раскопанных им святилищ и домов, перевернувшие многие представления о ранней истории Ближнего Востока. К сожалению, Меллаартом была раскопана лишь часть селения, как он сам полагает, связанная с храмами и жрецами, чем можно объяснить исключительную частоту храмов и алтарей - всего им раскопано более 40 святилищ. Но именно благодаря этому мы

⁴ См. о значимости Малой Азии для формирования балкано-кавказской расы: Алексеев В.П. География человеческих рас. М., 1974, с. 224, 225, 237 (рис. 49-126).

⁵ Дальнейшее изложение основано на следующих его работах: Mellaart J. The beginning of mural painting. - Archaeology, 1962, vol. 15, N 1, p. 2-12; Idem. Excavations at Çatal Hüyük. First preliminary report, 1961 - Anatolian Studies (далее AST), 1962, vol. XII, p. 43-105, tabl. III-XV; Idem. Excavations at Çatal Hüyük. Second preliminary report, 1962. - AST, 1963, vol. XIII, p. 43-103, tabl. III-XXIX; Idem. Excavations at Çatal Hüyük. Third preliminary report, 1963. - AST, 1964, vol. XIV, p. 39-119, tabl. I-XXVI; Idem. Excavations at Çatal Hüyük. Fourth preliminary report, 1965. - AST, 1965, vol. XVI p. 165-191, tabl. XXIX-LXIII; Idem. Earliest civilizations of the Near East, London, 1965; Idem. Çatal Hüyük, Stadt aus der Steinzeit. - In: Neuer Entdeckungen der Archäologie. Bergisch-Gladbach, 1967; Idem. Çatal Hüyük. A neolithic town in Anatolia. London, 1967; Idem. The Neolithic of the Near East. Thames and Hudson. London, 1975, p. 91-134, 244-262, 282.

располагаем обширным материалом, позволяющим судить о характере религии и искусства (в ту пору едва ли отделявшегося от религии и составлявшего с ним единое синкретическое целое) Чатал-Гююка. В этой культуре VII-VI тыс. до н.э. поражает одновременно и обилие явных следов связей с верхне-палеолитическим искусством, и глубина перемен, связанных с перестройкой всей хозяйственной и общественной жизни.

К числу черт, объединяющих религию и искусство Чатал-Гююка с традицией Верхнего Палеолита, можно отнести следующие. Некоторые из типичных для Чатал-Гююка культовых изображений, наносившихся краской на стены храмов, явственно продолжают символику верхне-палеолитических пещер. На одной из стен святилища в слое VI нижняя часть кульевой композиции состоит из трех рядов изображений рук. Любопытно не только использование символа руки, чрезвычайно характерного для искусства и религии Верхнего Палеолита, но и показательное соотношение левых и правых отпечатков рук. Согласно публикации Меллаарта, в нижнем ряду шесть изображений левых рук, одно - правой (второе слева), одно (если оно не повреждено) - изображение четырехпалой руки (рядом с правой), в среднем ряду - пять (или шесть - изображение полуразрушено) изображений левых рук, два - правых (третья слева и третья или четвертая справа - близко к центру), в верхнем ряду - семь (или восемь) левых, одно - правой (по-видимому, в центре, т.е. композиция симметрична: от правой руки справа и слева расположено по четыре символа левых рук). Общее соотношение правых и левых рук (примерно один к пяти) точно такое же, как в пещерах Верхнего Палеолита Европы и в типологически с ними сходных пещерных изображениях Австралии и Северной Америки. Исследования последних лет установили, что такая распространенность изображения именно левой руки в верхнепалеолитическом (и вообще "первобытном") искусстве связана с ее символической значимостью. Левая рука - это обычно рука мифологического ("волшебного") существа (что отчетливо известно, например, из мифологии туземцев Австралии⁶) или жреца-шамана (мугве у меру в Африке⁷), а также символ женщины (или женского на-

⁶ Кабо В.Р. Происхождение и ранняя культураaborигенов Австралии. М., 1969, с. 118.

⁷ Needham R. The left hand of the Mugwe: an analytical note on the structure of Meru symbolism. - Africa, vol. 30, 1960, № 1; Right and Left. Essays on dual symbolic classification. Ed. by R. Needham. Chicago, 1973; Иванов В.В. Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии. - В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 118 (см. в этой же статье данные о статистике отпечатков левых и правых рук в верхнепалеолитическом и первобытном искусстве). Ср.: Zimmermann F. Géométrie sociale traditionnelle. - Annales, Économies, Sociétés. Civilisations. 29 année, 1974, № 6, p. 1381-1401.

чала, противостоящего мужскому в ряду символических двоичных противопоставлений)⁸.

По причинам, о которых будет сказано ниже, для Чатал-Гююка кажется возможным предположить именно это последнее символическое значение знака левой руки, установленное по отношению к Верхнему Палеолиту Европы выдающимся французским археологом и историком культуры А. Леруа-Гурланом⁹. Согласно Леруа-Гурлану, чьи гипотезы получили широкое признание, в верхне-палеолитическом искусстве основные для системы символов того времени противоположения мужского и женского начала выражались различными способами. Кроме изображений правой и левой руки, это же различие значений передавалось различиями цветов (что тоже находит соответствие в Чатал-Гююке, где мужские фигуры на фресках окрашены одним цветом, часто красным, женские - другим, часто белым¹⁰) и изображениями животных, в частности, бизона, лошади (а также и некоторых других животных). Изображения животных как символов определенных религиозных понятий, в частности, воплощений мужско-

⁸ Иванов В.В. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях. - Народы Азии и Африки, 1969, № 5; Он же. К лингвистическому и культурно-антропологическому аспектам проблем антропогенеза. - В кн.: Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977, с. 37-40 (там же дальнейшая литература); Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М. 1974. - Популярное изложение указанных работ в связи с проблематикой первобытного искусства см.: Алексеев В.П. К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства. - В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1976.

⁹ Leroi-Gourhan A. Le symbolisme des grandes signes dans l'art pariétal paléolithique. - Bulletin de la Société Préhistorique Française, 1958, t. LV, № 7-8; Idem. Les religions de la préhistoire (Paléolithique). Paris, 1964. Ср.: Иванов В.В. Найдавнішні форми людської культури та їх відображення у первісному мистецтві. - Все світ, 1976, № 6; Он же. Чет и нечет. М., 1978. Ср. к нехватке пальца в четырехпалых изображениях альтернативную теорию: Столляр А.Д. О "гипотезе руки" как традиционном объяснении происхождения первобытного искусства. - В кн.: Первобытное искусство.

¹⁰ "Lo stresso colore delle figure acefale può avere un significato simbolico, in quanto il rosso caratterizza negli affreschi figure maschili ed il bianco figure femminili, dunque i bicolori acefali rappresenterebbero esseri ibridi o assessuati" (Ippolitoni Stricka F. Miti e riti a Çatal Hüyük. L'elemento femminile e l'elemento maschile. - Ahnali della Facoltà di lingue e letterature straniere di Ca'Foscari, 1975, XIV, 3 serie Orientale, 6), p. 175 (n. 15).

го и женского начала, в высшей степени характерно и для Чатал-Гююка, где бык (часто голова быка или его рога по характерному для первобытного мышления принципу *pars pro toto* "часть вместо целого") был чаще всего знаком мужского начала, а леопард (во всяком случае в более поздних слоях типичного неолита) связывался с женским божеством. Сходство с верхне-палеолитической (и даже еще более ранней мистерской) традицией и в том, как в слоях IX-VI A Чатал-Гююка в скульптурах с помощью того, что теперь бы назвали "коллажем", изображалась голова быка или его рога. В скульптуру вставлялись настоящие рога и части черепа быка, что напоминает о "натуральном макете" животного в раннем пещерном искусстве¹¹.

Но этот древний способ символического представления быков получил дальнейшее развитие в Чатал-Гююке, культура которого и в этом не просто продолжает верхнепалеолитическую, а представляет собой ее трансформацию. Почти в каждом из храмов в слоях VII-II найдены столбы, на которых помещены рога быков; такие столбы (позднее осмыслившиеся как способ отпугивать зло или быть знаком зла в доме, как бычья черепа в Сванетии на Кавказе) известны и много позднее как в Малой Азии, так и на древнем Крите, где культ быка (возможно отраженный в известном описании Атлантиды у Платона) во многих деталях совпадает с религией Чатал-Гююка. В таких географически и хронологически удаленных комплексах, как могильник Синташа (Южное Зауралье около середины II тыс. до н.э.), найдены ритуальные композиции из нескольких бычьих черепов¹², в принципе сходные с символикой Чатал-Гююка (на это следует обратить внимание также и ввиду наличия явных следов микенского влияния в могильнике Синташа); сходные факты известны и на древних Балканах.

¹¹ Столляр А.Д. О роли "натурального макета" как исходной формы изобразительного творчества. - В кн.: Археологический сборник Гос. Эрмитажа, вып. 6. Л., 1964; Он же. О генезисе элементарных форм изображения зверя в палеолитическом творчестве Европы. - Сообщения Гос. Эрмитажа, вып. XXVI. Л., 1965; Он же. О первых этапах изобразительной деятельности в культуре европейского палеолита. - Сообщения Гос. Эрмитажа, вып. XXVII, Л., 1966; Он же. "Натуральное творчество" неандертальцев как основа генезиса искусства. - В кн.: Первобытное искусство; Он же. О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания. - В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972. - В недавней оживленной дискуссии о концепции А.Д. Столляра на страницах "Советской этнографии", к сожалению, не были приняты во внимание параллели "натуральному макету" в таких (относительно) поздних традициях, как храмы Чатал-Гююка.

¹² Генинг В.Ф. Могильник Синташа и проблема ранних индоиранских племен. - Советская археология. 1976, № 2.

В слое VI Чатал-Гююка вместе со столбами с рогами быков встретились и целые скамьи, украшенные рядом рогов семи диких быков, что, по-видимому, говорит и о священной значимости числа семь, столь характерной для Верхнего Палеолита¹³. По отношению к Чатал-Гююку священная значимость этого числа подтверждается захоронением мужчины, которому как погребальный дар дано семь наконечников стрел из обсидиана.

Археологи отмечают и несомненное сходство с верхнепалеолитическими динамических изображений животных (например, бегущих оленей) на фресках (возможно, ритуальных), воспроизводящих в Чатал-Гююке сцены охоты.

Едва ли не всего отчетливее преемственность по отношению к культуре пещерного человека видна в Чатал-Гююке на примере культовой роли сталактитов, по-видимому, использовавшихся также и как символы женского божества.

К Верхнему Палеолиту можно возвести и традицию небольших скульптур из камня, которые на древнем Ближнем Востоке встречаются только в двух местах – в Чатал-Гююке (в слоях VII-VI)¹⁴ и в примерно синхронной с его поздними слоями культуре Телль-Суан около Самарры¹⁵ (в Ираке), датируемой приблизительно серединой VI тысячелетия до н.э.

С верхне-палеолитической традицией можно сблизить также некоторые совершенно условные геометрические знаки (типа упомянутых в связи с культурой Бельдиби крестообразных) из Чатал-Гююка, напоминающие аналогичные знаки на камешках из пещер области Антальи. Но здесь следует подчеркнуть и большое различие. В Чатал-Гююке мы находим целые последовательности таких совершенно условных (и поэтому пока не поддающихся достоверному толкованию) знаков. Такие же последовательности знаков в более поздних культурах древнего Балканского полуострова (испытавших, по общему мнению, воздействие культуры Чатал-Гююка) в настоящее время большинством исследователей tolkуются как древнейшие из известных нам надписей, написанных пока еще неразгаданной системой письма. По-видимому, это же толкование следует отнести и к еще более древним последовательностям условных символов, обнаруженным в Чатал-Гююке. Раннее искусство Верхнего Палеолита, согласно тому его толкованию, которое дано Леруа-Гураном и другими современными исследователями, оказывается гораздо более близким к символической письменности, чем это представлялось раньше. Но переход от такого "полуписьма" к

¹³ Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974.

¹⁴ Mellaart J. Catal Hüyük. A neolithic town in Anatolia, p. 63, 130, 179; Ippolitoni Strika F. Op. cit., p. 171, 176 (n. 30).

¹⁵ Wainly F. el-, Abu-es-Soof B. Excavations at Tell es-Sawwan.-Sumer, 1965, XXI, p. 19; Ippolitoni Strika F. Le Statuette in alabastro di Tell Es-Sawwan (metà del VI millennio a.C.). - Annali di Napoli, 1976, 36, p. 1-29.

письму осуществлялся лишь в неолите, в частности, в Малой Азии.

Еще более глубокое преобразование отчасти унаследованной от палеолитического искусства и религии символики следует предположить по отношению к антропоморфным культовым символам женщины. Некоторые скульптурные изображения этого типа из Чатал-Гююка, казалось бы, напоминают знаменитые палеолитические "Венеры" - женские символы плодородия, тщательно изученные по многочисленным находкам (в том числе и на территории нашей страны). Но функции этого обожествляемого женского начала (которое могло изображаться разными знаками и символами, в том числе и уже упоминавшимися выше - знаками левой руки или леопарда) в Чатал-Гююке существенно изменились.

2. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СИМВОЛИКИ РИТУАЛОВ И ИСКУССТВА ЧАТАЛ-ГЮЮКА

Как сам Меллаарт, так и другие исследователи, позднее обращавшиеся к истолкованию открытых им материалов, обращают внимание на исключительное все увеличивающееся значение женского божества плодородия (особенно в относительно более поздних слоях Чатал-Гююка). Эта богиня изображается в нескольких своих возрастных воплощениях, начиная с ее изображения в виде молодой девушки. Основное из этих воплощений - рожающая женщина. Особенно интересна скульптурная композиция позднего слоя II, где богиня-роженица сидит на троне, украшенном по бокам двумя леопардами (здесь явно предстающими как символы женского начала), а ногами упирается в черепа (ср. типологические аналогии в символике доколумбовской Мексики). Соединение в культе богини плодородия как бы противоположных (или лучше сказать дополняющих друг друга) представлений о рождении и смерти видно и из многих других культовых изображений. Эта же связь казалось бы, противоположных представлений видна из структуры храмов, где на одной стене изображаются сцены рождения (иногда рождения богиней головы или нескольких голов священного животного - быка или барана), на другой - сцены смерти. Женские груди (представляющие женщину по принципу "часть вместо целого") нередко изображаются вместе с символами хищных или диких животных. Изображение богини в образе старухи сопровождается символом хищной птицы. На весьма впечатляющих и хорошо сохранившихся фресках слоя VII Чатал-Гююка изображены стервятники с огромными крыльями и человеческими ногами, терзающими безглавого человека.

То, что человек (по форме напоминающий позднейший символ мирового дерева или человека на мировом дереве в искусстве последующих тысячелетий) изображен безглавым, очевидно, связано с одним из вариантов похоронного (или жертвенного) обряда Чатал-Гююка, при котором черепа отделялись от трупов и хранились отдельно - в храмах на особых скамьях или в специальных помещениях (следует за-

етить, что и во многих значительно более поздних культурных традициях Малой Азии и вообще Средиземноморья – плоть до римской – голове жертвенного или священного животного или человека придавалось особое культовое значение). На одной из фресок слоя IV Чатал-Гююка изображен зловек, несущий две человеческие головы. Иногда череп склонили в мешках или корзинах вместе с основными костями (что уже напоминает отчасти "дома костей" – хет. *Еэшта* в Малой Азии II тыс. до н.э.); костяк человека чаще всего лежал под глиняной скамьей в доме, где произвождалось захоронение (связанное, очевидно, с семейным культом предков). При захоронении в корзинах в слое VI находитается изгибание костяка. Целая группа костяков, отсылающих к тому же слою, обнаруживает изогнутое положение, напоминающее сходный погребальный обряд Европы значительно более позднего времени.

Отделение головы от черепа и погребение обезглавленных скрюченных трупов (хронологически следующие за более ранними скрюченными, но не обезглавленными, захоронениями) известно в культуре Бейда в докерамическом Иерихоне.

Поскольку, начиная с классических работ по индоевропейским древностям конца XIX в. – начала XX в., похоронному обряду справедливо придавалось большое значение при отнесении конкретных культур с языковыми общностями, исключительно важным представляется наличие указанных языческих переднеазиатских параллелей тому способу захоронений (скрюченных костяков), которые в доисторической Европе обычно соотносят с индоевропейцами. Кажется вероятным предположение, что этот способ захоронения должен был быть вынесен из первоначального ареала обитания индоевропейцев, который по целому комплексу признаков логализуется в Передней Азии¹⁶.

Сопоставление символов стервятников на фресках со свидетельствами похоронного обряда, при котором кости сперва отделяли от плоти, а потом уже хоронили, allows основание Меллаарту предположить, что часть ритуала погребения совершили женщины, переодетые хищными птицами. Другие учёные склонялись к тому, что за этими образами должны стоять соответствующие мифологические представления. Но кажется возможным, что два эти толкования противоречат друг другу. В ранней древнегреческой культуре, испытавшей (может быть отчасти и через посредство Крита) несомненное сильное воздействие религии одной из тех малоазиатских традиций, которые так или иначе связаны с Чатал-Гююком, сохранились следы мифологического образа страшной женщины Горгоны с птичьим лицом.

Горгона представляла собой первоначально, видимо, тотемический символ. Это видно и по древнему изображению щеной птицы (видимо, Горгоны) на щите VIII в. до н.э.¹⁷,

Гамкелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1979.

Webster T.B.L. From Mycenae to Homer. London, 1958, p. 213, tabl. 37.

и по гомеровскому описанию щита Агамемнона с изображением на нем коршуновзорой Горгоны: τῇ δέπι μὲν Γοργῷ βλοσυρῷτις ἐστεφάνωτο δεινὸν δερκομένη, περὶ δὲ Δεῖμός τε φόβος τε (Л 36-37) 'Сверху тот щит был увенчан свирепоглядящей Горгоной, Страшной для взора, а Трепет и Страх находились с краю' (перевод Минского).

Сочетание Гοργῷ βλοσυρῷтis первоначально означало 'коршуновзорая' (где βλοσυρός < *gʷl̥turos,ср. лат. *ulturus* 'коршун'¹⁸), подобно γλαυκῷтis 'Αθηνή' 'светлоокая Афина' (α 44, А 206), βοῦтis (πότνια) "Ηρη" 'волоская (владычица) Гера'¹⁹ (A551). Функции щита с изображением на нем Горгоны, приносящей смерть, по-видимому, аналогичны искаженным боевым гримасам, деформирующим лицо и, в частности, глаза у северно-американских индейцев и кельтов²⁰. Горгону можно сравнить с образом яги - хозяеки мира мертвых, являющейся в зооморфном облике в виде птицы, так же как птицами были одеты жрицы, совершающие погребальный обряд в Чатал-Гююке.

Предлагаемая древнемалоазиатская параллель к гомеровскому описанию щита Агамемнона, как представляется, могла бы помочь объяснить и происхождение образов Трепета и Страха (Δεῖμός τε φόβος τε), упоминающихся в цитированном описании щита (и в других местах "Илиады" выступающих как слуги и возницы Ареса, Δ 440, 0 119).

В традиции хатти, в некоторых отношениях продолжающей еще более ранние малоазиатские культурные традиции, Страх и Ужас выступают в мифе о луне, упавшей с неба: хатти *ud-i-ца taица tup/uиi ta-(še)-h-кица-t*, хеттский перевод *epta-an našaraz epta-an ueritemas* 'Охватил его (в варианте: ее) Страх, охватил его (ее) Ужас'²¹ (KUB XXVII 3, 4 + VBoT 73 Vs. § 1). Заклятие Страха и Ужаса (хатти *taица, tup/uиi*, хет. *našaratt-, ueritema-*) составляет

¹⁸ Leumann M. Homerische Wörter. - In: Schweiz. Beiträge z. Altertumswissenschaft, Heft 3. Zürich, 1950, S. 141; *Idem. Kleine Schriften*. Zürich - Stuttgart, 1959, S. 189.

¹⁹ В связи с другими приводимыми гомеровско-малоазийскими параллелями стоит заметить, что миф о любви Зевса к Гере Аргосской находит параллель в хеттско-хурритском мифе о Боге Солнца и корове: Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977, с. 164, 291.

²⁰ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 57-65; Иванов В.В. Категория "видимого" и "невидимого" в тексте: еще раз о восточнославянских фольклорных параллелях к гоголевскому "Вию". - In: Structure of texts and semiotics of culture. The Hague-Paris, 1973, p. 164.

²¹ Kammenhuber A. Das Hattische. - In: Handbuch der Orientalistik. 1 Avtgk. Bd. II, 1-2 Absch. Lief. 2, 1969, S. 519; Friedrich J. "Angst" und "Schrecken" als niedrige Gottheiten bei Griechen und Hethitern. - Archiv für Orientsforschung, 1941/1944, Bd. 14.

главную задачу богини хатти *Kattah-zip/uuri* (Царицы Цифури, хет. *Kamrušera-*) в этом мифе и в ритуале, совершающемся, когда раздавались удары грома. Хеттские эквиваленты хатти *tawia*, *tup/uui* – персонифицированные *Nažbaratt* – 'Страх' и *Ueritema* – 'Ужас' выступают в среднехеттском гимне Солнцу: *duTU-i šar-ku LUGAL-u-e 4-an hal-hal-du-u-ma-ri uk-tu-ri iš-tar-na ar-ha u-ja-at-ta-ri ZAG-az-te-it na-ah-ša-ra-at-te-es hu-i-ia-an-te-es GUB-la-az-ma-at-ta u-e <ri->te-ma-aš hu-i-ia-an-te-es* 'О Бог Солнца, возвышенный царь! Вечно ты обезжаешь четыре страны света! Справа от тебя бегут (буквально: бегущие) Страхи, слева же от тебя бегут Ужасы' (KUB XXXI 127 /58-61/).

Разительную аналогию этому гимну, где Солнце представлено как выезжающее на колеснице, запряженной лошадьми, можно найти в тексте "Илиады", где Страх и Трепет запрягают колесницу бога (Ареса):

"Ὦς φάτο, καὶ μέππους κέλετο Δεῖσιδν τε Φέβον τε ζευγύμνεν (ο 119-120) 'Так произнесши, он Страху и Трепету дал приказание Впрячь лошадей' (перевод Минского).

В новохеттский период Страхи и Ужасы упоминаются также и в обряде KUB XXVIII 5 + III 10-11, где они входят в ритуал Бога Грозы: [EGIR-SU-ma n]a-ah-ša-ra-ad-du-iš [ue-ri-te-mi-]iš SA DU 9 -SU e-ku-zí 'и он пьет (дает пить) девять раз Страхам и Ужасам Бога Грозы', что А. Камменхубер обоснованно сравнивает с цитированной хаттско-хеттской билингвой о луне, упавшей с неба²², где Страх и Ужас охватывают именно Бога Грозы.

Поэтому представляется возможным и в цитированном среднехеттском гимне Солнцу Страхи и Ужасы соотнести с той же традицией. Этому согласовалось бы и с тем, что в том же гимне удается обнаружить другие древнехеттские формулы, переведшие соответствующие хаттские ("протохеттские"). Формула *zi-ik-pát duTU-iš la-lu-ki-ma-aš* 'Лучезарно, Солнце, только ты' (KUB XXXI 127 I 15) в том же среднехеттском гимне представляет собой повторение архаической древнехеттской формулы обращения к Богу Солнца, явившуюся переводом с хатти, что видно из билингвы, относящейся к числу характерных для хаттской (и переведенной с хаттского) древнехеттской поэзии) обращений на "языке богов и языке людей"²³. Хаттскому обращению *it-hu-ru-u le-e-duTU ha-ui-i-uu-n-a-a-an le-e-dUTU ha-ua-a-ash-ha-uui ka-aš-ba-ru-u-iā-ah* 'Будь милостиво, Солнце! Среди людей ты – богиня Солнца, среди богов ты – сияющий

²² Kammehuber A. Orakelpraxis, Träume und Vorzeichenschau bei den Hethitern. Heidelberg, 1976, S. 48, 49.

²³ См. об этом типе текстов: Laroche E. Hattic deities and their epiphehs. – Journal of Cuneiform Studies (сокращенно JCS), 1947, vol. I, p. 187-216; Friedrich J. Göttersprache und Menschensprache in hethitisches Schrifttum. – In: Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Festschrift A. Debrunner. Bern, 1954. S. 135-139.

лучезарный (небесный) свет'²⁴. (KUB XXVIII 75 II 20-23) соответствует древнехеттское *tu-ya-at-tu DUTU-i [da-an-du-ki-eš-ni]* *dUTU-iš zi-i-ik DINGIRMEŠ -na-ša iš-tar-na la-lu-u [k-ki-ma-aš zi-ik]*, 205/S + Vs. II 11-12 (текст, написанный древним дуктусом и относящийся, следовательно, к эпохе Древнего Царства). В приведенной хаттско-древнехеттской формуле др.-хет. *lalukkimaš* 'лучезарность, светоносность', представляющее собой исключительно архаическое образование индоевропейской древности²⁵, выступает в качестве переводного эквивалента хатти *kašburuiāh*. Из анализа приведенных формул следует, что в среднехеттском гимне Солнцу наряду с аккадскими и хурритскими влияниями несомненно и древнехеттское, отражающее хаттское. В таком случае все приведенные выше примеры использования персонифицированного Страха и Ужаса, достаточно близкого к гомеровскому, в хеттских текстах могут считаться в конечном счете восходящими к хаттскому влиянию.

Если предлагаемое сравнение гомер. греч. Δεῖμος τε φόβος τε 'Трепет и Страх' с эквивалентным сочетанием хатти *tasiča tur/ii* (и его позднейшим отражением в хеттском) правильно, то в приведенных строках из описания щита Агамемнона в одинадцатой главе "Илиады" малоазиатским влиянием можно объяснить и эту пару персонифицированных страхов; и наводящий ужас образ "коршуновзорой" Горгоны, в конечном счете сопоставимой с птицеподобными жрицами смерти Чатал-Гююка. Связанные с представлением о птицах - смерти - женщинах мифы, возможно, имеют обрядовую основу. Поэтому вероятно, что хотя бы на ранних этапах развития похоронного обряда обычай, по которому трупы отдавали расклевывать стервятникам, в Чатал-Гююке заменился другим - в роли заместительниц хищных птиц могли выступать жрицы.

²⁴ В переводе и интерпретации хаттского текста следую Э. Нею, впервые напечатавшему и древнехеттский параллельный текст, см. Neu E. Der Anitta-Text (Studien zu den Boğazköy-Texten, Heft 18), Wiesbaden, 1974, S. 126. К хатт. *le-e-DUTU*ср. *le-e-estan (li-iš-ta-an)* 'Его - День (Солнце)': Kammenhuber A. Das Hattische, S. 472 (ср. S. 447 о *kašbaruiāh* в приводимом тексте хатти в связи с (*i)iah* 'небо'); ср. к такому прономинальному построению имени бога отчасти синонимичное ему др.-хет. *šiu-šummiš* 'Бог (Солнца - Неба) - Наш' (Neu E. Op. cit, S. 119 и след.).

²⁵ См. детальный анализ этой формы в связи с такими производными от индоевропейского корня **leuk-* 'светить', как др.-инд. (вед.) *ruk-та* - 'блестящий, золото', тох. В *lyuketo*: Иванов В.В. К типологии инфинитива в балканских языках. - В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976, с. 227-229; Оч же. К архаичным формулам в хеттских гимнах. - Archiv Orientální, 1978, vol. 46, N 1, p. 71.

Освобожденные от плоти с помощью хищных птиц или же заменяющих их жриц (возможно, в специально для этого сооружавшихся постройках, одна из которых, по мысли Меллаарта, изображена на фреске) костики в Чатал-Гююке одевали в одежду или заворачивали в шкуры и замуровывали в стены перед ежегодным праздником обновления дома и храма. Понимание оштукатуривания храма или дворца как знака второго рождения отражается и в гораздо более поздних малоязийских обрядах, связанных с той же традицией хатти. В хеттском строительном ритуале (либо переведенном с хатти, либо отражающем в преобразованном виде традицию аналогичных обрядов хатти) KUB XXIX 1 Vs. I 6-9, III 31-34 дважды повторяется формула, связанная с началом и концом штукатурных работ (вводимая соответственно [ma-a-an ÉMES GIBIL ī-e-da-u-ia]-an-zi zi-in-ni-ši 'если новые дома строить кончаешь', ma-a-an-za LÚ.MESMA.É. GIBIL ha-ni-eš-ši-u-ia-an-zi ar-pa-an-zi 'если строители новые дома берутся штукатурить'): ma-a-an-za É-ir an-dur-za ha-ni-eš-te-ni [n]u-ka MU. KAMHI-A GÍD.DA ha-ni-eš-te-ni a-aš-su ha-ni-eš-te-ni ma-a-an-na-at a-ra-aḥ-za-ma ha-ni-eš-te-ni nu na-aḥ-ša-ra-at-ta-an ha-ni-iš-te-en nu iš-ḥa-aš-šar-ṣa-a-tar ha-ni-eš-te-ni 'Если (де) дом внутри штукатуришь (мажешь), на долгие годы штукатурь (мажь), и штукатурь (на) благо. Если снаружи штукатуришь, если штукатуришь (от) Страха (*naḥsaratt*, см. выше), штукатурь преклонением перед господином'. Суть этого строительного ритуала состоит в обряде восстановления сакральной мози царя. Представляется, что и для Чатал-Гююка можно думать о связи символов рождения или "второго рождения" и смерти (вызывающей Страх - *naḥsaratt* в хеттском ритуале, где упомянут и *ueritema* 'ужас': [na-aḥ-ṣar]-ra-at-ta-an EGIR-pa da-aš ī-e-ri-ti-ma-an [EG]IR-p[a] da-aš '[Страх он взял назад, Ужас он взял [на]зад', Vs. II 34-35).

В Чатал-Гююке покойнику давались погребальные подношения - драгоценности и украшения женщинам (костики которых иногда раскрашивали) и детям, оружие - мужчинам. Мужчин хоронили отдельно от женщин. Зеркала, сделанные из обсидиана и считавшиеся, видимо, предметом роскоши, могли отмечать социально или ритуально значимые захоронения. Если же эти зеркала клались в могилы не только из-за их ценности, то можно подумать, что это связано и с встречающимися у многих народов представлением о потустороннем мире как 'зазеркалье', где все перевернуто по отношению к обычной жизни (вера в магическую роль зеркала в обрядах сохраняется до недавнего времени). Обычно такие захоронения с зеркалами находят в женских погребениях. Отмечено, что в храмах до сих пор встретились только захоронения женщин. Это хорошо соответствует и преимущественной роли женской богини в религии Чатал-Гююка: женщины-жрицы могли считаться ее воплощениями или представительницами.

Интересной в культурно-историческом отношении особенностью погребального обряда в Чатал-Гююке было то, что в

одном из древнейших храмовых захоронений (в слое VIII) женщины-жрицы с ней вместе погребены мыши и землеройки. Представление об этих животных (в частности, о кроте) как о священных земных (хтонических) существах долгое время удерживалось в древнебалканской и древнегреческой традиции (и здесь, видимо, продолжающей малоазиатскую), как это показал задолго до раскопок в Чатал-Гююке в своем замечательном исследовании о греческом культе бога-крота А. Грегуар²⁶, чьи мысли в недавнее время нашли развитие и продолжение в трудах В.Н. Топорова²⁷.

Представление о мышах как носителях злого начала, так или иначе связываемых с болезнью и смертью, известное в разных древневосточных религиях (например, в египетской), долго сохранялось в малоазиатских обрядах тысячелетия после конца культуры Чатал-Гююка. В одном из хетто-ливийских обрядов, производимых жрицей - Старой Женщиной (SAL SU.GI), для заклятия злого Духа жрица привязывает символическое воплощение бед к мыши, которая должна унести несчастья в дальние края²⁸. Есть основания считать, что связь именно ритуала, совершаемого жрицей, с мышью как воплощением злого начала может отражать значительно более древний слой малоазиатских народных представлений, сказавшихся в подобных ритуалах.

Самому Меллаарту принадлежит другое сближение относительно поздней греческой малоазиатской традиции с одной из деталей культа богини плодородия в Чатал-Гююке. В Чатал-Гююке над той частью композиции храма, где изображены преимущественно левые руки (согласно предложенному толкованию - знаки женского начала), показаны разные стадии превращения пчелы - от личинок в сотах до взрослой пчелы. Кажется вероятным, что пчела могла играть особую роль в культе женской богини Чатал-Гююка по той же причине, по которой жрицы богини Дианы в Эфесе в античную пору назывались "пчелами" (замечательно то, что, как показывают указанные выше новейшие исследования, представления о боже-кроте и жрицах-пчелах в древней Греции, как и в Чатал-Гююке, входили в один ритуальный комплекс). В

²⁶ Grégoire H. (avec la collaboration de R. Goosens et de M. Mathieu). Asklepios, Apollon Smintheus et Rudra. Etudes sur le dieu à la taupe et le dieu au rat dans la Grèce et dans l'Inde. Bruxelles, 1949.

²⁷ Топоров В.Н. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями. - В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, с. 41-49; Он же. Мифы 'Музы': соображения об имени и предыстории образа (к оценке фракийского вклада). - В кн.: Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977, с. 28-87, ср. примеч. 142 на с. 78 о Чатал-Гююке.

²⁸ Луна, упавшая с неба, с. 215, ср. там же с. 9 (о Чатал-Гююке) и 297.

самой Малой Азии, как и в областях, примыкающих к ней с запада (Эгейский мир²⁹) и востока (древний Кавказ), связь пчелы с женским божеством сохраняется на протяжении многих тысячелетий (у сванов пережиточно до нашего времени³⁰), причем во всех случаях удается проследить малоазиатское происхождение этих представлений³¹.

Пчела, хорошо известная в Средиземноморье уже собирателям меда в конце палеолита и в мезолите (как показывает известный наскальный рисунок из Испании, на котором изображен человек, взирающийся к улью, чтобы взять мед), для религии конца неолита Малой Азии оказалась особенно существенным символом плодоносящего женского начала, рядом с которым может и не быть мужского (эта черта религии Чатал-Гююка, где на фресках в антропоморфном виде изображается только женщина, может быть сопоставлена с такими особенностями культуры Малой Азии, которые известны и в значительно более позднее время - ср. отсутствие мужчины-царя в мифе о детях царицы Канеса, роль таваннды у хеттов). Не исключено, что разные (на фризе в храме - четыре) стадии развития пчелы жрицами Чатал-Гююка осознанно сопоставлялись с тремя возрастными воплощениями женского божества.

Мужское божество, в храмах изображаемое только небольшими статуями (но не на фресках, где в его роли обычно выступает бык), также предстает на них в разных возрастных обличьях - то как юноша - сын богини, то как взрослый мужчина с бородой; на скульптуре слоя VI бог изображается сидящим на своем священном животном - быке, что как и позднейшие культовые изображения на Крите, иногда интерпретируют и как свидетельство раннего облезжания дикого быка, которое могло быть одним из возможных способов его одомашнивания. Хотя статуэтки, изображающие бога-мужчину, продолжают по традиции встречаться и в храмах более поздних слоев, тем не менее остается в силе вы-

²⁹ Ransome H.M. *The Sacred Bee in Ancient Times and Folklore*. London, Allen and Unwin, 1937; Fife A.S. *The concept of the sacredness of bees, honey and wax in Christian popular tradition*. Stanford. 1939; Picard Ch. L'Ephésia, les Amazones et les abeilles. - *Revue des études anciens*, 1940, t. 42 (Mélanges G. Radet), p. 270-284; Barnett R.D. *Oriental influences on Archaic Greece*. - In: *The Aegean and Near East. Studies presented to H. Goldman on the occasion of her seventy-fifth birthday*. New York, 1956.

³⁰ Charachidze G. *Le Système religieux de la Géorgie païenne*. Paris, 1968, p. 485; Робакидзе А. К вопросу о пчеловодстве в Грузии. - В кн.: *Краткие сообщения Института этнографии*, VIII, 1949, с. 62.

³¹ Barnett R.D. Op. cit.; Бендукидзе А.И. Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели. - В кн.: *Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник*. IV, Тбилиси, 1973, с. 95-100; Луна, упавшая с неба, с. 12, 264.

вод Меллаарта, согласно которому по мере развития неолитического хозяйства Чатал-Гююка роль женского божества резко возросла. Традиционное мужское занятие - охота (на диких быков, оленей, медведей), изображаемая на некоторых храмовых фресках, продолжавших верхне-палеолитическую традицию, отступает в Чатал-Гююке на задний план по сравнению с земледелием, которым занимались главным образом женщины. Отображение в религии Чатал-Гююка этой же линии развития в постепенном выдвижении на первый план женского божества плодородия кажется весьма правдоподобной догадкой Меллаарта (как он отмечает, из девяти скульптур святилища слоя II ни одна не изображает мужского бога).

С этой точки зрения может найти решение и загадка культовой роли леопарда в Чатал-Гююке. Как показал Меллаарт, богиня плодородия не только может изображаться на троне, украшенном двумя леопардами по бокам от нее (как в слое II). Существует святилище в слое VI, где два леопарда, обращенных друг к другу мордами (чему можно найти разительные аналогии в сдвоенных изображениях животных в раннем искусстве Кавказа), выступают как символ богини, точно так же как бык (или чаще бычья голова) - обычный символ мужского божества. Вместе с тем, как недавно показала итальянская исследовательница Ф. Ипполитони Стрика, посвятившая этому вопросу специальные работы³², в Чатал-Гююке достаточно часто встречается и "гибридное" существо полумужчина-полулеопард ("протокентавр", по ее терминологии). Меллаарт полагал, что в части таких изображений речь может идти о пляске людей, наряженных в шкуры леопарда. Подтверждение последнего предложения дает, с одной стороны, сопоставление с позднейшими древнемалоазиатскими традициями, где при сохранении исключительной культовой значимости леопарда в текстах прямо говорится о том, что люди пляшут "на лад леопарда" ("по-леопардью") : *ni par-ṣa-ni-li tar-ú-i-eš-kán-zí* 'они пляшут по-леопардовски', КВо X 23 III 3³³.

³² Ippolitoni Strika F. Miti e riti a Çatal Hüyük.

³³ Гетце, еще не знавший об открытиях в Чатал-Гююке (и об этнологических параллелях к пляске леопарда) на основании именно этого места сомневался в правильности определения значения *parṣana* - 'леопард' (Goetze A.

Рец. : Güterbock H.G., Otten H. КВо X. - JCS, vol.XVI, 1962, N 1, p. 29). Но этот перевод подтверждается чередованием *parṣana* с логограммой UG. TUR 'леопард' в совпадающих частях ритуала КВо III 8 III 9 и 27 и соответственно *ni-ib- AZ x KAL* 'леопард' = *ni-im-ni = par-ṣ [a-na-aš]* в шумеро-аккадско-хеттском словаре КВо 52 8 (*Langsberger. Die Faune der alten Mesopotamien nach der 14. Tafel der Serie HAR. RA-ḥubullu*, In: Abh. d. Sächs. Akad. D. Wiss., Phil.-hist. K., Bd. 42, N 6, Leipzig, 1934, S. 76, Ann. 4); Иванов В.В. Разыскания в области анатолийского языкоznания. - Этимология 1975. М., 1978.

С другой стороны, можно привести примеры многих типологически сходных традиций (в частности, в Африке, например у ланго, где с культом леопарда связан обычай пляски человека, одетого в шкуру леопарда). Культ леопарда – очень широкое ареальное явление (подобное типологически культу ягуара в Южной Америке), объединяющее Африку (начиная уже с ранних египетских надписей и изображений и вплоть до Бенина и позднейших традиций) и часть древнего Ближнего Востока (восточнее сходную роль играет тигр, севернее – медведь и волк, существенные уже и для Малой Азии). С этим древним культом леопарда или барса, в Малой Азии засвидетельствованным начиная с Чатал-Гююка, связан образ воина (часто воина-предводителя или жреца, как в Египте), хорошо известный позднее по литературным образам гомеровских героев, сражающихся в "барсовой шкуре" – греч. γομφαρβαλέη (еще более поздние отражения сходных представлений на Кавказе легли в основу поэмы Руставели, название которой более точно переводится на русский язык как "Витязь в барсовой шкуре"). Но замечательно то, что в Чатал-Гююке изображение мужчины – предводителя в леопардовой шкуре (который самими размерами отличается от других охотников) встречается на типологически древней фреске, изображающей охоту. Иначе говоря, в основе всего раннего комплекса представлений, связанных с культом леопарда, лежит значимость леопарда как отличительного знака социального или религиозного положения. По мере выдвижения, связанного с неолитической революцией, на первый план женщины, леопард становится символом женского божества. При этом, возможно, именно для того, чтобы отделить леопарда как символ мужчины-предводителя (или вообще предводителя любого или "обоянского" пола, потому что, как уже указывалось, есть основания думать, что в религии Чатал-Гююка могли уже быть андрогинные существа, позднее характерные для мифологии Малой Азии) от леопарда как знака женского божества, в последнем случае выступает символ двух леопардов. Если эта гипотеза верна, то здесь можно видеть использование для выражения различий между мужским и женским началами того противоположения чета и нечета, которое имеет, по гипотезе Б.А. Фролова³⁴, сходное значение в символике Верхнего Палеолита, как и в некоторых последующих традициях, например, африканских. Любопытно, что число ритуальных мужских символов – голов быков в Чатал-Гююке всегда нечетно: один, три или семь (интересно и захоронение именно семи обсидиановых наконечников в мужской могиле).

Изображения быков обычны для северных стен храмов, обращенных к горам Тавра, поэтому не исключено и использование противопоставления север – юг в ряду других противоположностей (типа белый – красный, нечет – чет, бык – леопард, правый – левый), которые все выражают различие мужского и женского начал.

³⁴ Фролов Б.А. Указ. соч.

Характерно, что в Чатал-Гююке предполагается пара антропоморфных "близнечных" женских образов божества, которую Меллаарт сравнивает с греческой парой Деметра (богиня, имя которой Δημήτρη в древности значило примерно то же, что русское "Мать - Сыра Земля") - Коре (ср. гом. κόρη, κύρη 'дочь, девушка'). Но интерпретация соответствующих "близнечных" скульптур Чатал-Гююка, как и трехчленных скульптур, возможно, изображающих два женских божества и одно мужское, стоящих на леопарде, остается спорной.

3. ХАРАКТЕР ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Основным характерным признаком культуры Чатал-Гююка, вызвавшим и те изменения в религиозных представлениях, которые (с большим или меньшим вероятием) можно предположить при исследовании храмов и скульптур, было резкое изменение способов добывания средств к существованию. В Чатал-Гююке постепенно перестает быть главным из этих способов охота, хотя по археологическим данным его жители еще охотились с помощью метательного оружия (найденного в большом количестве) на дикого быка (*Bos primigenius*), оленя, дикого осла, вепря (- дикого кабана, культовые изображения которого, часто в соединении с женскими образами, свидетельствуют и о его значимости для религии селения), леопарда, барана (головы баранов встречаются и как культовые символы). Следует подчеркнуть, что таким образом два основных образа животных, выступающих в религии и искусстве Чатал-Гююка - дикий бык и леопард - могут быть возведены ко времени, когда их культ (как и культ вепря и дикого барана) мог иметь истоки в охотничьях обычаях (след этого можно видеть во фреске, изображающей охоту на гигантского быка), хотя последующее развитие религии увело далеко от ее охотничьих корней. Сцены охоты живо изображены на фресках, в частности, воспроизводящих охоту на оленя с помощью собаки, уже одомашненной.

Наряду с охотой, постепенно терявшей свою значимость для хозяйства, в Чатал-Гююке еще сохраняло некоторую роль собирательство, о чем свидетельствуют находки миндаля, желудей, фисташковых орехов, которые находили в горах и использовали, как и миндаль, для получения масла. В большом количестве найдены косточки крапивного дерева (*Celtis*), из которого в Южной Анатолии и много позднее - вплоть до античного времени, продолжали изготавливать фруктовое вино высокого качества, о чем можно судить по свидетельству Плиния.

Но в центре экономики уже была не охота (позднее слоя III охотничьи сцены исчезают и в настенных росписях) и не собирательство, а производство (и хранение произведенных) продуктов прежде всего благодаря земледелию. Исследование характера двух из трех основных возделываемых в Чатал-Гююке злаков - ячменя (в той его разновидности,

которую ботаники определяют как голозерный шестирядный) и эммера показывает, что эти растения были домашними задолго до того, как их стали использовать земледельцы Чатал-Гююка, получившие их с востока³⁵. Наоборот, третий из характерных для Чатал-Гююка злаков - пшеница-однозернянка, по мнению специалистов по истории земледелия, была одомашнена именно в западной области Малой Азии, где до сих пор (несколько западнее равнины Конья, на которой расположен Чатал-Гююк) встречается дикорастущий предок однозернянки (*Triticum aegilopoides*). Поэтому исследование культуры Чатал-Гююка подтвердило давно уже высказанную нашим гениальным ученым акад. Н.И. Вавиловым идею, согласно которой некоторые виды пшениц ведут свое происхождение из Малой Азии. Но культивирование пшеницы-однозернянки обитателями Чатал-Гююка произошло уже после того, как они восприняли из некоторого (пока еще не вполне точно определенного) более восточного переднеазиатского очага земледелия такие одомашненные в нем злаки, как ячмень и эммер.

Репертуар культурных злаков, возделывавшихся в Чатал-Гююке, поражает своим разнообразием. Кроме уже упомянутых, к их числу относятся горох и вика, а также, возможно, некоторые другие (хотя такие злаки, как плеччатый двурядный ячмень в Чатал-Гююке вначале мог быть лишь сорняком и лишь позднее был культивирован, что напоминает позднейшую историю ржи, исследованную в деталях тем же Н.И. Вавиловым³⁶).

С развитием земледелия связано появление значительно-го числа новых каменных орудий - серпов, примитивных мельничных жерновов, ступ и пестиков. Гораздо менее ясным остается вопрос о характере и размере животноводства в Чатал-Гююке. Полагают, что уже был одомашнен крупный рогатый скот (составлявший основную часть стада), а также отчасти и мелкий рогатый скот. Меллаарт думал, что уже изготавливались и некоторые предметы из шерсти; так он определял текстильный материал, обнаруженный в храмовом захоронении слоя VI A. Несомненно, что в настенных росписях слоев X-III можно увидеть орнамент, напоминающий традицию недавних малоазиатских ковров, но ткались ли эти ковры из овечьей шерсти (войлока), считается неясным. Окрашивали их с помощью растительных красителей, в част-

³⁵ Титов В.С. Древнейшие земледельцы в Европе. - В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966.

³⁶ Следует подчеркнуть, что самый процесс превращения сорняка, ранее сопровождавшего культурные злаки, в новый культурный злак, находит достаточно точный аналог в истории техники: превращение шлака, сопровождавшего полезный с точки зрения данной культуры продукт производства, в новый продукт производства (например, стекло и железо); с точки зрения семиотической типологии диахронии культуры этот процесс аналогичен канонизации жанра низшего ряда в истории литературы и фонологизации варианта фонемы в истории языка.

ности, марены, изобильно росшей близ селения. Судя по изображению на фресках тонких тканей, натянутых между колоннами, и подобия легкой сетки (менее плотной, чем позднейшая паранджа), закрывавшей изображение богини, текстильные изделия использовались очень широко. Но проблема материалов (растительных или шерстяных), из которых изготавливали эти тонкие изделия из текстиля, не может быть пока решена однозначно. Не сохранились (может быть из-за самого характера материала) и орудия текстильного производства.

Судя по изображениям на фресках, в полуодомашненном состоянии держали онагров — вид, относящийся к числу животных, подобных лошади (*Equidae*), и использовавшийся позднее на Ближнем Востоке (в частности, в Двуречье) и как животное, идущее в пищу (в культуре Джармо в Месопотамии около 5000 г. до н.э.), и позднее как транспортное средство (на них навьючивали грузы), а также как животное, путем скрещения с которым осла или лошади выводили мулов. На фреске из Чатал-Гююка, изображающей охоту, люди держат онагров, что соответствует известным позднее в Шумере технически более сложным способам обуздания этих непокорных животных.

Качественный скачок, определивший многие технические достижения как культуры самого Чатал-Гююка, так и других культур, испытавших ее влияние, быть может все нагляднее виден в той характеристике материальной культуры, которую можно определить как ее температурный потенциал, иначе говоря, как максимальную температуру, которая может быть достигнута доступными средствами. Чатал-Гююк — одно из древнейших (хотя и более поздних по сравнению с Иерихоном) мест Ближнего Востока (т.е. всего тогдашнего ареала неолитической цивилизации), где уже использовались печи, необходимые для производства керамики (что требует доведения температуры примерно до 800–900°, если не выше). Следы керамики обнаруживаются в очень ранних слоях (X–IX) Чатал-Гююка; значимость этого керамического центра середины 7-го тыс. до н.э. для всего запада Малой Азии доказывается наличием в это время вывезенной из Чатал-Гююка керамики в Бельдиби. Однако тем не менее основными способами хранения и переноски продуктов остались не примитивные произведения древних гончаров, а исключительные по совершенству деревянные сосуды и корзины (восходящие по своему типу к донеолитическому времени), в изобилии встречающиеся в погребениях (где совсем не встречается керамика), что возможно является обрядовым пережитком докерамической эпохи. В слоях VIII–VI в в раскопанной (храмовой) части селения керамики не обнаружено. Лишь к концу слоя VI A вновь появляются образцы гончарного искусства, но значительно более совершенные, чем грубая керамика слоев X–IX. Но и в слое VI из 44 исследованных зданий керамика была обнаружена только в 16 (т.е. примерно в одной трети помещений). Только самые поздние слои Чатал-Гююка V–I можно считать в полном смысле слова керамическими. По своей форме гончарные изделия

явно продолжают имитировать более древние деревянные (или плетеные из прутьев). Цвет керамики был связан с назначением предмета, только сосуды для изоготовления пищи делались черными. В IV слое наблюдается уже разнообразие цветов, но образцы с росписью (красным цветом, известным еще и по керамике слоя X), найденные в слоях III и II, остаются единичными.

С развитой керамической техникой связано изготавление так называемых печатей - символических знаков из обожженной глины, например, стилизованное изображение цветка с четырьмя лепестками, найденное в погребении слоя IV (это изображение в духе предлагавшихся выше сближений с палеолитической традицией можно было бы считать более новой - "керамической" формой обычая класть в могилы цветы, исключительная древность которого недавно установлена Леруа-Гураном). Некоторые из символов на таких печатях производят впечатление зачатков письменных знаков.

Они обнаруживают удивительную близость к аналогичным по технике фиксации знакам древнебалканских культур³⁷ и могут считаться едва ли не наиболее доказательным свидетельством генетической преемственности Чатал-Гююка и древнебалканской цивилизации.

Другое подобное свидетельство относится к металлургии³⁸. Достигнутый керамической технологией Чатал-Гююка температурный потенциал сделал возможным изготовление изделий из меди. Из VI слоя Чатал-Гююка, т.е. первого слоя, содержащего достаточно совершенную керамику, происходит кусок медеплавильного шлака. Поэтому можно утверждать, что в гончарных мастерских Чатал-Гююка, представлявших собой как бы примитивные химические лаборатории, было (очевидно, впервые во всем тогдашнем цивилизованном мире неолита) сделано великое открытие: оказалось возможным восстановление меди из малахита (залежи которого в изобилии встречаются в Малой Азии) при нагревании его до температуры порядка 800-1000° в закрытых сосудах в печах. Это согласуется с тем, что в позднем слое II найдены уже настоящие орудия из меди - булавки и шилья. Первое же знакомство с медью, как и со свинцом (плавящимся при значительно более низкой температуре), и выплавка из них изделий относится еще к слою IX (когда встречаются уже и первые образцы керамики, что означает достижение температурного потенциала, необходимого для медеплавильного производства). Но в ранних слоях свинцовые и медные изделия носили характер ювелирных. Виды деятельности, для нас кажущиеся совершенно различными (ювелирное дело, керамическое производство, металлургия, химия) в то время представляли собой единое целое.

37 См. статью M. Old Europe, с. 7000-3500 B.C.; Rosenkranz B. Op. cit.

38 Neubauer H., Pitschler K., Siegel W. Frühkeramische Kupfergewinnung in Anatolien. - In: Archeologia Austriaca, N. 35, Wien, 1964.

Лишь самые поздние слои Чатал-Гююка (в частности, II) можно считать знаменующими переход от последнего этапа каменного века - неолита к началу эпохи металла - раннему халколиту (эпохе производства меди, еще преимущественно чистой, если и с примесями, то лишь случайными).

На протяжении всей предшествующей истории Чатал-Гююка все основные орудия изготавливались из камня. Наблюдался расцвет индустрии, производившей из кремния и обсидиана орудия (скребки, резцы, сверла) и оружие - наконечники копий и дротиков. В качестве одного из блестательных примеров искусства ремесленников Чатал-Гююка можно привести найденный в слое VI церемониальный клинок из кремния с костяной ручкой в форме змеи.

Исключительно высокий уровень техники производства этих орудий позволили Меллаарту предположить, что одним из основных способов добычи средств к существованию в Чатал-Гююке могла быть торговля как этими изделиями, так и многочисленными предметами роскоши, производившимися в Чатал-Гююке. К сожалению, в раскопанной храмовой части селения не найдено следов мастерских, которые позволили бы уточнить размеры ремесленного производства. Но само изобилие святилищ, требовавших существенных затрат на их устройство, поддержание и обновление, не говоря уже о приносимых в храмах жертвах, косвенно свидетельствуют об уровне экономического развития, ранее недостижимом. Хотя святилища Чатал-Гююка (как и вся раскопанная часть селения, превосходящая величиной все неолитические селения Древнего Востока) относительно скромны по своим размерам по сравнению, например, с позднейшими месопотамскими, тем не менее само их число явственно говорит о накоплении прибавочного продукта.

Глинобитные дома в Чатал-Гююке лепились друг к другу, образуя единое целое (что должно было облегчать охрану селения от возможных набегов). Вход в каждый дом был возможен только по деревянной лестнице, ведущей с крыши вниз вдоль стены, обращенной на юг. Связи между жителями селения должны были осуществляться посредством путей по крышам, вероятно, с помощью деревянных лестниц, соединявших дома, шедшие уступами. Обилие таких лестниц на крышах Меллаарт сравнивает с тем, что до сих пор можно видеть в анатолийских селах (ср. также данные о хурритских домах-башнях). В каждой комнате дома находилось не меньше двух помостов - один из них, главный, образовывали деревянные столбы, которые (как и стены храмов) были заштукатурены (ср. выше о ритуальной роли штукатурки), а сверху покрыты краской (обычно красной). На главном помосте стояла поднятая над ним скамья. Эти возвышения служили подобиями диванов, на которых работали, отдыхали, спали. Под ними хоронили костики покойных членов семьи. В качестве уборных использовались разрушенные старые дома или открытые дворы, служившие мусорными кучами (там находят пепел, битую посуду, сор, вынесенный из дома). Домашних животных не лежали в домах, во всяком случае, в раскопанной части города.

4. ЧАТАЛ-ГЮЮК И ХАДЖИЛАР

Для исследования истории культуры Чатал-Гююка существенно ее сравнение с культурой лежащего западнее больше чем на 200 км другого центраproto-неолита и неолита Малой Азии - Хаджилара. Историю Хаджилара удается проследить (хотя и с существенными лакунами, не препятствующими допущению культурной преемственности на протяжении примерно двух тысячелетий). В Хаджиларе выявлено раннее поселение докерамического времени, датируемое примерно рубежом восьмого и седьмого тысячелетий до н.э., и обнаруживающее существенное сходство с докерамической культурой (условно называемой "неолит В") в Иерихоне (в частности, характерны однотипные захоронения черепов, находящие более отдаленное соответствие и в одном из типов погребального обряда Чатал-Гююка) и в Джармо. Хаджилар этого времени представлял собой небольшое селение со зданиями из сырцового кирпича, построенными на каменном фундаменте.

Достаточно высокий уровень земледелия виден и по находкам культурных растений (в частности, эммера, свидетельствующего, как и в Чатал-Гююке, о воздействии более восточных очагов древнего земледелия), и по печам для выпечки хлеба, и, наконец, по наличию обсидиановых серпов, привезенных из эземледельческих селений Малой Азии, лежавших далее на восток. Хотя и найдены остатки быков и баранов, нет никаких явных доказательств того, что они уже были одомашнены. Строение зданий было, вероятно, отчасти сходно с домами Чатал-Гююка: нигде не найдены следы дверей, поэтому вероятно, что в дом входили только с крыши.

Некоторые детали (такие, как характер кирпича, прямоугольная форма очагов, напоминающих о более позднем распространении очагов этой формы в Средиземноморье и на Западе Азии вплоть до Индии) как будто говорят о вероятной преемственности докерамической культуры Хаджилара и культуры керамической, датируемой второй половиной шестого и началом пятого тыс. до н.э. Поздний неолит (слои IX и VIII) керамического поселения Хаджилара обнаруживает сходство с примерно синхронными им поздними (I O) слоями Чатал-Гююка.

При сопоставлении культур этих двух центров неолита (а позднее и раннего халколита) Малой Азии, характеризовавшихся развитием земледелия и керамическим производством, бросается в глаза разительное сходство некоторых особенностей их религии, которое может быть объяснено лишь наличием исторической связи (или взаимовлияния) этих центров. В Хаджиларе не обнаружено особых святилищ, но в домах слоя VI найдены многочисленные фигурки женского божества Плодородия, сделанные из обожженной глины (сама технология изготовления таких фигурок напоминает о средне-неолитическом периоде в Библие). В некоторых случаях богиня сидит на одном или двух леопардах, одна из статуэток изображает богиню, которая прижимает к груди де-

теныша леопарда. О символике храмов Чатал-Гююка напоминают головы быков или бычьи рога, а также человеческие руки, изображенные на гончарных изделиях Хаджилара. Новой чертой керамического искусства Хаджилара, предвосхищающей образцы позднейшей древнемалоазиатской керамики, является изготовление сосудов или их частей в форме животных - оленя (лежащего, склонившего голову набок, слой VI), быка (ручки сосудов в форме головы быка, слой VIII), свиньи.

Общий характер религии Хаджилара, насколько он может быть реконструирован по керамическим изделиям, близок к религии поздних слоев развития неолита Чатал-Гююка. Повидимому, культ богини плодородия (при которой мужской мифологический образ может появляться только как ее сын или возлюбленный) находит то же объяснение, что и в Чатал-Гююке:

Об очень высоком уровне земледелия Хаджилара свидетельствуют находки зерен пшеницы (почти в каждом доме в особых закромах или на полу), ячменя, вики, чечевицы. Найдены изогнутые серпы с лезвиями из кремнистого известняка, вставленными в основу из рога оленя. Возле глиняных закромов для зерна обнаружены зернотерки и печи для выпечки хлеба.

Уровень развития животноводства менее ясен, но несомненно развитие ткацкого ремесла, о чем говорят находка прядильницы и отпечатки тканей на сосудах. Из мелких изделий из кости и мрамора стоит отметить те, которые свидетельствуют о наличии игры в кости, позднее игравшей существенную роль в большом культурном ареале от Средиземноморья до Индии, что выясняется и по лингвистическим данным³⁹.

В слое VI Хаджилара размеры отдельных домов намного больше, чем величина зданий в Чатал-Гююке: каждый дом имеет 10,5 м в длину и 6 м в ширину. Другим существенным отличием от зданий Чатал-Гююка было наличие дверей, ведущих в дом, напротив которых находилась подковообразная печь для выпечки хлеба и прямоугольный очаг. Справа от входа вне дома было расположено особое помещение для кухни с печью для выпечки хлеба, очагом и зернотерками.

В слое II Хаджилара обнаружены остатки части укрепленного поселения, за стеной которого находились жилые здания, амбары, гончарные мастерские. В одном из зданий, по общему плану напоминающему большие дома слоя II, был найден алтарь. Под полом этого здания находились три могилы, в каждой из которых лежала женщина с ребенком (можно ли сравнить эти захоронения с женскими могилами в храмах Чатал-Гююка, остается неясным). В погребениях были найдены гончарные изделия. Традиция, по которой эти изделия (или посуду из мрамора и украшения) клали в моги-

³⁹ Иванов В.В. Древнебалканский и общеиндоеевропейский миф об убийстве пса и евразийские параллели. - В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

лы, восходит к более раннему времени, как показывают находки в слоях IV-VI. Но во всех тех случаях, когда могильы находились не под храмовым зданием (как в слое II), они были расположены вне дома. Трупы все были найдены в согнутом положении, что характерно и для одного из вариантов погребального обряда Чатал-Гююка.

Для керамики Хаджилара слоя V характерен фантастический орнамент с изогнутыми линиями, который по гипотезе Меллаарта восходит к узорам, обнаруживаемым на глиняных печатах из Чатал-Гююка и в свою очередь сопоставимым с меандром, игравшим существенную роль в символике искусства Верхнего Палеолита.

Таким образом, и анализ некоторых изобразительных мотивов как будто подтверждает гипотезу о роли культуры Чатал-Гююка как промежуточного звена между ее верхне-палеолитическими (и мезолитическими) предшественниками и последующими центрами неолита Малой Азии, которые (как Хаджилар керамической эпохи) могли испытать влияние Чатал-Гююка.

Окрашенные в красный цвет монохромные керамические изделия, характерные для слоя VI Хаджилара, распространены на достаточно большой территории от озера Байшехир до побережья Эгейского моря, тогда как расписная керамика слоев II-IV Хаджилара известна только в области Бурдурса. Предполагают, что везде на западе Малой Азии до конца шестого - начала пятого тыс. до н.э. преобладала одноцветная керамика, лишь в самый последний период Хаджилара (слой I) сменяющаяся не только в самом Хаджиларе, но и в широком ареале вокруг него расписной керамикой (с белой росписью по красному фону, красной росписью по кремовому и т.п.). Форма керамических изделий (в частности, их трубчатых ручек), а отчасти их расцветка сходны в слоях IX, VIII Хаджилара и в последних слоях Чатал-Гююка. Но предполагается, что наибольшую близость к позднейшей традиции Хаджилара обнаруживает керамика Кызылкая-Гююка на юго-западе Анатолии. В этом селении найдены гончарные изделия, близкие к керамике Чатал-Гююка, но каменные орудия существенно отличны: в Кызылкая-Гююке нет охотничьего метательного оружия из обсидиана, что напоминает и об отсутствии обсидиана в ранних памятниках равнины Анталья на юго-западе Анатолии. По этому признаку можно противопоставить культуры юго-запада и более восточные, в частности, аллювиальной равнины Конья, где был расположен Чатал-Гююк. Эта последняя область обнаруживает в период, следующий за "классическим" Чатал-Гююком, связи с сирокилийским неолитом, хорошо известным по находкам в Мерсине. При раскопках в более новом (западном) селении Чатал-Гююка и в Джан Хасане были найдены образцы керамики, вывезенной из Мерсина (слоев XXI-XX).

5. ПРОБЛЕМЫ БОЛЕЕ ДАЛЕКИХ СВЯЗЕЙ. БАЛКАНЫ И АНАТОЛИЯ

Не подлежит сомнению, что прямые продолжения традиции древнего Чатал-Гююка и Хаджилара⁴⁰ на территории Малой Азии пока не обнаружены. Влияние культуры Чатал-Гююка (и других ему подобных поселений неолита и раннего халколита Анатолии) на соседние с Малой Азией области очень велико. В настоящее время большинство специалистов истории земледелия и металлургии не сомневаются в том, что именно под влиянием древне-западно-малоазиатских культур возникает земледелие, керамическое производство и связанная с ним металлургия меди на Балканах⁴¹. В Греции керамика, сходная с известной по слою VI A в Чатал-Гююке, появляется в несколько более поздних памятниках середины 6-го тысячелетия до н.э. В Македонии в Неа Никомедея найдено раннее неолитическое селение, по своей структуре, керамике и ритуальным статуэткам напоминающее Хаджилар слоя VI. Сходство простирается и на обряд захоронения мертвцев в скорченном положении. Далее на север и восток Балканского полуострова находки последнего времени выявили в Болгарии на рубеже 6-го и 5-го тысячелетий до н.э. ранне-керамическую культуру, явно обнаруживающую следы такого же культурного воздействия Запада Малой Азии. Историческая значимость Чатал-Гююка состоит прежде всего в том, что эта культура, родившаяся благодаря воздействию ранних очагов переднеазиатского земледелия на носителей традиций Верхнего Палеолита и мезолита, в свою очередь, оказалась стимулом для развития на юго-востоке Европы очень высокой культуры, отдельные достижения (в частности, рисуночное письмо) которой опережают синхронные ей культуры Ближнего Востока. Меллаарт считает открытый вопрос, являлась ли эта культура результатом анатолийской колонизации части Балкан или же результатом воздействия западно-анатолийских культурных образцов на местные балканские традиции, но большинство исследователей сейчас склоняется ко второй из этих альтернативных точек зрения⁴².

⁴⁰ Сводку данных о раскопках в Хаджиларе, кратко охарактеризованных выше, см.: Mellaart J. Excavations at Haçilar. I-II, Edinburgh, 1970; Idem. The Neolithic of the Near East. London, 1975, p. 111-119 (там же см. о других находках в Анатолии).

⁴¹ Ср.: Мернерт Н.Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита. - Советская археология, 1978, № 3, с. 20-21 (с литературой); Mellaart J. The Neolithic of the Near East, p. 244-262.

⁴² Ср.: Титов В.С. Неолит Греции., М. 1969; Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971, с. 141; Черных Е.Н. Металл - человек - время. М., 1972. Относительно характера древнебалканского земледелия ср., однако: Rodden R.J. An early neolithic village in Greece. - Scientific American, 1969, vol. 212, № 4.

Проведенные в последние годы исследования символики раннебалканской культуры позволяют наметить основные точки ее соприкосновения с древними предгородскими культурами Анатолии. Роль в культе быков, бычьих рогов и масок быка объединяет Чатал-Гююк и Балканы (с. 91-93, 171, 181-183, 224)⁴³, причем едва ли не наиболее показательная аналогия букингам в храмах Чатал-Гююка обнаруживается достаточно далеко на юго-восточной периферии балканского культурного ареала: в трипольском поселении у р. Рос близ Киева обнаружена глиняная модель храма, украшенного бычьими рогами (еще более восточный ареал распространения того же ритуального комплекса можно предположить на основании упомянутых находок из Синташты). Толкуемые как образ богини плодородия, дающей жизнь, изображения женщины с широко разведенными в стороны ногами сопоставляют со сходными изображениями из Старчева и со многими аналогичными фигурами на сосудах из дунайских комплексов V тыс. до н.э. (с. 176). Знаки наклонной крестообразной формы на грудях раскрашенной глиняной фигуры богини из святилища VI-A-10 в Чатал-Гююке⁴⁴, сопоставляют со знаками типа V, нарисованными красной краской на грудях раскрашенных фигур богинь из Фессалии в культуреproto-Сескло (с. 116). Символический знак ромба с точкой внутри него, обнаруженный на глиняных печатях в Чатал-Гююке⁴⁵, встречается в древнебалканских памятниках неолита и медного века, где его связывают с идеей плодородия и беременности (с. 203-206); это подтверждается частым его использованием на изображениях женщин или богинь, в том числе беременных. В связи с исключительной близостью роли культовых изображений пчел на древних Балканах и в Чатал-Гююке (с. 110, 181-190) особый интерес может представить сходство изображения в Чатал-Гююке, толкуемого как улей с пчелами, личинками (или с бабочками?), и сходных изображений "личинок" на одеждах фигур из Винчи и других древнебалканских культур (с. 103, 190 и рис. 8). Изображения бабочек⁴⁶ из Чатал-Гююка сравнивают с аналогичными мотивами в древне-критском и микенском греческом искусстве, а также с орнаментом на линейной керамике древнедунайских культур V тыс. до н.э.⁴⁷ (с. 186, рис. 150). С теми элементами символики Чатал-Гююка, которые представляется возможным возвести к верхнепалеолитическим,

⁴³ В скобках в тексте здесь и далее указываются страны книги: *Gimbutas M. Cult, myth and images of Old Europe*. London, 1975.

⁴⁴ Mellaart J. Çatal Hüyük, a neolithic town in Anatolia, ph. 79, fig. 50.

⁴⁵ Там же, ph. 121 (особенно верхнее и центральное изображения).

⁴⁶ Mellaart J. Çatal Hüyük, a neolithic town in Anatolia, ph. 40.

⁴⁷ Šołdsky B., Pavlu I. Interpretation historique de l'ornement linéaire. - Památky Archeologické, 1966, LVII, 1, p. 91-125.

сходно почитание сталагмитов из пещер от неолита Греции вплоть до "минойского" и классического периодов (с. 79); отчасти этот культ позднее перекрещивается с поклонением столбам (символам, уподобляемым вертикальным знакам типа мирового дерева). Предположенное выше отождествление птицеподобных жриц с Горгоной находит подкрепление в значимости птицеобразной богини (отождествляемой по материалам VII в. до н.э. из Корфу с Великой-Богиней-Медузой⁴⁸) в древних культурах Балкан (с. 81, 85, 85, 107, 112-150, 152, 211, 236). Символика магических рук, по высказанной выше гипотезе связывающаяся в Чатал-Гююке с верхнепалеолитической, позднее характеризует не храмовые фрески (которые могут продолжать традиции пещерной живописи), а изображения на керамике. Антропоморфные вазы с магическими руками на животе известны из Хаджилара и древнебалканских культур (с. 163, рис. 105). Сложеные руки богини характерны для Хаджилара, Сескло и Старчева (с. 152). Особенно же близки (продолжающие в конечном счете традицию верхнепалеолитических Венер) изображения мощного тела богини, ее мускулистых плечей и предплечий, огромного живота и бедер в Хаджиларе и древнебалканских культурах (с. 153, рис. 98, 99). Изысканные прически, головные уборы и одежды некоторых из изображений Хаджилара сопоставляют как с аналогичными изображениями V тыс. из Халафа и Убейда, так и с древнебалканской традицией женской одежды, продолженной в минойской, микенской и классической Греции.

Поскольку некоторые из ярких (хотя, может быть, отчасти внешних) параллелей, обнаруживаемых при сравнении культур Чатал-Гююка и Хаджилара, с одной стороны, древних Балкан, с другой, - касаются главным образом тех древнебалканских культурных мотивов, которые представлены в минойском Крите и микенской Греции, возникает вопрос, нельзя ли думать о возможной преемственности культуры древнего (догреческого) Крита и всего рассматриваемого культурного комплекса. Постановка этого вопроса подсказана проведенными за последние годы сопоставлениями знаковых систем древних культур Балкан и Анатолии. Но сходный вопрос задан лингвистам и первооткрывателем культур Чатал-Гююка и Хаджилара археологом Дж. Меллаартом в его последней книге, где он напоминает о традиционной проблеме неиндоевропейского "догреческого" языка, сформулированной П. Кречмером в конце прошлого века. Реакция на эти мысли Кречмера была вызвана интенсивной разработкой проблематики индоевропейских негреческих ("пеласгских", по Ван Виндекенсу, "догреческих", по Георгиеву и Мерлингену) элементов в греческом. Меллаарт возвращается к старой концепции Кречмера, высказывая предположение, что носителем этого неиндоевропейского "догреческого" языка могло быть население Чатал-Гююка⁴⁹. В таком случае

⁴⁸ Bicter M. The history of the Greek and Roman theatre. Princeton, 1939, p. 35.

⁴⁹ Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London, 1975, p. 282.

постановка вопроса о связи его культуры с ранней культурой додреческого Крита представляется вполне правомерной. Обсуждение гипотезы о локализации первоначальной территории носителей индоевропейского языка на древнем Ближнем Востоке⁵⁰ делает вероятным допущение неиндоевропейского характера языка древнебалканских культур.

На самом Ближнем Востоке влияние культуры Чатал-Гююка хорошо видно в культуре Халафа конца шестого и начала пятого тыс. Здесь можно говорить о совпадении целого набора культурных (в частности, культовых) символов - использование рогов быков (и иногда голов баранов) как знаков мужского начала, ритуальные изображения леопардовой шкуры (в Халафе) на сосудах. Этот как бы анатолийский характер культуры Халафа дал основание Меллаарту предположить, что перенос центра ближневосточной цивилизации на восток в Северную Месопотамию был связан с упадком культурных центров Западной Анатолии. Можно ли допускать, что при этом отдельные ремесленники могли переехать (или бежать) во вновь образовавшиеся восточные поселения, сказать пока трудно.

В последующие периоды наблюдаются неоднократно воздействия в обратном направлении: убайдская месопотамская традиция изготовления расписной керамики распространяется вплоть до области Малатья в Анатолии. В Килиции (в слоях Мерсин XIX–XVII) обнаруживается особенно интересное наложение этих встречных по отношению друг к другу (и хронологически различающихся) линий культурного влияния. Влияние культуры Халафа (которая сама сложилась, видимо, под западно-анатолийским воздействием) наложилось здесь на местные традиции гончарного производства, объединяющие сиро-киликийскую культуру неолита (с развитым земледелием) и древнюю культуру центральной и западной Анатолии – равнины Конья. К слою Мерсин XVI заметно увеличивается анатолийское влияние, сказывающееся в многоцветной керамике и орудиях и оружии из меди. В дальнейшем развитии селения, превратившегося в крепость, позднее разрушенную, в пятом и четвертом тыс. попеременно оказывается влияние то месопотамской культуры (Убийда), то культурных центров долины Конья.

Другой областью, где воздействие культурных центров Анатолии могло уже в неолите взаимодействовать с культурными влияниями других областей Ближнего Востока, была докерамическая культура шестого тысячелетия до н.э., найденная в Хирокитии на Кипре. На связи с Анатолией указывают найденные на Кипре обсидиановые наконечники малоазиатского происхождения⁵¹ и само расположение поселе-

⁵⁰ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1979.

⁵¹ К характеристике торговли обсидианом различных областей Ближнего Востока с Анатолией с конца Верхнего Палеолита см.: Wright G.A. Obsidian analyses and prehistoric Near Eastern trade: 7500–3500 B.C. Ann Arbor, 1969.

ний вдоль древнего торгового пути, связывавшего анатолийское плоскогорье с Кипром.

Можно думать, что обнаруживаемые в позднейшую эпоху связи Малой Азии с Эгейским миром и Балканами по законам этногеографии имели и значительно более раннюю предысторию, в которую позволяют проникнуть описываемые открытия последних лет.

Исследование древнемалоазиатского центра культуры подтверждает слова акад. В.И. Вернадского, писавшего в 1942 г., что история человеческого знания "еще не осознана и не написана. Нет ни одной попытки это сделать. Только в последние годы она едва начинает выходить для нас за пределы "бibleйского" времени, начинает выясняться существование единого центра ее зарождения где-то в пределах будущей средиземноморской культуры, восемь-десять тысяч лет назад. Мы только с большими пробелами начинаем выявлять по культурным остаткам и устанавливать неожиданные для нас, прочно забытые научные факты, человечеством пережитые, и пытаться охватить их новыми эмпирическими обобщениями", и что "быстрое изменение наших знаний благодаря археологическим раскопкам позволяет надеяться на очень большие изменения в ближайшем будущем"⁵².

Не исключено, что такие изменения внесут корректиды и в обрисованную выше картину. Но уже сейчас несомненно, что существовала линия преемственности, связывавшая культуру Чатал-Гююка с последующими древнебалканскими и эгейскими, вплоть до предгреческого "минойского" Крита, загадка которого (включая и загадку иероглифического критского письма) предстает по-новому в свете открытый в Чатал-Гююке и Хаджиларе⁵³. Крит оказывается менее изолированным, удивительные вершины его культуры, вероятно, отождествимой с платоновской Атлантидой, быть может, оказываются продолжениями древнейших малоазиатских и балканских традиций, восходящих к VII-VI тыс. до н.э.

Одной из существенных проблем в этой связи представляется вопрос о происхождении наиболее ранней системы "предписьма", обнаруженного в исследованиях недавнего времени. Речь идет о наборе условных символов простейших геометрических типов, которые вскоре после неолитической революции начали изготавляться из глины. Наиболее ранние образцы таких знаков на территории распространения ранних неолитических культур Передней Азии относятся к IX тыс. до н.э. Они найдены в западном Иране в области Загроса (в Тепе Асиабе и Гандж-и-Дарех Тепе), а также в районе древнейшей культуры Юго-Запада Малой Азии -

⁵² Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М. 1977, с. 22-23.

⁵³ Розенкранц (Rosenkranz B. Op. cit.) обращает внимание на сходство "линейных" систем письма (типа линеарного А и В на Крите), древнейшими образцами которых можно считать древнебалканские письменные знаки, отдельные соответствия которым можно предположить в символике Чатал-Гююка.

в Бельдиби⁵⁴. Как и по отношению к наиболее ранним достижениям малоазиатских земледельцев в освоении первых культурных злаков, кажется вероятным воздействие более восточных (в частности, западно-иранских) очагов неолитической цивилизации на малоазиатские. Вместе с тем нельзя считать полностью исключенным и то, что этот тип объемных скульптурных символов продолжает традиции абстрактной символики верхнепалеолитического искусства и его небольших объемных (скульптурных) разновидностей (*art mobilier*). В таком случае обнаружение чрезвычайно ранних образцов этой неолитической символики "предписьма" именно в Бельдиби, в области Анатолии, где намечаются и другие связи с верхнепалеолитической символикой, может оказаться в высшей степени показательным. Но еще важнее, чем установление связей ранненеолитической анатолийской символики с предшествующей ей верхнепалеолитической, представляется выявление нового экономического контекста, сделавшего необходимым функционирование этих знаков в новой функции средства учета. В Бельдиби, как и в Тепе Асиабе и Ганджи-Дарех Тепе, знаки относятся к числу цилиндров, дисков и сфер. На основании аналогий с теми ранними символами шумерского пиктографического письма, которые, по-видимому, в конечном счете восходят к этому раннему "предписьюму", сферические символы можно интерпретировать как обозначения чисел (в частности, числа 10, а возможно, и больших чисел), диски - как знаки для одежды (или материала, из которого она изготавлялась, - шерсти, а далее и овец, чья шерсть использовалась для тканья), цилиндры - как знаки для деревянных предметов. При всей гадательности этих интерпретаций, определяемой интервалом в пять тысячелетий между указанными наиболее ранними местами находок предписьма и его позднейшими шумерскими продолжениями, кажется тем не менее весьма вероятным, что уже в IX тыс. до н. э. как в Бельдиби, так и в Западном Иране (где в это время известны и конусообразные знаки для чисел, в Бельдиби не найденные), предписьмо использовалось для целей учета, вызванных потребностями нового производящего хозяйства.

Тот же набор знаков (включая и конусообразные) представлен в несколько более восточной точке южно-анатолийского ареала - в Чайёню Тепеси в VIII и VII тыс. до н. э., что может свидетельствовать об очень раннем распространении учетных символов этого типа в ранненеолитических центрах культуры юга Анатолии, близких к Верхней Месопотамии (где концентрируется значительное число аналогичных находок последующего времени). В VII тыс. символы этого типа (за исключением дисков) обнаруживаются не только в Чайёню Тепеси, но и в Суберде, неподалеку от Бельдиби,

⁵⁴ Schmandt-Besserat D. The earliest precursor of writing. - *Scientific American*, 1978, vol. 238, N 6, p. 42, 45; *Idem. An archaic recording system and the origin of writing. - Syro-Mesopotamian Studies*, 1977, vol. 1, N 2.

что подтверждает непрерывность традиции на протяжении трех тысячелетий. Поэтому кажется правомерным поставить вопрос о связи с этой же традицией глиняных печатей со сходной абстрактной символикой (хотя и несколько более усложненной), найденной в Чатал-Гююке (в частности, в захоронениях, особенно в слоях VI-B-II⁵⁵, соответственно ок. 6050-5720 гг. до н.э.). Трудность окончательного решения заключается в том, что в Чатал-Гююке, возможно, остались нераскопанными те части селения, где можно было бы ждать наибольшего числа находок собственно хозяйственного (в том числе и учетного) характера. В этом отношении еще более показательным могло бы быть сопоставление с символикой Хаджилара, расположенного севернее Бельдиби и западнее Суберде (т.е. явно в том же ареале), тогда как Чатал-Гююк находится восточнее Суберде.

Из конкретных типов знаков, общих у глиняных печатей Чатал-Гююка с предписьменностью, особенно следует отметить ромбовидные ("биконусообразные") знаки, которые в ранней шумерской пиктографии позднее приобретают значения типа "сердца, внутренности", "кольца" или "места, страны", а также абстрактные: "хороший", "законное решение", "мир". Это в конечном счете сопоставимо и с предполагаемым значением отмеченного выше ромбовидного знака древнебалканских культур.

Для еще более позднего периода, синхронного с древнебалканскими культурами, продолжение традиции предписьма в том же ареале Малой Азии свидетельствуется и находками V тыс. до н.э. в Джан Хасане (где отсутствуют лишь цилиндрические символы). Для более поздних культур Малой Азии (в отличие от смежных областей Передней Азии, где эта традиция, усложненная появлением с IV тыс. до н.э. "булл" или конвертов для групп символов, продолжалась и до II тыс. до н.э.⁵⁶) использование этого типа предписьма неизвестно. Но кажется вполне возможным допущение, что некоторые из знаков иероглифического лувийского письма, засвидетельствованного во всяком случае к рубежу III и II тыс. до н.э. на изображениях на печатях из староассирских колоний в Малой Азии, могут в конечном счете восходить к этому предписьму, как и критская иероглифика и последующие линейные системы письма А и В, письмо Фестского диска и рисуночное письмо древнебалканских культур.

Сходство древнебалканского рисуночного письма с некоторыми из ранних знаков надписи Урука, давно уже отмеченное, в этом случае объяснялось бы не прямым влиянием (что исключено по хронологическим причинам), а общим происхождением. Хотя первоначальный ареал предписьма скорее все-

⁵⁵ Mellaart J. Catal Hüyük, a neolithic town in Anatolia, phot. 121, fig. 56.

⁵⁶ Oppenheim A.L. An operational device in Mesopotamian bureaucracy. - Journal of Near Eastern Studies, 1958, vol. 17, p. 121-128; Amiet P. Glyptique susienne. - Mémoires de la Délégation archéologique en Iran. Vol. 43, P., 1972.

го лежал к востоку от Малой Азии, проникновение символики этого типа на Балканы осуществилось скорее всего через посредство раннеанатолийских культур. В этом случае, как и других выше рассмотренных, связь древнебалканского культурного комплекса с переднеазиатским определяется анатолийским посредничеством.

V. V. Ivanov

CATAL-HÜYÜK AND BALKANS.
PROBLEMS OF ETHNIC CONTACTS
AND CULTURAL INFLUENCES

The results of Mellaart's discoveries in Çatal-Hüyük are discussed from the point of view of the possible links with the Ancient Balkan cultures. It is supposed that many important features of Çatal-Hüyük symbolism should have been the result of a series of transformation of Upper Paleolithic symbolism: the hand images, the symbol of a bull (and bull-horns reflected in bucrania in Eastern Mediterranean area and in some Eurasian cultures of later periods), the leopard image to which important analogies are found in later cultures of Asia Minor (especially Hattic).

It is possible to find a long series of parallels not only in religion of Çatal-Hüyük and Balkans, but also in material culture (metallurgy of copper, agriculture etc.). Some points of resemblance are shown between Çatal-Hüyük burial customs and later Greek practice reflected in such symbols as Gorgon (the woman-bird of prey having some features of a priestess from Çatal-Hüyük). The possible connection between images of personified Fear and Terror in Hattic and Homeric texts are investigated.

ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВИЛ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ
СИНТАКСИЧЕСКОЙ АКЦЕНТУАЦИИ
В МИКЕНСКОМ ГРЕЧЕСКОМ

Одним из важнейших аспектов современного сравнительно-исторического синтаксиса индоевропейских языков представляется акцентологический.

В предисловии (с. IX-X)¹ и вводной первой главе новой книги об индоевропейском синтаксисе У.П. Леман обращает внимание на то, в какой слабой степени сравнительно-исторический синтаксис индоевропейских языков разрабатывался за последние семьдесят пять лет (после выхода в свет основополагающих трудов Дельбрюка и Якоби), чем и определяется, по мнению самого автора, предварительный характер книги. С этой оценкой истории сравнительного синтаксиса можно согласиться с той существенной оговоркой, что явное оживление интереса в этой области наметилось уже в сороковые годы в связи с развитием типологического подхода², эффективность которого была продемонстрирована еще в XIX в. тем же Якоби, которого Леман признает своим прямым предшественником, (с. 60, 61). За последние же тридцать лет существенный прогресс в изучении структуры индоевропейского предложения был связан главным образом с привлечением данных анататийских языков, проясняющих и происхождение ранее казавшихся загадочными грамматических явлений других индоевропейских языков, в частности, кельтских. Леман (с. 54, 119, 214) в этой связи ссылается на открытие М. Диллона и А. Гетце (и можно добавить, Зоммера³, одновременно пришедшего к тому же выводу), отождествивших *хет. ni* (частица - союз, вводящий предложение и нанизывающий на себя энклитики, в том числе и местоимения) с др.-ирл. *no* (начальная приставка, к кото-

¹ Lehmann Winfried P. Proto-Indo-European syntax. University of Texas Press. Austin and London, 1974 (далее ссылки на эту работу даются в тексте с указанием страниц в скобках).

² См., например, о сравнительных конструкциях, разбираемых в книге Лемана, глубокие мысли уже в кн.: Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования. М.-Л., 1949. Относительно истории изучения центральной для всего направления, связанного с именем Лемана, проблемы типологии порядка основных членов глагольной синтагмы ср. Иванов В.В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, с. 16-17.

³ Sommer F. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947.

рой присоединяются местоименные энклитики в древнеирландском глагольном комплексе). Для многих лингвистов⁴ именно это сравнение и послужило отправным пунктом при реконструкции структуры общеиндоевропейского предложения. За последние тридцать лет существенный прогресс в изучении структуры индоевропейского предложения был связан главным образом с реконструкцией начальных энклитических комплексов, связывавших в единое акцентологическое целое вводящее слово и следовавшие за ним слова (в частности, субъектные и объектные местоимения, частицы с видовым значением и т.п.).

Отношение Лемана к проблеме функций реконструируемых и в его книге начальных (с. 53-56, 118-120, 214-216) вводящих слов (частиц и союзов) и следующих за ними (по закону Вакернагеля) энклитик значительно более сдержанное, так как ему остается неясным, в какой мере подобные конструкции характерны для того типа языка с последовательностью SOV (субъект - объект - глагол), которой Леман объясняет все основные синтаксические особенности общеиндоевропейского языка. Следует, однако, заметить, что именно сходные⁵ с индоевропейскими конструкции с "ассоциативами" (энклитическими союзами) и другими энклитическими частицами чрезвычайно характерны для хурритского языка⁶, представляющего собой типичный язык SOV; хурритские ассоциативы типологически очень близки и к "синтаксическим суффиксам" в японском языке⁷, который сам Леман постоянно приводит в качестве эталона языка SOV (при этом он упоминает и японские союзы - "суффиксы", сходные с ассоциативами). Еще больший интерес представляет типологическое совпадение индоевропейских фактов с синтаксическими структурами северно-австралийских языков, "переносящих аффиксы" к первому элементу - "катализатору"⁷ при

⁴ См.: Иванов В.В. Общеиндоевропейская, анатолийская и праславянская языковые системы. М., 1965 (сокр. - Сист.), часть IV, с. 185-265 (там же библиография)

⁵ Speiser E.A. Introduction to Hurrian (*Annual of the American School for Oriental Research*, 20), New Haven, 1941, p. 71; Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967, с. 159-160. Поэтому если, как думает Леман (с. 119), подобные конструкции в анатолийском могли испытать воздействие соседних языков (Фридрих и автор настоящей статьи предполагали в свое время хурритские влияния), речь может ити о влиянии, содействовавшем развитию в сходном направлении благодаря типологической близости хеттского и хурритского синтаксиса.

⁶ Плетнер О.В., Поливанов Е.Д. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930, с. XXXXI-XXXXIII.

⁷ Capell A. The affix-transferring languages of Australia. - *Linguistics*, 87, 1972, p. 14-18. В данной связи следует отметить, что именно в австралийском языке аранта типа SOV был впервые обнаружен наиболее близкий аналог активному строю общеиндоевропейского: Кацнельсон С.Д. К происхождению эргативной конструкции. - В

конечном положении глагола, ср. в джинба *ba-andjan garm-e* 'И (-вот) они ид-ут', точно соответствующее хет. *n-at p-anzi* с тем же значением.

Можно думать, что реконструкция индоевропейских энклитических комплексов, составившая основное содержание синтаксических исследований последнего тридцатилетия, и типологическое рассмотрение индоевропейского языка (в частности, как языка типа SOV) представляют собой не два различных подхода к индоевропейскому синтаксису, а изучение двух аспектов единой проблемы, целостное изложение которой должно составить предмет будущих исследований⁸.

Оба эти аспекта исследования объединяются реконструкцией конечного (как правило, безударного) положения глагола в независимом (главном) предложении как нормального (если глагол не существует для актуального членения). При этом возможна эмфатическая перестановка глагола в маркированное начальное положение⁹ (где он является ударным вводящим словом). Для глубокой реконструкции (которая может опираться на типологическое сопоставление с посессивными по происхождению глагольными формами в таких языках, как енисейские) интерес может представлять то, что в предложениях, где второе (а также и следующее за ним) слово является энклитическим, а глагол стоит на первом месте (тип хет. *aki-aš* 'умер - он' и обычных для тохарского сочетаний глагола с последующей местоименной энклитикой при преобразовании древнего места глагольной группы в предложении), второй элемент (в позиции, соответствующей закону Вакернагеля) может включаться в единое акцентологи-

кн: "Эргативная конструкция предложения". Л., 1967, с. 41. Ср. о порядке SOV в австралийских языках этого типа: Schwartz A. The VP-constituent of SOV languages. - Proceedings of the XI-th International Congress of linguists. Aug. 1972. Bologna, 1975; Иванов В.В. О следах индоевропейских комплексов в славянском. - В кн.: Studia linguistica Alexandro Vasili filio Issatchenko a collegis amicisque oblata. Lisse, 1978, p. 191.

⁸ В этом смысле автор не разделяет скептицизма К. Уоткинса, чьи синтаксические исследования во многомшли по тому же пути, что и работы автора, ср.: Watkins C. Towards Proto-Indo-European Syntax: problems and pseudo-problems. - In: Papers from the parasession on Diachronic syntax, April 22, 1976. Chicago, 1976, p. 305-326.

⁹ Dressler W. Eine textsyntaktische Regel der idg. Wortstellung. - Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung (сокращенно-KZ), Bd. 83, 1969, 1 Heft (Ср. Сист., с. 256-265). Учет таких маркированных конструкций, в отдельных диалектах достаточно рано получающих широкое распространение, существен для опровержения части доводов, в последнее время выдвигаемых теми лингвистами, которые, как П. Фридрих (Friedrich P. The devil's case "PIE as SVO". Festschrift J. Greenberg, 1977) не соглашаются с характеристикой общеиндоевропейского как языка SOV.

ческое слово и становится постепенно служебной морфемой. В соответствии с высказанной еще Боппом гипотезой (согласующейся и с данными внешнего сравнения) формы первой серии глаголов типа *gʷʰen-*mi* можно было бы объяснить как развившиеся из сочетаний типа др.-хет. *kattan-mit* 'низ мой', ср. осуществляющееся много позднее в истории отдельных индоевропейских диалектов (балтийского, кельтского) превращение энклитическо-проклитических групп в единое глагольное слово (ср. также гипотезу о происхождении *-tъ в З л. ед. ч. из местоимения в славянском).

Общеиндоевропейским можно признать самый принцип называния энклитических элементов, в частности, местоименных, на начальное вводящее (или опорное) слово при образовании вместе с ним единого акцентуационного целого, примером чему может служить рус. *авось* < *a + ó + sъ¹⁰, где первые два элемента квалифицируются как экспрессивные синтаксические частицы, последний - как местоименный (дектический) компонент. Сопоставление древнегехеттских комплексов энклитик со сходными явлениями в других индоевропейских языках заставляет считать общеиндоевропейским тип предложения, начинающегося вводящим (опорным) словом, за которым следует энклитический комплекс, чаще всего включающий объективные, а иногда и субъективные местоимения¹¹. Сам по себе вводящий элемент при этом может не иметь точно фиксированного значения, поэтому он может характеризоваться тем пучком разных функций (от междометной и дектической до союзной), которые устанавливаются и для начальных элементов славянского предложения.

Происхождение начальных энклитических комплексов из индоевропейских подтверждается и этимологическим отождествлением составных частей этих комплексов, в частности, вводящих элементов - "катализаторов". В начальном *to, отраженном в старославянском (в том числе в энклитическом комплексе *то же*) и в ранних памятниках западнославянских и восточнославянских языков, ср. в особенности комплекс *to + ti > ст. чеш. *toti, tot'*, ст. польск. *tocz=toc'*¹², др.-рус. *томъ*, можно видеть точное этимологическое соответствие др.-хет. *ta*, вводящему предложения. Особый интерес этого сопоставления заключается в том, что

10 Ср. известную работу: *Hortativsätze mit a, i, ti, to im Ostslavischen*. - *Scando-slavica*, t. XVI, 1970, S. 189-203.

11 Watkins C. Preliminaries to a historical and comparative analysis of the syntax of the Old Irish verb. - *Celtica*, vol. VI, 1962; *Idem. Preliminaries to the reconstruction of Indo-European sentence structure*. - In: *Proceedings of the Ninth International Congresses of Linguists*, the Hague-Paris, 1964; Иванов В.В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, с. 185 и след.

12 Zubaty J. O jistém způsobu užívání zájmen an a on a o jeho původě. - In: J. Zubaty. *Studie a články*, sv.II. Praha, 1954, c. 88-90.

в архаических формулах (в частности, юридических), отчасти совпадающих в древнехеттском и славянском, **to* в равной мере является и вводящим катализатором, и указанием на событие или объект, упомянутый в предшествующем предложении, ср. др.-хет. *ištapulli-šet-a šulias ta istaphe* 'и его крышка из свинца (=свинцовая), так я (ее) закрываю', КВо XVII 1 + IV 35 след., [k] *uiš šagaiš kišari ta LUGAL-i SAL.LUGAL-ja tarqeni* '[к]оторое (=некоторое)¹³ предзнаменование обнаруживается, так мы (о нем) говорим царю и царице', там же IV 9. Структура тех параграфов хеттских законов, где за первым предложением, вводимым *takku* 'если', следует второе, начинающееся с катализатора *ta* (*takku-uis LU-iš uemijaži t-uis kuenzi* 'если муж их найдет, то убьет - может убить', § 197), идентично регулярному использованию *то* как коррелятивной частицы в "Русской Правде"¹⁴, как с предшествующим условным союзом, так и в бессоюзной условной конструкции (тип *оубъет моужъ моужа то мъстить братоу брата*, 1). Поскольку в славянском отражается как вводная функция **to*, так и его деиктическое использование, содержащее ссылку на предшествующий отрезок текста¹⁵, славянские факты представляются существенными для доказательства того, что различие между соединительной функцией *хет. ta* и местоименным употреблением **to(d)* в других древних индоевропейских языках не составляет собственной хеттской специфики¹⁶, тем более,

¹³ Неопределенная функция препозитивного положения относительного местоимения, находящая соответствие в итальянском (ср. Wackernagel J. Vorlesungen über Syntax, Bd. I. Basel, 1924 (2 Aufl.), S. 66-67), противопоставляется определенной функции постпозиции *kuiš*, сходной с функцией постпозиции **io-* в фдъективных конструкциях в балто-славянском, см. Rosenkranz B. Zur Entwicklungsgeschichte des bestimmten Adjektivs des Baltischen und Slavischen. - Die Welt der Slaven, III, N. 2, 1958.

¹⁴ Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М., -Л., 1946, с. 24. Ср. некоторые другие свидетельства наследования общиндоевропейских юридических формул в славянском: Watkins C. Studies in Indo-European Legal Language, Institution and Mythology. - In: Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970; Топоров В.Н. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам. - В кн.: Этимология 1972. М., 1974. Он же. О двух праславянских терминах из области древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями. - В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

¹⁵ Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, § 551, с. 338.

¹⁶ Вопреки Стертеванту (Sturtevant E.H. The pronoun **so*, **sā*, **tod* and the Indo-Hittite hypothesis. - Language, v. 15, 1939, p. 11-19; Idem. The prehistory of Indo-European. A Summary. - Language, v. 28, 1952, p. 177-

что и в приведенных хеттских конструкциях в *ta* совмещены обе функции¹⁷. Поэтому можно было бы поставить вопрос и о том, не могли ли сохраниться в славянском также следы параллельного **to* катализатора **se*/**so*, чем бы объяснялось слов. **se*, включенное в парадигму указательного местоимения **k(e)i* (ср. ст.-слав. *дъньсь*, хет. *ki-pun* 'теперь' и т.п.) и обычно рассматриваемое как результат фонетически незакономерного аналогического преобразования ожидаемого **še* < **sio* < **kio*. Такое **se*, родственное хет. *š*¹⁸, др.-ирл. *se-ch is* 'и это есть', др.-инд. *sa* (в брахманической прозе) можно было бы видеть не только в формах типа ст.-слав. род. пад. СЕГО < **se+go* (из древнего энклитического комплекса, ср. *того* < **to+go*), но и в начальных сочетаниях типа ст.-чеш. *se-ova*, др.-рус. *се* в функции, отчасти сходной с функцией начального союза¹⁹, рус. *сем(-ка)* < **se-mъ*, понимаемого как сочетания начального деиктического элемента с энклитическим местоимением 1 л. ед. ч. в дат. пад. Позднее смешение **se* и **k(e)i* могло произойти в связи с перестройкой парадигмы указательных местоимений в славянском.

В случае, если энклитикой, присоединившейся к **to*, был глагол (что для древнейшего индоевропейского объясняется из конечного положения глагола при отсутствии всех других элементов между глаголом и катализатором), образовывались слитные сочетания типа др.-ирл. *to-mul 'ешь*, *ta-ni tai'bred* ('*ta-berad*) , *fu-a 'ta-barr* 'под которым принесено' (в древнеирландском императиве, конструкции с отрицанием и при сочетании предлога с относительным местоимением **to* несет на себе ударение). О возможности подобного объединения **to* с глаголами подвижного акцентного типа в славянском (по закону Васильева-

18†), чья точка зрения повторяется и в последнее время (*Hodge C.T. Peç. Lockwood W.B. A Panorama of Indo-European Languages. - Language Sciences, № 34, 19, 74, p. 33*) несмотря на наличие достаточно детальных критических возражений (Гамкрелидзе Т.В. Местоимение **so*, **ša*, **tod* и "индо-хеттская" гипотеза Э. Стертеванта. - Сообщения АН Груз. ССР, т. XVIII, 1957, № 2, с. 241-246).

17 Иванов В.В. Указ. соч., с. 189-190; Otten H. und Soucek V. Ein althethitisches Ritual für das Königspar (Studien zu den Boğazköy-Texten, Heft 8), Wiesbaden, 1969, S. 90, Anm. 2.

18 В древнехеттских текстах *š-(u)* вводят от 10 до 20% всех предложений (обычно в соотношении с одушевленным именем, чаще всего лицом, ср. соотнесение *s* с 1 л. в славянском). См. статистические данные: Carruba O. Die Satzeinleitenden Partikeln in den indo-germanischen Sprachen Anatoliens (Incunabula graeca, v. XXXII). Roma, 1969, S. 60 (ср. там же о следах местоименного значения *s-*).

19 Zubaty J. Op. cit.; Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, I-II. М., 1958, с. 294.

Долобко²⁰ свидетельствуют формы типа рус. *то творю* в Чудовском Новом Завете, 102³. Модальное значение, обнаруживаемое у частицы *то* в восточнославянском, позволяет с большой определенностью высказаться о возможной ее связи с начальной частицей *te* в литовском пермиссиве, которая в старолитовском еще выступает как вводящий элемент комплекса энклитик типа *te-nu-si-dūdi*²¹.

Наряду с начальным катализатором **to* в славянском в сходной функции отражено и **ta* (ср. идентичность энклитических комплексов типа ст.-сл. ТО ЖЕ, ТА ЖЕ), ср. др.-русск. *А ѿмъ, раздравше, та прочно*²², Новг. I, 43; *та идохъ Переяславлю отцио*, Лавр., 103. К начальному энклитическому комплексу **tō-k(u)* восходит славянский союз **takъ*, в точности соответствующий др.-хет. *ta-kku* 'если', который представляет собой сочетание вводящего катализатора *ta* с последующим дизъюнктивным *-kku*²³, ср. пал. *-ku*, лув. *kuiia*. Ввиду наличия в славянском соотносительных, хотя и различавшихся между собой союзов **takъ*<**tō-k(u)* и **jaku*<*iō-k(u)*²⁴, исключительный интерес представляет наличие в древнекеттском наряду с союзом *takku* < **ta-kku* сложного сочетания *(i)a-kku* < **(i)o-kku*²⁵, например, в

²⁰ Дибо В.А. О фразовых модификациях ударения в праславянском. - Советское славяноведение, 1971, № 6; Он же. Акцентные типы презенса глаголов с ъ, ь в корне в праславянском. - ВЯ, 1972, № 4 и другие статьи того же автора. Ср. ниже прим. 42.

²¹ Ср.: Hermann E. Litauische Studien. Berlin, 1926; Stang S. Chr. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966, S. 423. - Соотношение между лит. *te* и прус. *ter* 'только' в *ter ains* (*Endzelins J. Baltu valodu skaņas un formas*. Rīgā, 1948, с. 212) формально сходно с соотношением вводящего хет. *ta* с одной стороны, и лувийских частиц с видовым значением *-tar-* (*-tta*), с другой.

²² Ср. об оборотах этого типа: Потебня А.А. Указ. соч., с. 194.

²³ Eichner H. Urindogermanisch **kʷe* 'wenn' im Hettitischen. - In: Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Nf. 29. München, 1971. Впервые соответствующая синтаксическая функция **kʷe* была восстановлена в статье: Watkins C. Notes on Celtic and Indo-European morphology and Syntax. - Lochlann, a Review of Celtic Studies, vol. III, 1965, p. 286 и след. Теоретически возможно чередование **kʷ*/**ku*, поэтому фонетически равновероятно **to-kʷ* и **to-ku*.

²⁴ О происхождении и истории слав. *jak(o)* в его отношении к **io* ср.: Bauer J. Syntactica slavica, Brno, 1972, с. 80-81, 86-87, 231, 305, 315, 331, 339 и др.

²⁵ Уоткинс предполагает наличие в хет. *-a-* следы энклитики *o* (ср. ниже) наряду со следом **io* в хет. *-ia* (C. Watkins. Preliminaries to a historical..., p. 16, см. ниже о микенском), ср. ниже о тождественном тох. *А-уо 'и'*, но в самом хеттском распределение алломор-

хеттских законах (I, § 19а, КВО VI 3 I 45 след.) *takku*
 LU₁.ULULU-an LU-an-a-ku SAL-n-a-kuURU *Hattušas kuiški*
 LUURU *luiias taiiažzi* 'Если (*takku*) какой-нибудь лувиец
 человека из Хаттусаса - будь то (-a-ku... -a-ku) мужчи-
 на или женщина - обокрадет...'. Синтаксический соотноси-
 тельный элемент **io*, **ia* в славянском представлен как в
 начале комплекса энклитик (ср. ст.-сл. ЖЕ и т.п., ср. ла-
 тышский дебитив с начальным *ja*-), так и в энклитической
 функции в определенных формах имен прилагательных. Срав-
 нение с литовским позволяет установить следы давнего спло-
 дования общеиндoeвропейским нормам, так как в приставоч-
 ных адъективных конструкциях в старо-литовском **jo* сле-
 довало за приставкой (*gailintiemus-iemus*), в бесприста-
 вочных - за основой прилагательного²⁶ (дат. пад. мн. ч.
 м. р. *gailintiemus-iemus*), что можно соотнести с анало-
 гичным принципом постановки древнего энклитического лич-
 ного местоимения в возвратных литовских глаголах²⁷ (ср.
 др.-лит. *nësa-si*, но *ni-si-nësa*) и в кельтском глаголе
 (ср. др.-ирл. *da-m-beir*, но *beirth-i*²⁸).

Исходный путь развития не только для определенных адъ-
 ективных конструкций, но и для глагольных сочетаний с
 формами дат. пад. ед. ч. энклитического личного местоиме-
 ния **ti*, **ti*, **si*²⁹, из которых позднее развились воз-
 вратные глаголы, был общим для балтийского и славянского,
 как позволяет судить сравнение с глагольными конструк-
 циями типа ст.-слав. ТЫ ЖЕ СИ ПОЖАЛИ (Супр. 16²) МЫНХ
 СИ (Сав. кн.), ср. МОЛЯТИ СА (Лука IX, 38) (при варианте МОЛЯТА)³⁰. Первая из этих конструкций достаточно от-
 четливо свидетельствует о вхождении энклитических личных
 местоимений в начальный комплекс энклитик (в данном слу-
 чае нанизываемых на первое полнозначное слово - ударное
 личное местоимение), к которому по приведенному выше объ-
 яснению возводится и рус. *сем<*se+тъ*. В слав. *-тъ < **ti**ti*
 (ср. ст.-слав. *ти* как союз, а также **ti* в **to+ti*, **a+ti* >
 чеш. *at'*, др.-рус. *атъ*, ср. также др.-рус. *пустъ*, *битъ*

фов -*a*-/-*ia* подчиняется синхронным правилам фонетичес-
 кой дистрибуции. Энклитическое **io* в форме род. пад.
 ед. ч. типа др.-инд. *tasya<*tos-io* имеет любопытную
 аналогию в энклитике -*го* в слав. *togo* < **to + go* (эн-
 клитический комплекс).

²⁶ Иванов В.В. Указ. соч., 237-238; Stang Ch. S. Op. cit., S. 270-71 и др.

²⁷ Казлаускас И. О месте возвратной морфемы и ее ударе-
 нии в литовском языке. - *Baltistica*, 1(2), 1966,
 с. 166; *Kazlauskas J. Lietuvių kalbos istorine gramatika*. Vilnius, 1968, с. 88 и след.

²⁸ Watkins C. The Celtic Masculine and Neuter enclitic
 pronouns, *Etudes celtiques*, vol. XII, 1968-1969, f.1,
 p. 93.

²⁹ В славянском, видимо, **тъ*, **то*, **съ*, см.: Шахматов А.А.
 Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 160.

³⁰ Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.,
 1952, с. 385-386, 176 и др.

**by+t'*, мълтъ, чеш. *necht'*³¹ и т.п.) видят обычно сходную с **мъ* энклитическую форму дательного падежа личного местоимения, употребленную в значении *dativus ethicus*. Но ввиду недостаточной семантической мотивированности связи такого **ti* > *ть* с 2 л. ед. ч. можно предложить и сопоставление этой славянской энклитической частицы с лув. -*ti*, хет. *z(a)* < **t'* < **ti*, являющимся рефлексивной частицей, которая занимала в лувийском второе, а в хеттском третье место в комплексе энклитик. Становление категории таких возвратных энклитик было связано с началом того преобразования грамматической системы, которое в славянских и балтийских языках привело к созданию синтаксического типа возвратных глаголов, что типологически связано и с перестройкой порядка слов (движение от типа SOV к типу SVO³²). Уже в общеиндоевропейском при инвертированном порядке слов (VSO)³³ опорным словом мог быть не катализатор типа **to*, а глагол, как это возможно в определенных конструкциях в кельтском и анатолийском и становится нормой в жемайтском и тохарском. Этим последним контекстом следует объяснить и происхождение установленного для старославянского правила, по которому энклитическое местоимение или частица следуют либо за первым ударным словом (которым может быть и глагол, тип ст.-сл. РЕЧЕ ЖЕ ГОСПОДЬ, восходящий к общеиндоевропейскому), либо за глаголом³⁴.

Для истории глагола в целом ряде индоевропейских языков, в частности, в греческом, особый интерес представляет катализатор, с которым можно этимологически отождествить слав. *-*e* в ст.-сл. Е-СЕ, серб.-хорв. *e-vo*, *e-to*, ст. чеш. *e-ž*, рус. э-то, эвосе (ср. авосе), эвось (ср. авось), эвот³⁵ при аблautном варианте **o* в катализаторе типа др.-рус. о (**o*, ср. укр. о,польск. о и т.п.), начинаящем предложение с последующими элементами **to*, **se*, ср. также комплексы типа рус. вот, **o* + *to*, вон и т.п. Начальное **e/o* в подобных славянских комплексах можно отождествить этимологически с аналогичной частицей **e/o*,

³¹ Bauer J. Op. cit., с. 231, 328, 373 и др.

³² Lehmann W.P. Op. cit.; Idem. Explanation for some syntactic phenomena of Indo-European. *Glossa*, 1973, vol. 7, 1, p. 84-88.

³³ Dressler W. Einer textsyntaxtische Regel der idg. Wortstellung. - *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* (KZ), Bd. 83, 1964, 1 Hft.

³⁴ Направление позднейших диалектных изменений, связанных главным образом с акцентологической перестройкой, указаны в статье: Jakobson R. Les enclitiques slaves. In: Jakobson Roman. Selected writings, II. The Hague-Paris, 1971, p. 16-22. Ср. также: Decaux E. Morphologie des enclitiques polonais. Paris, 1955.

³⁵ Zubaty J. Op. cit., с. 72-73, 86-87, 93; Мельничук О.С. Розвиток структури слов'янського речення. Київ, 1966, с. 210-211 (реконструкция ларингального, однако, не подтверждается данными других индоевропейских языков).

отраженной в качестве частицы, вводящей предложение, в лувийском (клинописное и иероглифическое лувийское *a*) и палайском *a* (дальнейшее сближение с хеттской основой указательного местоимения *a-*, соотносимого с 3 л., возможно в силу уже указанных типологически сходных связей хет. *ta-* и **to* в других индоевропейских языках в значении указательного местоимения). Предложенное К. Уоткинсом отождествление этой частицы с греческо-армяно-индо-иранским аугментом **e*³⁶, который некогда был отдельным словом с вероятным значением 'определенно, несомненно'³⁷, представляет интерес в нескольких отношениях. Употребление этой частицы при некоторых глагольных временах с целью подчеркивания их повествовательного характера (наподобие древнееврейского *vau consecutivum*³⁸) при противопоставлении другим формам с модальным (инъективным) значением³⁹ (ср. **bhere-t* в отличие от **e-bheret*) позволяет уточнить первоначальное значение этой частицы. Ее функции должны были быть близкими к функции сходного слова, из которого развились, с одной стороны, кельтские формы прошедшего времени с начальным др.-ирл. *no-*, за которым следуют инфинициированные местоименные энклитики, с другой стороны, хеттские конструкции с *ni*, в древнехеттском образующие единое целое с последующим глаголом: *nimaltah-hun* 'ну вот, я молился', *nihiqartah-hun* 'ну вот, я просял'⁴⁰. Такие же единые комплексы с глаголом, принадлежащим к древней подвижной акцентной парадигме, образует и в славянском начальное **nu*,ср. форму 1 л. ед. ч. *но* 'чту', Чудовский Новый Завет, 46¹ (ср. форму НЫ-ИМАТЬ в Марииинском евангелии, Иоанн III 16, VIII 12⁴¹). Для славянского такие акцентуационные комплексы объясняются законом Васильева-Долобко, но его основная формулировка ("энклитики, они же проклитики" по Васильеву⁴²) может быть обобщена на общеиндоевропейский⁴³, где одни и те же

³⁶ Watkins C. Preliminaries to a historical ..., p. 15.

³⁷ Schwyzer E. Griechische Grammatik, Bd. I, München, 1939, S. 652, 842. Дальнейшую литературу об аугменте см.: Thumb A., Hauschild R. Handbuch des Sanskrit, t. II. Heidelberg, 1959, S. 191; Илич-Святич В.М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971, с. 251.

³⁸ Watkins C. Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion, in Indogermanische Grammatik, hrsg. von J. Kurylowicz. Bd. III, t. 1. Heidelberg, 1969, p. 127, § 112.

³⁹ Kurylowicz J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, p. 131, § 29 (ср. § 9), p. 145.

⁴⁰ Иванов В.В. Указ. соч., с. 244-248.

⁴¹ Ср. Вайтан А. Указ. соч., с. 55 и 409.

⁴² Дибо В.А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. - В кн.: Вопросы славянского языкоznания, вып. 6. М., 1962, с. 26. Ср. выше, прим. 20.

⁴³ Jucquois G. Les postpositions de hittite et l'accentuation des préverbes en indo-européen. Le Muséon, v. LXXXIII, 1970, 3-4, 533-540 (вывод сделан без привлечения славянских данных).

элементы (типа **ni*) могли выступать то как энклитики (ср. гот. *is-ni-gibi* 'дайте теперь', Лука, XX, 25, лтш. *ni* во второй позиции в предложении, аркадо-кипр. *o-vu, tox. pat-ni* при хет. *ni-pat*, лит. *ni-pat* и т.п.), то как проклитики (ср. ст.-лит. *Nu-si-dave* 'случилось', *Nu-si-margok* 'вымойся' и т.п.).

Энклитическое использование глагола, предполагаемое и для форм, из которых развился аугмент (первоначально всегда несущий на себе ударение), подтверждается фактами микенского греческого языка, где во всех ясных примерах из пилосских табличек и в двух единственно ясных примерах из микенских табличек глагол всегда следует за частичей, вводящей предложение⁴⁴. Ср. такие конструкции, как:

1) *o-do-ke* 'и так дал (дань)' в предложении *o-do-ke a-ko-so-ta/tu-we-ta a-re-pa-zo-o tu-we* PY 103 Un 267, где за "катализатором" *o-* следует форма 3 л. ед. ч. аориста *do-ke=doke*⁴⁵ (ср. KN Ws 1707, Хе 7711, МХ 321=0 701); в предложении речь идет о различных θύμα (tu-we-a, ср. гом. θυέσ, мн. ч. θύμα 'воскурение, жертва', 0261, Z 270), которые *A-ko-so-ta* предоставил Тисту (tu-we-ta, ср. гом. θυέστης Тист, сын Пелопса, брат Атреля, отец Эгиста, в 107, 518), о котором сообщается, что он - варитель мазей (*a-re-pa-zo-o*, ἀλεύφασβω ср. гом. ἀλεύφαρ 'мазь, мастика', ἀλεύφω 'натираю маслом'); дары, которые даны Тисту, даются перечисляются в этом пилосском тексте (вино, шерсть и т.п.);

2) *jo-do-so-si* 'и так они дадут (дань)' в предложении *jo-da-so-si ko-re-te du-ma-te-qe/po-ro-ko-re-te-re-qe ka-ra-wi-po-ro-qe o-pi-su-ro-qe o-pi-ka-re-e-we-qe* PY 257 = Jn 829, где за катализатором *jo-* следует форма 3 л. мн. ч. буд. вр. **dōsonsi* 'они предоставляют' (в перечислении должных лиц, которые должны предоставить 'бронзу' - κα-ко, греч. χάλκος; детальное перечисление всего, что должен предоставить каждый из *korete* и состоящий при нем *porokorete*, составляет содержание следующих 16 строк таблицы);

3) *o-di-do-si* 'так вот они дают' в предложении *o-di-do-si du-ru-to-mō/a-mo-te-jo-na-de e-pi-/pu/-ta* '50 a-ko-so-ne-qe/100/50 PY 252 = Vn 210, где за катализатором *o-* следует форма 3 л. ед. ч. наст. вр. *didonsi* (δίδονσι) 'они дают' KN 260 = Og 4467, Ру 178 = Ma 365, ср. *o-u-di-do-si*, PY 175 = Ma 393 +, PY 189 = Na 568 +)⁴⁶; в предложении перечисляются ἐπέφυτα (*e-pi-pu-ta*) и ἀξονες (*a-ko-so-ne*), которые 'древески' (δρυτόνοι ср. 86, *du-ru-to-*

⁴⁴ Risch E. Die Mykenischen Einleitungsformeln. - In: Atti e memorie del 1e Congresso Internazionale di micenologio, 2. Roma, 1968, p. 693.

⁴⁵ Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. 2 ed. by J. Chadwick. Cambridge, 1973, p. 540; Bader F. Particules d'énumeration mycéniennes. - Minos, 1976, N.S. XV, fasc. 1 (1974), p. 166 (там же разбор других аналогичных конструкций).

⁴⁶ Ventris M., Chadwick J. Op. cit., p. 539.

mo) дают мастерской изготовителя колесниц (*a-mo-te-ja-na-de*);

4) *jo-a-se-so-si* 'и так они будут раскармливать (нагуливать жир свиньям?)'⁴⁷ в предложении *jo-a-se-so-si si-a₂-ro/-o-*pi-dami*-jo* PY 75 = Cn 608, 1-2, где за катализатором *jo-* следует форма 3 л. мн. ч. буд. вр. **asesosisi*;

5) *o-de-ka-sa-to* 'так вот, он получил' в конструкции *o-de-ka-sa-to A-ko-so-ta* PY Pn 30, где за катализатором *o-* следует форма 3 л. ед. ч. аор. средн. зал. **dexato* 'получал' (ср. *de-ka-sa-to*, KN 213 = 641 при гом. ἀδέξατο от δέχομαι 'получать'; сопоставление могло бы служить в пользу допущения о том, что *o-* не является простым графическим вариантом *jo-* греч. *ho-*, как полагают обычно в микенологии, а соответствует **e/o-*, из которого развиваются формы с аугментом⁴⁸);

6) *o-da-sa-to* 'так он распределил' в заголовке таблицы PY Wa 917, где за катализатором *o-* следует форма 3 л. ед. ч. аориста *dasato*⁴⁹ (ср. гом. (ἐ)δασάμην от δατέομαι 'делюсь');

7) *jo-i-je-si* в предложении *jo-i-je-si me-za-na/e-re-i-te-re di-wi-je-we qo-o*, где за катализатором *jo-* следует неясная глагольная форма ("посылать", ἔπει 'жертвовать', ср. ἱερός 'священный'⁵⁰), относящаяся к работе надзирателей (*e-ro-u-te-re*, крит. ἐρεύτας) для Διὶ Φίεύς - (возможное обозначение лица, связанного со святынищем Зевса;

8) *o-o-pe-ro-si* 'так они должны' в предложении *o-o-pe-ro-si ri-no o-pe-ro* PY Nn 228.1, где за катализатором *o-* следует форма 3 л. наст. вр. глагола, соответствующего гом. ὁφέλλει 'должен' (далее следует перечисление лиц, которые должны дать лен);

9) *jo-o-po-ro* 'так они были должны' в предложении *jo-o-po-ro a-ro/-mo/* My Ge 601, где за катализатором *jo-* следует форма 3 л. ед. ч. аориста ὁφέλλει (3 л. ед. ч.

⁴⁷ 'Thus they will fatten (swine)'; Ventris M., Chadwick J. Op. cit., p. 534. Но ср.: Bader F. Op. cit., p. 166: "ayant quelque chose a voir (-asesosi, peu clair) avec des porcs à l'engraiss...". Переводы вводящего слова ('и так', 'так вот') всегда условны (как и переводы хет. *ni*), но они даны с целью подчеркнуть отличие вводящего элемента от союзов, в которые эти элементы позднее развиваются.

⁴⁸ Ср. выше, примеч. 25, о сходной проблеме в отношении хет. *-a/ia*.

⁴⁹ Ventris M., Chadwick J. Op. cit., p. 538. Бадер (Bader F. Op. cit., p. 166) допускает чтение δέσσα(v)το.

⁵⁰ Palmer L.R. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. London, 1963, p. 265. Ср. о возможности сравнения с хет. *iia-* 'делать': Иванов В.В. Указ. соч., с. 140, прим. 6 (и литература); Gusmani R. Contributi micrasiatici all'etimologia di ἔπει. — La parola del passato, 1961, f. LXXII.

в значении мн. ч. по отношению к среднему роду⁵¹ согласно общеиндоевропейской синтаксической норме);

10) *jo-po-ro-te-ke* My Ue 661 (далее следуют идеограммы и числовые знаки);

11) *o-i-ru-to o-pi-a2-ro e-pi-ko-wo* Py An 657,1;

12) *o-wi-de* 'так вот, он увидел' в предложениях *o-wi-de a-ko-so-ta to-ro-qe-jo-me-no a-ro-u-ra* PY Eq 213 и *o-wi-de pu2keqiri o-te wa-na-ka te-ke a-u-ke-wa da-mo-ko-ro* PY Ta 711, где за катализатором *o* - следует форма *wi-de* (ср. гом. *ołba*, *ełbow*);

13) *o-ze-to ke-sa-do-ro* PY Vn 130.

В недавнем тщательном исследовании функций и позиций частиц в микенском греческом Ф. Бадер, приводя эти примеры группы начальной частицы с последующим глаголом в абсолютном начале предложения⁵², ставит вопрос о том, в какой мере слияние начального катализатора *o-/jo-* с последующим глаголом может отражать подчиненную функцию глагола во всем тексте в целом. Эта постановка вопроса по отношению к микенскому греческому соответствует выводам, к которым подводит изучение, с одной стороны, роли ударения глагола по отношению к его функции в индоевропейском предложении, с другой - функционирования частиц - энклитик - проклитик (типа **io*, к которому Бадер возводит греч. *jo-/o*) в их комбинациях с последующими энклитическими словами (в том числе и глагольными формами).

Такие индоевропейские частицы могли выступать то как проклитики (*com-* в *com-edo*), то как энклитики (*-sim* в *te-sim*), что, видимо, отражает достаточно общий общеиндоевропейский принцип синтаксической акцентологии⁵³, с которым связано и возникновение закона Васильева-Долобок-Дыбо в славянском. Такое же закономерное противопоставление проклитического употребления преверба в сочетании с глаголом в придаточном предложении (вед. *sam caranti* 'они собираются', где *sam* - преверб, происходящий из древней синтаксической частицы с видовым значением, отраженной в хетт. *-šan*, ст.-слав. *Сь*, прус. *sen*) и энклитического употребления глагола в главном предложении при ударности преверба (вед. *para dah* 'отдай', ср. сходное ударение в родственных славянских формах типа др.-русск. *прóдав* и в древнеирландских сложениях с начальными *ro-*) имеет место в ведийском, что Леман обсуждает и при анализе древней роли превербов, некогда независимых (с. 116-).

51 Bader F. Op. cit., p. 167.

52 Bader F. Op. cit., *Idem. Une isoglosse gréco-tokharienne: *yo affixe casual et particule d'énumération.* - Bulletin de la Société de linguistique de Paris, t.LXX, 1975, fasc. 1, p. 63.

53 Jucquois G. Op. cit. - Такое двоякое функционирование характерна и для частиц, вводящих предложение типа *ni-*, которые сами могут перемещаться на второе место в предложении, становясь энклитиками. Сходная двойная акцентологическая характеристика местоимений типа **mi*, **ti*, **si* сохранилась в древнегреческом.

117), и при характеристике интонации в индоевропейском предложении. В последнем Леман предполагает понижение интонации в конце, что следует из безударности конечного глагола в главном предложении в ведийском, соответствующей употреблению глагольных форм в четвертой (не участвующей в аллитерациях) метрической позиции в германском стихе⁵⁴ (с. 51). Важную для интерпретации этого соответствия гипотезу о том, что для германского, согласно закону Вернера (с. 50), можно предположить повышение тона на ударном слоге (как в ведийском), представляется возможным подтвердить типологическими данными: с этой точки зрения прагерманский типологический сходен с теми многочисленными языками, в которых повышение тона связано с глухостью согласного, понижение тона - со звонкостью⁵⁵.

Закон Вернера можно было бы описать как перераспределение просодических и сегментных свойств. Древнее фонетическое противопоставление высокого тона (фонологически маркированного) и низкого тона (фонологически немаркированного) становится противопоставлением глухого согласного и звонкого (направление фонологической эволюции, обратное наблюдаемому в тибето-китайском). В качестве типологических иллюстраций, подтверждающих такое соотношение в диахронии, можно было бы сослаться на игбо (диалект *Ohûñu*), где гортанные (фарингальные и ларингальные) фрикативные *h*, *h̄*, *hj*, *h̄j* практически оказываются звонкими перед низкими тонами⁵⁶. В джинпо слова с низким тоном озвончают конечные глухие согласные при их удвоении перед следующими морфемами с grammatischem (утвердительным, притяжательным и повелительным) значением: *yàx* 'трудно'; *yàggai* 'да, это трудно' (утвердительная форма с озвончением геминированного *-gg-*)⁵⁷. Сравнение с дру-

⁵⁴ Из более новых работ о порядке слов в прагерманском, в книге Лемана не использованных, см.: *Worth R.N. The problem of Germanic sentence type.* - *Lingua*, vol. 26, 1970, N 1, p. 25-37.

⁵⁵ Иванов В.В. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными фонемами. - В кн.: Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975, с. 47; *Maddieson I. A note on tone and consonants.* - In: *The tone tome. Studies on tone from the UCLA Tone Project (Working Papers in Phonetics 27)*, University of California, Los Angeles, 1974, p. 18-27. Из редко упоминаемых ярких примеров см. ситуацию в ябем, где звонкие согласные выступают только в связи с низким тоном: *Dempwolff O. Grammatik der Jaben-Sprache auf Neuguinea*. Hamburg, 1939, S. 7, 14, 15.

⁵⁶ *Dunstan E., Igwe G.E. Two views on the phonology of the Ohûñu dialect of Igbo.* - *Journal of West African languages*, 1966, vol. 3, N 2, p. 71-75.

⁵⁷ *Maddieson I. Op. cit.*, p. 19 (там же см. о предлагавшихся альтернативных решениях, отводимых на основании диахронических критериев). Ср. в этой же статье (и в других статьях того же сборника) о возможных объяснениях отклонений от этой общефонетической закономерности.

гими лоло-бирманскими языками показывает, что исходная форма в подобных словах содержала глухой согласный, озвончавшийся в позиции после низкого тона: джинпо (дж.) *gàt* (с озвончением при геминации), протололо-бирманский (пр.-л.-б.) *xyat*, дж. *sàt*, пр.-л.-б. *-sat* и т.п.

Как отмечает Леман, повышение тона имело место на определенном слове, понижение же было немаркированным. Это давно было предположено по отношению к славянским энклитическим (соответственно проклитическим) словам, которые еще Н.С. Трубецкой сравнил с тем типом акцентуации японских слов, который по Е.Д. Поливанову одновременно можно считать и безударными, и имеющими определенный тон⁵⁸. Но то, что в индоевропейском было правилом синтаксической акцентуации, в славянском переосмысливается как особенность интонации определенного слова: др.-рус. *но чту* (в Чудовском Новом Завете) отражает общеиндоевропейское правило переноса ударения на начальное **ni* (сказавшееся и в др.-хет. *pumaltaħħun* 'я молился', древнеирландских глагольных формах с начальным *no-*, а также в рассмотренных аналогичных комплексах начальных частиц и глагола в микенском греческом). Но то, что в индоевропейском определялось только синтаксической структурой, в славянском зависит и от принадлежности данного слова (*чту*) к определенному акцентуационному типу. Как и во многих других случаях, древние синтаксические явления отразились в позднейших морфологических явлениях, анализ которых дает сравнительно-историческому синтаксису ранее у него отсутствовавшие мощные инструменты исследования, позволяющие выйти далеко за пределы чисто типологической характеристики общеиндоевропейского и наметить пути реконструкции конкретных типов поверхностных структур, соотнесенных с определенными глубинными категориями.

Сравнение с приведенными ведийскими соотношениями в акцентуации глагола – всегда безударного в главном предложении и ударного в придаточном – позволяет оценить индоевропейскую перспективу установленных Ф. Бадер фактов микенского греческого, где можно предполагать использование ударности начальных форм глагола как признака их подчиненной роли в синтаксическом целом⁵⁹,ср. вынесение глагола на первое место (с необходимостью предполагающее его ударность) в таких случаях, как *e-ke-de-mi* (= εχετέμιν) *a₂-ku-mi-jo* SA 6; /*o-i-pa-ro-ke-ne/-to* (= οὐ ταρούενετο) Ad 686 (писец 23); *a-ri-ne-we e-re-ta-o ko-wō*

⁵⁸ Плетнер О.В., Поливанов Е.Д. Указ. соч., с. 167. – Ср. об этом типе в балто-славянском: *Garde P. Histoire de l'accentuation slave*, Paris, 1976, t. 1, p. 312-313.

⁵⁹ Bader F. Mycenier *to-so-de, to-so-jo*. – *Minos*, 1975, N.S. XIV, fasc. 1 & 2 (1973), p. 98-107; *Idem. Grammaire comparée*. – In: *Ecole Pratique des Hautes Etudes. Annuaire 1973/1974. IVe section. Sciences historiques et philologiques*. Paris, 1974, p. 668-674.

(= ἀπυνέσεις *έρετῶν κόρφος) Ad 684 (тот же писец). Как показала Бадер, в этих микенских текстах вынесение вперед глагольной акцентуированной формы служит средством выражения синтаксической связи данного предложения с главным, что дублируется и ролью частиц, указывающих на связь между предложениями.

Естественно, что оба способа выражения синтаксического подчинения могли объединиться, в этом случае возникли синтаксические комплексы, где вынесеному в начало предложения глаголу предшествует катализатор.

Но при этом существенной особенностью микенского греческого, указывающей на изменение в нем древних индоевропейских соотношений, была возможность перенесения комплекса, состоящего из начальной частицы - катализатора на срединное место в предложениях в случае, если ей предшествовало временное или пространственное уточнение⁶⁰: *a-a-ta-ko-to me-no jo-te-re-pa-to* KN Fp 14 (временное уточнение состоит в указании 'месяца' - *me-no*); / *qa-rá jo-e-ke-to-ko* KN Gv 863 (в начале - топоним, являющийся пространственным уточнителем). Пути, связывающие, микенский греческий с индоевропейским, явно видны в тех случаях, когда уточнитель занимает место между катализатором и глаголом⁶¹: *jo-a-mi-ni-so-de di-do* / KNOg 4467, *a-a-po-te de-ka-sa-to a-re-i-jo* / KN Le 641. Здесь можно проследить начало того процесса трансформации исходных индоевропейских синтаксических структур, который сделал возможным в микенском греческом и такие конструкции, где группа катализатор + глагол перемещается в конец предложения, как в сочетании *to-to-we-to o-a-ke-re-se*, 7 раз повторявшемся в тексте Aq 64 (писец 21), где перенесение группы катализатор + глагол в конец предложения объяснялось закономерностью, по которой временной уточнитель (в данном случае *toto weto*) должен был занимать первое место⁶². Типологическая возможность такого порядка слов в микенском греческом может быть сопоставлена с такими индоевропейскими языками, где (как в древнеирландском и литовском) группа, восходящая к сочетанию катализатора и следующего за ним глагола, всегда воспринималась как единое целое и помещалась на синтаксическую позицию глагола. В микенском греческом его нормальной синтаксической позицией еще был конец предложения (перемещение в начало и середину объяснялось отмеченными выше особыми факторами). Поэтому и группа катализатор + глагол могла оказаться в этой позиции. Из этого следует, что при всем архаизме рассмотренных синтаксических явлений микенского греческого в нем начали осуществляться процессы, в дальнейшем приведшие к существенному изменению греческого синтаксиса по сравнению с общеиндоевропейским.

⁶⁰ Bader F. Une isoglosse gréco-tokharienne, p. 63.

⁶¹ Cp. Bader F. Particules d'énumération mycénienes, p. 172.

⁶² Bader F. Une isoglosse gréco-tokharienne, p. 62-64.

REFLEXION OF INDO-EUROPEAN RULES OF SYNTACTICAL
ACCENTUATION IN MYCENAEAN GREEK

The oldest Indo-European rules of combination of pro-nominal morphemes and particles in a complex are reflected in Mycenaean Greek verbal units with initial *jo-/o-* of the type *o-do-ke-*, *jo-di-do-si* etc. It is possible to trace the origin of these complexes to the Indo-European type reflected also in Hittite, Old Irish, Baltic and Tocharian. The difference between emphatic use of the accentuated verbal forms in the beginning of the phrase and/or in the relative (or dependent) clauses and atonic use of the verb in the normal position in the end of the sentence is compared to similar facts of syntactical accentuation of Vedic and other Indo-European dialects.

АРХАИЗМЫ В ГЛАГОЛЬНЫХ ФЛЕКСИЯХ
ДРЕВНЕБАЛКАНСКИХ
И АЛБАНСКОГО ЯЗЫКОВ

Осуществляемый в исследованиях последнего времени пересмотр традиционной реконструкции индоевропейских глагольных форм позволяет по-новому оценить и степень архаичности флексий албанского глагола (а соответственно и того древнебалканского индоевропейского диалекта, к которому восходит албанский).

Особый интерес представляет окончание 2 л. ед. ч. наст. вр. **-s*, которое реконструируется на основе форм типа *vjedh* 'ты воруешь' (синхронно – второе спряжение), где предполагается праформа на **-e-s¹*. В настоящее время накоплено значительное число данных, позволяющих считать окончание 2 л. ед. ч. наст. вр. **-s* архаизмом. Противополагающееся этому "вторичному" окончанию первичное "окончание" **-si* представлено в анатолийском (хет. *-ši* в глаголах спряжения на *-mi*), индоиранском (в атематических и тематических глаголах), армянском, отчасти также в греческом, германском (гот. *bairis* при др.-инд. *bhara-si*) и в абсолютных атематических окончаниях в кельтском. Истолкование балтийских и славянских форм на **-sei* (атематических в балтийском², атематических и тематических в славянском) остается проблематичным, потому что наряду с праформой **si* вероятно и разложение **s+ei*. В латинском и в других итальянских языках обнаруживаются формы на *-s* типа лат. *uidēs*, умб. *seste 'sistis'*³; архаическое *-s* обнаруживается и в значительном числе греческих форм⁴. В тохарском окончание **-si* отсутствует, как и в итальянском.

След диалектного архаизма индоевропейской древности можно предположить в алб. *je⁵* (2 л. наст. вр. от *jam* 'быть' из **es-mi*), которое может быть исторически отож-

¹ Brugmann K. Grundriss, II (2 Auflage), 3, 2, S. 605–606. Конечное **-s* в албанском исчезает – там же, § 865; 1020, 3.

² Stang Chr.S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo-Tromsø – Bergen, 1966, S. 407–409.

³ Meid W. Die indogermanischen Grundlagen der altirischen absoluten und konjunkten Verbalflexion. Wiesbaden, 1963, S. 100.

⁴ Bader F. Le présent du verbe "être" en indo-européen. – Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1976, t. LXXI, fasc. 1, p. 60–62.

⁵ Cp.: Jokl N. – Die Sprache, 1963, 9, S. 146.

дествлено с лат. *ess*, греч. ἔσ, *έδδ⁶. Предполагается, что вторичное окончание -s в *es-s может быть относительно более древним по сравнению с первичным -si в *es-si (хет. ešši), хотя для общеиндоевропейского восстанавливаются не эти окончания, а окончание "перфектного" типа *tHо в форме типа ḫθа < *es-tHо (ср. тох. B-st)⁷. Албанский (и соответственно давший ему начало древнебалканский диалект индоевропейского) отражает форму, более архаичную, чем хеттская, хотя и отличную от общеиндоевропейской. Это дает основание предположить, что в албанском можно найти некоторые глагольные формы, по степени архаичности соперничающие с древнеписьменными индоевропейскими языками. Но тут же следует оговориться, что форма 1 л. ед. ч. алб. *jam* восходит к *es-mi (ср. ю.-тоск. имперф. *jeshë* < < *es-ŋ), представленной в большинстве диалектов, но тем не менее, однако, являющейся в них результатом раннего конвергентного развития по сравнению с более архаической формой *es-Hо, лув. *ašha* 'я был', греч. ἦ and т.п. Часто отмечаемые в качестве архаизмов другие аналогичные формы атематических албанских глаголов на *-m⁸ этимологически принадлежат к числу диалектных изоглосс, связывающих албанский лишь с некоторыми индоевропейскими диалектами: *kat* 'имею' < *khabh-mi, лат. *habeo*, оск. *haf-*, умбр. *habe*, др.-в.-нем. *haben*⁹, др.-англ. *habban*, др.-исл. *hafa*, гот. *haban* (при возможных более отдаленных связях с др.-инд. *gab hastis* 'рука', лит. *gabana* 'пригоршня', рус. *хабить* 'хватать, загребать'), где вторичность семантики глагола предполагается типологией индоевропейского¹⁰ (в котором для выражения значения 'иметь' использовался оборот с глаголом *быть* типа рус. *у меня = мне есть*¹¹); *thom*,

⁶ Bader F. Op. cit., p. 63.

⁷ Bader F. Op. cit., p. 111. Ср. слав. *jes-mo*, 1 л. мн. ч., ср.: Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves, III, 1, Paris, 1966, p. 76; Shevelov G.Y. *Jesmi 'I am'* and some verbal endings in Slavic. - In: Papers in Slavic philology, 1. In Honor of James Ferrell, ed by B.A. Stoltz. Ann Arbor, 1977, p. 255.

⁸ Ситов А.П. Из истории албанской глагольной флексии. - В кн.: Грамматический строй балканских языков. Исследования по семантике грамматических форм. Л., 1976, с. 198; Он же. К вопросу о рефлексе вторичного и.-е. окончания 1-го лица ед. числа в глагольной системе албанского языка. - В кн.: Лингвистические исследования 1978. Синтаксис и морфология языков различных типов. М., 1978.

⁹ Pisani V. Lexikalische Beziehungen des Albanesischen zu den anderen Indogermanischen Sprachen. In: Pisani V. Saggi di linguistica storica, Toronto, 1959, S. 130 (N 139).

¹⁰ Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973..

¹¹ Ср.: Иванов В.В. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском. - В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.

them 'говорю', сопоставляемое (через корень *kē-) с др.-инд. *samsāyati* 'объявляет', др.-перс. *θātiy*, авест. *sān-haite*, ст.-слав. *СА-ТЬ* 'inquit', ср. лат. *cēnseō*¹².

Согласно новейшим разысканиям, к типу на -*ši* не принадлежал первоначально и класс глаголов на -*šk-* (ср. архаические хеттские глаголы типа др.-хет. *eškaħħa*¹³). В албанском этот тип, предположительно составлявший существенную часть древней глагольной системы, восстановливаемой по согласным свидетельствам хеттского, тохарского, армянского и ряда других языков¹⁴, представлен несколькими явно архаичными глаголами. Кроме *njoh* 'я знаю' (имп. *njihja*, аор. *njoha*, *njohta*), родственном лат. *gnōsco*, греч. γνῶσκω, к этому архаическому классу относится алб. *shoh* 'вижу' <**zēkʷ-* - *skō*¹⁵, этимологически связанное с гот. *saithan*, др. исл. *sjá*, др.-в.-нем. *sehan*, др.-англ. *seon* 'видеть', др.-фриз. *siā*; ср.-ирл. *ar-secha* 'он должен вас видеть' при именных производных др.-ирл. *ro-sc* 'взгляд, глаз', *ubullruisc* 'крупноглазый'¹⁶. Наиболее точное соответствие алб. *shoh* обнаруживается в (средне)-хеттских формах типа *šakuišk-* 'видеть' от *sakuiai-* 'видеть', ср. в "Песне об Улликумми": [nu-kán DUTU-*uš* ne-pi-*ša-az* kat-ta *š]a-ku-ua-it* nu-za DUL-*lu-kum-mi-mi-in* *ša-ku-iš-ki-iz-zi* [DUL-*lu-kum-mi-ša-za* ne-pi-*ša-*] an DUTU-*uš* *ša-ku-iš-ki-iz-zi* 'И Бог Солнца с неба посмотрел (*šakuiai-*), и Улликумми он увидел (*šakuišk-*) Солнечного Бога Неба' (Ullikummi, I табл., A IV 33-34), ср. там же: *na-an-za-an ša-ku-ua-[it]* 'и он его (у)видел' (II табл., IV 12). О сохранении в (средне)хеттском связи между именем *šakuiā* 'глаза' (видимо, древняя форма дв. ч. **sokwō*, в древнехеттском несклонявшаяся, ср. основу на -o в ср.-ирл. *ro-sc*) и глаголом на -*šk-*, тождественным алб. *shoh*, свидетельствуют такие места эпоса, как *nu D[El]-la-al-*lu-uš* IGI^HI.A-ua kar-ap-ta nu-za DUMU-an *ša-ku-iš-ki-iz-zi** 'И Энлиль поднял глаза (IGI^HI.A = *šakuiā*) и увидел ребенка (I табл., A IV 10-11). Из употреблений глагола *šakuiā*- без -*šk-* в архаических древнехеттских текстах следует отметить известный § 50 хеттских законов: *nu a-pi-e-[el E.ZU / ku-*

¹² Pisani V. Op. cit., S. 130 (N 145). Ср. о фонетическом облике корня: Ölberg H.M. Zwei oder drei Gutturalreihen. Vom Albanischen aus gesehen. - In: Scritti in onore di Giuliani Bonfanti. Brescia, 1976, S.563.

¹³ Иванов В.В. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 140; Bader F. La structure thématique aux présents hittites. - Revue hittite et asianique, t. XXXIII, 1975.

¹⁴ Rosenkranz B. Zur Entstehungsgeschichte der indogermanischen Verbalflexion (Institut für Sprachwissenschaft - Universität Köln, Arbeitspapier N 16, 25.5.1971), Köln, 1971.

¹⁵ Pisani V. Op. cit., S. 131 (N 157).

¹⁶ Thurneysen R. A grammar of Old Irish. Dublin, 1946, p. 220, § 346.

e-la GISe-ia-an a-aš-ki-iš-ši ša-ku-ua-a-an a-ra-a-u-ua-an] и дом того, в чьих воротах видно (причаст. *šakuant*) дерево *eia-*, освобождается от налогов¹⁷. Характер употребления хет. *šakua-i-*, *šakušk-* позволяет считать оба эти глагола архаическими. Поэтому в данном случае, как и по отношению к алб. *njoh*, кажется вероятным отражение в алб. *shoh* исключительно древнего типа образования, восходящего к общеиндоевропейскому. Древний пережиток можно видеть и в супплетивном образовании аориста к *shoh*: алб. *pashë*, *re*, *ra*, *rati*, *patë*, *panë* (к типологии такого супплетивизма в глаголах с данным значениемср. др.-инд. *pāśyati*, презенс к аористу *adarśam*). Супплетивное образование аориста свидетельствует о том, что древний длительный глагол на *sk- сохраняет свой неаористический характер. Следовательно, оппозиция алб. *sheh* 'он видит': *ra* 'он видел' тождественна по семантике хет. *šakuškizi*: *šakua-i* при этимологическом совпадении первых членов оппозиций.

К тому же классу архаических индоевропейских глаголов на *sk-, кроме *njoh* 'знаю' и *shoh* 'вижу', относится также *ngroh* 'грею' < *greH-sk-oH(o) при ст.-слав. ГРЬЕЖ (ГОРЬТИ), лтш. *grēmens* 'изжога'. В *njoh* и *ngroh* основы на *sk- в албанском при корнях на долгий гласный (исторически ларингальный), принадлежавших ко 2-ой серии, служат для образования форм презенса; о древности этого типа свидетельствует и др.-хет. *zikk-* [t-sk-] от *d^heH- 'ставить, класть', ср. алб. *leh-* др.-инд *rā(-yat:)* 'он лает'; алб. *rrah* 'ударяю' и т.п.

Наличие вprotoалбанском противопоставления длительных и недлительных (аористических) основ глаголов свидетельствуется также несколькими случаями архаичных супплетивных образований. В диалектах, противопоставлявших эти два вида корней грамматически (как в греко-армяно-арийском ареале), *ed- 'есть, кушать' принадлежал к неаористическим корням: в древнеармянском от *ed- образуются формы наст. вр. (*utem*), имперф. и повел. накл., от *gwer- форма аориста *eker*, которая может быть отождествлена с алб. *hēngra* 'я поел' (предполагаемая форма аугмента согласно интерпретации Педерсена, поддержанной Пизани¹⁸). Предложенную Педерсеном интерпретацию этой формы можно было бы подкрепить сопоставлением с аналогичными изолированными формами с единичным аугментом в таких языках, как тохарский. В тох. В 1 л. мн. ч. *ektem* (от тох. В *katai* 'я пришел', 3 л. *sem* с архаическим долгим гласным типа лат. *vēnit*, гот. *qētum*¹⁹, прошедшее время, противопоставляющееся презенсу на носовой тох. В *kān-*

¹⁷ Friedrich J. Die hethitischen Gesetzen. Leiden, 1959, S. 33; Imparatti F. Le leggi ittite. Roma, 1964, p. 67, 69, 239.

¹⁸ Pisani V. L'albanais et les autres langues indo-européennes. - In: Saggi di linguistica storica, p. 110, № 2.

¹⁹ Krause W., Thomas W. Tocharisches Elementarbzch, Bd. 1. Heidelberg, 1960, S. 56, 253, § 29.2, 452.2.

massāt, A *kumnās*) выделяется префикс *e-*, функция которого точно не определена (собирательный по Винтеру²⁰, интенсивный по Ван Винdekенсу²¹). Представляется возможным отождествить это *e-* как древний аугмент с др.-арм. *e-* в *e-kn* (3 л. ед. ч.) < **e-gʷeN* < **e-gʷem*²², выступающим в качестве супплетивного аориста от *gam* 'я иду' (лат. *vādo*, др.-англ. *wada*). Использование **gʷem-* в качестве аористического корня в древнеармянском и тохарском согласуется с использованием лтш. *dzemt*, *dzimt*, арх. лит. *gimai* в специализированном значении 'рождаться', с одной стороны, лтш. *gājū* как супплетивного претерита, - с другой²³.

Если предлагаемое толкование тох. В *ektem* и алб. *hēn-gra* как изолированных аугментных форм окажется верным, то это позволит локализовать данные индоевропейские диалекты на периферии того диалектного ареала, в который кроме греко-армяно-арийского входил также и фригийский, где аорист характеризовался аугментом (в древнефригийском, не являвшимся еще обязательным²⁴), ср. ранее установленные тохарско-фригийские и тохарско-албанские изоглоссы.

Для исследования парадигмы глагола со значением 'есть' в албанском тохарский представляет особый интерес. В тохарском настоящее время образуется от глагола А *šwāt* 'ем', В *šiwan*, родственного ц.-слав. (серб. изв.) ЖВАТИ, рус. жевать, др.-чеш. *žváti*, лтш. *žaunāt* 'быстро и жадно есть', *žainas* 'жабры, челюсть', лит. *žiāuna* 'челюсть' и др.-в.-нем. *kiwan* 'жевать'. Формы претерита и конъюнктива в тохарском образуются от тох. А *tāp*, В *tāppot* (оптатив), родственного лат. *daps* 'священный пир' (ср. *Iupiter dapalis* и тох. А *tapal*, отглагольное имя на -1), *dapinare* 'устраивать царственное угождение', греч. гом. δέπτω 'пожирать (об огне)' (Ψ 183). По грамматической роли в тохарском *šw(a)-* аналогичен глаголам первой серии (или длительным), *tāp-* - глаголам второй серии. Вытекающее отсюда функциональное сопоставление *šw-* с о.-и.-е. **ed-mi* подкрепляется фактами лингвистической географии: глагол

²⁰ Winter W. An Indo-European prefix **ŋ-* 'together with'. - Language, 1952, vol. 1, N 2, part 1, p. 188, 190.

²¹ Van Windekens A.J. Etudes de phonétique tokharienne X: lex préfixes privatif et intensif A *ā*, B *a-* etc. - Orbis, 1968, t. XVII, N 2, p. 416; Idem. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Vol. 1. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976, p. 242.

²² Meillet A. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. Vienne, 1936, p. 134, 135.

²³ Ср.: Stang Chr. Op. cit., S. 337, 379, 391.

²⁴ Дьяконов И.М., Нерознак В.П. Очерк фригийской морфологии. - В кн.: Baltistica. II priedas. Vilnius, 1977, с. 183-185. К истории аугмента в греческом ср.: Blumenthal H. Some Homeric evidences for the history of the augment. - Indogermanische Forschungen, 1974, Bd.79, S. 67-77.

обнаруживается в тех языках (латышском, славянском, тохарском), которые утратили название зуба **(e)d^e/ont-*: латыш. *zobs*, слав. **zq̥bъ*, тох. A *кат*, B *кете* 'зуб'. Следовательно, замена старого названия зуба²⁵ была связана и с изменением в семантическом поле 'челость' - 'жевать' - 'есть'. Поскольку к этой же ареальной группе относится и албанский (*dhëmb* 'зуб', ср. макед. *жбивојс* 'ббнтас, γονφојс Гес.), представляется возможным поставить вопрос об этимологической связи с тох. *šwā-* и алб. *ha* 'есть', где *h-* возводил к звонкому индоевропейскому гуттуральному Пизани²⁶. Парадигматическое противопоставление алб. *ha* (наст. вр.), *haјa* (имперф.) - *hēngra* (аорист) аналогично оппозиции глаголов *šw-:* *tāp-* в тохарском.

В некоторых других подобных супплетивных парах в албанском можно предположить инверсию первоначального распределения грамматических значений. Такую инверсию можно предположить в алб. *erdh-* - супплетивном глаголе со значением аориста от *vij-* 'приходить'. Родственное греч. гом. наст. вр. *έρχομαι* 'иду' в противоположность аористу *ἵλεον*, *ἵλυεον* играет роль, обратную роли алб. аор. *erdha* от *vij*. Первичность распределения грамматических значений в греческой парадигме следует из того, что *έρχομαι* совпадает с др.-арм. наст. вр. *ert'am* 'я иду'²⁷, к которому супплетивный аорист образуется от *сог-* (др.-инд. *सुवाते* 'двигается', авест. *ও(y)avaite* 'отправляется в путь', др.-перс. *ušiyavam* 'шел походом'). Вместе с тем архаизм греческой парадигмы поддерживается и сопоставлением с исключительно сложной кельтской парадигмой²⁸, где родственная *έρχομαι* основа др.-ирл. **erg*, **eirg* служит для образования некоторых форм будущего времени, а формы повествовательного прошедшего (др.-ирл. мн. ч. 1 л. *lōdmar*, 3 л. *lotar*, абс. *lotir*, характерные формы на *-r* древней 2-ой серии) образуются от *luid*, родственного греч. гом. перф. *ἔληλυσα*. Подобная албанскому соотношению *vij-:* *erdha* инверсия может быть предположена и в некоторых других

²⁵ Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М. 1964, с. 273. - Возможность косвенного следа древнего глагола **ed-*, от которого некогда было образовано это название, в тохарском привативном образовании A *nätsaw-*, B *mäts-ts* 'умирать с голода' < **n-ed-t-* (Van Windekkens. Le tokharien..., p. 416, 317) подтверждается сравнением с греч. гом. *νήστος* 'натощак, не евиши' (T 156, σ 370) < **n-ed-ti*: Bader F. Emplois récessifs d'un suffixe indo-européen, **-tu*. - Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1977, t. LXXII, fasc. 1, p. 87.

²⁶ Pisani V. L'albanais..., p. 110.

²⁷ См. об этимологии: Ачарян Р. Этимологический коренной словарь армянского языка, т. II. Ереван, 1973, с. 53 (на арм. яз.)

²⁸ См.: Thurneysen R. Op. cit., p. 273, 769 (с этимологией отдельных членов парадигмы).

супплетивных парах таких западноиндоевропейских (древнеевропейских) языков, как германские. В паре гор. *iddja: gaggan* формы от **ei-/i-* относятся ко 2-ой серии, а не к 1-ой, как например тох. А *uitc* (к которому образуется супплетивный претерит), тогда как *gaggan* (от которого первоначально не образовывалось форм прошедшего времени) является глаголом 1-ой серии, как родственное ст.-лит. *žeŋgti* (в Библии Хилинского).

Архаизм, во всяком случае во втором члене противопоставляемой пары основ, обнаруживается в албанском в супплетивном образовании настоящего времени от (*j)ap* 'даю' (по-видимому, древняя 1-ая серия, ср. хет. *er-ti* 'хватаю', лат. *coerī, aptus?*) при **doh-*. В подобных соотношениях основ презенса и аориста в албанском проступает противопоставление двух индоевропейских серий, преобразованных по типу, близкому к грекско-арийско-армянскому. В древнеармянской парадигме глагола *tam* 'я даю' конкретное противопоставление основы настоящего времени *ta-* и основы аориста *e-t(-u)* (с аугментом *e-*) строится по другому типу²⁹, отличному от албанского, но самый принцип противопоставления в обоих диалектах сходен.

Чрезвычайно интересными представляются сигматические формы прошедшего времени, которые в албанском по традиции связывали с сигматическим аористом, а в настоящее время можно непосредственно сопоставить с еще более архаическими формами на *-s- прош. вр. глаголов типа *da-* 'брать', *dai-* 'ставить' в хеттском, ср. хет. *daš* 'он взял' при родственном алб. 1 л. ед. ч. аор. *dhashë* (аорист от супплетивного (*j)ap* 'даю'). Как показали проведенные в последнее время исследования древнехеттских текстов (XVIII-XVI вв. до н.э.), в них сигматический показатель появляется в 3 л. ед. ч. прош. вр. глаголов спряжения на -hi (*daš* при 2 л. *datta*, 1 л. *dahhi*). В истории отдельных диалектов, в частности, албанского, сигматический показатель мог быть распространен на другие лица, в том числе на первое: алб. *dhashë*, 1 л. ед. ч. аор. (при *dhe*, 2 л., *dha*, 3 л., ср. ст.-слав. ДАХЬ, ДА, ДА). Отмечаемое в работах последнего времени³⁰ полное внешнее тождество праславянской и албанской парадигм сигматического аориста не означает, что славянский и албанский в одно время развили эти образования (ср. расхождение во мн. ч.: 1 л. алб. *dhamë*, слав. **daxomъ*). Но их первоначальный прототип мог иметь много сходного. Славянская парадигма типа ст.-слав. ДАХЬ - ДАСТЬ - ДАСТЬ (ср. ст.-лит. *dūsti*, прус. *dast*) обнаруживает сходство с хеттскими формами типа 3 л. ед. ч. *memišt(a)*. Подобную форму можно предположить и для

²⁹ Meillet A. Op. cit., p. 132; Godel R. An introduction to classical Armenian. 1976, p. 126, 127.

³⁰ Bader F. Flexions d'aoristes sigmatiques. - In: Etrennes de septanteaire. Travaux de linguistique et de grammaire comparée offerts à Michel Lejeune par un groupe de ses élèves. Paris, 1978, p. 41, ср. об армянском там же, а также: Godel R. Op. cit., p. 126, 127.

сигматического аориста во фригийском, если *-s* в нем возводится не к *-s типа хет. *-s*, а к *-s-t³¹ типа хет. *-s-t(a)*, как можно думать на основании сопоставления с формами на *-s-et*. Из этих последних наибольший интерес представляет др.-фриг. *daſet* (фонетически, очевидно, *dak-set*³²), засвидетельствованное в контексте *tekset.ji iowe-wiñ* : *onotan* : *daſet...* 'родила его, именно ему имя создала'³³ (в смысле 'положила, дала имя'). Др.-фриг. *onotan daſet* семантически тождественно общеиндоевропейскому *(e/o)nom(e)n d̥eñ- 'ставить имя' (греч. δομαεῖν 'установитель имен', др.-инд. вед. *namadhā-* 'установитель имен', иер. лув. *atimaza tuha* 'имя установил'³⁴, хет. *lataman te-* 'именем назвать', слав. *j̥emē děti, др.-чеш. *die-ti jmě*, ст.-пол. *dzieć imię*³⁵). Поэтому представляется несомненным тождество др.-фриг. /dakset/ и венет. *v̥ag.s.to* (основа *fac-*, как в лат. *faciō*³⁶),ср. тох. А конъюнкт. акт. *tās* 'был бы' < *tākse (ср. 3 л. мн. ч. *tā-keñc*). Появление форм с *-k-* после *d̥e- (и аблautных вариантов этого корня) перед *-s-, вероятно, объясняется аналогическим воздействием форм типа фриг. *addaketor, ad-daketera*, др.-фриг. *dokej* 'сделал', *dakaren* 'сделали'³⁷, тох. А 1 л. ед. ч. прош. вр. *tākā*, В *tākāwa*, греч. аор. 1 л. ед. ч. *έεηκα*, лат. перф. *fēci*, 3 л. *feced*, оск. *fi-fikus*, 2 л. ед. ч. буд., где в позиции перед гласным *-k- следует объяснить либо по Сэпиру-Стертеванту как прямое фонетическое отражение ларингального -H- (в неясных условиях, например, при двойном -H-H- на морфемном шве в *d̥eñ-Ho), либо как косвенное отражение процессов заполнения морфемных швов после падения ларингальных. В этих случаях роль, близкую к роли *-k-*, может играть *-i- не только в балтийском и славянском (где отсюда можно объяснить специфические формы балтийского прошедшего времени с *-j-* типа латыш. *gāju*), но и в других диалектах (умбр. конъюнкт. аор. III л. ед. ч. *feia* при лит. 3 л. ед. ч. прош. вр. *dējo*³⁸, ср. хет. *tiia-*). Кажется возможным допущение о том, что и загадочное фригийское *-j-*

31 Дьяконов И.М., Нерознак В.П. Указ. соч., с. 183, 184.

32 К интерпретации φ = ks см. там же, с. 171 и примеч. 10.

33 Там же, с. 185, 195.

34 Meriggi P. Manuale di eteo geroglifico, P. II. Testi.

1^a serie. I testi neo-etei più o meno completi (Incunabula graeca, vol. XIV), Roma, 1967, p. 80.

35 Иванов В.В. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции. - В кн.: Древняя Индия. М. 1964; Он же. Очерки по истории семиотики в СССР. М. 1976, с. 41-46.

36 Lejeune M. Manuel de la langue vénète. Paris, 1974, p. 78, § 71.

37 Дьяконов И.М., Нерознак В.П. Указ. соч., с. 188, 189, 195.

38 Watkins C. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Indogermanische Grammatik, Bd. 3, T. 1. Heidelberg, 1969, S. 154, 139.

в формах перфекта типа *dokej*, *tututaj* и в некоторых других глагольных формах³⁹ может найти сходное объяснение (при предположении редукции следовавшего за ним гласного, ср. типологически сходный результат развития в латышском).

На основании общепризнанного истолкования алб. *dashë* можно предположить и новую этимологию алб. *lashë* (аорист от *lë* 'оставляю'), сопоставив его с хёт. *la-* 'оставлять, пускать' (предлагавшиеся ранее этимологии албанского глагола семантически более сомнительны). Принадлежащий к тому же типу *thashë*, аорист от *thom* 'говорю', может содержать суффикс *-s-* того же типа, что и лат. *censeo*, ср. другие подобные примеры соответствия глагола на *-s-* и сигматической формы прошедшего времени в индоевропейских диалектах.

К числу значительных архаизмов, свидетельствующих о косвенном отражении в албанском некоторых характерных черт 2-й серии индоевропейских глаголов, может принадлежать алб. *-va* в аористе⁴⁰, отождествляемое с тох. *-wā* (1 л. ед. ч. прош. вр.), лат. *ui* в перфекте, др.-инд. *-ai* в перфекте, галл. *ienu* (3 л.).

Некоторые из приведенных архаизмов албанского глагола находят существенные параллели во фригийском (но не в иллирийском, который, в частности, находился вне аугментного ареала).

Другие черты фригийского глагола сближают его с анатолийско-тохарско-кельто-италийской диалектной областью.

Для изучения истории фригийского глагола в его диалектных отношениях к другим индоевропейским одной из наиболее спорных проблем остается вопрос о формах медиопассива на *-r*. Следует подчеркнуть, что фригийский в использовании форм медиопассива на *-r* напоминает анатолийские языки, где появление этого *-r* факультативно: форма типа хэт. *kittari* (пал. *kittar*) 'покоится, лежит, положен' существует с формой *kitta*, возводимой к общеиндоевропейскому на основании сравнения с др.-инд. *śete*, греч. *κεῖται*.

По существу аналогично соотношение между фриг. *Impf. indic. Medii abberetor* 'нанес бы' и *abbireto* 'нанесет'⁴¹. Следовательно, фригийский, как и анатолийский, следует отнести к диалектам, занимающим промежуточное положение между такими, в которых (как в италийско-кельто-тохарском) имеется только медиопассив на *-r* (и, в частности, на **-tor*), и такими, в которых (как и в индо-иранско-греческом) медиопассив имеет формы на **-(H)o(i)*, **-to(i)*. При этом, судя по формам типа *addakkettai*, *daketa[i]*, *abberetai* 'причинит', *isn̩dout-i* (если они не являются грецизмами во фригийском), толкуемым как *Praes. indic.*,

³⁹ Дьяконов И.М., Нерознак В.П. Указ. соч., с. 189, 190, 195.

⁴⁰ Lambertz. Der alb. Aorist auf *-va*. - Indogermanische Forschungen, 1957, Bd. 60, S. 302-305; Bader F. Flexions d'aoristes sigmatiques, p. 33-35.

⁴¹ Дьяконов И.М., Нерознак В.П. Указ. соч., с. 188.

isn< i>ouastoi (Desiderativus-Futurum Medii), а также по др.-фриг. *tedatoj* 'сделал', *estatoj* 'станет' Impf. indic. Medii, относительно -*j* ср. выше) *egertoj* 'взял', *ektetoj* 'основала' (Aor. indic. Medii) и ново-фриг. *ad-daketor* 'причинил бы', *abberetor*, *addaketera* (безличные формы medii, имперф. и наст. вр.?)⁴², фригийский относился к числу тех диалектов, в которых, как в греческом, тохарском и латинском из двух некогда существовавших параллельных форм медиопассива - на *-*to(r)* и на *-*o(r)* сохранилась только первая, являющаяся результатом перестройки более архаичной формы 2-й серии на *-*or* благодаря ее взаимодействию с формами 1-й серии типа *-*t(-i)* (3 л. ед. ч. наст. вр.), *-*t-u* (3 л. ед. ч. повел. накл., ср. фриг. *eitou* 'да будет', *adeitou* 'да отойдет', *ouite-tou* 'да изведает'⁴³ при хет. *ešdu*, лув. *ašdu*, иер. лув. *a-s-tu*, пал. *ašdu*, лик. *ezi* в *nijesu* 'этого не должно быть', др.-инд. *astu* 'да будет', авест. *astū*). В анатолийском имелось два типа форм повелительного наклонения (как и медиопассива) соответственно от глаголов спряжения на *-ti* и на *-hi*: 3 л. ед. ч. **tu* (хет. *-du*, *-tu* в написании, не различавшем глухих и звонких) и *-*u* (хет. *-u*). Из двух этих форм в индо-иранском, как и во фригийском, сохранилась только первая, что легко объяснить исчезновением 2-й серии глаголов в обоих диалектах. Что же касается медиопассива, в нем следы форм 2-й серии (более архаичных, т.к., по-видимому, древним окончанием медиопассива было только *-*e/o*) еще обнаруживаются в ведийском.

До настоящего времени наличие в ведийском двух типов медиопассива на *-e* < *-ai и на *-te(-ta)*, с рядом этимологических соответствий в греческом и анатолийском) исследовалось преимущественно с целью доказать вторичность последнего типа⁴⁴. Но особенно существенным представляется другое: противопоставление этих типов свидетельствует о наличии и в индо-иранском того же различия, что и в анатолийском. Возникновение оппозиции форм 3 л. ед. ч. на *-*to* и на *-*o* в медиопассиве отодвигается к периоду общности большинства индоевропейских диалектов, т.к. точное соответствие анатолийским формам есть в кельтском.

Хет.-лув. *-ari* соответствуют флексии др.-ирл. **berar*, **berr* (конъюнкт. ф. 3 л. ед. ч. пассива), *berair* (абсолют. ф.), умбр. *ferar* (продуктивный тип в оскско-умбрском), ср. венет. *tolar*, тогда как хет.-лув. *-tari* соот-

⁴² Дьяконов И.М., Нерознак В.П. Указ. соч., с. 188.

⁴³ Там же, с. 182, 190. Параллельное фригийское написание с *-dou* типа *ei do [u]*, *egedou* любопытно как параллель (скорее всего типологическая) к хет.-лув. *-tu/-du*. Но представляется крайне маловероятным, что в этом единственном случае анатолийский субстрат мог сказать-ся в морфонологии фригийского (хотя стоит отметить, что в данном случае анатолийская и фригийская морфемы полностью совпадают).

⁴⁴ Watkins C. Op. cit., S. 88-90; Barrooy T. Санскрит. М. 1976, с. 291.

ветствуют флексии др.-ирл. *carthair* (абсолют. ф. 3 л. ед. ч. пассива), *carthar* (конъюнкт.), умбр. *harter' oportet*⁴⁵.

Обобщение показателя *-te/or во всех глаголах проводится в древнеирландском в отложительных глаголах в отличие от приведенных пассивных форм, сохранившихся только у сильных глаголов (обратный процесс осуществлялся в бретонском). Аналогичный древнеирландскому процесс привел к полному вытеснению показателя 3 л. ед. ч. (совпадшего с флексией 1 л. ед. ч. после исчезновения ларингальных) *-or в латинском (как и в тохарском), а также, судя по имеющимся формам, и во фригийском, что представляет собой инновацию этих диалектов. Во фригийском из двух пар окончаний 3 л. медиопассива *-to(r) и *-o(r), повелительного наклонения *-tu и *-i сохранились только первые члены, связанные с первой серией глаголов.

Значительный интерес представляет недавно высказанная гипотеза о том, что фригийская форма на -tor может выражать "безличность" (точнее, видимо, обобщенно-личный характер) субъекта⁴⁶. Согласно давно уже высказанной точке зрения, недавно получившей вновь подкрепление⁴⁷, начальной функцией форм 3 л. ед. ч. типа др.-ирл. (*ro-*) *fitir* 'знает' (вал. *gwyr*, корн. *gor*, брет. *goar*) было именно безличное значение, что доказывается отождествлением с вед. *vidur* 'они знают' (лат. *vidēre*), ср. также умбр. *ier* < *(i)ier (развитие 3 л. ед. ч. мед. в безличном употреблении из 3 л. мн. ч. медиопас.); "можно далее предположить, что соответствующий безличный тип на -er был унаследован в кельтском, где он дал начало таким формам, как ср.-валл. *heby(r)* 'он сказал' *sek̄er и регулярным бретонским безличным образованием на -er (ср. *caner* 'он любит' и т.п.)"⁴⁸. С этой точки зрения и обобщенно-

⁴⁵ Thurneysen R. Op. cit., p. 369; Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М. 1954, с. 368; Иванов В.В. Общеиндоевропейская, анатолийская и праславянская языковые системы. М. 1965 (далее - Иванов В.В. Системы), с. 122, 123, 134; Watkins C. Op. cit., S. 176, 182, 183, § 165, 172, 174.

⁴⁶ Дьяконов И.М., Нерознак В.П. Указ. соч., с. 188. Остается, однако, не вполне ясным, как интерпретируется в этом случае начальное *ios ni* в начале формулы проклятия; если принять перевод авторов "(любой) тот, кто" (согласующийся с обычной интерпретацией фригийского *ios ni*, см.: Fraser J. Phrygian icos vL. - In: Mélanges H. Pedersen. Acta Jutlandica, København, 1937, p. 537 и сл.; Rysiewicz Z. De quelques pronoms relatifs. - In: Rysiewicz Z. Studia językoznawcze. Wrocław, 1956, с. 319), то скорее нужно говорить о значении типа логического квантора общности: 'любой субъект' (для всех субъектов верно, что...).

⁴⁷ Иванов В.В. Системы, с. 123; Jasanoff J. The r-endings of the IE Middle. - Die Sprache, 1977, Bd. 23, N. 2, S. 166-168.

⁴⁸ Jasanoff J. Op. cit., S. 167.

личное значение фригийских форм на **-tor* может оказаться архаизмом, сходным с развитием в кельтском.

Следовательно, для общеиндоевропейского постулируется архаический медиопассив (из формы 2-й серии) 3 л. ед. ч. **-o*, более позднее (возможно, относящееся к самому позднему периоду истории праязыка) новообразование **-to* (в 1-й серии) и форма 3 л. мн. ч. 2-й серии на **-er⁴⁹* (хет. 3 л. мн. ч. прош. вр. на *-r*, лат. 3 л. мн. ч. перф. *-ere*, тох. В *-āre*, вед. *-r* в перфекте типа *vidur*). В диалектах типа фригийского по мере разрушения 2-й серии индоевропейских глагольных форм форма 1-й серии **-to* вытеснила архаичное **-o*, а переосмысление формы 3 л. мн. ч. как безличной или обобщенно-личной формы 3 л. ед. ч. ('говорят' > 'любой говорит') привело к созданию гибридной медиальной обобщено-личной формы на **-tor*. Параллелизм окончаний **-tor* и **-to* делает соблазнительным предположение о том, что в них еще можно было выделить частицу *-r* типа греч. *ἄρα*, *þá⁵⁰*. В принципе это допущение представляется вполне возможным, но по отношению к тому (достаточно древнему) периоду, который предшествовал формированию формы 3 л. мн. ч. 2-й серии на *-r* (многими сопоставляемой и с именными формами на *-r*,ср. аналогичное объяснение из имени формы 3 л. мн. ч. на *-nt-* и гетероклитическое чередование *-r-/nt-* в имени). В духе начатых работами Лемана исследований типологии индоевропейского как агглютинативного языка типа OSV может представить интерес сопоставление, с одной стороны, агглютинативных цепочек глагольных аффиксов типа **-t-i*, **-t-u*, **-t-o-r-i*, с другой, - сходных по принципам построения. Леман связывает с типологией индоевропейского как языка OSV и образование комплексов частиц-энклитик типа тех, которые в греческом могут включать и частицу *ra*, по Уоткинсу этимологически связанную с медиопассивом на *-r*.

С первой точки зрения могут возникнуть некоторые хронологические трудности, так как образование агглютинативных цепочек глагольных аффиксов осуществлялось позднее, чем изменение порядка OSV, но можно думать, что су-

⁴⁹ Ср. сходную реконструкцию: Jasanoff J. Op. cit., p. 167; *Idem. Stative and Middle in Indo-European*, § 47.

⁵⁰ Watkins C. Op. cit., S. 194-196; Дьяконов И.М., Нерознак В.П. Указ. соч., с. 188. Ср. сходное объяснение лит. *yra* 'есть': Hamp E.P. *yra*. - International Journal of Slavic linguistics and poetics, v. XVII, 1974, p. 7-8; Toporov V.N. Lit. *yrà*, lett. *ir* und ihre Vergangenheit im Lichte der Geschichte und der linguistischen Typologie. - Zietschrift für Slawistik, 1978, Bd. XXIII, Hft 5, S. 617-627; Иванов В.В. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском, с. 234. К окончанию *-r* ср. не только греч. *ἄρα*, *þá*, лит. *ir* 'и', тох. В *ra* (по Уоткинсу), но и в брет. *ra*, др.-вал. *ry*: Hemon R.A. Historical morphology and syntax of Breton (Mediaeval and Modern Breton Series, v. III, Dublin, 1975, p. 279, 296).

ществование агглютинативных цепочек аффиксов и/или энклитических комплексов частиц могло взаимно поддерживать друг друга (архаизм этого грамматического типа подтверждается и ностратической реконструкцией, для значительного числа глагольных форм предполагающей их происхождение из подобных цепочек или комплексов). С этой точки зрения история аугмента и медиопассива на *-tor (в частности, в таких древне-балканских языках, как фригийский) не отличается от путей развития других глагольных форм. Но не представляется возможным видеть отделяемые частицы этого типа в самих фригийских формах, хотя их соотношение с другими личными формами глагола и дает возможность установить возможные пути их происхождения. В качестве аналогии предлагаемому объяснению форм на -r, которые некогда могли возникнуть из сочетаний с частицами, можно было бы указать на формы волюнтива типа *xet*. *ešlut*, *ešlit*, *ašallu* 'да буду я', общеиндоевропейский характер которых делается вероятным в свете сопоставления с тохарскими формами (типа A *nəsalle*, B *nasäl* < *no-es-l) и балтийскими (ст.-лит. *esle* 'esto' в грамматике Клейна, прус. вост. *lai*), а, возможно, и с кельтским сослагательным на *-l⁵¹*. Поэтому для общеиндоевропейского форм восстанавливается как словоформа, чьему не противоречит наличие в балтийском частицы, из которой в конечном счете эти формы могут быть выведены (лтш. *lai*, лит. *диал. -l'*;ср. сходную частицу и в аккадском при наличии параллельной семитской глагольной формы). Возможность возведения этих морфологических форм глагола к более древним сочетаниям с частицами не снимается, но отодвигается к более отдаленной эпохе.

V. V. Ivanov

ARCHAISMS IN VERBAL FLEXION OF ALBANIAN AND ANCIENT BALKAN LANGUAGES

Some verbal forms of Albanian such as 2 person singular *je* (< *ess) reflect endings typical of earlier forms of Indo-European verbs. Especially instructive are *-sk-forms of the *shoh* type (Alb. *shoh* 'I see': Hittite *s̥kui-isk-* from *s̥aku*- 'to see'). It is possible that the augment was present not only in Phrygian but in Albanian as well. The sigmatic verbal forms of Albanian and Phrygian are compared to those of such ancient Indo-European languages as Hittite.

The -rr- forms of mediopassive are discussed from the point of view of their possible relation to perfect forms (including Baltic: Lithuanian *yra* etc.) and particles (*-r-). It is possible that these forms are connected with the oldest Indo-European agglutinative complexes of morphs and/or particles.

⁵¹ Льюис Г., Педерсен Х. Указ. соч., с. 343, 344; Thurneysen R. Op. cit., p. 403, 404.

К ОГЛАСОВКЕ *ă В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОРНЯХ СТРУКТУРЫ C₁VC₂—

В статье предлагаются некоторые добавления к полученным нами совместно с В. В. Ивановым выводам, по строению индоевропейского корня структуры C₁VC₂—, где С символизирует смычную согласную.

Рассмотрение индоевропейского корня структуры C₁VC₂— с точки зрения совместимости в нем согласных, определяемых по признаку локального ряда (места образования), позволяет сформулировать некоторые дополнительные структурные ограничения, накладываемые на строение индоевропейского корня. Такие правила, наряду с правилами, сформулированными в классической индоевропеистике и описывающими ограничения на совместимость в корне согласных по способу образования, характеризуют некоторые существенные особенности структуры индоевропейского корня.

В частности, для характеристики структуры индоевропейского корня весьма продуктивной оказывается теория Г. С. Ахвледиани о децессивных и акцессивных комплексах согласных, т. е. таких двухэлементных контактных последовательностях согласных, в которых предшествующая согласная является более переднего образования, чем последующая (децессивные или интровертные комплексы: -pt-, -tk-, -rk-) или наоборот — предшествующая согласная в комплексе более заднего образования, чем последующая (акцессивные или экстровертные комплексы: -fp-, -kt-, -kp-).

Децессивная последовательность согласных артикуляторно более естественная и стабильная последовательность, чем акцессивная, подверженная разного рода преобразованиям с целью преодоления или суперации такой артикуляторно менее стабильной консонантной последовательности.

Синтагматическую теорию акцессивных и децессивных комплексов представляется возможным расширить применительно и к последовательностям согласных, разобщенных вокалическим элементом. Можно говорить не только об акцессивных и децессивных комплексах согласных, но и об акцессивных и децессивных последовательностях согласных структуры C₁VC₂—, подверженных, ввиду лабильности элемента -V-, превращению в комплекс -C₁C₂—. Очевидно, именно благодаря такому лабильному характеру индоевропейского корня структуры C₁VC₂—, превращающегося в нулевой ступени аблauta в комплекс C₁C₂—, индоевропейский корень оказывается подверженным синтагматическим закономерностям акцессивных и децессивных комплексов.

Выясняется, что при максимальной артикуляционной дистанции между согласными в общеиндоевропейском корне структуры C_1VC_2- , т.е. при сочетании в дистантной последовательности смычных согласных, характеризуемых соответственно локальными признаками [+антериорный] и [+постериорный] (исключая признак [+медиальный]), допустима как акцессивная, так и децессивная последовательность согласных. Иными словами, лабиальная смычка может сочетаться синтагматически с велярной смычкой как в акцессивной дистантной последовательности $KVP-$, так и в децессивной последовательности $PVK-$:¹

$KVP-$: и.-е. $*g[\hbar]ab[\hbar]-$ (др.-инд. *gabhaстiḥ* 'рука, предплечье', лат. *habeō* 'имею, владею', др.-ирл. *gaibid* 'берет, хватает', гот. *gabei* 'богатство'); и.-е.

$*k[\hbar]ap[\hbar]-$ (др.-инд. *karaṭṭ* 'две пригоршни', алб. *kar* 'хватаю', лат. *capiō* 'беру, хватаю', гот. *hafjan* 'подымать') и др.

$PVK-$: и.-е. $*p[\hbar]ek[\hbar]-$ (др.-инд. *raśi-*, ав. *rasu-* 'скот', лат. *resū* 'скот', *resūnīa* 'деньги', гот. *faihu* 'имущество, добро', греч. *πένος* 'шерсть, руно'); и.-е.

$*p[\hbar]ek[\hbar]w-$ (др.-инд. *pacati*, ав. *račaiti* 'варит, печет', лат. *coquō* 'варю', греч. *πέπτω* 'пеку, варю', ст.-слав. *rekъ*, русск. *пеку*, тох. A *päk-* 'варить') и др.

При наличии в корне структуры C_1VC_2- у одного из членов последовательности смычных признака [+медиальность], т.е., при немаксимальной дистанции между локальными рядами, синтагматический признак акцессивности или децессивности последовательности смычных становится релевантным для структуры корня. Распространенный структурный тип представляет собой децессивная последовательность $PVT-$ и $TVK-$ ², при крайней ограниченности акцессивной последовательности $KVT-$ или TPV ³.

¹ Символы К и Р обозначают соответственно любую индоевропейскую велярную ("гуттуральную") и лабиальную согласную.

² $PVT-$: и.-е. $*p[\hbar]et[\hbar]-$ (др.-инд. *patati* 'летит', греч. *πέτομαι* 'лечу', лат. *petō* 'стремлюсь, домогаюсь' и др.); и.-е. $*p[\hbar]et'-$ (др.-инд. *pad-* 'нога', греч. *πούς*, р.п. *πόδες* 'нога', лат. *pēs*, р.п. *pēdis* 'нога', гот. *fōtus* 'нога' и др.).

$TVK-$: и.-е. $*d[\hbar]eg[\hbar]w-$ (др.-инд. *dahati*, ав. *dažai-ti* 'горит', греч. *τέφρα* 'пепел', лат. *foveō* 'греш', согреваю', лит. *degù*, тох. A *tsäk-* 'жечь'); и.-е. $*t[\hbar]ek[\hbar]w-$ (др.-инд. *takti* 'спешит', ав. *tačaiti* 'бежит, течет', др.-ирл. *techid* 'бежит', лит. *tekū* 'бегу, теку', ст.-слав. *tekъ* 'бегу', тох. B *cake*. 'поток').

³ Засвидетельствованы лишь два ясных примера корней этого типа: и.-е. $*t[\hbar]ep[\hbar]-$ 'теплый' (др.-инд. *tapati* 'согревает', *tapas-* 'жара', лат. *terēre* 'быть теплым', *tepidus* 'теплый', др.-ирл. *te* 'горячий'; русск. *теплый* и др.) и и.-е. $*d[\hbar]eb[\hbar]-$ (др.-инд. *dabhiboti* 'вредит, обманывает', хетт. *tep-ni-* 'умалить' и др.).

Вместе с тем, в акцессивной последовательности смычных в корне структуры C_1VC_2 - (при C_1 , представляющем собой постериорную смычную, т.е. одну из "гуттуральных" фонем) наблюдается, как правило, огласовка *a (ср. выше корни $*g[h]ab[h]-$, $*k[h]ap[h]-$, а также и.-е. $*k[h]at[k]-$: др.-инд. *śātayati* 'извергает', *satrū-* 'победитель', галт. *catu-* 'борьба, битва', др.-ирл. *cath* 'битва', др.-исл. *hod* 'борьба'; и.-е. $*k[h]ap[h]-$: др.-инд. *kagucchala* 'волосы на затылке', лат. *caput* 'голова', *bi-caps* 'двуглавый', гот. *haubip* 'голова' и др.; и.-е. $*k[h]ap[h]ro-$: др.-инд. *kaprth-* 'penis', греч. *κάπρος* 'кабан, лат. *caper* 'козел' и др.).

Редкие случаи первичной (т.е. не связанной с "ларингальной" фонемой) огласовки *ə в общеиндоевропейских корнях структуры C_1VC_2 - обусловлены, по-видимому, акцессивной последовательностью смычных при велярной фонеме в качестве начальной согласной корня (ср. в отличие от этого огласовку *e в акцессивных корнях без велярной смычной: $*t[h]ep[h]-$, $*d[h]eb[h]-$). Синтагматический фактор акцессивности и заднеязычный характер начальной согласной корня влияют, очевидно, на тембр корневой гласной, обуславливая ее максимальную открытость в виде гласного звука [a].

Таким образом, огласовку *a в общеиндоевропейских корнях можно объяснить различными фонетико-синтагматическими факторами: влиянием особой 'ларингальной' фонемы на тембр первичной корневой гласной, а также акцессивной последовательностью смычных в корне с начальной велярной фонемой. Остаются отдельные фонетически не вполне ясные случаи немногочисленных общеиндоевропейских корней с огласовкой *a типа **sal-* 'соль', **nas-* 'нос', **g[h]an-* 'гусь' и др.⁵

Th. V. Gamkrelidze

ON THE *a VOCALISM OF CERTAIN PROTO-INDO-EUROPEAN ROOTS OF THE C_1VC_2 -STRUCTURE

The article deals with some problems of the *a vocalism in Proto-Indo-European root structure. Proto-Indo-European roots of the C_1VC_2 -structure (where C is a cover-symbol for a stop-labial, dental or velar) tend to have as their vocalic element a vowel of the a-colour, if the consonant sequence in the root is accessive or extrovert, with a velar phoneme as its initial consonant. Otherwise the root vocalism is *e.

⁵ В большинстве таких индоевропейских корней с огласовкой *a существует начальная гуттуральная фонема, которая и могла повлиять на тембр корневой гласной: ср. и.-е. $*k[h]ax-k[h]o-$ (др.-инд. *kēkara-* 'косоглазый', лат. *caecus* 'слепой', гот. *haihs* 'одноглазый'), и.-е. $*k[h]ak[h]-$ (др.-инд. *śākhā* 'ветвь', гот. *hōha* 'плуг', лит. *šakà* 'ветвь', слав. *soxa* русск. *соха*), и.-е. $*k[h]as-no-$ (др.-инд. *baśa-*, валл. *ceinach*, др.-в.-н. *haso* 'заяц', лат. *cāpis* 'серый'), и.-е. $*k[h]uat[h]-$ (др.-инд. *kvathati* 'килит', гот. *haftō* 'пена', лат. *causus* 'сыр', ст.-болг. *kvasъ* 'квас') и др.

И. М. ДЬЯКОНОВ, В. Я. ПОРХОМОВСКИЙ

О ПРИНЦИПАХ АФРАЗИЙСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

(в связи с работой
над сравнительно-историческим словарем)¹

I

За последние 12-15 лет в афразийском (семито-хамитском) языкоznании произошел очевидный поворот от периода, который в целом можно охарактеризовать как подготовительный, поскольку его основным содержанием было определение объема и границ самого понятия "афразийские (АА) языки", к построению собственно АА сравнительно-исторического языкоznания. Этот новый период сопровождается значительным увеличением объема исследований по наименее изученным ветвям и группам АА семьи, а также развитием компаративистики внутри отдельных АА ветвей помимо семитской. Разумеется, прогресс в области АА сравнительных исследований невозможен без предварительной разработки соответствующих проблем в рамках отдельных ветвей и групп, составляющих эту семью. Однако, как показывает опыт сравнительного языкоznания, прежде всего в области индоевропейских языков, для глубокого понимания исторических изменений и их относительной хронологии в какой-либо одной отдельно взятой ветви или группе данной языковой семьи необходимо учитывать данные по другим ветвям и всей семье в целом. Не говоря уже о такой очень мало изученной в плане компаративистики ветви как чадская, где внешние сравнения с другими АА языками существенно облегчают задачу внутричадской реконструкции, даже наиболее разработанная в АА языкоznании отрасль - семитология также нуждается в данных внешнего сравнения. Так, например, историю семитских сибилянтов оказалось возможным реконструировать совершенно по-новому лишь благодаря привлечению внешних, прежде всего кушитских, материалов². Таким обра-

1 Некоторое время тому назад была начата работа по составлению сравнительно-исторического словаря афразийских языков, в которой участвует группа исследователей, в основном, из Институтов востоковедения (Москва и Ленинград) и языкоznания (Москва) Академии наук СССР. Этимологическая обработка материалов и редакционная работа над текстом словаря ведется О. В. Столбовой, А. Ю. Милитаревым, А. Г. Беловой и авторами настоящей статьи, в которой использованы некоторые предварительные результаты работы над словарем.

2 Семитские свистящие и шипящие, традиционно трактовавшиеся как фрикативные в соответствии с классическим арабским произношением, являются отражением общеафра-

зом, оказывается необходимой параллельность исследований как в рамках отдельных подгрупп, групп и ветвей, так и всей АА семьи в целом. Нежелательность откладывания синтезирующих работ до завершения исторического изучения отдельных АА ветвей и групп усиливается вследствие еще одного обстоятельства. В настоящее время АА языкознание еще не сформировалось как самостоятельная академическая дисциплина, и специалисты в области классической семитской и египетской филологии часто бывают не осведомлены о результатах работ их не столь давно "приобретенных" коллег, занимающихся живыми бесписьменными языками где-то в Северной Нигерии или в Танзании - и наоборот. Даже египетско-кушитские сближения еще недавно делались не на пражзыковом уровне, а путем произвольного выхватывания отдельных похожих гlosс из языков совершенно различных и часто очень далеких групп кушитской языковой ветви.

Совершенно очевидно также, что дальнейший прогресс в области сравнительной АА грамматики невозможен без строгого установления в максимально полном объеме регулярных фонетических соответствий. Сопоставления, базирующиеся на фонетическом сходстве и функциональных (внутрисистемных) аналогиях, как известно, часто оказываются ложными. Например, чадские "эмфатические" согласные соответствуют, едва ли не в подавляющем большинстве случаев, не семитским эмфатическим, но сочетаниям согласного с ларингалом (утраченным в чадских): чадск. болева *bɔ̄di*, карекаре *bēdi* ~семитск. юноаравийск. *bfr* 'ночь'; чадск. сура *dēl*, чип *dēl* 'входить' ~семитск. *dhl* 'входить' египетск. *dhn* 'спускаться'³.

Таким образом, актуальность задачи составления сравнительно-исторического АА словаря определяется потребностями исследований как в области АА лексики, так и фонетики и грамматики, поскольку система регулярных фонетических соответствий и, следовательно, ОАА фонемный состав могут быть установлены лишь на основе сравнительного изучения лексики⁴. К тому же неизученность или недостаточная изученность многих АА языков намного больше затрудняет работу по реконструкции ОАА грамматики, чем словаря (по

зийских (ОАА) аффрикат, сохранившихся в кушитских и частично в чадских. В семитских языках они сохранились как аффрикаты еще во II тыс. до н.э., что подтверждается согласным свидетельством египетских, хурритских и хеттских транскрипций (подробнее об этом см. ниже).

³ См.: Столбова О.В. Сравнительно-историческое исследование фонетики западночадских языков. Канд. дисс., М., 1978.

⁴ Исторически, установление генетического родства и компаративистские штудии часто начинаются с очевидных морфологических явлений, как это было в случае индоевропейских и семитских языков, а также на первом этапе АА сравнительных исследований. Однако существенно большая древность ОАА языка по сравнению с общенидоевропейским значительно усложняет задачу реконструкции АА архетипов.

многим чадским и кушитским языкам имеются лишь словарные материалы).

Предварительные результаты реконструкции ОАА корневого фонда указывают на исключительно архаичный характер его семантики. В ОАА полностью отсутствуют средства для выражения абстрактных идей; имеются серьезные основания предполагать отсутствие развитой глагольной системы (об этом см. ниже). Ассоциации понятий достигаются не путем рационального обобщения, а с помощью метафор, часто мифологического характера. Не удивительно, что в ОАА отсутствуют обозначения для металлов (любых)⁵, имеется только одно слово для обозначения съедобного зерна (**h̥it-* – вероятно, дикая пшеница однозернянка), отсутствуют общие слова для обозначения фиников или любых видов одомашненных растений, а также для молока и шерсти (коровы, овцы и козы держались только для получения мяса и шкур). Ткачество, или точнее плетение, было известно, но единственным материалом, применявшимся для изготовления орудий, по всей видимости, был кремень или обсидиан (**šr-*, **šf-*), из которого изготавливались ножи, скребки, тесла, примитивные сверла и топоры. Сосуды, в основном, изготавливались из тыкв – гончарные термины, по-видимому, позднего происхождения. Название для 'мотыги' (*marr-*) встречается в шумерском, где оно вряд ли может быть заимствованием из АА, и из числа АА, вероятно, отсутствует в протокушитском и, видимо, является ареальным; лексическая изоглосса субстратного же происхождения для 'серпа' (**nVgVll/r-*) также не охватывает весь АА ареал. Общая картина соответствует эпохе позднего мезолита или раннего неолита. Это спрашивливо не только для ОАА, но даже для общекушитского, который следует датировать значительно позже ОАА, но все же не позднее раннего неолита. ОАА, видимо, относится к эпохе не позднее IX–VIII тыс. до н.э.⁶ Поэтому ОАА словарь может служить уникальным историческим источником, содержащим ценные сведения в области экологии, экономики и культуры для периода, намного предшествующего первым письменным памятникам. Что же касается типа мышления, зафиксированного реконструируемыми семантическими ассоциациями, то типологические параллели ему, вероятно, следует искать в австралийских и папуасских языках.

2

Современное состояние АА языкоznания можно кратко охарактеризовать следующим образом. Могут считаться окончательно установленными границы АА семьи; возможные открытия новых АА языков вряд ли вызовут трудности в их клас-

⁵ Корень **bṛt-*, вероятно, означал 'пути, оковы', но не обязательно первоначально металлические.

⁶ Подробнее об этом см.: Дьяконов И.М. Лингвистические данные к истории древнейших носителей афразийских языков. – Africana X, Л., 1975; Diakonoff I.M. Earliest Semites in Asia. "Altorientalische Forschungen", VIII (in print).

сификации как таковых. Уровень описания отдельных языков и сравнительно-исторических исследований внутри отдельных ветвей и групп АА семьи сильно колеблется; неизвестно неудовлетворительным он является для чадских языков (хотя положение здесь быстро улучшается), а также для ряда кушитских и южнoperиферийных семитских. Необходимо тщательное сравнительное исследование берберских языков, поскольку сложившееся в классической берберологии представление об исключительной близости всех берберских "диалектов", делающей излишней общеберберские реконструкции, явно не соответствует действительности. Весьма желательным было бы также появление нового большого египетского словаря, отражающего современный уровень развития египтологии, или хотя бы дополнений к словарю А. Эрмана и Г. Грапова.

Здесь представляется необходимым подчеркнуть, что отсутствие или неполнота словарных материалов по многим живым бесписьменным АА языкам не является абсолютной преградой для работы над словарем, поскольку он мыслится как общая историческая реконструкция ОАА корневого фонда, а не как полный сравнительно-этимологический тезаурус АА языков. Может показаться парадоксальным, но в настоящее время задача составления сравнительно-исторического словаря в гораздо большей степени выполнима для ОАА, чем, например, для общечадского. Так, в процессе работы над АА словарем удалось реконструировать более 100 корней с начальным *b- и примерно столько же с глухими лабиальными в анлауте. Поэтому можно предполагать, что некоторое увеличение числа представленных в словаре чадских, кушитских и южнoperиферийных семитских языков вряд ли вызовет существенное изменение в реконструкции ОАА корневого фонда.

В настоящее время общепринятым является предложенное Дж. Гринбергом деление АА семьи на пять самостоятельных ветвей: семитскую, кушитскую, берbero-ливийскую, египетскую и чадскую. По всей видимости, нет достаточных оснований, по крайней мере на лексическом уровне, для выделения западнокушитских языков в отдельную "омотскую" ветвь того же уровня, что и перечисленные пять, несмотря на значительные внешние различия в морфологии. В любом случае, для целей АА словаря более осторожным является принятие традиционного подхода, т.е. меньшего числа ветвей, т.к. это уменьшает опасность отнесения к ОАА ареальных слов. Внутри кушитской ветви языки бедауие; сахо-афар, оромо, сомали и другие восточнокушитские; а также иракв и другие южнокушитские образуют сплошной континуум, объединяемый очевидными грамматическими и лексическими изоглоссами, и, следовательно, принадлежат к трем или, возможно, четырем подгруппам одной группы, но их генетические связи не только с западнокушитскими (омотскими), но даже и с центральнокушитскими (агавскими) еще далеко не ясны.

Что касается чадской ветви, то работы последних лет, видимо, убедительно показали ее генетическое единство

(см., например, недавнюю работу П. Ньюмена⁷). Принятая для работы над словарем внутренняя классификация чадских языков: деление на три большие группы - западную, восточную и центральную (с выделением среди западночадских группы рон) еще нуждается в строгом обосновании, т.к. может отражать не только генетические, но и ареальные связи (см., однако, цитированную работу Ньюмена, где он, в отличие от более ранних классификаций⁸, выделяет те же три большие группы плюс изолированную группу маса (языки маса, зиме, мусей и др.).

Еще сложнее обстоит дело с внутренней классификацией берберских языков по причине неразработанности берберской сравнительной фонетики и грамматики - любая классификация может быть здесь лишь весьма предварительной.

Для семитской ветви нами принято традиционное деление на четыре группы: 1) аккадский, 2) северо-центральные, 3) арабский, 4) южнoperиферийные. Здесь спорным является единство южнoperиферийной группы - возможно, ее следует делить на две или даже три самостоятельных: если на две, то не ясно, следует ли объединять североэфиопские языки (гэ'эз, тиграй и тигре) с южноаравийскими или с южноэфиопскими (амхарский, аргобба, гафат и различные группы гураге, хараги).

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют предположить, что указанные ветви АА семьи могут быть объединены в две большие группы, одна из которых включает семитскую и кушитскую ветви, а другая египетскую и чадскую. Это объединение подтверждается многочисленными грамматическими и лексическими изоглоссами. Кажущееся типологическое сходство египетского с семитским - это чисто диахроническое явление, исчезающее на более поздних этапах в обеих ветвях. Берберские языки занимают как бы промежуточное положение: грамматические изоглоссы объединяют их с семитско-кушитской группой, а лексические с чадскими и, возможно, египетскими языками⁹. Однако, по крайней мере в случае с чадскими, это может быть вызвано позднейшими ареальными контактами; скорее всего берберский следует относить к семитско-кушитской группе.

⁷ Newman, P. Chadic classification and reconstructions. - Afroasiatic linguistics, vol.5, N 1, 1977.

⁸ Newman, P. and Ma, R. Comparative Chadic: phonology and lexicon. - Journal of African languages, 1966, № 5; Hoffmann, C. Provisional check list of Chadic languages. - Chadic Newsletter, special issue. Marburg, 1971; о классификации чадских языков см. подробно: Порхомовский В.Я. Языковая ситуация в Северной Нигерии. - В кн.: Языковая ситуация в странах Африки, М., 1975, с. 162-165.

⁹ Весьма многочисленными являются лексические изоглоссы между семитской и любой другой ветвью АА семьи, но причина этого заключается в исключительно высоком уровне развития семитской лексикографии, особенно по сравнению с остальными АА ветвями.

Что касается грамматических фактов, то здесь очень коротко ситуацию можно описать следующим образом. Суффигированные посессивные и объектные местоимения практически идентичны во всех ветвях, если учесть фонетические изменения и изменения по аналогии. Независимые эмфатические личные местоимения 1 и 2 лица в прямом падеже (для 3 лица, разумеется, используется указательное местоимение) материально тождественны, причем иногда добавляется детерминативный элемент '*an*'- или ('*a*)*n(t)*'. Исключение составляют западнокушитские (омотские) и чадские языки, где эти местоимения вторичного происхождения, каковое еще подлежит изучению.

Наиболее древним типом предикативной конструкции безусловно является безглагольная; ее образцом может служить египетская система, в которой предикат состояния выражается с помощью статива-квалитатива ("псевдо-партицип" А. Эрмана), представляющего собой именную форму с суффигированным личным (в 1 и 2 л.) местоимением в прямом падеже без детерминативного элемента, в то время как предикат действия представляет собой посессивную или предложную конструкцию с логическим субъектом действия в квази-генитивной функции; если субъект не называется в предложении, то он выражается суффигированным притяжательным местоимением, присоединенным к именному предикату непосредственно или с помощью предлога. Предложенная несколько лет назад П. Ньюменом и Р. Шу реконструкция чадской глагольной системы на материале хауса и некоторых других чадских языков¹⁰ показывает сходную ситуацию для чадских (или, по крайней мере, западночадских), с тем только отличием, что по сравнению с египетским здесь наблюдается обратный порядок слов. На более поздних этапах, как, например, в коптском, вся конструкция может быть лексикализована, и возникает настоящее глагольное спряжение.

В семитско-кушитско-берберской группе АА семьи наблюдается иная ситуация. Статив существовал также и здесь в точно такой же форме; аккадский ясно указывает на то, что изначально это была именная, а не глагольная конструкция (несмотря на ее "спряжение") с именем состояния в абсолютном (нулевом) падеже плюс краткая форма местоимения в прямом падеже. Позднее, с развитием категорий 'переходность : непереходность' вместо 'действие : : состояние'; и еще позднее, с появлением времен вместо *Aktionsarten* и видов, статив превратился в перфект или претерит (в семитских языках, кроме аккадского; сходная ситуация и в восточночадском языке муби) или же его функции оказались ограничены придаточными и относительными предложениями. Статив сохранился в качестве квалитатива в некоторых берберских диалектах (например, в кабильском). Однако, в отличие от египетского, глаголы действия разви-

¹⁰ Newman, P.. and Schuh, R. The Hausa aspect system. - Afroasiatic linguistics, vol. 1, N 1, 1974.

ли в семитско-кушитско-берберской группе характерную систему префиксально-суффиксального спряжения:

единственное число

	1 л.	2 л.м.р.	2 л.ж.р.	3 л.м.р.	3 л.ж.р.
семитск. (реконструкция)	'а...	та...	та...	-i я-	я-/та...
кушитск. (бедауде)	a...	te-...	-a te-...	-i *(i)i-...	'ti-...
берберск. (шильх- семлаль)	...-ay	t-...	-t t-...	i-...	t-...

множественное число

семитск. (реконструкция)	na...	ta...	-ū -na	ta-/- -ā/na	ta-...
кушитск. (бедауде)	ni...	te-...	-na te-...	-na (e-)... -na	(e-)... -na
берберск. (шильх- семлаль)	n...	t-...	-m t-...	-m-t φ... -n	φ... -n-t

(В берберском 1 л. ед. ч. было взято из формы статива вследствие фонетического процесса редукции 'a > φ). Вокализация глагольных форм, выражающих различные *Aktionssarten*, аспекты и иногда наклонения, подчиняется правилам апофонии, которые не имеют прямого отношения к нашей теме.

Следует отметить, что морфы личного префиксального спряжения не связаны с местоимениями прямого падежа, но имеют некоторое сходство с местоимениями косвенных падежей. Это согласуется с весьма вероятной гипотезой, что в ОАА существовала эргативная конструкция предложения, при которой субъект состояния (в том числе возникшего в результате действия = нашему "прямому объекту") выражается нулевым или абсолютным падежом (φ||-a в случае ОАА), а субъект действия – косвенным, или "эргативным" падежом (в семитском это был падеж на -i, функционировавший в аккадском с небольшими синтаксическими отличиями также и как локатив; в египетском и чадском, вероятно, падеж на -i, который первоначально фонематически не был противопоставлен -u¹¹, но после дифференциации *i и *i стал функционировать как относительный и/или родительный падеж). Эта гипотеза, подтверждаемая чередованием -a и -φ в староаккадском и староаморейском (западносемитская группа) абсолютном (т.е., например, вокативном, предикативном и т.п.) падеже, еще более усиливается благодаря тому, что эргативная конструкция со всеми своими сопутствующими чертами (как, например, склонение придаточных предложений вместо использования подчинительных частиц)

¹¹ О фонемном статусе *i и *u в ОАА см. ниже.

все еще сохраняется в центральных и некоторых восточных кушитских языках. Однако собственно префиксальное спряжение лишь частично сохранилось в кушитских (а именно, в северных и восточных). В остальных случаях возникло новое спряжение, развившееся на основе префиксального (или суффиксального) спряжения вспомогательного глагола, слившегося с отглагольным именем, образованным от основного глагола, например, в бедауе: *dür* 'посещать' - ед. ч. 1 л. *dür-an*, 2 л.м.р. *dür-ta*, 2 л.ж.р. *dür-tai*, 3 л.м.р. *dür-ja*, 3 л.ж.р. *dür-ta* и т.д. < *dür* '*a-an*', *dür ta-an*, *dür ta-an-i*, *dür ja-an*, *dür ta-an* и т.д.

Аналогичный процесс прошел и в чадских языках, с той только разницей, что в них комплекс 'местоимение + вспомогательный глагол' сохранил синтаксическую самостоятельность от отглагольного имени основного глагола¹².

При реконструкции ОАА корней составители словаря исходят из следующих более или менее гипотетических допущений.

А. Фонологическая система

Система гласных: противопоставление широкого гласного *a* узкому *ə*, реализующемуся как |i|, |u| в зависимости от наличия контакта с лабиальными или лабиализованными согласными; *i* приобретает статус фонемы лишь на сравнительно позднем этапе¹³.

Система согласных (приводится здесь без надлежащего обоснования в виде рядов фонетических соответствий, что возможно осуществить в полном объеме лишь после завершения работы над АА словарем):

	p	ɸ	b	consonants
f	-	-	-	ɸ
t	t	t̪	d	t̪
s	s	s̪	z	s̪
š	š	š̪	ž	š̪
š̪	š̪	-	-	š̪
k	k	k̪	g	g
kʷ	kʷ	kʷ̪	gʷ	gʷ
q	q	q̪	g̪	g̪
qʷ	qʷ	qʷ̪	gʷ̪	gʷ̪
qʰ	qʰ	qʰ̪	gʰ	gʰ
qʷʰ	qʷʰ	qʷʰ̪	gʷʰ	gʷʰ
h	-	-	-	h
h	-	-	-	h

Комментарии к таблице.

1) Сонанты - это фонемы, которые первоначально могли

¹² Cf. Schuh R. The Chadic verbal system and its Afroasiatic nature, *Afroasiatic linguistics*, vol. 3, N 1, 1976, p.p. 6-8.

¹³ Доказательства на семитском материале см. Diakonoff I.M. Problems of root structure in Proto-Semitic. - Archiv orientální, vol. 38(4), 1970. Данные других АА языков подтверждают этот вывод.

выступать в функции слогообразующей (перед согласным) и неслогообразующей фонемы (перед гласным или после узкого гласного ∂)¹⁴; выступая в слоговой функции, они давали (по крайней мере в семитских) последовательности $*am$, $*an$, $*ar$, $*al$, $*ai/u$, $*ah > a'$, в неслоговой функции - $*mV-$, $*nV-$, $*rV-$, $*lV-$, $*i/uV-$, $ua-/^u-$ (et al.), $*'a-$. По видимости, их развитие было довольно сходным также и в египетском, кушитских и берберских (хотя в некоторых кушитских языках могло также иметь место развитие типа $*-u- > -i-$), в то время как в чадских, или, по крайней мере, в некоторых из них, $*m$ и $*n$ могли сохранять свою двойственную природу, а $*i/u > -ia-$, $-ua-$.

2) Среди лабиальных реконструкция $*f$ и $*p$ как отдельных фонем основывается на согласующихся рефлексах чадского и египетского: чадск. $*f \sim$ егип. f и чадск. $*p \sim$ егип. p (в семитских и кушитских это противопоставление утрачено). Реконструкция АА оппозиции $*p$ и $*\dot{p}$ основывается на аналогичной согласующейся реконструкции для чадского и кушитского, кроме того, АА $*\dot{p} > p$ в сев. семитск. и b в южн. семитск. Таким образом, в наиболее полном виде ОАА система лабиальных сохранилась в чадских языках, где кроме того имеется еще и имплозивный \dot{p} вторичного происхождения, а также особые ряды соответствий для сочетаний типа mb , bw и т.д. В берберских ситуация с рефлексами ОАА лабиальных во многом не ясна из-за сложных комбинаторных изменений под влиянием $*u$, а также второго и даже, возможно, третьего согласных корня, позднее утраченных. Отметим также, что нельзя полностью отрицать возможность существования в ОАА лабиальных аффрикат.

3) Как уже говорилось выше, система сибилянтов и сибилянтных аффрикат в наиболее полном виде реконструируется для кушитских языков, так что ОАА реконструкция здесь опирается на общекушитскую. Семитские языки сохранили почти все противопоставления, но в них прошел процесс де-заффрикатизации и кроме того, во многих языках был утрачен признак латеральности. Этот процесс можно хорошо иллюстрировать на примере ряда палатальных сибилянтов: АА $*\check{s} >$ арабск. $'V$, $Vs\#$, VhV , аккадск. \check{s} , арам. \check{s} , $h>$, евр. h . В связи с почти универсальным переходом АА $*\check{s} >$ семит. h вполне логичным представляется и переход в арабском палатальных аффрикат в аспирированные дентальные, а затем в межзубные, т.е. $*c$, $*\check{c}$, $*\check{z} > th$, th , $dh > t$, t , d (в евр. и аккад. \check{s} , s , z ; в арам. t , t , d , т.е. дезаспирация тех же смычных аспирированных, в отличие от арабского, где они дали межзубные). Непалатализованный АА ряд просто дал в семитских соответствующие фрикативные, причем $*s$ и $*c$, совпавшие в арабском в s , различаются в северных семитских - соответственно как \check{s} и s . Во II тыс.

¹⁴ Подробно см.: Diakonoff I.M. Op. cit. Очевидной является в данном случае аналогия с индоевропейской и картвельской реконструкциями, что само по себе не может служить доводом ни за, ни против подобной реконструкции для ОАА. Ср., однако ностратическую теорию.

до н.э. египтяне транскрибировали оба эти семитских си-
билянтных ряда как *č*, *ȝ*, хетты передавали все семитские
сибилянты графическим *z* (следует читать |c|), а хурриты
использовали обозначения для семитских *s*, *z* (в соответст-
вии с традиционным арабским произношением) для передачи
своих |c| аффрикат. Все это дает базу для абсолютной да-
тировки указанного процесса дезаффриканизации в семит-
ских. Отметим также, что в недавно открытом эблайтском
языке, типично западносемитском, который следует класси-
фицировать вместе с такими языками как угаритский, амо-
рейский и, возможно, я'уди (т.е. с не-ханаанейскими за-
падносемитскими) имеется единственная диахроническая чер-
та, которая связывает его с аккадским, а именно *š > š,
а не *h*, как в остальных (более поздно засвидетельствован-
ных) западносемитских. Неглоттализованные латеральные >
араб. *š*, евр. *שׁ*, глottализованный **χ* > араб. *đ*, евр., ак-
гад. *š*, арам. *՚*. Звонкая латеральная аффриката, возмож-
но, совпала с неслоговым *l* еще на ОАА уровне.

4) сонанты *j*, *u*, так же как и гласные *i*, *u*, видимо,
исконно не были фонематически противопоставлены друг другу. Так, релятивный морф ('полный генитив', или 'чисба')
выступает иногда как *-*Via-*, а иногда как - *-*Vua-*, чему
есть много примеров.

5) Совершенно не ясно, имело ли место последовательное
противопоставление велярных и поствелярных по месту обра-
зования или только как 'смычный: аффриката' (в таблице
условно сохранена транскрипция, соответствующая общеку-
шитской реконструкции). В арабском все велярные (или пост-
велярные) аффрикаты совпали в *h*, исключая *g* который, воз-
можно, > γ(č). Все лабиализованные велярные в семитских
утрачены (они сохранились только в эфиопском - где они,
возможно, вторичны, - и в некоторых кушитских - общеку-
шитская система и здесь проявляет свою архаичность). В
целом, система поствелярных фонем является самым слабым
звеном в предлагаемой ОАА системе консонантизма и, вполне
вероятно, будет подвергнута пересмотру в ходе даль-
нейшей работы.

6) 'ain включен нами в число сонантов с некоторыми ко-
лебаниями. И генетически, и фонетически он обнаружи-
вает ряд специфических особенностей (некоторые из них,
но не все, присущи также его глухому корреляту *h*). Но в
любом случае он не входит в исконную систему фрика-
тивных (которые все являются глухими) и не относится к
смычным.

7) '(hamzah, 'aleph) может выступать в ан- и ауслауте
в функции сонанта, а в неслоговой позиции это смычный,
который тем самым не подходит для роли сонанта. Чисто ги-
потетически можно предположить, что было две фонемы, тран-
скрибируемые как ': одна из которых является смычным со-
гласным и функционирует как таковой, а другая - типа дат-
ского *Stød*, (буквально 'толчок'), - т.е. образованная
сжатием гортани под воздействием падающего тона и, в на-
шем случае, функционирующая в качестве сонанта (в табли-
це они соответственно обозначены как ' и ՚).

Б. Структура корня

Наши реконструкции основываются на допущении, что корневая морфема - это слово минус флексия, каковая могла выражаться гласным, согласным или нулем (в абсолютном падеже, т.е. в случае слова, не имеющего синтаксических связей или предиката или, первоначально, субъекта состояния)¹⁵. Если учесть, что любой корень может в принципе непосредственно совпадать со словом, то некоторые словообразовательные правила ОАА (сохраняющие свое значение во многих АА языках), могут быть также применены и к процессам корнеобразования. Это означает, что разрешенные последовательности фонем должны удовлетворять следующим правилам: 1) никакой слог (в том числе начальный) не может начинаться с гласного; 2) слог не может начинаться или кончаться на два согласных. В результате морфема корня (или основы) не может оканчиваться на два согласных (из-за возможной нулевой или согласной флексии) или на гласный (из-за возможной гласной флексии). Слогообразующим элементом корня может быть или гласный (*a* или *i/u*), или сонант, который в зависимости от позиции может функционировать или как согласный, или как гласный; следовательно, сонант может находиться в конце слова (или корня) вследствие его двойной фонетической природы¹⁶.

Древнейшие ОАА корни имеют двухсогласную структуру. Если сонанты считать согласными, то АА корень мог также быть трехсогласным при условии, что второй или третий согласный корня - сонант (включая 'слабые' сонанты *j/u*, *h*, *y*). В ОАА представлены также, - видимо, в незначительном количестве, - и корни, состоящие только из одного согласного и 'слабого' сонанта). Позднее начал действовать процесс расширения корня. В АА имеется несколько различных факторов, вызвавших этот процесс, но видимо, в первую очередь следует отметить утрату сонантами (всеми, или первоначально только 'слабыми') их статуса гласного. Другой фактор, видимо, имел просодическую природу: выравнивание морфем корня (или основы) по модели новых трехсогласных корней с сонантом в роли одной из согласных. Это выравнивание могло происходить следующим образом: гласные в двухсогласных корнях удлинялись, в результате возникли долгие **ā*, **ī*, **ū*; затем корень с долгим корневым гласным стал трактоваться как имеющий гласный + подразумеваемый сонант на месте второго или третьего корневого. Эти "дополнительные" корневые согласные - (1) всегда 'слабые' сонанты, (2) свободно чередуются друг с другом (*j*,

¹⁵ См.: Дьяконов И.М. Семито-хамитские языки, М., 1965, с. 54-57; Idem. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 211-215.

¹⁶ Подробный анализ структуры АА корня на материале семитских языков см.: Diakonoff I.M. Problems of root structure in Proto-Semitic, или более позднюю и сокращенную версию в "Hamito-Semitic", ed. J. and Th. Bynon, The Hague-Paris, 1975.

и, ') и могут оказываться на месте то второго, то третьего корневого согласного и, таким образом, не предсказуемы: различные варианты могут сосуществовать в одном языке и даже в одной и той же парадигме, (3) в принципе они не влияют на семантику, хотя на более поздних этапах различные варианты могут получать незначительную семантическую дифференциацию. Еще одним способом образования трехсогласных корней из двухсогласных является геминация второго корневого согласного. В противоположность предыдущему методу, геминация является предсказуемой для всех двухсогласных корней, поскольку представляет собой лишь способ их представления в качестве 'трехсогласного грамматического слова'.

Появление трехсогласных корней вызвало на более поздних этапах ОАА или уже в отдельных ветвях и группах новый способ образования трехсогласных корней из двухсогласных путем присоединения корнеобразовательной морфемы, которую мы (по аналогии с индоевропейским) именуем 'комплémentом'. Комплément вызывает изменение первоначального значения корня, хотя в большинстве случаев семантическая связь легко прослеживается. Это, разумеется, означает, что морфемы-комплémentы имели собственную семантику, но определить ее возможно будет лишь на основе анализа всех подобных корней с комплémentами, реконструируемыми для ОАА.

В чадских, кушитских и берберских языках утрата пост-велярных и 'слабых' сонантов (следы которых совершенно очевидны) привела к образованию вторичных двухсогласных корней¹⁷. Незначительное количество исконно двухсогласных корней сохранилось в семитских и египетском, но в какой мере современные двухсогласные корни в других АА ветвях могут отражать это архаичное явление в настоящее время судить очень трудно. На позднейшем этапе в чадских и, возможно в меньшей мере, в кушитских и берберских лексикализация аффиксов, словосложение и заимствования привели к возникновению значительного числа вторичных трех- и четырехсогласных корней (в чадских все более чем двухсогласные корни принадлежат к их числу).

И в заключение еще два замечания о структуре корня. Реконструируемые многочисленные омонимичные корни позволяют предположить наличие тонов в ОАА, ср. нашу гипотезу о сонантической природе *. В семитских и, в меньшей мере, в кушитских наблюдаются остатки лексикализовавшихся именных классов: -b (в кушит. -m, -w) для опасных, вредных и -l/-r для полезных животных (в чадских используется ОАА морф. m^-/n^-). Возможно, что -t служило показателем еще одного класса - пассивных объектов, в то время как показателем мужского рода было -u/i, а женского -x/-j; лишь позднее, но еще в ОАА период -t- стало играть роль морфемы женского рода¹⁸.

¹⁷ В них сохранились также следы геминации второго корневого, см. для чадских: Порхомовский В.Я. Исторический консонантизм языков котоко. М., 1972, с. 22-24.

¹⁸ Gelb I.J. Sequential reconstruction of Proto-Akkadian, Chicago, 1969, p. 31-47.

I.M. Diakonoff, V.Y. Porkhomovsky

ON THE PRINCIPLES OF AFRASIAN RECONSTRUCTION
AND THE COMPARATIVE-HISTORICAL VOCABULARY

The present stage of Afrasian (Hamito-Semitic) comparative studies makes it most urgent to establish regular sound correspondences for all branches and groups of the AA languages. This is possible only on the basis of broad lexical comparisons aimed at the reconstruction of the original AA word (root) inventory, i.e., an AA comparative-historical vocabulary. For some time a team of scholars, mostly from the Institutes of Oriental studies (Moscow and Leningrad) and Linguistics (Moscow) of the Academy of Sciences, have been compiling such a vocabulary. Preliminary results of this work have permitted to reach some more or less reliable (although to some extent hypothetical) conclusions: the common AA system of phonemes, the structure of the AA root (including the processes which led to the transformation of the archaic bi-consonantal root-structure into a later tri-consonantal one, the role of the AA sonants in this processes, and other factors). All this and some other problems of AA reconstruction (among them the original split of CAA into two major groups) are discussed in this paper.

БАЛТОСЛАВЯНСКАЯ АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА
С ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ И ПРОБЛЕМА
РЕКОНСТРУКЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО АКЦЕНТА
(Акцентологический статус
конечноударных форм а. п. с в праславянском)¹

I. Сравнительно-исторический анализ обнаруживает два акцентных типа имени в балтославянском². Один акцентный тип, которому в балтийском, грекоарийском и германском соответствует колонная баритонеза, по-видимому, и в балтославянском представлял собой колонную баритонированную акцентную парадигму. Подвижный характер второго балтославянского акцентного типа был доказан Хр. Стангом, продемонстрировавшим тождество акцентных кривых балтийской 2 а.п. и славянской а.п. с³ (см. табл. 1, 2, 3, 4).

- 1 Статья представляет собой сравнительно-исторический комментарий к работе: Дибо В.А. Балтославянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. I Балтославянский прототип праславянской акцентной системы. - Балтославянские исследования. М., 1979.
- 2 Иллич-Свитич В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
- 3 В данном разделе не излагаются буквально ход рассуждений и выводы автора. Для ознакомления с ними следует обратиться к самой работе Хр. Станга (*Stang Chr. Slavonic accentuation. Oslo. 1957*). Ниже сравнениедается на уровне реконструкций. Акцентологически тождественные формы соединены знаком = ("равняется"), формы с несущественными акцентными отклонениями - знаком ~ ("приблизительно равняется"). Формы, с нашей точки зрения, нетождественные морфологически, даются в разных строках; несущественные морфологические отклонения не оговариваются. Балтийская реконструкция в основном соответствует *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. (1966) Хр. Станга. В славянском реконструируются неократившиеся конечные долготы. Знаки в славянской реконструкции: " - акут, ^ - "циркумфлекс", ' - неустойчивое краткостное ударение, ' - долгое восходящее ударение, ' - краткое восходящее ударение, ' - ударение без указания на тональную характеристику. В балтийской реконструкции: ^ - актовая безударная долгота, - циркумфлексовая безударная долгота, ' - акут, ~ - циркумфлекс ' - краткостное ударение.

Т а б л и ц а 1

о-основы

	Sing.		Pl.	
	Лит.	Слав.	Лит.	Слав.
nom.	*lángas = *lōgъ		*langai ≠ *lōgi	
gen.	*lángā = *lōga		*langōN = *lōgōb	
dat.	*lángōi = *lōgu		*langámus ≈ *lōgomъ (?)	
acc.	*lángaN = *lōgъ		*lángōNs = *lōgy	
instr.	*lángō -		*langaīs = *lōgý	
loc.	*langēN -	*lōdomъ	*langiesù (?) = *lōgěxъ	
	-	*lōgě		

Dualis

	Лит.	Слав.
nom.-acc.	*lángō = *lōga	
dat.	langāmā = *lōgomā	
instr.	langāmā = *lōgomā	{ (?)
gen.	-	*lōgū

Т а б л и ц а 2

ā-основы

	Sing.		Pl.	
	Балт.	Слав.	Балт.	Слав.
nom.	*galvā	= *golvā	*galvās	= *golvý
gen.	*galvās	= *golvý	*galvōN	= *golví
dat.	*gálvāi	= *golvě	*galvámus	= *golvámъ
acc.	*gálvāN	= *golvø	*gálvās	= *golvý
instr.	*gálvāN -	*golvojø	*galvāmís ≈ *golvámi	
loc.	*galvājēN -	*golvě	*galvāsù ≈ *golvákъ	

Dualis

	Балт.	Слав.
nom.-acc.	*gálvie = *golvě	
dat.	*galvāmā = *golváma	
instr.	*galvāmā ≈ *golváma	
gen.	-	*golvú

Т а б л и ц а 3

i-основы

	Sing		Pl.	
	Лит.	Слав.	Лит.	Слав.
nom.	*sūnūs	≠ *sūnъ	*sūnaus	= *sūnove
gen.	*sūnaūs	= *synū (?)	*sūnužōN	= *synovb
dat.	*sūn [ði]	= *sūnovi	*sūnūmus	≠ *sūnъть (?)
acc.	*sūnuN	= *sūnъ	*sūnūs	= *sūny
instr.	*sūnumi	= *syhъмъ (?)	*sūnumis	= *synъмъ
loc.	*sūnūjēN	-	*sūnusù	= *synъхъ
voc.	-	*synū		
	*sūnaū	= *synū		

Dualis

	Лит.	Слав.
Nom.-acc.	sūnū	= *sūny
dat.	sūnūmā	= *synъмъ
instr.	sūnumā	= *synъмъ
gen.-loc.	-	= *synovb

Т а б л и ц а 4

i-основы

	Sing.		Pl.	
	Лит.	Слав.	Лит.	Слав.
nom.	*žvērīs	≠ *zvērъ	*žvērīs	≠ *zvērъје
gen.	*grindīs	≠ *grēdъ	*grīndīs	= *grēdi
dat.	*žvēriēs	= *zvēri	*žvērijōN	= *zvērъјь
acc.	*grindīe	= *grēdi	*grindijōN	= *gredъјб
instr.	*žvērimi	= *zvērъмъ	*grindīmus	≠ *grēdъмъ
loc.	*žvērejēN	-	*grindīNs	= *zvēri
	*grindejēN	-	*grīndīNs	= *grēdi
voc.	*žvēriē	≠ *gospodi	*žvērimis	= *zvērъмъ
	-	*zvēri	*grindimis	= *gredъмъ
	-	*grēdi	*žvērisu	= *zvērъхъ
	-		*grindisu	= *grēdъхъ

Dualis

	Лит.	Слав.
nom.-acc.	*žvérî = *zvéri	
dat.	*gríndî = *grédi	
instr.	*žvérilmâ = *zvér'ymâ *grindilmâ = *gred'ymâ	
gen.-loc.	*žvérimâ = *zvér'ymâ *grindimâ = *gred'ymâ - *zvér'ýj *gréd'ýj	

П р и м е ч а н и е:

Предлагаемая выше реконструкция праславянского распределения акцентов в подвижной а.п. требует некоторых пояснений. В ряде падежных форм восстановление единого акцентного прототипа наталкивается на серьезные трудности. Уже при использовании материала только современных славянских языков противоречия в его показаниях привели к появлению различных контроверз. Обращение к акцентованным славянским памятникам на данном этапе их исследования не снимает этих трудностей, но выявляет их лишь в более чистом виде.

Расхождения в свидетельствах различных акцентных систем относительно ударения таких форм как dat. pl. и instr. sg. на -тъ таковы, что они вообще, по-видимому, не могут быть разрешены реконструкцией единого акцентного контура у каждой из этих форм. Это заставляет искать решения проблемы в восстановлении разных прототипов акцентовки этих падежей, распределенных по типам основ. Наблюдаемые ситуации в различных акцентных системах могут объясняться тем, что совпадение различных типов основ (-о-, -и-, и-основы), имевших разные акцентовки в соответствующих формах, привело к конкурирующим вариантам и к победе одного из них, разного в разных языковых зонах.

Проблема, таким образом, сводится к реконструкции первичного распределения окситонированного акцентного контура и контура с начальным циркумфлексом в dat. pl. и instr. sg. на -тъ по типам основ. Предложенное выше распределение реконструируется на основании следующих соображений:

а. При реконструкции типа ударения dat. pl. i-основ нельзя игнорировать акцентовку форм типа *ljudtъ, *dëbtъ (своим статусом tantum pluralia наиболее защищенных от посторонних влияний), которые показывают рефлексы контура с начальным циркумфлексом во всех акцентных системах, кроме восточноболгарской (система с максимально обобщенными акцентными типами)⁴. Следует также учитывать и тот факт, что конечное ударение этой формы i-основ в ряде систем оказывается явно вторичным (в восточнославянской оно устанавливается уже в исторический период)⁵.

⁴ Ср.: Stang Chr. Slavonic accentuation. с. 88-90.

⁵ См.: Хазагеров Т.Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973, с. 115-116. Ср. также: Колесов В.В. История русского ударения. Л., 1972, с. 88-93.

б. Эту же акцентовку, по-видимому, следует восстанавливать в dat. pl. *и*-основ (в *ўпнѣтъ*), исходя из полного параллелизма акцентных кривых *-и-* и *-и*-основ.

с. Предлагаемая реконструкция окситонезы dat. pl. *о*-основ опирается на показания старосербской системы нач. XV в. и среднерусских систем, особенно тех из них, которые окситонизу этой формы *о*-основ противопоставляют начальному ударению в нем у *i*-основ (ср. *љбдемъ*, *твáремъ*, *пó похóтемъ*, *слáстѣ*, *звéре*, но *бѣсомъ же*, *богомъ*, *врагомъ* - Варл. и Иос.). Эта реконструкция (**лгготъ*) поддерживается также показаниями восточноболгарских текстов. Рефлексы контура с начальным циркумфлексом в этой форме объясняются влиянием ударения *и*-основ.

д. Окситонеза instr. sg. *и*-основ вытекает, по-видимому, из наличия окситонированного варианта этого падежа в ст.-русских исключительно у слов, относившихся первоначально к *и*-основам⁶.

е. Исходя из параллелизма акцентных кривых *i*- и *и*-основ, подобное ударение следует предполагать также у *i*-основ *masculina* (**звéртъ*).

ф. Форма instr. sg. с начальным циркумфлексом в этом случае была первоначально принадлежностью основ на *-о-* (**лѓ-готъ*). Конечное ударение этой формы в восточноболгарских текстах, по-видимому, является результатом обобщения ударения форм instr. sg. *i*- и *и*-основ.

Напротив, ударение loc. sg. *и*- и *i*-основ реконструируется, по-видимому, единообразно как тип с окситонезой и конечной долготой. Формы с начальным циркумфлексом болгарской и хорватской областей, вероятно, возникли под влиянием ударения формы dat. sg. Для *i*-основ следует считаться также с влиянием ударения loc. sg. *jo*-основ а.п. с.

Труднее реконструировать первичный тип ударения instr. sg. *i*-основ *feminina*. По-видимому, предпочтительнее считать таковым южнославянскую окситонезу. Форма с начальным циркумфлексом, рефлексы которой показывают восточнославянские памятники, могла возникнуть из формы с оттянутым ударением (закон Ю. Крижанича: оттяжка с конечного долгого на предшествующий долгий), которая затем стала трактоваться как начальноударная. Остатки древнейшей окситонезы этого падежа в восточнославянских сохранены в числительных *пятью*, *шестью*.

Реконструкция dat.-instr. du. *о*-основ является чистой экстраполяцией ударения аналогичных форм *i*- и *и*-основ, т.к. изученные тексты не дают решающих данных для реконструкции, а показания словенского и словинского языков не могут рассматриваться как однозначные.

По-видимому, при предложенной выше праславянской реконструкции (так же, как и при реконструкции, предложенной самим Хр. Стангом) идентичность акцентных кривых славянского и балтийского очевидна. Расхождения в акцентовке dat. pl. *-и*- и *i*-основ могут объясняться выравниванием акцентных кривых в балтийском, отличие славянской акцентовки nom. sg. *-и*- и *i*-основ объясняется на славянской почве как тенденцией выравнивания акцентных кривых

⁶ Stang Chr. Slavonic accentuation, c. 80-81.

(в данном случае обобщение акцентного контура nom. sg. o-основ), так и влиянием acc. sg. Загадочная в акцентологическом отношении форма nom. pl. на -ā̄i, должна, по-видимому, объясняться внутрибалтийским развитием.

Таким образом, на балто-славянском уровне данная акцентная парадигма восстанавливается как парадигма слов с подвижным акцентом, т.е. таких, у которых одни формы обладали начальным акцентом, другие — акцентом, соотносимым с концом слова. И те и другие формы довольно точно генетически отождествляются, но отождествляются лишь "внешним" признаком, местом акцента (притом в ряде форм лишь относительно). По-видимому, для того, чтобы понять сущность этой балто-славянской подвижности акцента и прйти к более содержательной балтославянской реконструкции, необходимо более подробно изучить акцентологический статус обоих наборов форм.

II. Формы подвижной акцентной парадигмы с конечным ударением как в балтийском, так и в славянском праязыках могут быть разделены на две группы.

В первую группу войдут формы, в которых окончания слились с элементом, предшествующим окончанию ("тематическим" гласным). Эти формы образуют, по-видимому, точные акцентологические соответствия.

1. nom. sg.	-ā̄-осн.	балт. galvá	= слав. golvá
2. gen. sg.	-ā̄-осн.	балт. galvās	= слав. golvý
	и-осн.	балт. viršāīs	= слав. věrхъ (?)
	-i-осн.	балт. žveriēs	= слав. zvěří (?)
3. gen. pl.	-ā̄-осн.	балт. galvāN	= слав. golvō (ð?)
	-o-осн.	балт. langāN	= слав. lqgb̄ (ð?)
4. instr. pl.	-o-осн.	балт. langāīs	= слав. lqgy

ПРИМЕЧАНИЕ:

О долготных окончаниях в праславянском.

Вопрос о судьбе конечных долгот, по-видимому, тесно связан с проблемой и.-е. долгот в праславянском в целом. Для нашей темы этот вопрос имеет второстепенное значение, поэтому здесь отметим лишь основные моменты.

Достаточно обоснованным кажется лишь предположение, что в праславянском не подвергались сокращению только те окончания, которые были ударными в а.п. с. Действительно, все долготные окончания, которые были безударными в а.п. с., являются в славянском сокращенными, независимо от их балтославянской (= балтийской) интонации:

Акутированные

- y/ѣ (acc. pl. f.) ~ лит. -ās (< *ās);
- i (nom. pl. m.) ~ лит. -i (< *-ie < *-oi)
- y (acc. pl. m.) ~ лит. -ūs (< *-ūos)
- a (nom. acc. du. m.) ~ лит. -ū (< *-ūo)
- ē (nom.-acc. du. f.) ~ лит. -i (< *-ie)

Циркумфлектируемые

- ē (dat. sg. f.) ~ лит. -ai (< *-āi,ср. греч. -ā)
- o (acc. sg. f.) ~ лит. -ā (< *-ān < *-ām)
- a (gen. sg. m./n.) ~ лит. -o (< *-ā? < *-ōd)
- u (dat. sg. m./n.) ~ лит. -ui (< *-ōi,ср. греч. -ū)
- ē (loc. sg. m.) ~ лит. -iē (< *-oi)

долготные окончания, которые в праславянской подвижной акцентной парадигме были ударными, проявляют в праславянском, как правило, в большей или меньшей степени свой долготный характер, отражаясь или как фактор, "наводящий" словенский "новый циркумфлекс", равно как аналогичные явления в других славянских языках, или как непосредственные долготные рефлексы в южнославянских и западнославянских языках⁷.

1. (-*ȳ*?)/-*ȳ* (gen. sg. f.) - долготные рефлексы в с.-х. и словенском (окончание твердого варианта -*y* утрачено) ~ лит. -*ȳs* (< *-*ȳs*).

2. -*ȳ* (instr. pl. o-основ.) - долготные рефлексы в с.-х., словенском и в западнославянских. Долгота подтверждается также "новым циркумфлексом" акутированных основ в словенском. ~ лит. -*ȳs* (< *-*ȳs*).

3. -*ā* (gen. pl.) - долготные рефлексы в с.-х. и словенском (шток. -*ā*, диал. -*ā*^a, словен. -*ā*). С этой долготой, по-видимому, следует связывать наиболее надежный "праславянский" рефлекс "нового циркумфлекса" ~ лит. -*ā* (< *-*ābñ* < *-*āt̄*).

4. -*ā* (gen.-loc. du.) - долготные рефлексы в с.-х., словенском и западнославянских языках? ~ лит. *āi* (в лит. диал. *rusiāi*^b).

5. -*ā* (loc. sg. i-основ.) - долготный рефлекс в кашубском, в словенском первичная долготность отражена в переходе акута в "новый циркумфлекс" в основах а.п. *a*. По-видимому, в этом окончании следует восстанавливать балто-славянский акут: *i* < **ēi* неконтракционного характера.

6. -*ā* (loc. sg. u-основ) - долготный рефлекс в кашубском, в словенском первичная долготность отражена в переходе акута в "новый циркумфлекс" в основах а.п. *a*. По-видимому, в этом окончании следует восстанавливать балто-славянский акут: *u* < **ūi* неконтракционного характера.

7. -*ā* (nom.-acc. pl. n.) - долготные рефлексы наблюдаются в с.-х. и западнославянских языках. Вторичные явления, связываемые с конечной долготой, отмечаются в других славянских языках. В словенском рефлекс "нового циркумфлекса" в основах а.п. *a*. На балтославянском уровне следует восстанавливать акут. (Ср. лит. *keturiblika*).

8. -*ā* (nom. sg. f.) - долготу можно восстанавливать на основании рефлекса "нового циркумфлекса" в *l*-причастии, а также в некоторых производных *a*-основах f. в словенском. Других отчетливых рефлексов долготы не отмечается. ~ лит. -*ā* (< *-*ā*)

⁷ Единственное окончание, для которого долготный рефлекс не отмечается, -*ē* (loc. sg. f.), возможно, первоначально было безударным, ср. loc. sg. **zēmji*, являвшийся по свидетельству др.-русск. *на земли* (Чуд. Нов. Зав.) и старо-кайк. *ná zemlye* (Petr., 208) формой-энклиноменом. Аналогичную трактовку предполагает лит. *galvojē* < **galvoj-én* из *gálvai* + *en* (послелог), с переходом ударения с формы-энклиномена на энклитику.

⁸ Это классическое сближение требует, по-видимому, тщательной ревизии с балтийской стороны: 1. Это слово в литовском нормативном и во многих диалектах имеет акут: *ri-viāi*. 2. Циркумфлексовая интонация в данной форме не согласуется с а.п.: лит. *rusēi* относится к 2 а.п. 3. Переход -*āi* > -*āi* в конечном положении обычен для литовского, тогда как изменение **āi* > *ái* для своего объяснения нуждается в сложных построениях

9. $-(\wedge)m\bar{t}$ (instr. pl.) - долготные рефлексы наблюдаются в с.-х., словенском и западнославянских языках. В словенском это окончание образует позицию, в которой отмечается рефлекс "нового циркумфлекса". Надежность этого случая ставится под сомнение двумя факторами: влиянием окончания instr. pl. m./n. $-y$ и возможной позицией вторичного удлинения в случае $-v/b-mi > m\bar{t}$. ~ лит. $-\wedge m\bar{t}z$ (< *-am̄bz).

10. $-(\wedge)m\bar{a}$ (dat.-instr. du.) - долготные рефлексы наблюдаются в с.-х. и западнославянских языках. В словенском это окончание образует позицию, в которой отмечается рефлекс "нового циркумфлекса". Надежность этого случая ставится под сомнение возможной позицией вторичного удлинения в случае $-v/b-ma > -m\bar{a}$ с дальнейшим распространением долготы в другие позиции. По-видимому, следует восстанавливать балто-славянский акут: долгий монофтонг неконтракционного характера⁹.

Неустойчивость конечных долгот можно было бы объяснить особенностями их истории: сохранение долготы в позиции первоначальной ударности, появление ударного краткостного варианта после возникновения а.п. *b* с дальнейшей конкуренцией вариантов и вытеснением одного из них. Однако о неустойчивости можно фактически говорить лишь по отношению к случаям 5-10, т.е. для окончаний, в которых восстанавливается балто-славянский акут.

Имеется еще один общий просодический фактор, с которым связывается появление долготных рефлексов в случаях 5-10 - это многосложность (трехсложность) форм.

Для локативных окончаний $-\bar{i}$, $-\bar{u}$ (sg.), возможно, имело значение постоянное употребление локатива с предлогами; пом. sg. f. -a переводит акут в "новый циркумфлекс" в словенском исключительно в первично многосложных (трехсложных) формах; в чакавском диалекте Нови, имеющем как долготный, так и краткостный вариант пом.-асс. pl. п. (-a), долготный появляется лишь в многосложных формах: окончания $*-\wedge m\bar{t}$, $*-\wedge m\bar{a}$, будучи двухсложными, естественно связаны с многосложностью формы. Это заставляет предполагать, что сохранение долготы акутовых окончаний было обусловлено какими-то просодическими особенностями многосложных форм.

Вторую группу составляют формы, в которых окончаниям предшествует вокалический элемент ("тематический" гласный), характеризующий вид основы. В каждом из праязыков в этой группе форм ударение может стоять или на окончании (конечное) или на элементе, предшествующем окончанию (предконечное). Однако принципы выбора этих двух последних акцентологических характеристик существенно различны для балтийского и славянского. Чтобы это увидеть, достаточно рассмотреть распределение их для каждого праязыка отдельно (см. табл. 5, 6).

Очевидно, что для реконструированного балтийского (а строго говоря, для литовского, т.к. в данном случае балтийское распределение является экстраполяцией литовского)

⁹ Возможно, подобную долготу следует восстанавливать в instr. sg. f. $-v\bar{j}\bar{q}$, $-o\bar{j}\bar{q}$, однако словенский рефлекс долготы в этом окончании (*kostj*) ненадежен ввиду возможной позиции вторичного удлинения $-v\bar{j}q > -j\bar{q}$, аналогично в западнославянских.

Т а б л и ц а 5

1. Балтийский

Тип уда- рения	Тип ос- новы фор- мы	Тип ос- новы			
		<i>a</i> -основа	<i>o</i> -основа	<i>u</i> -основа	<i>i</i> -основа
предко- нечное	dat. pl. dat. du.	galvámus galvámʌ	langámus langámʌ	viršumus viršumʌ	žvér̄im̄us žvér̄im̄ʌ
Конечное	instr. pl. instr. du. loc. pl. instr. sg.	galvámís galvámʌ galvásù -	- langamʌ langiesù -	viršumís viršumʌ viršusù viršumi	žvér̄imís žvér̄im̄ʌ žvér̄isù žvér̄imi

Т а б л и ц а 6

2. Славянский

Тип уда- рения	Предконеч- ное	Конечное			
		<i>a</i> -основа	<i>o</i> -основа	<i>u</i> -основа	<i>i</i> -основа
Тип ос- новы фор- мы					
instr. pl.	golvámi	-	vъrxъm̄i	zvěgъm̄i	
loc. pl.	golváxъ	lögéxъ (lögomà?)	vъrxъxъ	zvěgъxъ	
instr.-dat. du.	golváma		vъrxъma	zvěgъma	
dat. pl.	golvámtъ	(lögomtъ?)	-	(vъrxъmtъ?)	-
instr. sg.	-	-			(zvěgъmtъ?)

выбор конечной или предконечной акцентовки осуществляется в зависимости от падежной формы и не связан с типом основы: dat. pl. и dat. du. всех основ имели предконечное ударение, а instr. pl. на -m̄is, instr. du. на -m̄a, loc. pl. на -su, instr. sg. на -m̄i имели конечное ударение вне зависимости от того, к какому типу основы они присоединялись.

Иной принцип распределения конечного и предконечного ударений мы обнаруживаем в праславянском (см. табл. 6).

Здесь выбор конечного и предконечного ударения осуществлялся строго по типу основы: *a*-основы имели во всех соответствующих формах предконечное ударение, -o-, -u- и *i*-основы - конечное. Этот вывод, по-видимому, не может быть изменен выбором иного (из возможных) варианта праславянской реконструкции: в этом случае формы, реконструированные с начальным циркумфлексом, не могут рассматриваться в нашей системе, а формы, реконструируемые с конечным ударением (например, dat. pl. vъrxъmtъ, zvěgъmtъ в реконструкции Хр. Станга), подчиняются тому же прави-

лу¹⁰. К тому же при любых вариантах реконструкции сохраняется костяк форм, из которых выводится это распределение. В том виде, в котором оно представлено в изученной выборке форм, это распределение амбивалентно: оно может рассматриваться и как морфологическое распределение, связанное с морфологическим типом основы (в этом случае оно могло быть исторически получено в результате каких-то аналогических процессов, а его морфологический облик вторичен¹¹), и как фонологическое распределение, связанное с фонологическим статусом элемента, предшествующего окончанию, и исторически возникшее в результате каких-то фонетических процессов. Последовательное рассмотрение элементов праславянской акцентной системы, в которых встречается подобное распределение, подтверждает второе предположение.

Имеются еще две группы форм, в которых в праславянском реконструируется то же распределение (см. табл. 7).

Т а б л и ц а 7

а) Множественное число личных и указательных местоимений

	Личн. мест. 1 и 2 л.	Указ. мест. тъ, то, та *јъ, је, ja
Nom. pl.	мӯ vӯ	tī, tē
Gen. pl.	nāsъ vāsъ	těxъ (< *toisōm ¹)
Dat. pl.	nāmъ vāmъ	těmъ (< *toimūs)
Acc. pl.	nӯ vӯ	tī, tē
Instr. pl.	nāmi vāmi	těmi jimi (< *toimīs, *joimīs)
Loc. pl.	nāsъ vāsъ	těxъ jixъ (< *toisū, *joisū)

¹⁰ Т.Г. Хазагеров (Хазагеров Т.Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973) реконструирует dat. pl. o-основ *l̥gōmъ и рассматривает тип *golvāmъ и вместе с ним все падежи с предконечным ударением как результат действия закона Фортунатова - де Соссюра и воздействия последующих аналогических преобразований ударения (например, с. 27; а также в других местах книги). Однако, как будет показано ниже, этот тип форм в акцентологии имён (добавим: и глагола) регулярно соответствует окситонированным формам другим аналогичным подсистемам, и даже при реконструкции Т.Г. Хазагерова легче видеть в акцентовке *golvāmъ результат аналогического преобразования под влиянием форм *golvāmī, *golvāmā, *golvāxъ, чем вводить предположение о сплошной "баритонезе" этих форм, которое не подтверждается ни славянскими, ни балтийскими данными.

¹¹ Stang Chr. Slavonic Accentuation, p. 62-63, где предполагается аналогия ā-основ а.п. b.

b) Дв. число личных и указательных местоимений и числительных *два* и *оба*

	Личн. местоим.	Указат. местоим. и числ.лит.
Nom.-acc.	-	- - dvā, -ě ðba, ðbě
Gen.-loc.	nāju vāju	- - dvojú obojú
Dat.-instr.	náma vāma	- jimá dvěmá oběmá

П р и м е ч а н и е:

Данную реконструкцию подтверждают следующие соответствия.

1. Личные местоимения.

Nom. pl. **m̥i*, **v̥i*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *í m̥i* (46⁴, 52²), *i m̥i* (44⁴), *í m̥i* (109³, 111², bis); *í vi* (45², 49¹), *i vi* (13³, 46³, 48⁴), *í vi* (48⁴), *ne vi* (43²) ~ кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) *M̥i*, *B̥i* (Гр. 64, 65) ~ чак. (Нови) *m̥i*, *v̥i* ~ словен. *m̥i*, *v̥i* ~ чешск. *tu*, *vy*.

Gen. pl. **n̥ás*, **v̥ás*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *í vás* (132⁴), *iz vás* (110¹) ~ кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) *Hác*, *Bác* (Гр. 64, 65) ~ чак. (Нови) *nás*, *vás* ~ словен. *nás*, *vás* ~ чешск. *nás*, *vás*.

Dat. pl. **n̥ámo*, **v̥ámo*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *námo* (95² и др.); *Bámo bo* (104⁴), *k vámō* (91²) и др. ~ кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) *Hám*, *Bám* (Гр. 64, 65) ~ чак. (Нови) *nán*, *ván* (с вторичным удлинением перед сонантом) ~ словен. *nám*, *vám* ~ чешск. *nám*, *vám*.

Acc. pl. **n̥áv̥i*, **v̥áv̥i*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *ná vi* (21¹), *ná vi* 7³, 13², 21², 32³, bis, 41², 67⁴) *ná | vi* (32²). Уже в Чуд. Нов. Зав. наблюдается тенденция к замене этих форм формами *náv̥i*, *váv̥i* и влияние последних на акцентологическое поведение их. Подобным влиянием следует объяснить акцентную особенность форм, указываемых Ю. Крижаничем: *Há*, *Bá* (Гр. 64, 65, наряду с *Hác*, *Bác*). В чак. (Нови) и словен. заменены формами *náv̥i*, *váv̥i*.

Instr. pl. **n̥ámi*, **v̥ámi*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *nád námi* (62⁴), *u s námi* (91¹) и др.; *pred vámō* (40¹), *u vámō* (107¹) и др. ~ кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) *Hámi*, *Bámi* (Гр. 64, 65) ~ чак. (Нови) *námi*, *vámi* ~ словен. *námi*, *vámi* (с рефлексом "нового циркумфлекса" перед долготным окончанием) ~ чешск. *námi*, *vámi*.

Loc. pl. **n̥ás*, **v̥ás*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *o vás* (118⁴, 121¹), *u vás* (86⁴) ~ кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) *Hác*, *Bác* (Гр. 64, 65) ~ чак. (Нови) *nás*, *vás* ~ словен. *nás*, *vás* ~ чешск. *nás*, *vás*.

Gen.-loc. du. **n̥áju*, **v̥áju*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *na náju* (50³), *i náju* (40²), *na náju* (60²); *váju* (32³), *vájú* (7³) ~ кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) *Hájú*, *Bájú* (Гр. 64, 65) ~ словен. *náju*, *váju* (с "новым циркумфлексом" перед долготным окончанием).

Dat.-instr. du. **n̥áma*, **v̥áma*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *náma* (27², 41¹); *váma* (23⁴, 32³), *vám* (6³, 7³, 11³, 16², 22¹) ~ кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) *Háma*, *Báma* (Гр. 64, 65) ~ словен. *náma*, *váma* (с "новым циркумфлексом") перед долготным окончанием.

В кайк. (Prigorje) в gen. pl. *vás* отмечается рефлекс "нового циркумфлекса" (при loc. pl. *vás*), который в штокавском распространен и на форму loc. pl.: шток. gen.-loc. pl. *nás*, *vás*.

2. Указательные местоимения.

Nom. pl. **tē̄*, **tē̄*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *и ти* (69³), 105²), *ти хе* (48², 87¹), *не ти | ли* (81³), *ти бб* (148⁴), и *ти бб* (43²), *ти бб* (132³) ~ чак. (Нови) *tī*, *tē̄*.

Gen. pl. **tē̄xb̄*: чак. (Нови) *tīh* ~ шток. *tīh*, *tījeh*. (В чуд. Нов. Зав. формы gen. pl. не зафиксированы).

Dat. pl. **tē̄mb̄*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *и тē̄mo* (101¹) ~ чак. (Нови) *tīm* (рефлекс исконного "нового акута", ср. шток. *tīm*, *tījem*).

Acc. pl. **tē̄y* (экстраполируется на основании отношений в других частях парадигмы. В памятниках и в современных системах не отмечено).

Instr. pl. **tē̄mi*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *и тē̄mi* (116³) ~ чак. (Нови) *tīmi* (с оттяжкой на предшествующую долготу с долготного окончания, ср. выше) - ср. также:

Loc. pl. **tē̄xb̄*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *о тē̄bx̄* (94⁴) ~ чак. (Нови) *tīh*.

Для характеристики первичной акцентной парадигмы и акцентной кривой местоимения **jō*, **ja*, **je* и акцентной кривой двойственного числа этой группы местоимений показательны следующие формы этого местоимения:

Instr. pl.: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *ими же* (87³), с *ними* (66¹, 155¹).

Dat.-instr. du.: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *имѣ* (26⁴).

Хотя характер акцентной парадигмы последнего местоимения не имеет решающего значения для анализа отношений двух типов акцентных кривых, наличие последних форм позволяет установить отношение между акцентными типами местоимений и акцентными типами их дериватов и тем верифицировать устанавливаемое иными способами распределение (см. табл. 8).

По-видимому, в дальнейшем происходило вытеснение подвижного типа акцента в местоимениях под влиянием численно преобладающей группы местоимений неподвижной акцентной парадигмы. Это влияние отмечается и в древнерусском: в Чуд. Нов. Зав. наряду с указанными выше архаизмами наблюдается и значительное число выравненных форм.

3. Числительные "два", "оба".

Nom.-acc. (du.) **d̄va*, **d̄vē*; **oba*, **obē*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *на два* (34³); *оба* (51⁴), *оба* (11³), *оба* (25⁴) ~ скрв. (шток.) *двā*, *двē*; *оба* ~ кайк.-чак. XVII в. (Ю. Кри-

Таблица 8

	Местоимения	Местоименные прилагательные и наречия
Неподвижн. а.п.	* <i>in</i> , * <i>ina</i> , * <i>ino</i> * <i>s̄b̄</i> , * <i>s̄i</i> , * <i>s̄e</i> * <i>v̄s̄b̄</i> , * <i>v̄s̄e</i> , * <i>v̄s̄e</i> * <i>on̄b̄</i> , * <i>on̄a</i> , * <i>on̄o</i>	* <i>inakъ</i> , * <i>inako</i> * <i>s̄icъ</i> , * <i>s̄ice</i> * <i>v̄s̄ekъ</i> , * <i>v̄s̄eko</i>
Подвижн. а.п.	* <i>j̄b̄</i> , * <i>j̄a</i> , * <i>j̄e</i> * <i>t̄b̄</i> , * <i>t̄a</i> , * <i>t̄o</i> * <i>k̄b̄to</i> , * <i>c̄b̄to</i>	* <i>j̄akъ</i> , * <i>j̄ako</i> * <i>t̄akъ</i> , * <i>t̄ako</i> * <i>k̄akъ</i> , * <i>k̄ako</i>

жанич) *девъ*, *девъ* (Гр. 119) ~ чак. (нови) *dvъ* ~ словен. *dvъ*, *dvъ*; *obъ*, *obъ*.

Gen.-loc. (du.) **dvojъj*, **ovojъj*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *двою* (6⁴); ѿ *обою* (15³), о *обою* (11³) ~ скрв. (шток.) *двѣjъj*, *двѣjъj* (с морфологической перестройкой).

Dat.-instr. (du.) **dovѣta*, **obѣta*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *по дѣтмá* (32²), *дѣтмá* (44⁴), с *дѣтмá* (59³), *межу* | *дѣтмá* (66³), *да дѣтмá* (144⁴); *обѣтмá* (81¹), *обѣтмá* (114³) ~ скрв. (шток.) *дѣтмá* ~ словен. *dvѣta*.

Рассмотрение этих рядов форм приводит к выводу, что формы с предконечным ударением не были обусловлены процессами выравнивания и ударение в них не связано непосредственно с "тематическим гласным". Напротив, "деформация" акцентной кривой в этих формах, по-видимому, както связана с фонологическим характером любого элемента, непосредственно предшествующего окончанию, будь то "тематический гласный" или корень. Причем эта деформация происходила исключительно в формах, имевших до этого конечное ударение. Вторая многозначительная деталь этого процесса: хотя эта деформация в местоимениях привела к возникновению колонного ударения, она не изменила основной черты подвижной акцентной парадигмы - наличия в ней двух родов форм: форм с неподвижным ударением, скоррелированных с концом слова, и форм с начальным циркумфлексом, особый статус которых был показан в ряде наших работ. Нужно также еще обратить внимание на то, что "циркумфлекс" на **tъj*, **nъj*, **vъj* следует рассматривать как результат действия "правила Мейе", т.к. согласно теории дѣ Соссюра на этих формах закономерно следовало бы ожидать акут (долгий монофонг!).

Для полноты картины можно еще предложить к рассмотрению небольшую группу имен подвижной акцентной парадигмы, включающих формы с предконечным ударением на месте ожидаемого конечного. Это двойственное число от имен **ôko*, **ûko*:

Non.-acc. du. **ôci*, **ûci*

Gen.-loc. du. **oçbjъj* (*oçbjju*), **içbjъj* (*içbjju*)

Dat.-instr. du. **oçbita*, **içbita*

П р и м е ч а н и е:

Реконструкция этой акцентной кривой строится на следующих соответствиях.

Nom.-acc. du. **ôci*, **ûci*: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) *бчи* (41¹, 46², *bis*, 46³, 47³, 48²), *бчи* (46²); *оуши* (11¹), *вѣ* *оуши* (82⁴)¹² ~ сп.-болг. (вост.) *бчи*, *ѹши*¹³, (зап.) *бчи* (Поуч. Ис. Сир., 76) ~ скрв. (Шток.) *бчи*, *ѹши* (количество выравне-

¹² На фоне материала Чуд. Нов. Зав. и славянских сравнений совершенно не показательна для установления древней акцентной кривой встретившаяся один раз в Чуд. Нов. Зав. форма Nom. du. *бчи* (11³). Ср. Хазагеров Т.Г. Указ. соч., с. 119.

¹³ Дибо В.А. Материалы по исторической акцентологии болгарского языка. I. Именное ударение в восточных среднеболгарских текстах XIII-XIV вв. Изв. ИБЕ XXII, София, 1973.

но) ~ чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) очи, ѿши (Гр. 28, 124 и др.) ~ словен. оči (< *čci).

Gen.-loc. du. *oččju (**oččju*), *uččju (**uččju*). — Рассходятся показания др.-русск. и словинецкого, с одной стороны, и южнославянских языков, с другой. Если в Чуд. Нов. Зав. отражен морфологический архаизм, т.е. форма *oččju < *oččji < *oččjou, а не < *oččju, то следует принять первичность акцентной кривой, отраженной в древнерусском: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) ѿ бъчъю ихъ (158¹), на бъю (46²) ~ словинц. učči, uččij (*Slz. Gr.* 96), но: ср.-болг. (вост.) ѿ очи́х (Мин. № 678, 5086) ~ скрв. (шток.) очи́ју, ѿши́ју ~ чак.-кайк. XVII в. (Ю. Крижанич) Очи́ју, ѿши́ју (Гр. 28).

Dat.-instr. du. *oččma, *uččma: др.-русск. (Чуд. Нов. Зав.) ѿчима (48³), ѿчима (64², 80¹, 122⁴, 125², 160³), ѿчи́ма (88³⁻⁴, 100³); ѿ оши́ма (80¹, bis) ~ ср.-болг. (вост.) ѿчима, оши́ма ~ ср.-болг. (зап.) ѿчима (Поуч. Ис. Сир., 32а) ~ скрв. (шток.) ѿчима, ѿши́ма ~ кайк.-чак. XVII в. (Ю. Крижанич) Очима, ѿши́ма (Гр. 28).

Уже на данной стадии анализа можно попытаться установить фонологические параметры элементов, предшествующих окончанию, с которыми соотносится изучаемое явление. Распределение типов ударения суммируется так: (см. табл. 9).

По отношению к количеству это распределение довольно прозрачно: деформацию акцентной кривой производят и.-е. долгие монофтонги и не производят краткие монофтонги и дифтонги: в *ā*-основах представлен элемент, предшествующий окончанию, **ā*, в личных местоимениях — и.-е. **ō*, ср. лат. *nōbis*, *vōbis*, в формах *oččma, *uččma, очевидно, окончание nom.-acc. du. -i-основ, ср. др.-инд. *pātī* (nom.-acc. du.), для neutra: др.-инд. *akṣī* 'глаза'.

Дифтонгическое происхождение ё в instr. pl. o-основ не требует каких-либо комментариев, ё ~ i в местоимениях также совершенно прозрачен (переход ё ~ i после j, переход после -ē- s > x — свидетельства его дифтонгического происхождения), происхождение ё в числительных *dōva, *oba раскрывается внешним сравнением (лит. dat. du. *dviem*, *abiem*, instr. du. *dviēm*, *abiēm*) и внутриславянским соотношением dat. instr. *dvēma* ~ gen.-loc. *dvoju*, где ё ~ oj представляет, очевидно, один и тот же элемент в разных позициях.

Труднее определить отношение рассматриваемого явления к другому просодическому компоненту балто-славянского, к интонации. Долгие монофтонги, исходя из концепции де Соссюра, следует рассматривать как акутированные. Краткости в рассмотрение не входят. Таким образом, основная задача — определить отношение рассматриваемой деформации к двум рядам балто-славянских дифтонгов. Для loc. pl. o-основ обычно принимается балтославянский циркумфлекс, однако прямых доказательств этому нет, скудные литовские соответствия говорят как раз об обратном: *keturieše*, *penkiači* (жемайтск. *-iesu), см. Stang. VGBS, 186. Тот же литовский рефлекс наблюдается в местоимениях и числительных: dat. pl. *tīems* (< *tīemus*), *jīems* (< *jīemus*), dat. du. *tīem* (< *tīem), *jīe-* (< *jīem- < *jīem), *dviem*

Т а б л и ц а 9

Типы ударе- ния	Типы эле- мента, пред- шествующего оконча- нию	типы сочетаний					
		gen. pl.	dat. pl.*	instr. pl.	loc. pl.	gen.- loc. du	dat.- instr.du.
Пред- ко- неч- ное	Слав. < и.-е.						
	a < *ā a < *ō i < *ī	~ -a-sъ -	~ -a-tъ -	~ -ā-mi -ā-mi -	~ -ā-xъ -ā-sъ -	~ -ā-ju (-i-ju)	~ -ā-ma -ā-ma -ī-ma
Ко- неч- ное	ь < *í		(-y-тъ)	-y-mi	-y-xъ	-y-jú	-y-má
	ь < *ū	-	(-y-тъ)	-y-mi	-y-xъ	-y-jú	-y-má
	o < *ō ě, i < *oi	ov- ě-xъ	(-o-пъ) (ě-тъ)	-ě-mi	-ě-xъ	-o-jú (-o-má)	-ě-má

* В этот столбик включены также формы instr. sg. -i- и -u-основ.

(< *dvíetm), abiēt (<> *abíetm). Циркумфлекс в формах instr. du. tiēt (<> *tiem), jiē- (<> *jiēt < *jiem), dviēt (<> *dviem), abiēt (<> *abiem) возник, как и в других подобных случаях, в результате оттяжки ударения с исчезнувшего конечного вокалического элемента. Акту подтверждается и латышским соответствием: dat. pl. tiēt. Очень слабую помощь могут оказать др.-прусск. факты, где при gen. pl. noīson, dat. pl. noīmans (рефлекс акута), мы находим gen. pl. steison 4x, stēisan 1x, dat. pl. stēimans 11x (рефлекс циркумфлекса), но также и gen. pl. steison 8x, stēisan 1x, dat. pl. steimans 18x, steimans 2x (рефлекс акута). Если рефлекс циркумфлекса в прусском первичен, то в литовском и латышском следует предполагать инновацию, связанную с морфонологическими процессами, вызвавшими сдвинутое с окончания ударение dat. pl. и du. и установившимо правило механической постановки акута на любом долготном элементе, предшествующем окончанию этого падежа. В этом случае актируемые варианты в прусском, возможно, представляют собой результат подобного же развития.

Но даже приняв, что все случаи -ě- в соответствующих славянских формах имели балто-славянский циркумфлекс, мы не решим поставленную проблему. Для ее решения необходимо установить, как вели себя акцентные кривые по отношению к заведомо актирувшим дифтонгам и дифтонгическим сочетаниям. Однако система имени таких позиций не дает.

В дальнейшем мы попытаемся продолжить рассмотрение форм с конечным и с предконечным ударением на материале глагольных акцентных парадигм, чтобы прийти к более со-держательным выводам, сейчас же подведем некоторые итоги:

1. В рассматриваемых формах ударение было соотнесено с окончанием и эта его соотнесенность не нарушалась¹⁴ даже тогда, когда оно реализовалось как накоренное.

2. Поскольку непосредственным способом эта соотнесенность проявлялась в формах с конечным ударением, на данном этапе можно принять, что конечное ударение было первичным видом ударения этих форм, а предконечное является лишь более поздней его модификацией.

3. Данная модификация была, по крайней мере, частично обусловлена фонологическим качеством элемента, предшествующего окончанию.

4. Если эта модификация была балтославянской, то в литовском она была устранена в большинстве позиций и обобщена в других в результате процессов унификации акцентных кривых у разных основ.

5. Характер позиций и предположительное направление трансформации акцента в этих позициях достаточно близки к аналогичным параметрам правила Хирта - Иллич-Свитыча, чтобы поставить вопрос о тождестве обоих процессов.

Принятые сокращения

Варл. и Иос. - Житие Варлаама и Иоасафа (по рукописи XVII в., ОЛДП, № LXXXI, СПб., 1887).

Гр. - Граматично изказанје об руском језику, попа Јорка Кријаница, презванијем Сељблатина, међу Књоју и Виноју ри-ками, во Јеједех Бихца грађа, окол Дубовца. Озља и Рибника остробогов. Писано въ Сибири. Лита въ Брод (издано Бодянским). М., 1859. - Арабские цифры передают славянскую пагинацию книги.

Мин. № 678 - Сборная Минея-четья на июль, XVI в. - Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 304, № 678. - В статье приводятся примеры из жития Евпраксии Олимпийской (л. 503а-534б) - текста, относящегося к концу XIV в. и являющегося копией среднеболгарского текста тырновской акцентуационной и орфографической системы (см. Дибо В.А., Кучкин В.А. Болгарский текст в русской Минее XVI века. - Byzantinobulgaria, II. Sofia, 1966).

Поуч. Ис. Сир. - Поучения Исаака Сирина, западноболгарская рукопись 1381 г. (1-й почерк). - Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей, ф. 304, № 172.

Чуд. Нов. Зав. - Чудовский Новый Завет - Новый Завет господы нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всей Руси (фототипическое издание Леонтия Митрополита Московского), М., 1892.

¹⁴ Поскольку и до тех пор, пока не разрушилась реконструируемая система.

- Petr. - Petar Petretić, Sveti evangeliomi, Koteremi Szveta Czirka Zagrebecska Slovenszka ... 1651. Старопечатная хорватская книга, цифры обозначают страницы книги.
- Slz. Gr. - Lorentz Fr. Slovinzische Grammatik, St. Petersburg, 1903.
- Stang VGBS - Stang Chr.S. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo - Bergen - Tromso, 1966.

V.A. Dybo

LE SYSTÈME ACCENTUEL BALTO-SLAVE AU POINT DE VUE
TYPOLOGIQUE ET LE PROBLÈME DE LA RECONSTRUCTION
DE L'ACCENT INDOEUROPEEN (PROPRIETES ACCENTUELLES
DES FORMES "OXYTONES" DU PARADIGME ACCENTUEL *c*
DANS LE SLAVE COMMUN)

L'article est consacré au problème formulé dans le sous-titre; il forme un supplément à la I partie ("Proto-type balto-slave du système accentuel du slave commun") de la série d'articles apparaissant sous le titre indiqué. On propose une reconstruction des courbes accentuelles du paradigme *c* (dans les noms) qui se distingue dans une série de détails de celle de Chr. Stang, mais qui conserve sa thèse de l'identité génétique de ce paradigme slave au paradigme 3 du lithuanien. L'investigation des positions où les formes "oxytones" manifestent un accent final et de celles où elles sont accentuées sur la pénultième, révèle une distribution phonologique et qui est bien proche de celle exigée par la règle de Hirt (dans la formulation renouvelée de V.M. Illič-Svityč). On rejette la thèse selon laquelle toutes les longueurs finales s'étaient abrégées déjà en slave commun. On affirme que cet abrégement ne s'est effectué que dans les désinences qui étaient atones dans le paradigme accentuel *c*. Les désinences qui, dans ce paradigme, portaient l'accent, conservaient leur longueur et, sans doute, leurs distinctions tonales.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СТРУКТУРЕ
КОНСОНАНТИЗМА БАЛТО-БАЛКАНСКОГО АРЕАЛА

В латышском языке параллельно с типично индоевропейскими результатами палатализации согласных обнаруживается особый ряд среднеязычных – средненебных, соответствующих палatalным заднеязычным. Так, наряду с *k* > *c* (ср. *acis* – лит. *ākys*, слав. око), *k* > *č* (ср. *četri* – лит. *keturi* 'четыре'), наблюдается *k* > *č'[t']* (*ķečris* – лит. *kairýs*¹ 'левша'). Этот ряд представлен не только соответствующим звонким согласным *č'* (ср. *čimene* 'семья' – лит. *giminė* 'родня'), но и сонантами *ŋ*, *ħ*, *r²*, для которых эта среднеязычная артикуляция стала единственной во всех соответствиях палатализации³.

Подсистема согласных *k* – *č* – *ŋ* – *ħ* – *r*, противопоставляемая подсистеме *t-d-n-l-r* по признакам – "переднеязычности (coronal)", "передненебности" (anterior) и "распластанности" (distributed) в системе Хомского – Халле 1968 г.⁴ или по признакам диффузности, компактности и периферийности в системе Якобсона – Фанта – Халле⁵ и приближающейся к ней системе Ладефогда⁶, довольно долго считалась специфической чертой латышского языка⁷.

¹ Endzelīns J. Baltu valodu skaņas un formas. Riga, 1948, § 58.

² В последнее время мягкий *r'* сохранился только в немногочисленных диалектах. См. Rudzīte M. Latviešu dialektoloģija, Riga, 1964.

³ Endzelīns J. Указ. соч.; Stang Ch. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966, s. 101–103.

⁴ Chomsky N., Halle M. The sound pattern of English. N.Y., 1968, p. 304, 312–314.

⁵ Jakobson R., Fant G., Halle M. Preliminaries to speech analysis. N.Y., 1955, p. 16–55.

⁶ Lagefoged P. Preliminaries to linguistic phonetics. Chicago – London, 1973, p. 10.

⁷ Endzelīns J. Lettische Grammatik. Riga, 1922, – Эта оппозиция была обнаружена и в подсистеме шведского языка: Witting C. Bidrag till studiet av fonetisk modifikation. Med särskild hänsyn till palatalisering av "k" framför "i" och sänking av "i". Uppsala, 1956, s. 190–197.

Однако в работе 1956 г. В. Мэтьюз обратил внимание на фонологическую систему словацкого языка⁸, представляющую аналог указанной подсистеме латышского. В 1959 г. в Сборнике в честь 85-летия Я. Эндзелина Мэтьюз сопоставил эти факты и с данными македонского и сербохорватского языков⁹.

Однотипность латышского консонантизма с чешским отметил Х. Станг¹⁰.

С чисто синхронной точки зрения аналогичные подсистемы характерны для фонологических структур ряда языков и диалектов: в говорах дзукского диалекта литовского языка сохраняется даже сходство диахронического процесса: *k' > t'*, *g' > d'*, что при воздействии литературного литовского дает характерные гиперизмы типа *k'evas < tēvas* 'отец' и т.п.¹¹.

В польском и белорусском языках соответствующие подсистемы включают и результат палатализации дентальных согласных, но любопытно оформление этого противопоставления через систему признаков, указанных для латышского языка. Такие явления как мазурение в польских диалектах или дзеканье в белорусском, неизбежно вовлекают в этот процесс и задненебные, так что описываемая система всегда связывается с палатализацией задненебных¹².

По существу такая же подсистема представлена и в чешском языке, - отличие ее в слиянии 1' и 1 и изменении *r' > r* (последнее, однако, не нарушает описанного противопоставления признаков в *t-d-n-r* и *t'-d'-n'-r'*).¹³

Румынский язык также относится к этому типу¹⁴.

Очень близки к словацкой фонологической модели системы гуцульских говоров украинского языка, на что обратил внимание еще Олаф Брок¹⁵.

⁸ Matthews W.K. Phonology of the palatal plosives in East-European languages. - Archivum Linguisticum, v. VIII, 1956, p. 51-65.

⁹ Rakstu krājums, Rīga, 1959.

¹⁰ Stang Ch. Указ. соч., с. 102.

¹¹ Zinkevicius Z. Lietuvių dialektologija, Vilnius, 1966, S. 140.

¹² Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław - Warszawa - Kraków - Gdańsk, 1973, S. 103-108, 123-128.

¹³ Hála B. Uvedení do fonetiky češtiny na obecně fonetickém základě. Praha, 1962, S. 209-210.

¹⁴ Graur A., Rosetti A. Esquisse d'une phonologie du roumain. - Bulletin linguistique. Copenhague-Bucureşti, VI, 1938, s. 5-29. Tamás L. Du système phonologique de la langue roumaine. - Rosetti A. e.a. Recherches sur les diphongues roumaines. Bucarest - Copenhagen, 1959, p. 78 ff; Vasiliu E. Fonologia limbii române. Bucureşti, 1965, s. 121-123. Распределение по диалектам см.: Timișoara, 1975, s. 44-67; Iancu V. Palatalizarea dentacelor în limba română.

¹⁵ Broch O. Studien von der slowakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania, 1898; Idem. Weitere Studien von der slowakisch-kleinrussi-

Поразительное соответствие не только синхронной схеме, но и диахроническому пути возникновения латышской подсистеме $k\text{-}\dot{g}\text{-}\ddot{\eta}\text{-}\ddot{\tau}$ дает венгерский язык¹⁶, если только учесть почти повсеместное преобразование в нем $\ddot{\tau} > \dot{z}^{14}$ и $\dot{r} > r$ (последнее отмечено и в латышском).

Итак, противопоставление дентальных среднеязычным в подструктурах взрывных и сонантов не является уникальным свойством латышского языка, а представляет собой характерную черту языков и диалектов, расположенных на территории от бассейна реки Гауи до Адриатики и Родопских гор, где говорят на словенском языке с аналогичными противопоставлениями. С запада эта территория ограничена "пространствами немецкого языка", а с востока - русским (если не считать точек, представленных говорами с $k' > t'$, $g' > d'$, из которых были заимствованы в литературный язык такие слова, как *паутина*), украинским, восточноболгарскими диалектами и соответственно болгарским литературным языком¹⁷ и греческим языком на южной границе этого ареала (см. карту).

Очевидно, что описанная характеристика фонологических систем не может быть связана с фактами родства их языков – действительно, сюда входит венгерский и не входит эстонский, входят чешский и белорусский и не входят лужицкие и русский с украинским языки.

Не совпадает эта территория и с ареалами языковых союзов: на Балканах выпадает греческий язык, относящийся к ядру¹⁸ языков БЯС, в области балто-славянского пограничья говоры Латгалии по крайней мере последние 300 лет уже не принадлежат к описываемому типу структур¹⁹, но не входящие в этот союз среднелатышский и ливонский диалекты латышского языка дали лингвистике первый образец такой системы.

schen Sprachgrenze in östlichen Ungarn. Kristiania, 1892; Pankevyc J. Ukrainské hovory Pidkarpatskoji Rusy i sumežnych oblastej. Praha, 1938; Pătruț I. Fonetica graiului huțul din Valea Suceavei. București, 1957.

¹⁶ Балаша И. Венгерский язык. М., 1951, с. 47–48. A mai magyar nyelv rendszere. I. Budapest, 1970, с. 80–82, 93. Molnár J. A magyar beszédhangokatlasza. Budapest, 1973, с. 68. Pătruț I. Influences slaves et magyares sur les parlers roumains. – Romanoslavica. București, 1958.

¹⁷ Громова А.П. Сравнительная фонетика славянских языков. Свердловск, 1974.

¹⁸ Schaller H.W. Die Balkansprachen. Heidelberg, 1975, S. 124–133.

¹⁹ Die Letten. Riga, 1930; Plāķis. J. The place of Latgalian among the Baltic dialects, Cambridge, 1961.

¹⁹ Kelner A. K otázce historického formovaní jazykových hranič. – In: Studie a prace linguistické, Praha, 1954.

Объяснение образования такого ареала историческим процессом IX-XX в.¹⁹ - поскольку в венгерском эти явления до IX в. явно отсутствовали - трудно себе представить.

Психо- и социолингвистический способ объяснения²⁰ возникновения одинаковой подсистемы в фонологической структуре указанных языков также представляется неприменимым - по крайней мере непосредственно.

Поиски экстраконцептуальных соответствий этому ареалу языков заставляют учесть и карты генетических популяций человечества (см. карту № 1). Как видно из сравнения карт, соответствие этих ареалов поразительное. В связи с этим можно внимательнее отнести к гипотезе С.Д. Дарлингтона об определенной роли генетических факторов в направлении фонетической эволюции языка²¹.

Поскольку язык как способ коммуникации "поддерживает систему генетической трансляции"²², а билингвизм усиливает "дрейф генов", то влияние языка на образование и стабилизацию генетической популяции несомненно. Но Дарлингтон предполагает и обратную связь - воздействие определенной конфигурации генотипов, характеризующих носителей данного языка, на способы произношения и в связи с этим на направление фонетической эволюции.

Особенности речевого аппарата и, в частности, строение зубов, определяются в известных пределах генотипом. В современной генетике также распространено представление о наследовании "общего типа реакций организма"²³, склонности к напряженности или расслабленности некоторых мышц при движении и т.п. В связи с этим понятны случаи, когда изготовление особых зубных протезов, расчитанных на определенный тип артикуляций, помогало в значительной мере приобрести или исключить особый акцент²⁴.

Это не противоречит одному из главных принципов английской фонетической школы - один и тот же акустический эффект может быть достигнут с помощью различных артикуляций. У первого, второго и т.п. поколения, говорящего на другом языке, по крайней мере у его честолюбивых представителей, акустически речь может быть еще "правильной",

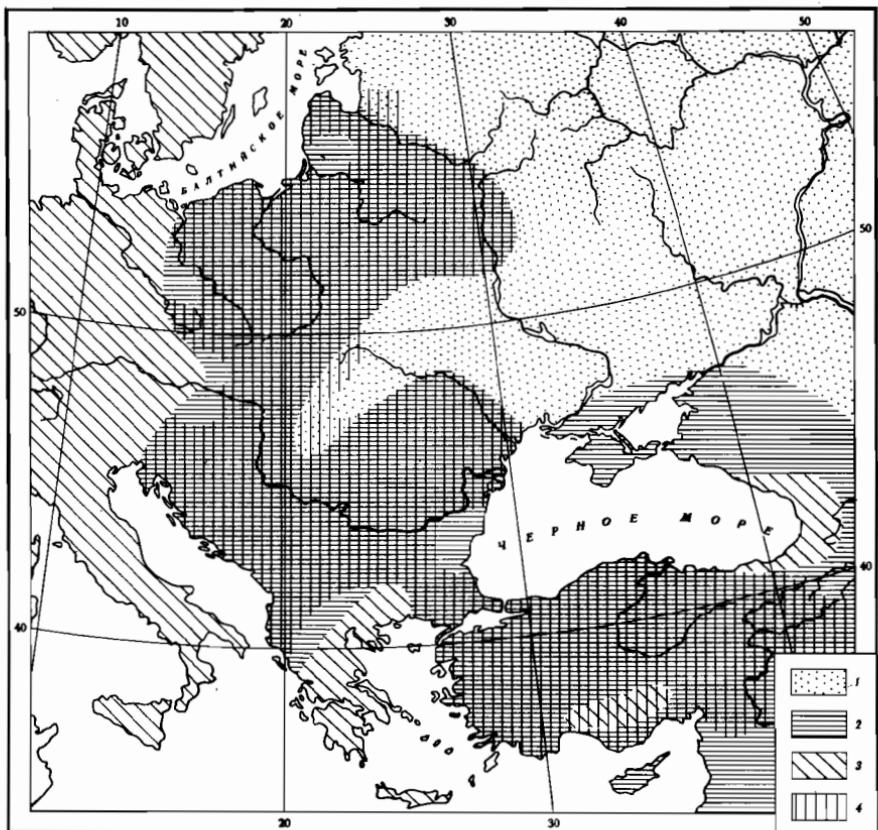
²⁰ Brière E.J. A psycholinguistic study of phonological interference. Paris et al., 1968; Studies in multilingualism. Es. by N. Anderson, Leiden, 1915; Juhász J. Probleme der Interferenz. Budapest, 1970.

²¹ Darlington C.D. The genetic component of language. - Heredity, I, 1947, p. 269-286. - В лингвистике в этом направлении развивались взгляды ван Гиннекена: Cinneken van J. La reconstruction typologique des langues archaïques de l'humanité. Amsterdam, 1939.

²² Darlington C.D. The evolution of man and society. N.Y., 1969, p. 58.

²³ Вилли К. Биология, М., 1968, с. 608-619.

²⁴ Darlington C.D. The evolution of man and society. Ср. использование этого приема в кинофильме "Крестный отец" для имитации сицилийского акцента.

1 - распределение гена В с частотой 15-20%; 2 - распределение гена В с частотой 10-15%; 3 - распределение гена В с частотой 5-10%; 4 - распределение противопоставления в фонологической системе по признакам А, С и D.

Распределение гена В дается по: Montrant A.E., с.а. *The distribution of the human blood groups and other polymorphisms*, 2.ed. Oxford, 1976 (карта № 5).

но артикуляционно уже "сдвинута", и направление фонетической эволюции этого варианта может стать другим²⁵.

Такие соображения неплохо соответствуют наблюдениям над корреляциями границ генетических популяций и зон особенностей их фонетических систем²⁶.

Генетические характеристики (genetic markers) дают ряд интересных корреляций границам языковых явлений: так,

²⁵ Ср. Blondin R. Fonction, structure et évolution phonétique s.l., 1975 (предполагается только статистический разброс).

²⁶ Ср.: Brosnahan L.F. *The sounds of language*. Cambridge, 1961, p. 81-123.

по анализу групп крови венгерские цыгане оказываются очень далеки от венгров и близки к индийцам²⁷.

Анализ популяций по группам крови дает довольно детальную картину генетических связей между людьми, так как включает сейчас около 60 независимых признаков²⁸.

Особенно интересно сопоставление скорости изменения фонологических систем со скоростью изменения соответствующей генетической популяции. Однако предположение о роли генетических факторов в языке еще никак нельзя считать доказанным.

Во-первых, всегда имеется некоторая прерывистость в распределении указанной фонологической особенности на территории непрерывной генетической общности и наоборот. Так, в отношении *k'-g'* в Литве отдельные диалекты несут следы этого противопоставления.

До проведения эксперимента по соответствуанию артикуляции мягких среднеязычных (или других артикуляций) определенным генетическим характеристикам на это возражение ответить невозможно - так же, как и поставить этот эксперимент вне рамок этой гипотезы²⁹.

Второе возражение, которое заставляет сразу отметить эту гипотезу, касается хронологического аспекта описываемых явлений.

Так, прямое описание белорусского дзеканья относится к XVI в. (характерно, что оно было сделано носителем немецкого языка Герберштейном), описания диалектов Литвы, Польши, Румынии - к XIX в. и т.д.). Для абсолютной хронологии возникновения этих явлений еще многого не хватает, но ясно, что это не одновременные процессы и не "быстро действующие" процессы. Однако внимательное изучение такого рода явлений может помочь определить скорость изменения артикуляций, сам класс этих скоростей в смысле А. Эйнштейна и сопоставить их со скоростью дрейфа генов.

В заключение можно сформулировать еще два типа задач в связи с описываемой проблематикой.

Поскольку о области генетики относится и темповая характеристика движений, то целесообразно проверить изменения в темповой структуре речи (и ее результатами в виде

²⁷ См. о распределении по группам крови в разных популяциях: *Мюнцинг А. Генетика. М., 1967, с. 547. Prokop O., Göhler A. Die menschenlichen Blutgruppen. Jena, 1976, с. 47-48.*

²⁸ Race R., Langer R. Blood groups in man. 4 ed. Oxford, 1962; Цукерандл Э. Эволюция гемоглобина. - В кн.: Молекулы и клетки. М., 1966.

²⁹ Darlington C.D. The evolution of man and society, где приводится пример обследования 3000 лондонцев с точки зрения их артикуляции [r] (как известно, существует две основные артикуляции этого звука в английском: ретрофлексная и двухфокусная) и их группы крови - соответствие этих двух факторов оказалось статистически значимым.

дифтонгизации, монофтонгизации, элизии и эпентезы) в соответствии с распределением генотипов в популяции.

Вторая задача касается более широкого исследования восприятия и использования речи: давно известна ее зависимость от фонологической структуры языка говорящего³⁰ и связанные с этим особенности членения иноязычного материала³¹, но совершенно не изучено генетическое предрасположение к распознаванию эффектов различных артикуляций. Так, физиологи определили генетическую обусловленность способности человека ощущать вкус фенилтиомочевины и т. п.³², - интересно и в лингвистике иметь данные о зависимости (или независимом (?)) от структуры генотипа, напр., распознавании эффекта кликовых или лабиодентальных артикуляций.

Остается сказать, что предложенное направление исследований по проверке гипотезы Дарлингтона - Броснахана помогло бы прояснить некоторые особенности эволюции и синхронного состояния фонологических структур, так как оно помогло бы уточнить степень свободы развития языка для собственно лингвистических построений.

M. I. Lekomceva

SOME REMARKS ON CONSONANTIC STRUCTURE OF BALTIC AND BALKAN LANGUAGES

Subsystem t-n-l-r, opposed k-г-п-л-р as coronal - noncoronal, anterior - nonanterior, distributed - nondistributed is evident in Latvian, Slovakian, Hungarian, Macedonian, Albanian, Serbo-Croatian and Slovenian languages as well as in some dialects of Lithuania and Romania and Guzul dialects of Ukrainianian.

That opposition can be traced out at the synchronic level also in Belorussian and Polish languages.

Since the expansion of the subsystems is correlated with genetic pools, it is natural to put further questions concerning "genetic linguistics".

³⁰ Поливанов Е. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. М., 1923; Polivanov E. La perception des sons d'une langue étrangère. - TCLP, t. IV, 1931.

³¹ Weinreich U. On the description of phonic interference. - Word, - XIII, N 1, 1957, p. 1-11; Idem. Languages in contact. The Hague - Paris, 2 ed., 1968.

³² Монтцинг А. Указ. соч.

АЛБАНСКИЕ СМЫЧНЫЕ В СВЕТЕ ЭТИМОЛОГИИ

В настоящее время, когда создание сравнительно-исторической грамматики албанского языка¹, отвечающей требованиям современной науки, стало актуальной задачей, возникает необходимость тщательного исследования тех областей грамматики, которые могут на первый взгляд показаться вполне разработанными. Иллюстрацией того, насколько плодотворно возвращение исследователей к "вечным" темам албанистики, является недавнее исследование А.В. Десницкой "Славянские заимствования в албанском языке" (М., 1963), давшее (после классических работ Миклошича, Йокля и Селищева²) богатый новый материал в этой области.

Ревизия старых и создание новых этимологических сопоставлений играют в этом отношении первостепенную роль. Здесь мы предложим несколько новых этимологий, вплотную связанных с вопросами отражения в алб. старых взрывных смычных. Тема эта с самого начала разысканий в области алб. исторической грамматики была, по понятным причинам, в центре внимания исследователей и получила надлежащую разработку, основанную на обильном этимологическом материале (хотя ряд частных вопросов до сих пор остается спорным).

Отсылая читателя к обстоятельным описаниям алб. консонантизма³, подчеркнем здесь основные и неоспоримые его характеристики: 1) "сатемность", 2) различие двух серий и.-е. смычных ($*t>t$, $*d$, $*dh>d$ и, редко, dh) и 3) различие в некоторых позициях трех рядов гуттуральных.

¹ Важнейшие попытки создать алб. сравнительно-историческую грамматику принадлежат Боппу, Йоклю, Баричу и Чабею. По частным проблемам см. многочисленные статьи Майера, Пизани, Манна, Хэмпа, Десницкой и др.

² Селищев А.М. Славянское население в Албании. София, 1931; Miklosich F. - Denkschriften der Kais. Akad. der Wissenschaft. Philos.-hist. Klasse, Bd. XIX. Wien, 1870; Jokl N. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin - Leipzig, 1923.

³ См. Mann S.E. - Language, XXVIII, 1952, p. 33; Baric H. Istorija arbanaškog jezika. Sarajevo, 1959; а также Brugmann K. Grundriß der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen, Bd. 1, h. 2, passim. Straßburg, 1897.

вполне ясным, правда, остается вопрос о трактовке *dh* как рефлекса **d* (но не **dh!*): здесь требуется дополнительное исследование (этимология алб. *dhe* 'земля' < **ghd̥hōm*, якобы подтверждающая переход **dh>dh* устарела, поскольку не учитывает более правдоподобной рефлексации дометатезной формы **d̥h̥ghōm* > *ghom*, как в тохарском и хетт., при регулярном **g̥h>dh*; подробно см. ниже).

Обращение к материалу, однако, убеждает нас в том, что указанные закономерности в области алб. консонантизма соблюдаются не всегда, причем удается, видимо, выделить обособленную группу алб. лексем, имеющих заведомо и.-е. этимологии, но испытавших на себе влияние чуждых норм фонетического развития. Эти отклонения охватывают такие важные ареально-генетические факты, как алб. противопоставление рядов смычных. Ниже мы разберем предлагаемые этимологии, после чего сделаем попытку проинтерпретировать отмеченные нерегулярности.

tym 'дым'. Г. Майер дал этому слову чрезвычайно сложное объяснение: он видел в нем результат переразложения глагола *tymjas*, *tymos* 'дымить, куриться' (заимствованного, по Майеру, из ст.-слав. *timijasati*, само существование которого, очевидно, фикция; слово отсутствует также в серб. и болг., а формы типа серб. *тимијаћн*, название растения, *тимјан* 'ладан' в свою очередь заимствованы из н.-греч. θυμός, θυμία) под влиянием серб. *дым*⁴. Это объяснение шатко: не говоря уже о сомнительных промежуточных звеньях в построении Майера, ясно, что *tymjas*, *tymos* представляют собой продуктивные отыменные образования от *tym*, а не наоборот, и слав. материал (к тому же, сомнительный) не мог служить источником алб. форм, хотя слав. вклад в алб. глаголы на -as/-at действительно известен. Гипотеза о слав. *timijasati*, алб. *tymjas*, кроме того, оставляет без объяснения и алб. *y*, и исход слова.

Майер, известный своей склонностью к переоценке греч. влияния на алб. словарь, не остановился на возможности заимствования алб. слова из греч. θύμος. Это объяснение, действительно, невозможно или крайне маловероятно, но на нем стоит остановиться подробнее. Майеру были известны только н.-греч. заимствования в алб.: н.-греч. же θυμός дало бы в алб. *thym/thim* (ср. н.-греч. θυμία > алб. *thymjamē* 'Weihrauch'). Однако в настоящее время известно и несколько др.-греч. заимствований в алб., например, *mokērē*, *mokēnē* 'жернов' < μαχανά, причем этот слой заимствований обнаруживает передачу греч. φ, θ, χ как алб. *r*, *t*, *k*, т.е. *tym* как возможная передача др.-греч. θύμος – фонетически безупречный случай. И все же эта этимология неприемлема, ибо для др.-греч. θύμος, как известно, не засвидетельствовано значение 'дым', а алб. слово, в свою очередь, не знает присущих др.-греч. θύμος, начиная с гомеровских текстов, специфических значений. Семантика θύμος, актуальность его связи с θύω в синхронном плане ото-

⁴ Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.

двигают момент семантического перехода ''дым' → 'дух', 'душа', 'жизнь' и под. в такое отдаленное прошлое, что постановка вопроса о заимствовании в алб. становится бесмысленной.

Однако совершенно нецелесообразно отрывать алб. *tum* от известных отражений и.-е. **d̥h̥m̥os* 'дым': др.-инд. *d̥h̥m̥āḥ* 'то же', др.-греч. θῦμος (см. выше), лат. *fūtus* 'дым', лит. (мн. ч.) *dūmai* 'то же', слав. **dymъ* 'то же' и т.п. (*Pokorny J. Indoergermanisches Etymologisches Wörterbuch*, Bd. I, S. 261). Единственно приемлемой, на наш взгляд, остается гипотеза о том, что *tum* непосредственно продолжает и.-е. слово и исконно родственно приведенным формам, причем особенностью развития **d̥h̥m̥os* > *tum* является отражение звонкого придыхательного **d̥h* в алб. *t*.

tokë 'земля, почва, участок земли'. Как исконно алб., слово этимологизировалось Майером (Op. cit., S. 432) и, вслед за ним, Чабеем (*Studime filologjike*, 1966, № 2, с. 84), однако предлагаемое ими объяснение *tokë* < *trokë* 'земля, почва' (и далее к и.-е. **ters-* 'trocknen, verdorren', лат. *terra* 'земля' и под.; *Pokorny I*, S. 1078) предполагает ничем не мотивированное фонетическое изменение *tr-* > *t-*, не имеющее достоверных аналогий, что придает всей этимологии фантастический характер (скорее *trokë* следует рассматривать как результат поздней контаминации). С другой стороны, А.В. Десницкая (Указ. соч., с. 18) видит в алб. *tokë* заимствование из слав. форм, продолжающих праслав. **tokъ*: болг. обл. *ток* 'гумно, ток' и под. (см. *Младенов С. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език*, с. 635; *Фасмер ЭСРЯ*, IV, с. 70). Однако и эта этимология по ряду причин не может быть принята: 1) расширение значения специального сельскохозяйственного термина с прозрачной внутренней формой (к слав. **tekъ*) до важного элемента основного словарного фонда неоправдано, особенно в случае заимствования (более вероятно обратное); 2) предполагаемый источник заимствования отсутствует в серб., а в болг. является диалектным словом; 3) смена рода *m.* > *f.* представляет собой при заимствованиях из слав. в алб. (с его морфологически выраженной двух-, а ранее трехродовой системой) исключительное явление.

Сказанное подтверждается и обращением к семантике слова: оно обнаруживает особенности старого названия земли, входит в пласт стилистически приподнятой, архаизированной лексики (ср. его употребление в народных плачах⁵), образует фразеологизмы и производные с весьма специфическими значениями, например: *ajo e tokës, vëtmunda e tokës, lëngatë toke* 'эпилепсия' (букв. 'болезнь земли'), *tokës* 'змея; любое хтоническое существо'⁶ (ср. аналогично: алб.

⁵ Mbledhës të hershëm të folklorit shqiptar. Tiranë, 1961, t. 1, f. 75.

⁶ Çabej E. Op. cit; Mann S.E. An Historical Albanian-English Dictionary. L.-N.Y.-Toronto, 1948, s.v. *tokë*.

dhe 'земля' - *dhemjë* 'гусеница', слав. *zemja-^{*}zm̥yv; Фасмер II, с. 100). С формальной стороны, некоторые производные (pluralis на *-n-* *tokna*; *toknajë* 'территория') указывают на утраченную в *tokë* *n*-основу.

Мы рассматриваем *tokë* как правильное продолжение правалб. *tēkā, или, если обращаться к более глубокой реконструкции, *tēk-n-. Перечисленные выше семантические и формальные особенности *tēk-n- наводят на мысль о возможности его связи с и.-е. названием земли *dh(e)ghōm (*gh-ghōm): хетт. te-(e-)kán 'земля', тох. A tkam, тох. В kēm - как формы, не пережившие метатезы, а также формы, возводимые уже к *ghdħōm: др.-инд. ksāh, ав. zā, др.-греч. χθών и т.д.⁷ Если алб. *dhe* продолжает, как говорилось выше, дометатезную форму *dhgħōm, или даже непосредственно *dhegħħōm (из которого уже на алб. почве *dħgħōm > > *ħħōm > *dhe*), то достойно внимания, что и *tokë*, которое мы связываем с этой и.-е. основой, также указывает на дометатезную форму: *tokë* < праалб. *tēk-n- < *dhegħħōm, с уже известным нам по предыдущему примеру переходом *mediæ aspiratae* в *tenues*: *dh > t, *gh > k.

Предлагаемое тождество, при всей нетрадиционности его формальной стороны (искупаемой, впрочем, групповым характером предлагаемых реконструкций), основано на замечательной близости *tokë* к другим лексемам, связанным с *dhegħħōm, в семантике и морфологии, прежде всего к хетт. te-(e-)kán, так же трансформировавшему и.-е. слово в *n*-основу⁸, отражающему, вероятно, продленную ступень во-кализма (которая, однако, труднообъяснима), и наконец, обнаруживающему те же, что и *tokë*, основополагающие особенности семантической эволюции⁹. С другой стороны, в алб. одновременно с *tokë* и в том же значении функционирует иное (регулярное с точки зрения алб.) отражение и.-е. основы - *dhe*. Сосуществование *dhe* и *tokë* при этих условиях может иметь только одно объяснение: принадлежность *tokë* к особому лингвоэтническому слову алб. словаря (наряду с уже разобранным нами *tum* и некоторыми другими словами). Одновременное функционирование *dhe* и *tokë* это дополнительное доказательство "неавтохтонности" последнего в албанском.

tytē 'дуло; тщетный, напрасный'. Рассматривая *tytē* только в первом его значении, Майер (Op. cit., S. 77) выводит его через гипотетическую стадию *dytē ("richtig dütē") к лат. *ductus*, что, однако, исключается, так как ожидалось бы *duftē (ср. *luftē* 'борьба' < лат. *lucta* и т.п.), не говоря уже о том, что у лат. *ductus* нет значе-

⁷ Об этой основе см.: Иванов Вяч.Вс. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 24 и сл.

⁸ Там же.

⁹ Развитая система оттенков значения *tokë* (см. выше, а также *Gjevori M. Frazeologisma tē gjuhës shqipe. Prish-tinë*, 1972, s.v.) напоминает некоторые образы хетт. мифологии (в частности, *Totenritual'a*).

ния 'дуло', а попытка объяснить переход *ductus* > *dyjt(ë) > > *dytë > *tytë* через стародалм. версию сочетания *-ct-* > > *-jt-* встречает у ряда исследователей возражения¹⁰. Между тем, рассмотрение *tytë* I 'дуло' и *tytë* II 'тщетный, напрасный, дутый' как омонимов как раз и мешает найти правильную этимологию. Наличие у значений 'дуло' и 'напрасный' *tertium comparationis* в глагольном значении 'дуть' (подтверждаемое типологически, например, русск. *дуло* и *дуть*) позволяет нам предположить в *tytë* образование от и.-е. *dhū- (*Pokorny I*, S. 266), или, точнее, суффиксальную (причастную) форму на *-t-*: *dhū-t-os,ср. др.-инд. *dhūtaḥ/dhutāḥ* < *dhūtos, перс. *dit* 'Rauch', а также образования типа слов. *dōtъ (со всеми оговорками, связанными с судьбой этой основы в слав. - см. *Фасмер I*, с. 555) и лат. *fū-t-ilis* 'напрасный, бесполезный' (особенно интересное в семантическом плане). Вместо ожидаемого *dytë имеем, однако, *tytë*, что вряд ли следует объяснять спорадическими диссимилятивными процессами: ср. вполне устойчивые в этом плане формы типа *datē* 'страх', *dítē* 'день' и т.п. Так же сомнительно "отталкивание" от *dytë* 'второй' во избежание омонимии, поскольку значения *tytë* 'тщетный, напрасный' допускают вторичное осмысление в связи с *dy* '2' (ср. типологические параллели в других и.-е. языках¹¹). Поэтому предпочтительнее видеть в *tytë* прямое продолжение и.-е. *dhū-t-o с трактовкой *dh > t и сохранением исконного *t.

ralter(t)ë '(темно) голубой, синий' трактуется Майером (*Op. cit.*, S. 170-171) как заимствование из лат. *calthinus 'желт(оват)ый', от *caltha* '*Calendula officinalis*'. Это предположение (подтверждаемое, кстати, реально засвидетельствованным лат. *calthula* 'женская одежда желтого цвета') все же остается совершенно необязательным. Объяснение одного из названий основных цветов спектра как заимствования, связанного с обозначением периферийного оттенка, основанного на лат. названии растения, отсутствующем в алб., кажется нам малодостоверным.

Kaltërë следует, на наш взгляд, связывать с и.-е. названием желтого, зеленого, серого и голубого цветов *ghel-/ *ghel- / *ghelt- (не сюда ли относится и (до)ром. *caltha?*), в частности с балт. и слав. фактами типа лит. *geltas* 'желтый', слав. *žytъ, балто-слав. названием золота, и в особенности с фрак. ζῆτα 'золото', Σαλδ-(ата) и т.п. (*Pokorny I*, S. 429-430). *Kaltërë*, оформленное n-суффиксом, подобно лит. *geltbñas* 'желтый', продолжает основу *gholt- = слав. *zolt- (ср. слав. образования на -bñ-: *zoltbñ-), причем и.-е. *gh или *gh > алб. k, и.-е. t > алб. t. Нормальное отражение этой основы в алб.: *dhel-*

¹⁰ *Barič H. Istorija arbanaškog jezika*, s. 38.

¹¹ Иванов Вяч.Вс. Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. - В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 40 сл.

pērē 'лисица' (*'der Gelbe')¹². Морфологическое тождество *dhelperē* и *kaltēre*, вероятно, не случайно.

ka 'бык'. Это слово вызвало известные затруднения у Майера (Op. cit., S. 164 ff.), связывавшего его с венет. *ceva* 'Kuh', но в то же время и со слав. **korva*, лит. *kārvė*, др.-прусск. *kurwis* и под., предполагая развитие **karv-* > **kav-* > *ka*. Однако в таком случае ожидалось бы скорее алб. **kar(r)-*; но следов конечного *-r(r)*, в частности в формах мн.ч., алб. слово не содержит. На наш взгляд, *ka* нельзя отрывать от алб. *kore* 'стадо', которое Майер (Op. cit., S. 198) неверно возводит к н.-греч. κοπάδι 'Herde', *κοπή 'то же'. Вычленяя в *kore* основу *ko-*, апофонически связанную с *ka*, мы сопоставляем *kore* с такими индо-иран. формами, как др.-инд. *gō-rā-h* 'Hirt', иран. **gau-pāna-*: афг. γόβα 'коровий пастух', согд. ЛИ *Gōrat* и под. (Pokorny I, S. 482-483; Morgenstierne G. An Etymological Vocabulary of Pashtu. Oslo, 1927, p. 14; Абаев В.И. - АО XXIV, 1956, S. 48 ff.) Отличаясь от этих форм в деталях, алб. *kore* восходит к **gʷʰuā-pā-iom*, представляя собой характерное образование ср. р. на *-iom* - название стада по пастуху. Компонента **gʷʰuā* идентична греч. -βη в ἔκατβη. Соответственно, *ka* отражает и.-е. название быка **gʷʰōi*/**gʷʰai*: др.-инд. *gāuh* 'Hirt', арм. *kov* 'корова', греч. атт. βοῦς и т.п. (Pokorny I, ibid). В обоих случаях **gʷʰ* > *k*, причем, если *ka* из ступени **gʷʰōi*, то его развитие аналогично появлению алб. диал. *ta* 'не' из **mē* (вместо ожидаемых **ke* и **mo*); и.-е. **p* > алб. *r*.

Кроме указанных слов, имеющих твердые и.-е. этимологии, в алб. словаре имеются элементы, обнаруживающие те же фонетические особенности, но восходящие к не вполне ясным источникам. В качестве примеров укажем: 1) *petkē* 'одежда'; возводится Майером к **pāit(-aka)*, сопоставляемому далее с гот. *paida* 'Leibrock, Unterkleid' и греч. βαῖτη 'тулуп, кожух' (Op. cit., S. 330; Hubschmid J. Romanica Helvetica, LIV, 1955); все эти формы восходят к и.-у. диал. **baita* (не к **paita* - вопреки Pokorny I, S. 92-93), источник проникновения которого в и.-е. неясен; 2) *kēmbē* 'лапа, нога', неотделимое от лат., нар.-лат. *gamba/camba* 'то же'; в вост.-ром. варианте глухим анлаутом отсутствует, что заставляет думать о раннем проникновении этого адстратного слова в алб., где и

¹² Jokl N. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereich des Albanischen. Berlin & Leipzig, 1923.

¹³ В алб., кроме того, особняком стоит несколько слов, обнаруживающих собственно передвижение согласных. Часть из них пытались интерпретировать как ранние герм. заимствования (Pudić I. - Proceedings of the IXth International Congress of Linguists. London-the Hague-Paris, 1964, p. 862). Ср. алб. *fat* 'Ehemann' - гот. -*fafs*; алб. *fang* 'terreno incolto' - гот. *waggs*; алб. *lesh* 'шерсть' (< **hleusi-* < **fleusi-*) - др. англ. *fleos* и под.; *harre* 'греческий орех' - греч. κέριον и т.п. Мы надеемся отдельно рассмотреть эти случаи.

произошло оглушение¹³ (о ром. слове см. Battisti C., Alessio G. Dizionario etimologico italiano, v. 3, Firenze, 1968, s.v.; Corominas J. Diccionario critico etimológico de la langue castellana, v. 2, Madrid, p. 645 ff.)

Приведенные нами этимологии обнаруживают единообразные фонетические особенности ("кентумность" и неразличение, или если пользоваться употребительным термином - "склеивание" трех рядов смычных), чуждые нормам алб. исторической фонетики. Перед нами, следовательно, группа слов, которую нельзя отнести к исконному алб. фонду и следует рассматривать как древние заимствования, как особую чужеродную компоненту алб. словаря.

Вопрос об идентификации этой компоненты, однако, связан со значительными трудностями, обусловленными ограниченностью наших знаний и о древней, и о современной лингвистической ситуации на Балканах. Наши сведения о древнебалканской фонетике как будто исключают прямую связь указанной компоненты с иллир. или фрак. В то же время отдельные факты фрак. и других языков Балкан и вост. Средиземноморья, позволяющие говорить об этом ареале как "переходной зоне" именно в смысле консонантизма¹⁴, оказываются созвучными тем явлениям, которые наблюдаются во вскрытом слое заимствований. Редкие, но тем более весомые, случаи неразличения смычных в балканском ареале не могут рассматриваться изолированно от отдельных бесспорных случаев того же рода в хетто-лав. языках, прежде всего в хетт.¹⁵, в (до)греч. и некоторых других языках Средиземноморья¹⁶. Эти свидетельства вряд ли можно отрывать от обсуждаемых здесь заимствований в алб., они говорят в пользу того, что на Балканах и в Анатолии действительно имелся некий этнический слой, оказавший влияние на спорадические процессы в консонантизме восточнобалканских (фрак.), хетто-лав. и южнобалканских (догреч.) языков.

Мы далеки от того, чтобы, следуя в целом ошибочным концепциям хетт. консонантизма, видеть источник этой компоненты в хетто-лав. Тем не менее, логическая и реальная

¹⁴ См. Гиндин Л.А. - Résumés des communications. XIe Congrès international des sciences onomastiques. Sofia, 1972.

¹⁵ Иванов Вяч.Вс. Хеттский язык. М., 1963; Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967; Benveniste E. Hittite et indo-européen. Paris, 1962 и другие авторы (см. "Хетто-лавийские языки". - В кн.: Языки Азии и Африки, т. 1. М., 1976; Этимология. 1964. М., 1965, с. 142-159), высказываясь в поддержку "правила Стертеванта", отмечают, однако, известное число исключений, ср. рефлекс *gh в хетт. *mekki* 'много' и под. Крайние взгляды Кро-нассера и Хойбека о регулярности "склеивания", конечно, принять быть не могут, но точно также невозможно и огульное отрицание имеющихся исключений.

¹⁶ Ср. некоторые материалы: Hubschmid J. Praeromanica. Bern, 1949; Idem. Mediterrane Substrate. Bern, 1960; Hester D. - Lingua , 13, 4, 1965.

взаимосвязь нерегулярных консонантных явлений в алб. и анат. представляется вполне возможной. Обширные данные о топономастических, апеллативных и фонетико-грамматических связях Балкан и Анатолии¹⁷ не следует толковать исключительно в смысле фрако-(до)греч., фрако-анат. и (до)-греч.-анат. отношений: ретроспективное использование материала алб. языка - единственного живого автохтонного языка Балкан - может в этой связи пролить дополнительный свет на древние балкано-малоазийские отношения, свидетельствуя в пользу неизвестной нам и.-е. этнической компоненты в этом регионе¹⁸.

Роль алб. данных для древней истории Балкан трудно переоценить. Поднимая в настоящей работе вопрос об особой лингвостнической компоненте алб. словаря, хронологически предшествующей прочим слоям заимствований в алб., мы считаем необходимым подчеркнуть важность детального исследования праалб.-хетто-лув.- (до)греч. связей, в особенности, той роли *missing link*, которую играет алб. в ряде изоглосс, объединяющих балкано-анат. зону с балт. и гёрм. языками (к северу от Балкан). Это будет способствовать и окончательной идентификации указанной компоненты¹⁹.

¹⁷ См. Иванов Вяч.Вс. - Балканский лингвистический сборник, М., 1977, с. 3-39; Топоров В.Н. - Славянское и балканское языкознание, М., 1975; Он же. - Балканский лингвистический сборник, с. 40-116, М., 1977; Гиндин Л.А. Указ. соч. (там же - литература).

¹⁸ Огромную роль в этой связи может сыграть изучение алб.-хетт., алб.-догреч., алб.-арм. и других, более сложных, изоглосс, некоторые из которых укажем здесь: алб. *natë* = хетт. *nekut*; алб. *ditë* = хетт. *ši-watt*; алб. *ditë* = пал. *tijat*, лув. *Di-ti-i* (Иванов Вяч.Вс. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская..., с. 48); алб. *arë* = лув. иер. *arha-*, лид. *aara-* (Hamp E.-KZ 75, 1958, 238); алб. *lë* = хетт. *la* отпускать; алб. *unë* = хетт. *uk 'я'* (если алб. слово, по Пизани, из **udh-ne*); лит. *āmžis* 'век' = арм. *azn*, азг 'народ' (см. Топоров В.Н. Прусский язык. М., 1975, с. 82 сл.) = алб. *amshim* 'вечность'; алб. *dhallë* = арм. *dail* (см. Solta G.R. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960).

¹⁹ Нельзя не отметить здесь созвучности полученных нами данных с проницательной концепцией Кречмера относительно дунайской (рето-тиренской) ветви прото-и.-е. Несмотря на порой неверную атрибуцию материала, Кречмер связал с дунайским хеттским и пеласгским. Не лишне вспомнить и о том, что именно рето-тиренскому, по Кречмеру, свойственно смешение рядов смычных: не исключено, что именно его следы мы и находим в балкано-анат. ареале. Не имея здесь возможности подробно останавливаться на этих идеях Кречмера (см. Kretschmer P. - Glotta, 14, 1925; 28, 1940; 30, 1943), заметим, что собранные в послевоенное время новые данные нуждаются в рассмотрении под углом зрения его гипотез.

ALBANIAN STOPS FROM THE ETYMOLOGICAL POINT OF VIEW

This paper deals with ancient loan-words in Albanian. Some new etymologies (Alb. *tym* 'smoke' < IE *dhūmos*; Alb. *tokë* 'ground' < IE *dhéghom*; Alb. *kaltërë* 'blue' < IE *gholtinos*; Alb. *tytë* 'muzzle; vain, futile' < IE *dhūtos*; Alb. *ka* 'bull' < IE *gʷῶu*; Alb. *kembë* 'foot, paw' < Lat. *gamba* prove the existence of loans, manifesting non-Albanian phonological features (contamination of IE *mediae, mediae aspiratae and tenues: *d, *dh, *t>t, in the Albanian vocabulary*). Author claims this phenomenon to be connected with occasional similar facts in Thracian, Hittite and pre-Greek, explained by the influence of unknown Balkan ethnoses, perhaps of that determined by P. Kretschmer as Rhaeto-Tyrrhenian (irrespective of Kretschmers's postulation of its ProtoIE nature). In this context some new Albano-Hittite and Albano-Armenian isoglosses are mentioned.

К о р р е к т у р н о е п р и м е ч а н и е

Перед нами, таким образом, своеобразное переглечение чисто этимологической и этногенетической проблематики, когда решение вопроса о колонизации побережья Адриатики хотя бы отчасти зависит от поиска ранних заимствований в алб. (здесь весьма важно принимаемое нами отождествление птолемеевского 'Αλβανοί, не являющегося самоназванием албанцев, но заимствованного в формах *arbér-*, *labér-*, с названием Альп; другое название албанцев, от основы *shqip-*, также, вероятно, не первоначально и связано со *Scipi*; оно, во всяком случае, не имеет отношения к *shqipe* 'орел' – также интересному старому заимствованию в алб., источник которого неясен, но которое восходит, по нашему мнению, к какому-то продолжению и.-е. названия орла: **ṛg̊ip̊io-*); исследование некоторых из этих заимствований см. в докладе *Gindin L.A., Kalužskaja I.A., Orel V.E. A propos de la composition du fonds de substrat des langues de l'aire balkanique. – IV-e Congrès international des études Sud-Est Européennes. Résumés des rapports. Ankara, 1979.*

Уточненные сведения о развитии некоторых смычных в алб. (см. с. 109–110 настоящего издания) даны нами в работе: *Orel V.E. К вопросу о рефлексации и.-е. *d, *g̊, *g̊h в албанском (в печати)*.

Напомним в этой связи и об известных отождествлениях *Tiranë* = *Τυρρήνος*, *toskë* = *Tusci*. Необходимым становится и внимательное изучение путей проникновения культурной лексики в алб. язык, что уже принесло большую пользу в других отраслях античной балканистики.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ДОЛГОТ,
КОНСОНАНТНЫЙ АУСЛАУТ И УДАРЕНИЕ
В ИСТОРИИ ВЕНГЕРСКИХ ИМЕННЫХ ОСНОВ

Количественное чередование гласных, синхронно описываемое как альтернация сокращения, свойственно в современном венгерском языке части оканчивающихся на согласный именных основ. Оно состоит в том, что в словарной форме (Nom. Sg.) и перед одной группой аффиксов (преимущественно перед аффиксами, образующими отдельный слог) основа бывает представлена вариантом, который содержит долгий гласный, а перед аффиксами другой группы (преимущественно неслогообразующими) - вариантом с долгим гласным того же качества: *kéz* 'рука', *kosár* 'корзина', *út* 'дорога' - Loc. Sg. *kézben*, *kosárban*, *útban* - Acc. Sg. *kezet*, *kosarat*, *utat* - Nom. Pl. *kezek*, *kosarak*, *utak* и т.д.¹ Это свойство отличает основы с количественным чередованием (Очер) от основной массы консонантных именных основ, устойчиво сохраняющих во всей парадигме и при словообразовании долготу или краткость корневых гласных (Однолг., Окр)². Существует достаточно явная, хотя и не взаимооднозначная связь между альтернацией сокращения и другим морфонологическим свойством основ на согласный - качеством соединительных гласных, появляющихся в основном перед теми же аффиксами, что и краткостный вариант Очер³. Очер всегда комбинируются с соединительным гласным нижнего подъема -

¹ Подробнее см.: Майтанская К. Е. Венгерский язык, ч. 1. М., 1955, с. 69-70; Bárczi SzT 24-25; Tompa J. Ungarische Grammatik. The Hague - Paris 1968, с. 94-103; A mai magyar nyelv rendszere. Budapest 1970, с. 324-326; Papp 27-33, 44-45, 48-49.

² Согласно Papp 27-33, альтернация сокращения охватывает около 90 корневых лексем.

³ В венгерской лингвистической литературе наметилась тенденция говорить о соединительном гласном (*kötőhangzó*) в синхронных описаниях, но о "гласном конца основы" (*tővéghangzó*) - в диахронических исследованиях. Мы предпочитаем пользоваться первым из этих терминов - в частности, потому, что, как показано ниже, этот гласный в ряде случаев никогда не принадлежал основе. В притяжательных формах соединительный гласный может синхронно рассматриваться как показатель притяжательности (см. Проблемы структурной лингвистики 1967. М., 1968, с. 326-343).

а или *е*⁴, тогда как *Одлг* и *Окр* могут сопровождаться гласными как нижнего подъема, так и среднего - *о*, *ö* или *ё* (в последнем случае гласный может вообще отсутствовать перед показателем Acc. Sg. -*t*, если основа оканчивается сибилянтом или сонантом): *hid* (:*hidat*, *hidak*) 'мост', *víz* (:*vizet*, *vizek*) 'вода' - *ár* (:*árt*, *árap*) 'цена', *fül* (:*fület*, *fülek*) 'ухо' - *kín* (:*kint*, *kinok*) 'мучение', *füst* (:*füstöt*, *füstök*) 'дым', *hir* (:*hirt*, *hirék*) 'весть'.

Поскольку Очер представлена главным образом в наиболее архаичных слоях лексики - среди слов финно-угорского происхождения, в древнейших заимствованиях - они неоднократно привлекали внимание исследователей истории венгерского языка, искающих здесь отражение определенных процессов фонетического развития. Среди предложенных в этой связи объяснений наибольшее распространение получила концепция, согласно которой долготные варианты Очер возникли путем "компенсаторного удлинения" (*rɒtlɒnubúglás*), происшедшего в связи с падением в ауслауте этих основ редуцированных гласных в начале древневенгерского периода (до XIII в.) и восполнившего сокращение общей длительности слов. В тех случаях, когда ауслаутный гласный основы не замыкал собою словоформу, он не подвергался редукции до нуля, и удлинения гласного внутри основы не происходило (т.е. **kezi* > *kezí* > *kéz*, **utu* > *utú* > *ít*, но **kezi-k* > *kezek*, **utu-k* > *utak*)⁵.

Ряд проблем не получает, однако, в рамках данной концепции приемлемого решения, что заставляет сомневаться в ее справедливости. Во-первых, неясны причины сохранения *Окр* во многих словах, зафиксированных в памятниках Х-XIII вв. с ауслаутным гласным, а ныне его утративших⁶: *ta zilu* = *szil* 'вяз', *nogi* = *nagy* 'большой', *licu* = *lyuk* 'дыра', *hodu* = *had* 'войско'; Конст. *Koučou* или *χούσου* = *köz* 'промежуток, место между', *Мεγέρη* = *Megyer*, *Темес* = *Temes* и т.д. Для предполагаемого в связи с этим дополнительного влияния консонантного окружения (*Bárczi SzT*

⁴ Единственным исключением является слово *lélerek* (:*lélköt* или *lélket*) 'душа', где совмещены альтернации сокращения и синкопы. В данной статье мы используем обозначение *ё* и *е* для не различаемых венгерской орфографией закрытого и открытого звуков лишь там, где такое разграничение релевантно, сохраняя в остальных случаях орфографическое написание с *e*.

⁵ См.: *Gombocz Z. Hangtörténet*. - In: *Gombocz Z. Összegyűjtött művei II/1*. Budapest 1940, с. 69, 76, 78, 81; *Collinder B. Az uráli fokváltakozás*. - *Nyelvtudományi Közlemenyekek* 52, 1949-1950, с. 21; *Bárczi MHT* 62-66; *Bárczi SzT* 25-28; *MNyT* 163-164, 222-223; *Lakó Gy. Proto Finno-Ugric Sources of the Hungarian Phonetic Stock*. Budapest 1968, с. 84; *TESz* passim.

⁶ На это указывает, в частности, Г. Ганшов; *Ganschow G. Zur Geschichte der Nominalstämme in den ugrischen Sprachen*. - In: *Congressus Secundus Internationalis Fennogristarum*, 1. Helsinki, 1968, с. 141.

26) вряд ли можно сформулировать точные историко-фонетические правила. Во-вторых, неясны причины наличия *Одолг'*, а не *Очер*, в значительной части (если не в большинстве) тех случаев, когда долгота в Nom. Sg. признается компенсаторной: *éj* 'ночь', *hús* 'мясо', *iz* 'состав', *szék* 'стул' и др. Предполагается, что долготный вариант аналогически распространялся здесь на всю парадигму⁷. В-третьих, не получает объяснения связь *Очер* с соединительными гласными только нижнего подъема⁸; более того, наличие такой связи выглядит парадоксальным в свете того обстоятельства, что редукции и падению подверглись ауслаутные гласные верхнего подъема (МНУТ 108).

Наконец, предположение о компенсаторной природе удлинения оказывается фактически излишним в свете установленного В.М. Иллич-Свитычем распределения, согласно которому большинство имен финно-угорского происхождения с удлинением (*Очер* и *Одолг*) являются рефлексами *e*-основ, тогда как *Окр* восходят главным образом к *a*-основам. Объяснение такого распределения (в формулировке В.А. Дыбо на основе черновых записей В.М. Иллич-Свитыча) состоит в том, что "в правенгерском открытые гласные *a* и *ä* в конечном слоге основы перетягивали на себя ударение, тогда как в *e*-основах ударение сохранялось на гласном первого слога. В дальнейшем компенсаторному удлинению подвергались лишь те основы, в которых первый гласный был изначально ударный"⁹. По-видимому, отсутствие в предыдущей фразе слова "компенсаторный" не изменило бы сущности предложенного объяснения.

Принимая за основу выдвинутый В.М. Иллич-Свитычем акцентологический принцип объяснения современных венгерских долгот¹⁰, мы ниже попытаемся осветить некоторые ос-

⁷ Заведомо исключать такую возможность нельзя - тенденция к экспансии *Одолг* за счет *Очер* имеется и в современном языке, на что указывают дублеты типа *in* (:*inak* или *inak*) 'жила', *közér* (:*közéret* или *középet*) 'середина' (Papp 29). Тем не менее, допущения о широком размахе нерегулярных аналогических преобразований не могут не оставлять чувства неудовлетворенности.

⁸ Часто эти два аспекта венгерской морфонологии рассматриваются в историческом плане в отрыве друг от друга. См.: Bárcezi Szt 22-23; Décsy Gy. Die gegenwärtige Stand der finnougrischen Lautforschung. - Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica 2, 1968, S. 43-46.

⁹ Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (*b-K*). М., 1971, с. XXXII.

¹⁰ Такой принцип, безусловно, правомерен. Ср.: Bárcezi. МНТ 67-68 с указанием многочисленных случаев удлинения гласного первого слога, обусловленных его ударностью (в современном языке постоянной). Характерна тенденция к субSTITУции ударного гласного заимствованных слов венгерским долгим - например, в румынских заимствованиях диалекта чанго (Marton Gy. Cu privire la

тающиеся неясными проблемы - в первую очередь, установить генезис различий между Очер и Одолг - и уточнить характер действовавшего в правенгерском закона постановки удара.

* * *

В рамках данной статьи мы ограничиваем рассмотрение материалом односложных основ с чередованиями *é : e* и *t : i*, а также Одолг и Окр с теми же гласными. При таком ограничении предметом исследования оказывается наиболее многочисленный разряд Очер, состав которого в литературном языке, в большинстве венгерских диалектов¹¹ и (насколько позволяет судить доступный нам материал) в языке старовенгерских памятников почти одинаков - это позволяет сократить до минимума число предварительных реконструкций на базе древневенгерских и диалектных данных, неизбежных при обращении к другим разрядам Очер (в особенности к двусложным основам).

Парадигматическое чередование *é : e*, *t : i* представлено в 27 односложных корневых существительных современного венгерского языка: *bél* 'кишка', *dél* 'юг', *dér* 'иней', *ég* 'небо', *ér* 'вена', *ér* 'ручей', *ész* 'ум', *fél* 'половина', *hét* 'неделя', *hév* 'жар, зной', *jég* 'лед', *kéz* 'рука', *lé* (: *levet*) 'сок', *lég* 'воздух', *légy* 'муха', *mécs* 'известь', *név* 'имя', *nyél* 'рукоятка', *rész* 'медь', *szél* 'ветер', *szén* 'уголь', *tél* 'зима', *tér* 'площадь', *hid* 'мост', *in* 'жила', *nyíl* 'стрела', *víz* 'вода' (Papp 27-30). Кроме того, альтернация проявляется на словообразовательном уровне в следующих корнях: *hét* 'семь' : *heted* 'седьмая часть', *négy* 'четыре' : *negyed* 'четверть', *vér* (: *vérek*) 'кровь' : *vörös*, (диал.) *veres* 'красный', *csin* (: *cint*) 'привлекательность, (устар.) порядок' : *cinos* 'миловидный', *pír* (: *pírt*) 'румянец' : *piros* 'красный', *tiz* 'десять' : *tized* 'десятая часть', *víg* (: *vigat*) 'веселый' : *vigad* 'веселиться'.

К числу Очер должно было относиться ст.-венг. *év* 'гной' -ср. *eves* (диал., прост.) 'гнойный'. Еще одну утраченную Очер предполагает соотношение ст.-венг. *szécs* ' дух, запах, пар'¹² и современных продолжений этого сло-

corelația dintre accent și durata vocalelor în împrejururile românești ale graiului ceangău din Moldova. - Studii și cercetări lingvistice 17, 1966, c. 81-86) или в таких новейших галлицизмах, как *büfē*, *klisē*, *manikür*, *reprīz*, *sofōr* и т.д. Архаичность начального удара в венгерском языке не бесспорна: Sköld H. Ungarische Endbetonung. Lund - Leipzig, 1925.

¹¹ Согласно материалам исследования: Végh J. A békési népnyelv névszótövei. Debrecen, 1943, с. 5-33, 40-42.

¹² Széb в словаре начала XVII в. (Szenczi Molnár A. Dictionarium Latinovngaricum), который, судя по приводимым в TESz примерам из него, обозначает долготу достаточно строго.

ва - *szeccz* 'спирт'¹³, (диал.) *uminek* a *szeszével* 'заодно'¹⁴. С меньшей вероятностью можно предположить исходный облик *szér* : *szere-* для слова *szer* 'способ, средство'¹⁵.

Среди односложных Очер отсутствуют:

основы, оканчивающиеся сочетанием согласных (*i* в таком положении не содержит и Одолг);
синхронно или исторически неодноморфемные основы;
слова, появление которых в венгерском языке надежно датируется периодом после заселения венграми современной территории (896 г.), а именно: заимствования из славянских¹⁶, печенежского и куманского, немецкого, латинского, турецкого, романских языков; лексика, искусственно созданная в период "обновления языка" (конец XVIII в. - начало XIX в.)¹⁷; интернационализмы новейшего времени.

Последнее, хронологическое ограничение заставляет считать, что причины, обусловившие формирование Очер рассматриваемого типа, утратили свою актуальность к концу правенгерского периода. Значимостью с точки зрения ставящихся в статье задач обладают именные основы финно-угорского происхождения и ранние заимствования, среди которых (любопытно, что с примерно одинаковой частотой) представлены все три типа односложных консонантных основ - Очер, Одолг и Окр¹⁸.

¹³ TESz III 745 непосредственно отождествляет лексемы 'спирт' и 'дух'. Более вероятно, однако, следующее развитие: *széssz* (:*szesze-*) 'дух' → *szeszes ital* 'спиртной напиток' (калька нем. *geistiges Getränk*) → *szeszes* 'спиртной' (переосмысление) → *szesz* 'спирт' (обратное словообразование).

¹⁴ К семантикеср. *egy füst alatt* 'заодно, (букв.) под одним дымом'.

¹⁵ На первоначально долгий гласный в Nom. Sg. указывает, возможно, написание *Almaseer*, 1385 г., см.: *Szamota I.-Zolnai Gy. Magyar oklevél-szótár*. Budapest 1902-1906, с. 917. Впрочем, это написание может, вообще говоря, символизировать не долготу, а закрытость гласного (*szér*), см.: *Bárczi* МНТ 62.

¹⁶ Труднообъяснимое исключение - *csín* : *csinos* (из слав. *činъ*).

¹⁷ Исключением является *lég* (:*leget*) 'воздух' - слово, созданное в 1813 г. Ф. Казинци как эквивалент слово-сочетания *levegő ég* и уподобленное морфонологически второму компоненту этого сложения - *éг* (:*eget*) 'небо'. Тогда же путем обратного словообразования на основе *piros*, *pirít* 'подрумянить' было создано и слово *pír*; долгота в нем - плод авторской фантазии.

¹⁸ Четыре из перечисленных выше Очер - *dér*, *hév*, *mézz* и *víg* - не имеют приемлемых, с точки зрения составителей TESz, этимологий и далее рассматриваться не будут.

Характерной закономерностью - ранее, насколько нам известно, не фиксировавшейся - следует признать то, что источником *очер* в заимствованиях правенгерского периода¹⁹ всегда является основа с кратким гласным и консонантным ауслаутом:

1. *dél* 'юг, полдень' < булг. **döl* (в чув. не представлено), ср. общетюрк. **tūš* (др.-турк., МК *tūš*, что указывает на краткость гласного). См. TESz I 607, Räs. 507.

2. *éss* 'ум' < общетюрк. или булг. **äš:* уйг., чагат. *äš*, туркм. *es* ('память'; показательна туркм. краткость), чув. *as*. См. TESz I 798, Räs. 49.

3. *rēz* 'меди'. Непосредственным источником слова является форма одного из кавказских языков типа авар. *rez* 'латунь', в конечном счете восходящая, вероятно, к ср.-перс. *rđā* 'меди'. См. TESz II 405.

4. *szél* 'ветер' < булг. **sel* (чув. *śil*), ср. общетюрк. **jel* (МК, туркм. *jel*). См. TESz III 706, Räs. 195²⁰.

5. Ст.-венг. *széss* 'дух, запах, пар' < тюрк., ср. тур. *sīs* 'густой туман', шир. *sjs* 'чад, запах, гарь'; см. TESz III 745 (с сомнениями ввиду редкости тюркских данных).

6. *hid* 'мост' < аланс., ср. осет. (ирон.) *xid*, (дигор.) *xed*. Исторически гласный аланского слова долгий (< **ai*, ср. авест. *haētu-*), однако вряд ли следует считать (вслед за Sköld 48-49, TESz II 108), что в венгерском долгота первична, поскольку в других аланских заимствованиях **ai*, **i* передаются кратким гласным: *fizet* 'платить' при осет. *fid-*, *fed-* 'считать', *asszonuy* 'женщина' при осет. *χxsin*, *χfzin*.

7. *tiz* 'десять'. Источником, согласно реконструкции в TESz III 928, является форма типа **däs* или **des* в одном из древних иранских языков, ср. авест. *dasa*, осет. *džas*, согд. *bs*, шугнан. *bīs* и т.д.

Напротив, при консонантной основе с долгим гласным в языке-источнике, равно как и при стяжении (в языке-источнике или уже на венгерской почве), имеем венг. *Öölg*²¹:

1. *kék* (:*kékét* или *kékët*) 'синий' < общетюрк. или булг. **kōk* (МК *kök*, туркм. *gök*, якут. *küök*, чув. *kävak*). См. TESz II 426, Räs. 287.

2. *kép* (:*képet*) 'картина' < общетюрк. или булг. **kär* (туркм. *kär* 'чучело', якут. *kiär* 'форма, вид', чув. *kar* 'подобно'). См. TESz II 448, Räs. 253.

¹⁹ В соответствии со значением термина "правенгерский" сюда не относятся заимствования, проникшие еще в финно-угорский или угорский прайзык.

²⁰ Ср.: Räsänen M. Über die langen Vokale der türkischen Lehnwörter im Ungarischen. - Finnisch-ugrische Forschungen 24, 1937, S. 254, где для "аномальной" долготы в *szél* предполагается аналогическое происхождение.

²¹ О непосредственном отражении тюркских долгот в венгерском см. указанную в предыдущей сноске работу M. Рясянена, с. 251 и сл.

3. *tērd* (:*tērdet*) 'колено' - суффиксальное образование от несохранившегося **tēr* < булг. **tēr* или **tēr* (чув. *čär*) при прототюрк. **tēz* (МК *tēz*, туркм. *dēz*). См. TESz III 895, Räs. 482. Впрочем, показательность данного примера снижается ввиду невозможности Очер в условиях стечения согласных в ауслауте и двуморфности (см. выше).

4. *vērt* (:*vērtet*) 'панцирь, латы' < алан., ср. осет. *vart* 'щит'. См. *Sköld* 39, TESz III 1124. Венг. *é* в заимствованиях регулярно соответствует осетинскому *a* (**ā*), см. *Sköld* 44.

5. *kin* (:*kinok*) 'мука, мучение' < общетюрк. **qēn* или **qijin* (др.-турк. *qijin*, туркм. *qēn*, чув. *χan*). См. TESz II 491.

Еще одно характерное соответствие состоит в том, что Одолг - но не Очер - оказывается представленной в тех случаях, когда для языка-источника предполагается двусложная основа с узким ауслаутным гласным, который подвергся в венгерском редукции до нуля²², но сохранен в соединительном гласном среднего (исторически верхнего²³) подъема. Данное соответствие наблюдается и при долготе, и при краткости исходного гласного:

1. *bēr* (:*bērēk*) 'плата' < общетюрк. **bēri* (-*i* или -*ü*, -*ē*- или -*ā*-) 'дар' (ср. МК *bir-* "дать", якут, *biär-*, чув. *par-*). См. TESz I 280, Räs. 70.

2. *lēk* (:*lēkēt* или *lēkēt*), диал. *vēk* 'прорубь' < булг. **väkū* (чув. *vaGē*) при общетюрк. **ökü* (чагат. *ökü*, *ögü*). См. TESz II 746, Räs. 370.

3. *szék* (:*székét*) 'стул' < общетюрк. или булг. **säkü* или **säki* (МК *säkü* "лавка, прилавок", чув. *saGē* "скамья"). См. TESz III 699, Räs. 408.

Односложные Окр с *e* среди надежно этимологизируемых заимствований правенгерского периода не представлены²⁴. Окр с *i* находим в следующих двух случаях:

1. *kis* 'маленький' < общетюрк. **kic̚i* (туркм. *kiči*). См. TESz II 496, Räs. 269. Допустимо предполагать, что краткость *i* вторична и обусловлена тенденциями звукосимволической природы или же влиянием синонимичного *kisi* (туркизм более позднего, древневенгерского периода).

2. *szirt* 'скала' < общетюрк. или булг. **siyrt* 'холм, возвышенность' (уйг., чагат. *siyrt*, чув. *särt*). В положении перед ауслаутным стечением согласных ни Очер, ни Одолг в данном случае невозможны.

²² Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsingfors 1912, S. 161.

²³ Losonczi Z. A magyar tővéghangzók. - Nyelvtudományi Közlemények 46, 1923-1927, c. 243.

²⁴ Мы оставляем вне рассмотрения слова *nem* 'род, пол' (предположение о заимствовании из осет. *nəmug*, *nəmug* 'зерно, ягода', возможность чего допускает TESz II 1009, явно неприемлемо) и *tej* 'молоко' (нет возможности установить облик предполагаемого TESz III 876 иранского источника, связанного с др.-инд. *dādhī*).

С другой стороны, краткие *e* и *i* широко представлены в тех заимствованных словах, где сохранена дву- или многосложность. В частности, в тюркизмах эти гласные регулярно отражают *ä* и *i* первого слога соответственно: *teve* (:tevēt) 'верблюд' < *tāwā; *ildom-os* 'пристойный, подобающий' < *jildam 'ловкий' и т.д.²⁵

На основании рассмотренных примеров вырисовывается следующая схема современной рефлексии различных типов фонетической структуры у заимствовавшихся в правенгерский период слов²⁶:

- *CVC → CVC (:CVC-)
- *CVC → CVC (:CVC- или CVC0-)
- *CVCU → CVC (:CVC0-)
- *CVCA → CVCA (:CVCA-)

* * *

Уральское, финно-угорское или общеугорское происхождение признается для 22 венгерских односложных. Очер с *é*: *e*, *t*: *i*.

1. *bél* 'кишка'; к. *pevs(t)-in* 'в, среди'; у. *pel-in*.
2. *ég* 'небо'; к. *singed* 'марево'; ф. *sää* 'погода'.
3. *ér* 'вена'; мс. *tár* ('корень'); х. *lér* ('линия'); к. *-ser(-)*; у. *-ser*; мр. *šär*.
4. *ér* 'ручей'; ? к. *šor(-)*; ? у. *šur*; 'река'; ? ск. *térij* 'ключ, источник'. Проблематичность сопоставления обусловлена возможностью трактовки венгерского слова как семантического ответвления *ér* 'вена'²⁷; пермские слова могут быть связаны с другим венгерским словом - *ár* 'поток'.
5. ст.-венг. *év* 'гной'; мс. *sej*; х. *lök*; к. *si-s* 'гнилой'; у. *ši-s*; мр. *šü*; с. *sieggjâ*; ск. *te*; км. *tä*; н., э. *ti-m-* 'сгнить'; нг. *ti-*.
6. *fél* 'половина'. Среди многочисленных этимологических соответствий этого слова представлены рефлексы не менее чем двух однокоренных, но имевших еще в языке различное суффиксальное оформление основ. Можно предполагать, что ближайшими соответствиями являются: мс. *päl*; х. (сев.) *pél* 'сторона'; к. *pev(-)*; у. *pal*; мр. *pel*; мд. *þel*; ф. *pieli*.
7. *hét* 'семь; неделя'; мс. *sät*; х. *läyat*.
8. *jég* 'лед'; мс. *läy*; х. *ȝȝök*; к. *ji*, *ji*; у. *je*; мр. *i*; мд. *jej*, *ej*; с. *jiegŋâ*; ф. *jää*.
9. *kéz* 'рука'; мс. *kät*; х. *köt*; к. *ki*; у. *ki*; мр. *kit*; мд. *kéd*; с. *giettâ*; ф. *käsi*.

25 Gombocz Z. Op. cit., с. 150, 155.

26 Символами А, О и У обозначены здесь и далее гласные нижнего, среднего и верхнего подъема соответственно.

27 Современные венгерские словари трактуют слово *ér* как полисемичное ('вена; жила; ручей'). Если даже это результат исторической контаминации, допустимо считать, что *ér* 'вена' могло повлиять на морфонологию *ér* 'ручей'.

10. *lē* 'сок'; мс. *lām* 'суп'; к. *lēm(-)*. у. *līm*; мр. *lēm*; мд. *lēm*; с. *liebmā*; ф. *liem*.
11. *lēgy* 'муха'; к. *lēg(y)* 'овод, слепень'; у. *lūg(y)*. Присутствие слова только в венгерском и пермском языках позволяет подозревать в нем правенгерское заимствование из общепермского²⁸.
12. *nēgy* 'четыре'; мс. *hil̩*; х. *nāl̩z*; к. *hol̩*; у. *hil̩*; мр. *nōl̩*; мд. *hil̩e*; с. *njel'ljē*; ф. *neljā*.
13. *nēv* 'имя'; мс. *nēm*; х. *nēm*; к. *him(-)*; у. *him*; мр. *lēm*; мд. *lēm*; с. *nāmmā*; ф. *nimi*; ск. *nīm*; к. *nīm*; н. *hūm'*; э. *hi'*(∅); нг. *him*.
14. *nyēl* 'рукоятка'; мс. *nēl*; х. *nōl̩*; к. *nud(-)*; у. *nīd*; мд. *ned*; с. *nāddā*; ф. *nysi*; ск. *nīr*; км. *nir-že*; н. *hir*; э. *hi'*(r); нг. *hir*.
15. *szén* 'уголь'; с. *čidnā*.
16. *szer* 'способ, средство' (исторически, возможно, Очер); мс. (сев.) *sir*; х. (сев.) *sir* 'закон, обычай'; к. *šer(-)*; мр. *sər* 'характер, способ'; н. *šer'* 'дело'; э. *šie'*(r); нг. *šier*.
17. *tēl* 'зима'; мс. *tāl*; х. *tālθx*; к. *tev(j)*; у. *tol*; мр. *tel*; мд. *talā*; с. *dal've*; ф. *talvi*.
18. *tēr* 'площадь'; ? х. Vj *tir* 'ширина (невода, сети)'.
19. *vēr* 'кровь'; мс. *ür*; х. *çər*; к. *vir(-)*; у. *vir*; мр. *ßer*; мд. *þēr*; с. *vārrā*; ф. *veri*.
20. *tn* 'жила'; мс. *tān*; х. *lān*; к. *sen(-)*; у. *sen*; мр. *šün*; мд. *san*; с. *suodnā*; ф. *suoni*; ск. *ten*; км. *ten*; н. *te'(n)*; э. *ti'(n)*; нг. *taŋ*.
21. *nyēl* 'стрела'; мс. *hēl*; х. *hal*; к. *hev(j)*; у. *hel*; мр. *nōl̩-lā-*; мд. *nal*; с. *njuollā*; ф. *nuoli*; ск. *-hīt*; км. *niē*; н. *hi*.
22. *vēz* 'вода'; мс. *üt*; к. *va*; у. *vu*; мр. *vat*; мд. *ved*; ф. *vesi*; ск. *üt*; км. *bw*; э. *bi'*(ð); н. *ji'*(d); нг. *be'*(d).

В подавляющем большинстве приведенных этимологий наблюдается следующее соответствие между структурами основ: Очер в венгерском - основы с консонантным ауслаутом (или, при утрате второго согласного, основы типа (С)V) в обско-угорских, пермских, марийском, мордовском, самодийских языках - двусложные основы с *-e в саамском и финском (*-e > с. -â, ф. -i; ф. -ää в № 2 и 8 из *-äye). Особого внимания заслуживают данные коми языка. Как известно, в большинстве случаев финно-саамским e-основам соответствуют такие консонантные основы в коми, которые "наращивают" в косвенных формах j²⁹. Однако у соответст-

28 Вторичные пермско-венгерские языковые контакты нашли свое отражение в таких заимствованиях, как *ezüst* 'серебро' < перм. *εzwaš(k), *kenyér* 'хлеб' при у. *keñjir* 'крупа', *küsözöb* 'порог' < перм. *kqśip.

29 Литкин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М. 1964, с. 241-243; Он же. Некоторые вопросы вокализма второго слога финно-угорских языков. - В кн.: Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum 1. Helsinki, 1968, с. 324-331.

вий венгерских Очер косвенная основа совпадает, как правило, с основой номинатива: см. № 3, ? 4, 6, 10, 13, 14, 16, 19, 20.

Указанное соответствие не выполняется в этимологиях № 12 и 17 (имеем *a*-основы в финском и саамском, основы с вокалическим ауслаутом в ряде других языков). Иной характер соответствий объясняется, судя по всему, наличием сочетания "*l* + глайд" (**lj*, **lw*) в финно-угорских праформах обоих слов. Нерегулярны, кроме того, коми и марийское слова, соответствующие венг. *nyll*. Проблематичность самого сопоставления и возможность вторичных морфонологических преобразований в венгерском позволяют счесть непоказательным вокалический ауслаут селькупской параллели к *ér* 'ручей'. Венг. *lég* (в к. *lēj*) наращение *j* < *j*) может, как указывалось, быть пермским заимствованием.

Представляется, что в выявленном выше соответствии следует усматривать отражение прафинно-угорских и прауральских основ с консонантным ауслаутом, отступая тем самым от традиционной реконструкции (предполагающей, что вокалический ауслаут был универсальным свойством прайзовых основ и что финно-саамский *-e является исходным³⁰) и следуя реконструкции Т.-Р. Вйтсо³¹. В пользу такого решения говорят, в частности, следующие соображения а) эти основы отражены как консонантные в большинстве финно-угорских и во всех самодийских языках; хотя эпитета гласного и является более редким явлением, чем апокопа, допустить эпитету в одном только языке (прафинно-саамском) более естественно, чем предполагать независимое параллельное развитие *-e > Ø³² во всех остальных ветвях уральской семьи; б) принципиальная допустимость консонантного ауслаута в прайзьке признается и традиционной реконструкцией — например, для форм генитива (сuf. *-n)³³ или 2 Sg. императива (сuf. *-k)³⁴; в) венгерские Очер в заимствованиях правенгерского периода восходят, как показано выше, именно к основам с консонантным ауслаутом.

³⁰ См.: Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm, 1960, с. 190-191, 204; Itkonen E. Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. - Ural-Altaische Jahrbücher 34, 1962, S. 199-201.

³¹ Вйтсо Т.-Р. О некоторых прибалтийско-финских фонологических правилах и прафинно-угорских именных *e*-основах. - Советское финно-угроведение, IX, 1973, с. 91-98.

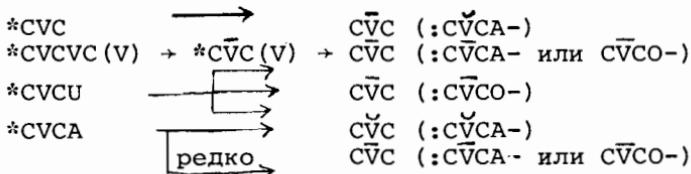
³² Апокопы других гласных (*-a, *-ä) в значительной части языков не происходило. См.: Collinder B. Op. cit., р. 187-190; Хелимский Е.А. О соответствиях уральских *a*- и *e*-основ в тазовском диалекте селькупского языка. - Советское финно-угроведение, 12, 1976, № 2, с. 124.

³³ Collinder B. Op. cit., р. 282-284.

³⁴ Там же, с. 304.

Следует подчеркнуть, что мы (в отличие от Т.-Р. Вийтсо) не видим возможности реконструировать консонантный ауслаут во всех случаях, традиционно рассматривающихся как *e*-основы. Исходную двусложность с **e* или **i* в ауслауте можно предположить для тех (достаточно многочисленных) случаев, когда старой *e*-основе в финском и саамском соответствует основа с наращением *j* в коми и/или двусложность по крайней мере в части остальных языков. По-видимому, в прафинно-саамском противопоставление подобных основ и основ с консонантным ауслаутом было утрачено в результате появления у последних вторичного эпитетического *-*e*. К числу "истинных" *e*-основ относятся, например, такие случаи, как ф. *peni* 'собака', с. *baŋâ* при мд. *biñe*, к. *pon(j)*, у. *runj*; ф. *syli* 'сажень', с. *sällâ* при мр. *šüla*, к. *siv(j)*. Рефлексация таких основ в венгерском неоднозначна; в частности, к ним восходят, по-видимому, многие Одолг с *é*, *í* и соединительным гласным среднего (исторически верхнего) подъема: *éj* (:éjék) 'ночь' при ф. *úð*, с. *iggjâ*, к. *voj* (наращение *j* невозможно после конечного *j* основы); *kérëg* (др.-венг. *kér*) 'кора' при ф. *kéri*, с. *gárrâ*, к. *kor(j)*; *kés* (:késék) 'нож' при мр. *ka'za*, мс. *kási*, х. *kóčəx*; *nyír* (:nyírök) 'береза' при мр. *nörga*, к. *ñer(j)*.

В тех старых *a*- и *ä*-основах, где (вопреки общей закономерности, выявленной В.М. Иллич-Свитычем) развился венгерский долгий гласный, обнаруживается также Одолг (а не Очер): *év* (:évet) 'год' при ф. *ikä* 'возраст', с. *jákke* 'год'; *ék* (*éket* или *ékët*) 'клин' при с. *sag'ge*; *héj* (:héjat) 'кошица' при ф. *koja*. Одолг представлена и в тех случаях, когда долгота возникла из стяжения: *iny* (:inye) 'десна, нёбо' при ф. *ien~ikene-*; *sír* (:sírok) 'могила' (ср. TA *fýher*) при мр. *þüyär*; *szív* (:szívet) 'сердце' при ф. *sydän~sydäme-*. Одолг в именах финно-угорского происхождения восходят, как правило, к *a*- или *ä*-основам и имеют чаще всего соединительный гласный нижнего подъема: *hégy* (:hégyet) 'гора' при ф. *kasa* 'выступ', с. *gjéče* 'кончик'; *mény* (:ményet) 'невестка' при ф. *miniä*, с. *mánnje*; *nyelv* (:nyelvet) 'язык' при с. *njal'bme*; *szém* (:szémet или szëmet) 'глаз' при ф. *silmä*, с. *čál'bme*; *szil* (:szilök или szilék) 'вяз' при ф. *salava*, *salaja*. В целом основная масса рассмотренных и аналогичных им примеров может быть сведена к следующей схеме рефлексации прауральских и прафинно-угорских основ в венгерском языке:

Легко видеть, что в основных своих чертах эта схема сходна со схемой рефлексации основ в заимствованиях пра-венгерского периода. Основные различия состоят в следую-

щем: а) венгерский язык не отражает (во всяком случае, непосредственно) праязыковое количественное противопоставление гласных (см. MNyT 107), в том числе и в консонантных основах (в связи с этим символ V в левой части последней схемы может, вообще говоря, трактоваться как V); б) ауслаутный гласный нижнего подъема (A) исчез в исконной лексике, но не в заимствованиях. Последнее обстоятельство следует, очевидно, объяснять тем, что к правенгерскому периоду *-a и *-ä сузились, хотя и не совпали (на что указывает различие рефлексов основ) с гласными верхнего подъема, т.е. превратились в гласные типа o (или e³⁵), e³⁵. Их окончательное сужение, редукция и апокопа относятся уже к древневенгерскому периоду.

* * *

Как указывалось выше, долготу гласных в современном венгерском языке в ряде случаев - в частности, для рассматриваемых типов именных основ - целесообразно объяснить их первоначальной ударностью. Ввиду этого и с учетом установленных выше соответствий естественно представить сегментную и просодическую организацию правенгерских именных основ следующим образом:

1. Современные Очер имели вид CVC (с ударением, развившимся позднее в долготу), а в косвенных формах (например, в Nom. Pl.) присоединяли аффикс через посредство нейтрального по подъему соединительного гласного O (фонетически, вероятно, e; появление его обуславливалось тенденцией избегать стечения согласных в ауслауте), т.е. имели вид CVCÓk (о безударности гласного первого слога свидетельствует современная его краткость).

2. Современные Одолг в тех случаях, когда первичным в них можно считать краткий гласный, имели вид CVCU : CVCÜk.

3. Современные Окр имели вид CVCÓ : CVCÓk.

4. В правенгерском существовали (по крайней мере, среди заимствований, появившихся позднее перехода -A > -O) основы вида CVCÁ : CVCÁk, отраженные современным типом teve: tevék.

Постановка иктуса во всех приведенных формах - CVC, CVCÓk, CVCU, CVCÜk, CVCÓ, CVCA, CVCÁk - может интерпретироваться как проявление следующего закона акцентуации: ударение падает на последний слог, но отодвигается назад, если последний слог содержит гласный верхнего подъема.

Показательно, что правенгерский акцентуационный закон в такой формулировке, выведенный из гипотезы о происхождении долгих гласных от ударных, оказывается весьма сходным с законами акцентуации ряда языков Поволжья и Прикамья - т.е. того ареала, в пределах которого или в непосредственном соседстве с которым жили до и в начале эпохи миграций и сами правенгры. Общей чертой всех

³⁵ Примеры с *o, *e, *e в ауслауте заимствовавшихся в правенгерский период слов нам неизвестны.

этих законов является фонетическая обусловленность удара-
ния в сочетании с его разноместностью и с противопо-
ставлением гласных верхнего подъема (или их рефлексов) всем прочим гласным. Так, в чувашском языке ударение па-
дает на последний слог, не содержащий редуцированных глас-
ных; если в слове имеются только редуцированные гласные, то ударение падает на начальный слог³⁶. При этом чуваш-
ские редуцированные восходят, как правило, к прототюрк-
ским *i, *j, *u, *ü, а также *o. Полностью идентичен чу-
вашскому закон акцентуации в лугово-восточном наречии марий-
ского языка³⁷; марийские редуцированные гласные (ð, в диа-
лектах также ə, ÿ, ū) являются, как правило, рефлексами финно-
угорских *i, *u, *ü, а также *e. В мокша-мордовском языке уда-
рение обычно падает на гласный первого слога, но если этот
слог или несколько начальных слогов подряд содержат глас-
ные i, i, i или возникший из них редуцированный ð, а да-
лее следует слог с a, то ударение оказывается на этом
a³⁸. В части коми-пермяцких говоров, а также в коми-язы-
винском диалекте ударение ставится обычно также на пер-
вый слог, но сдвигается к концу слова при наличии в этом
слоге гласных верхнего подъема i, j, u (если эти гласные
восходят к прежним *i, *j, *u, а не развились из гласных
среднего подъема)³⁹. Тем самым предположение о характере
правенгерского акцентуационного закона находит надежное
подтверждение со стороны ареальной типологии; прекра-
щение действия этого закона и переход к современному, фик-
сированному на первом слоге ударению можно связать с ут-
ратой венгерским языком связей с соответствующим ареалом.

Дальнейшее (правенгерское и древневенгерское) фонети-
ческое развитие именных основ рассматриваемых типов вклю-
чало, по-видимому, следующие стадии:

1. Переход ударных гласных в долгие. Судя по современ-
ным рефлексам, он или не затронул гласные среднего и
верхнего подъема в непервых слогах, или же они подверг-
лись вторичному сокращению, оказавшись после следующей
стадии в безударной позиции.

2. Переход к системе фиксированного на первом слоге
ударения.

3. Сужение ауслаутных гласных среднего подъема (-O>-U),
см. выше.

4. Редукция и падение ауслаутных гласных верхнего подъ-
ема (см. MNyT 107-108, 146-147).

5. Сокращение долгих ауслаутных гласных нижнего подъ-
ема (см. MNyT 166-167).

³⁶ Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык, ч. 1. Чебоксары, 1954, с. 221-222.

³⁷ Коведяева Е.И. Проблемы акцентуации марийского языка. М., 1970, с. 96.

³⁸ Бубрих Д.В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953, с. 38.

³⁹ Литкин В.И. Коми-язывинский диалект. М., 1961, с. 33-
34; Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975, с. 90-91.

6. Расширение (в позиции закрытого слога) гласных, исторически являющихся соединительными (в *Очер* и части *Одлг*) или ауслаутными гласными основы (в основной массе *Одлг* и в *Окр*): O > A, U > O⁴⁰.

Развитие отдельных типов основ можно проиллюстрировать следующими четырьмя примерами, взятыми из проанализированного этимологически материала (номера в начале строк соответствуют приведенному перечню стадий фонетического развития):

Раннее правенгерское состояние:

1.	<i>in</i> : <i>inék séki</i> : <i>sékik mëñé</i> : <i>mëñék tεvε</i> : <i>tεvék</i>
2.	<i>in</i> : <i>inék séki</i> : <i>sékik</i> <i>tεvε</i> : <i>tεvék</i>
3.	<i>in</i> : <i>inék séki</i> : <i>sékik mëñé</i> : <i>mëñék tεvε</i> : <i>tεvék</i>
4.	<i>sék</i> : <i>sékik mëñ</i> : <i>mëñék</i>
5.	<i>tevε</i> : <i>tεvék</i>
6.	<i>in</i> : <i>inak sék</i> : <i>sékék mëñ</i> : <i>mëñek</i>
- В орфографической форме:
<i>in</i> : <i>inak szék</i> : <i>székek meny</i> : <i>menyek teve</i> : <i>tεvék</i>
'жила' 'стул' 'невестка' 'верблюд'

* * *

В свете сделанного выше вывода, согласно которому *Очер* восходят – как в заимствованиях, так и в исконной лексике – к основам с консонантным ауслаутом и первоначально не имели конечных гласных, как не имеют их и сейчас, встает вопрос о трактовке встречающихся (хотя и очень редко) в древневенгерских памятниках написаний их с гласным в конце. Примерами подобных написаний, служащих основой для концепции компенсаторного удлинения, являются *Hetumoger* = *= hét magyar* 'семь (племен, родов) венгров', *Dele* = (?) *dél* 'юг', *Jegu* = (?) *jég* 'лед' (примеры взяты из TESz); ТА *eri* = *ér* 'ручей'. Если признавать такие написания отражением языковой реальности, а не чисто графическим средством (для решения этой дилеммы необходимо непосредственное исследование труднодоступных для автора первоисточников), то им можно предложить одно из следующих двух объяснений: 1) в древневенгерском языке протекал процесс апокопы ауслаутных гласных (правенгерских O, U), вследствие чего в живой речи в течение некоторого времени должны были существовать формы слов с ауслаутным гласным и без него; колебания между вокалическим и консонантным ауслаутом могли временно распространяться и на исходно консонантные основы – не повлияв, разумеется, на дальнейшую судьбу; 2) субстратом древневенгерского языка являлся язык славянского населения Паннонии, в котором – как можно предполагать по аналогии с другими сла-

⁴⁰ Losonczi L. Op. cit.; D. Bartha K. Hangzónyújtó névszótöveink tővégi magánhangzbinak alakulásáról. - In: Emlékkönyv Pais Dezső hetvenedik születésnapjára. Budapest, 1964; Idem. Tővégi magánhangzink története a XVI. század közepéig. Budapest, 1964.

вянскими языками - ко времени завоевания страны венграми (896 г.) еще действовал закон открытых слогов и имелись редуцированные *v*, *b*; под влиянием субстрата в древневенгерском могли на время возникнуть эпитетические редуцированные гласные в исходно консонантных основах, разделившие в дальнейшем судьбу как славянских редуцированных, так и ауслаутных гласных собственно венгерского происхождения. Автор не настаивает на предпочтительности какого-либо из этих двух объяснений.

Принятые сокращения

- Bárczi MHT - Barczi G. Magyar hangtörténet². Budapest 1958.
Bárczi SzT - Bárczi G. A szótövek. Budapest 1958.
Конст. - венгерские топонимы, этнонимы и антропонимы в переводе Константина Багрянородного ("De administrando imperio"). Приводятся по кн.: Gyöni M. A magyar nyelv görög feljegyzéses szögványemlékei. Budapest 1943.
МК - Собрание тюркских наречий Махмуда Кашкарского.
MNYT - Bárczi G., Benkő L., Berrár J. A magyar nyelv története. Budapest 1967.
Papp - Papp F. A magyar főnevek paradigmatisches rendszere. Budapest 1975.
Räs. - Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki 1969.
Sköld - Sköld H. Die ossetischen Lehnwörter im Ungarischen. Lund-Leipzig 1925.
ТА - A tihanyi apátság alapítblevele ("Грамота об учреждении Тиханьского аббатства", 1055 г.). Приводится по кн.: Molnár J., Simon Gy. Magyar nyelvemlékek. Budapest, 1976, c. 15-21.
TESz - A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, I-III. Budapest, 1967-1976.

Обозначения языков уральской семьи: к. - коми-зырянский, км. - камасинский, мд. - мокша-мордовский, мр. - марийский (козьмодемьянский диалект), мс. - мансийский (преимущественно тавдинский диалект), н. - ненецкий (тундровый диалект), нг. - ноганасанский, с. - саамский (северный диалект), ск. - селькупский (преимущественно тазовский диалект), у. - удмуртский, ф. - финский, х. - хантыйский (преимущественно ваховский диалект), э. - энецкий (диалект соматы).

E.A. Chelimsky

LENGTH ALTERNATION, CONSONANTAL AUSLAUT AND STRESS IN THE HISTORY OF HUNGARIAN NOMINAL STEMS

The author investigates the origin of the monosyllabic nominal stems with quantitative alternation (*é* : *e*, *í* : *i*) in Hungarian. The analysis of the most ancient lexical strata (loanwords of proto-Hungarian time, words of Fennno-Ugric origin) shows that such stems have developed, as a rule, from the stems that contained a short vowel and ended with a consonant. On the contrary, the

modern monosyllabic stems with non-alternating long vowels go back to either the stems that ended with a narrow vowel or the stems with a long vowel, while the stems with short vowels originate from the stems that ended with a broad vowel.

All these facts are accounted for without the help of the so-called "theory of compensatory lengthening". Being added to the supposition that the modern long vowels were often developing from the stressed ones, the above correspondences enable the author to formulate the rule of Proto-Hungarian word accentuation ("the last syllable is stressed in case it does not contain a narrow vowel"). The article gives a brief enumeration of the phonetic developments that shaped the Hungarian system of monosyllabic nominal stems.

A. A. ЗАЛИЗНЯК
О ПОНЯТИИ ГРАФЕМЫ

§ 1. В настоящей статье обсуждается вопрос о содержании термина "графема" и, в частности, анализируются черты сходства и различия между графемами и фонемами и между методами изучения тех и других. Разбор ограничен системами письма, основанными на фонографическом (не идеографическом или пиктографическом) принципе; фактически основным материалом служит русская система письма (в настоящее время и в прошлом). Работа не претендует на формальную строгость¹.

§ 2. Термин "графема" (предложенный еще И. А. Бодуэном де Куртенэ²) в его современном употреблении и противопоставленный ему термин "аллограф" очевидным образом входят в ряд терминов общего вида "Х-ема" - "алло-Х"; ср. прежде всего пару "фонема" - "аллофон".

Противопоставление понятий типа "Х-ема" и "алло-Х" отражает одну из фундаментальных особенностей знаковых систем. Как известно, звуки, начертания, жесты и прочие материальные элементы, которые могут использоваться для формирования знаков, сами по себе обычно не имеют дискретной шкалы различий; например, между любыми двумя звуками, хотя бы и близкими, возможны также промежуточные по своим физическим характеристикам звуки. Если эти элементы действительно используются для построения внешней стороны знаков, они непременно должны быть разбиты на непересекающиеся классы по некоторой дискретной шкале³. Все различия внутри каждого такого класса рассматриваются как несущественные; с семиотической точки зрения (т. е. с точ-

¹ По крайней мере часть излагаемых положений может быть сравнительно легко доведена до формальной строгости, однако, с нашей точки зрения, эта операция составляет особую самостоятельную задачу, которую уместнее отдельить от содержательного изложения; в рамках настоящей статьи мы ею не занимаемся.

² Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. Спб., 1912.

³ Эта шкала может быть откровенно условной, как, например, в знаковых системах, принятых особым соглашением (типа световой сигнализации на улицах), или складываться бессознательно в течение длительного времени, как, например, в системе фонем языка.

ки зрения знаковой системы) внутри класса нет просто никаких различий. Напротив, любое различие между членами двух разных классов существенно: это различие между двумя разными семиотическими единицами. Таким образом, всякое реальное различие между двумя материальными элементами проходит своего рода "семиотический фильтр" по принципу "все или ничего": одни различия оказываются семиотически полноценными, другие - семиотически нулевыми.

Термин вида "Х-ема" обозначает отдельный класс описанного выше разбиения; "алло-Х-ами" данной "Х-емы" называются все члены соответствующего класса. В частности, фонема означает некоторый класс звуков⁴, аллофоны (данной фонемы) - звуки, входящие в этот класс. Указанная схема является общей для разных пар терминов, имеющих вид "Х-ема" - "алло-Х". Различия касаются, во-первых, конкретной природы соответствующих объектов, во-вторых, "критериев существенности", т.е. тех критериев, по которым одни различия признаются существенными, а другие нет.

Так, при выделении фонем критерий существенности, грубо говоря⁵, состоит в том, что существенно такое и только таке различие между двумя звуками, которое хотя бы для одной пары словоформ (разных слов или одного слова) является единственным источником различия внешних оболочек этих словоформ⁶.

§ 3. Применительно к графическому уровню указанная общая схема означает следующее: выделение графем должно производиться так, чтобы различие между любыми двумя графемами было существенным, а всякое различие между аллографами одной графемы - несущественным. Разумеется, эта формулировка сама по себе еще никак не решает вопроса о том, в чем конкретно здесь должен состоять критерий существенности. Разбору этого вопроса и посвящена основная часть настоящей работы.

Графические единицы, реально встречающиеся в письменных и печатных текстах и представляющие собой исходный материал для последующего разбиения их на графемы, мы будем ниже называть *на чертани я м и*⁷ (ср. аналогич-

⁴ Здесь и далее мы имеем в виду только те понимания фонемы, при которых каждый звук относится ровно к одной фонеме; ср.: Успенский В.А. Одна модель для понятия фонемы. - ВЯ, 1964, № 6, с. 39.

⁵ Здесь нет необходимости углубляться в разбор особых случаев, которые потребовали бы некоторых уточнений к приводимой огрубленной формулировке.

⁶ Отметим, что наличие подобного критерия само по себе еще не обеспечивает однозначного разбиения звуков на фонемы (ср. известную проблему неединственности фонологических решений). Для разрешения этой неоднозначности в принципе необходимы какие-то вспомогательные критерии или процедуры.

⁷ В принципе следует различать конкретное начертание (находящееся на определенном месте, скажем,

ный по своему логическому статусу термин "звук" в фонологии). Речь идет, таким образом, о том, какие различия между начертаниями следует считать существенными.

Простейший с логической точки зрения путь состоит в том, чтобы при решении вопроса о графемах по возможности скопировать все процедуры и определения с тех, которые выработаны в фонологии. Ср. предложение такого пути в работе В.А. Успенского "Одна модель для понятия фонемы": "Изложенная модель прилагается без всяких изменений (за исключением терминологических) и в качестве модели для понятия графемы в языках с линейным письмом (т.е. письмом, допускающим линейную сегментацию)"⁸.

Искомый критерий существенности, по-видимому, должен в этом случае выглядеть так: существенно такое и только такое различие между двумя написаниями, которое хотя бы для одной пары словоформ является единственным источником различия между принятыми в данном обществе графическими изображениями этих словоформ.

Действительно, этого критерия в большинстве случаев достаточно для получения таких решений, которые хорошо соответствуют практике описания графических систем и не противоречат каким-либо устойчивым интуитивным представлениям. Не углубляясь в вопрос о конкретных процедурах выделения графем, отметим лишь некоторые наиболее важные моменты. Прежде всего, очевидно, что два начертания, передающие (всегда или хотя бы в части случаев) разные фонемы, скажем, *a* и *u*, должны рассматриваться как разные графемы. Далее, как разные графемы должны рассматриваться строчное *a* и прописное (заглавное) *A*, *b* и *B*, *v* и *V* т.д.; ср., например, *газ* и *ГАЗ* (Горьковский автомобильный завод), *орёл* и *Орёл* (город, фамилия) и т.п.⁹.

конкретного листа бумаги) и абстрактное начертание, представляющее собой продукт абстракции отождествления всех конкретных начертаний, признаваемых нами одинаковыми. В нашем изложении, однако, это различие в явной форме не проводится; какой из этих двух смыслов слова "начертание" имеется в виду, надлежит устанавливать из контекста.

⁸ Успенский В.А. Указ. соч., с. 53.

⁹ В некоторых работах пары *a* и *A*, *b* и *B* и т.д. рассматриваются как единые графемы. Мы имеем здесь дело, таким образом, с иным употреблением термина "графема": вместе стремления к тому, чтобы понятия "графема" и "фонема" имели по возможности сходный логический статус, здесь на первое место, по-видимому, выступает просто стремление к тому, чтобы отношение графем и фонем оказалось как можно ближе к взаимно-однозначному. При таком употреблении "графема" означает примерно то же, что традиционный термин "буква" (ср. ниже, § 4 и 9). Между прочим, из такого словоупотребления с необходимостью следует, что орфография (см. § 12) может предписывать не только выбор графемы, но и выбор аллографа (ведь ор-

С другой стороны, разнообразнейшие способы написания (или печати), скажем, строчного *a*, различающиеся размером, наклоном, пропорциями, стилем, конфигурацией каких-то деталей, особенностями индивидуального почерка и т.д., образуют лишь аллографы данной графемы. Все такие различия можно назвать каллиграфическими (используя слово "каллиграфия" в несколько расширенном смысле).

Выбор графемы - дискретная операция: между двумя разными графемами, хотя бы и похожими (скажем, *n* и *i*), нет "промежуточных" графем. Напротив, каллиграфия недискретна: между двумя аллографами возможны все переходные степени наклона, жирности, четкости и т.п.

В дополнение к тому, что достигается непосредственным применением указанного выше критерия, явно следует признать существенными также отличия знаков препинания от знаков, служащих для записи словоформ, равно как и различия знаков препинания между собой. Иначе говоря, точка, запятая, тире и т.д. образуют особые самостоятельные графемы.

§ 4. Того представления о графеме, которое возникает на основе указанного в § 3 критерия существенности, уже достаточно, чтобы ввести ряд обозначений, необходимых для дальнейшего разбора.

В европейских системах письма графемы довольно отчетливо распадаются на основные (используемые для записи словоформ и при этом стоящие в строке) и вспомогательные (все прочие, а именно, надстрочные и подстрочные знаки, а также знаки препинания и подобные им символы).

С другой стороны, графемы, реально используемые в письменных и печатных текстах, можно разделить на общие-обязательные и специальные. Первые образуют некоторый минимальный инвентарь графем, необходимый для записи (в соответствии с действующими орфографическими правилами) внешней оболочки любой словоформы данного языка, а также для пунктуации предложения. Специальные графемы - это самые различные дополнительные символы, например, математические и т.п. знаки, буквы чужих алфавитов, символы идеографического характера (т.е. соотнесенные непосредственно со значением, а не с внешней оболочкой каких-либо слов; таковы, например, цифры) и т.д. Все они так или иначе служат для сокращения записи или для передачи того, что затруднительно передать обычными словесными средствами данного языка.

В отличие от общеобязательных графем, имеющих постоянные значения, специальным графемам (кроме самых известных, например, цифр) автор может приписывать те значения,

фографические своды заведомо содержат некоторое число правил об употреблении прописных букв), а это явно нарушает некоторое естественное представление о том, что орфография (в отличие от каллиграфии) занимается только существенным.

которые считает удобным. Соответственно, значения специальных графем (кроме самых известных) обычно специально разъясняются автором. Список специальных графем в принципе открыт: автор может изобрести совершенно новую специальную графему или объявить особой специальной графемой то, что в обычных условиях функционирует лишь как аллограф какой-то графемы.

Общеобязательная основная графема в нормальном случае представляет собой средство передачи на письме некоторой фонемы или нескольких разных фонем (от более сложных случаев мы здесь отвлекаемся). Две разные графемы могут служить для передачи одной и той же фонемы (одного и того же набора фонем); такие графемы можно назвать о м о ф о н и ч н ы м и (подробнее см. § 11). Пример: *ф* и *ө* в довоенной русской орфографии.

Термин "графическая система", который может встретиться в последующем изложении, пока что достаточно понимать как обозначение инвентаря общеобязательных графем вместе с основными правилами их использования; более подробно этот термин обсуждается в § 11.

В связи с вопросом о различии между графемами и аллографами необходимо отметить один существенный момент, характерный в особенности для печатных текстов. Пусть имеется некоторый инвентарь графем, и для каждой из них выбран (например, для создания печатного шрифта) некоторый аллограф, считающийся образцовым. Далее, полученный инвентарь образцовых аллографов может быть продублирован путем изменения всех этих аллографов по какому-то одному признаку (размер, наклон, степень жирности и др.); эту операцию можно назвать транспозицией. Понятно, что транспозицию можно применять многократно и получать все новые наборы аллографов; так, в типографском деле один и тот же инвентарь графем может быть реализован в разных гарнитурах (т.е. типах рисунка печатных знаков), в разных кеглях (т.е. размерах), в прямой или курсивной форме, в светлом или жирном варианте и т.д.

Сама по себе транспозиция (например, когда она вызвана лишь эстетическими соображениями, заботой об удобстве чтения или, напротив, об экономии места), разумеется, никаких новых графем не создает. Пишущий может, однако, объявить, что он приписывает тем или иным транспонированным аллографам какую-то особую функцию, противопоставляющую их исходным аллографам. Например, автор решил выделять ударную гласную жирным шрифтом: *каша*, *солома* и т.д. Очевидно, что в этом случае *а* и *ә* (о и *ө* и т.д.) уже противопоставлены друг другу как разные графемы; при этом *а*, *ө* и т.д. должны быть отнесены к числу специальных графем.

С исторической точки зрения, продуктами транспозиции являются также прописные буквы. Однако, как было показано выше, в современных графических системах прописные *A*, *B* и т.д. представляют собой уже не дополнительные аллографы, а самостоятельные графемы. Более того, эти графемы уже не могут считаться специальными, поскольку их упо-

требление регулируется общеобязательными орфографическими правилами¹⁰.

Разумеется, однако, графемы *A* и *a* (равно как *B* и *b* и т.д.) связаны между собой гораздо теснее, чем произвольная пара графем (скажем, *a* и *b*), а именно: 1) они омофоничны; 2) в ряде ситуаций (позиция начала предложения; заголовки или целые тексты, напечатанные с использованием одних лишь прописных графем или, реже, одних лишь строчных графем) их противопоставление нейтрализуется¹¹.

Соответственно, пара графем типа *A* и *a* воспринимается как некое особое единство. В русской традиции именно оно обычно и обозначается словом "буква"¹². Это легко усматривается из обычного словоупотребления, например: "Русский алфавит состоит из 33 букв", "Слово *Anapa* начинается и кончается на одну и ту же букву", "Ты написал букву *a*, а теперь напиши ту же букву, но только прописную". Не соответствует обиходному словоупотреблению (и воспринимается как излишне педантична) фраза типа: "Ты написал букву *a*, а теперь напиши другую букву - *A* прописное". Подробнее об употреблении слова "буква" см. § 9.

Совокупность всех букв, расположенных в некотором условном порядке, носит название алфавита; ср. приведенную выше фразу.

§ 5. Хотя, как уже отмечено, критерий существенности, предложенный в § 3, дает в основном хорошие результаты, существуют все же случаи, когда он приводит к решениям, которые явно противоречат интуитивным представлениям. Например, в дореволюционной русской графике (если пренебречь аномальной парой *миръ* "рах" - *миръ* "mundus") омофоничные буквы *i* и *ї* употреблялись в дополнительном распределении: *i* перед гласными буквами и *ї*, *и* - в прочих случаях. По критерию, предложенному в § 3, эти буквы должны быть признаны аллографами¹³, то есть единицами, раз-

10 Статус самостоятельных (и притом общеобязательных) графем, достигнутый теперь прописными буквами, подчеркивается также тем, что для многих из них выработались особые начертания, нередко сильно отличающиеся от соответствующих строчных (тогда как исходным пунктом этой дифференциации было простое различие по размеру).

11 Ср. также предложение Г. Глисона рассматривать *A* как сочетание графемы *a* с суперсегментной "графемой заглавности", см.: Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, с. 399.

12 То же можно сказать об англ. *letter*, франц. *lettre*, нем. *Buchstabe* и др., а также о слове "буква" в русских описаниях графики соответствующих языков.

13 Разумеется, если не отбросить пару *миръ* - *миръ*, решение будет иное. Ясно, однако, что существо дела здесь не меняется от наличия или отсутствия этой особой пары. В действительности именно тот факт, что *i* и *ї* уже воспринимаются как различные самостоятельные единицы, создает принципиальную возможность написаний типа *миръ*, а использована ли реально эта возможность, несущественно.

личающимися столь же несущественно, как, например, и прямое и и наклонное и т.п.; однако это явно не соответствует интуитивным представлениям о степенях важности различий.

Чтобы понять источник подобных несоответствий, необходимо более подробно рассмотреть различия между графемами и фонемами, не сводящиеся просто к различию материальной природы начертаний и звуков. Заметим сразу же, что эти различия более серьезны, чем представляется на первый взгляд.

Очевидное различие состоит здесь уже в том, что фонема — односторонняя единица, тогда как графема фактически функционирует как знак, т.е. как двусторонняя единица, а именно, определенный класс начертаний выступает здесь как символ некоторой фонемы (или фонем). Соответственно, между двумя графемами возможны отношения, определяющиеся одинакостью или различием передаваемых ими фонем (например, отношение омофоничности), тогда как в системах фонем никаких аналогов этих отношений нет.

С практической точки зрения, важнейшее различие между графемами и фонемами состоит в том, что фонологическая система в нормальном случае усваивается человеком бессознательно (и обычно не осознается и впоследствии), тогда как графическая система усваивается путем обучения, т.е. сознательно. Обучаемому обязательно в явном виде сообщается алфавит букв и список вспомогательных графем и указываются наименования графем¹⁴.

Таким образом, носитель фонологической системы владеет ею в действии, но не имеет о ней (в общем случае) никаких знаний; у него нет даже слова для понятия фонемы. Между тем носитель графической системы непременно имеет о ней некоторые знания, притом как раз те, которые с семиотической точки зрения являются важнейшими. Так, он владеет понятием буквы и имеет соответствующее слово; он понимает дискретную природу букв и четкую ограниченность их числа; например, он без труда ответит на вопрос, из каких букв состоит сделанная им запись¹⁵.

Важно подчеркнуть, что имеющееся у грамотного человека представление о числе букв (и, соответственно, умение видеть в любом используемом на письме начертании воплощение какой-то определенной буквы из этого числа) не есть

¹⁴ Будучи самостоятельным семиотическим объектом, каждая графема непременно имеет особое имя (слово или словосочетание); именно это обеспечивает возможность какого бы то ни было общения на тему о письме и его правилах. Показательно, что аллографы, в отличие от графем, в подавляющем большинстве случаев самостоятельных имен не имеют.

¹⁵ Ср. совершенно иное положение с фонемами: неясно даже, как сформулировать для информанта просьбу разделить произнесенное им слово на фонемы. Даже если это как-то удалось объяснить, далеко не всякий информант и далеко не со всяким словом сможет выполнить такую просьбу.

продукт его индивидуальных наблюдений, осознанных или неосознанных¹⁶, над практикой письма; оно непосредственно дается ему при обучении. Поэтому даже весьма несовершенные (с точки зрения своего основного назначения) системы письма могут сохраняться без всяких изменений в течение веков. В частности, омофоничность двух букв (скажем, ф и ё) ничуть не меняет, с точки зрения пишущего, того факта, что это две разные буквы. Даже если две омофоничные буквы находятся в простейшем и очевидном дополнительном распределении (как в случае с и и і, см. выше), это вовсе не приводит к слиянию их в единую букву в сознании пишущего.

Отметим также некоторые различия между соотношением "графема - аллограф" и соотношением "фонема - аллофон". Как известно, самый характерный вид отношения между аллофонами одной фонемы - дополнительное распределение; другое возможное отношение - свободное варьирование - встречается реже. Между тем для аллографов одной графемы наиболее характерно именно отношение свободного варьирования¹⁷. Что касается дополнительного распределения, то здесь между фонетикой и графикой есть заметное различие. Автоматическое, неосознаваемое дополнительное распределение аллографов в зависимости от контекста (сходное с тем, что наблюдается в фонетике) встречается почти исключительно в связном письме, например, в скорописи (где на конфигурацию буквы может влиять конфигурация ее соседей). В несвязном письме без лигатур (устав, полуустав, печатный шрифт) это явление почти отсутствует.

Что касается дополнительного распределения типа "і перед гласной буквой и ѹ, и в прочих случаях", то оно, конечно, отнюдь не является автоматическим¹⁸ и неосознанным, а достигается обучением. Этому соответствует и субъективное осознание таких начертаний как различных самостоятельных единиц. Таким образом, эти начертания представляют собой аллографы только с точки зрения критерия существенности, указанного в § 3, но не с субъективной точки зрения носителей графической системы. Вообще, как это ни парадоксально в глазах фонолога, дополнительное распределение двух начертаний, если его нельзя объяснить простым влиянием конфигурации соседних начертаний, указывает именно на то, что перед нами две разные, с точки зрения

¹⁶ Между тем представление о фонемах, если оно вообще в какой-то форме имеется у лингвистически необученного носителя языка, возникает именно таким путем.

¹⁷ Свободное варьирование не исключает эстетических предпочтений. Например, пишущий может использовать более нравящийся ему аллограф, когда он хочет, чтобы текст выглядел красивее, и т.п.

¹⁸ Мы отвлекаемся здесь от той ситуации, когда у опытного человека весь процесс письма достигает высокой степени автоматизма. Заметим, что и в этой ситуации выбор между і и и и т.п. является не более автоматическим, чем выбор заведомо самостоятельных графем.

пишущих, единицы (причем правила их применения были составной частью обучения грамоте).

§ 6. Различие между фонологическими и графическими системами по степени осознанности отражается и на выборе способа их описания.

Обычное фонологическое описание можно охарактеризовать как модель объективного функционирования соответствующей фонологической системы. Составитель описания стремится оптимальным образом (с точки зрения принятых им критерий) выделить фонемы и отобразить их функционирование. Он не считает себя связанным в этих операциях теми представлениями, которые могут иметь о своих фонемах сами носители языка (тем более, что у подавляющего их большинства сколько-нибудь ясных, допускающих словесное выражение, представлений о собственной фонологической системе нет).

Данный тип описания в принципе возможен и для графических систем, т.е. можно строить модель объективного функционирования графической системы, безотносительную к субъективному осознанию этой системы. Именно такому подходу соответствует, в частности, критерий существенности, предложенный в § 3.

Однако для графического уровня возможен и другой тип описания. Поскольку графическая система, в отличие от фонологической, не только функционирует, но и осознается (и даже преподается), здесь вполне осмыслена задача отразить субъективное представление об этой системе, имеющееся у ее носителей.

Итак, можно различать два рода описания графических систем: I - не принимающий в расчет субъективных представлений носителей графической системы; II - ориентированный на отражение именно этих представлений.

Понятно, что анализ одной и той же графической системы с этих двух разных точек зрения может дать разные результаты; в частности, могут получиться разные инвентарии графем. Ср. расхождение такого рода в примере с и и *i*, разобранном в § 5.

Можно привести и другие аналогичные примеры. Так, В.А. Успенский¹⁹, отмечая, что в настоящее время буквы *υ* и *ь* в письменном литературном русском языке (в варианте с обязательным употреблением буквы *ё*), по-видимому, находятся в дополнительном распределении²⁰, констатирует, что в соответствии с предложенной им моделью для понятия фонемы и одновременно для понятия графемы (ср. выше, § 3) *υ* и *ь* оказываются аллографами одной графемы. Между тем в субъективном представлении пишущих *υ* и *ь* - это несомненно две различные самостоятельные единицы.

¹⁹ Успенский В.А. Указ. соч., с. 53.

²⁰ Функциональная неполноценность противопоставления *υ* и *ь* была причиной того что, Ф.Ф. Фортунатов уже в 1904 г. высказался за полную отмену буквы *υ*: см. Якобсон Р.

Избыточные буквы в русском письме. - В кн.: Jakobson R. Selected writings, v. I. The Hague - Paris, 1971, p. 564.

В дополнительном распределении в современном (равно как и дореволюционном) русском письме находятся также буквы *Ӧ* и *Ӧ*, причем здесь, в отличие от пары *Ӧ* - *Ӧ*, правило распределения очень просто: *Ӧ* встречается только после согласных букв, *Ӧ* - только после гласных (изредка также в начале слова)²¹. Поскольку *Ӧ* встречается, как и *Ӧ*, только после согласных букв, для современного языка критерий существенности, указанный в § 3, позволяет объединить в одну графему уже целых три буквы: *Ӧ*, *Ӧ*, *Ӧ*. Опять-таки ясно, что это не соответствует субъективным представлениям пишущих.

В дополнительном распределении находятся также, например: *Ӧ* и *Ӧ* в греческом, *Ӧ* и *Ӧ* в большинстве орфографических школ в среднеанглийском (в обоих случаях второй член пары выступает на конце словоформы, первый в прочих позициях) *Ӧ* и *Ӧ* в тех орфографических школах средневековой Руси, которые предписывали употреблять *Ӧ* в начале словоформы и после гласной буквы, *Ӧ* - после согласной. Во всех этих случаях мы имеем дело с аллографами с точки зрения описания I рода, но с разными графемами с точки зрения описания II рода (ср. § 5).

§ 7. С нашей точки зрения, при изучении конкретных графических систем первостепенное практическое значение имеет описание II рода, т.е. такое, которое отражает субъективное осознание системы ее носителями. Знание этого аспекта представляется безусловно необходимым для того, чтобы правильно судить о степени соответствия системы ее основному назначению, о характере ее фактического применения, о природе и источниках ошибок и т.д. Без знания этого аспекта невозможно даже воспроизвести без искажений тексты, записанные в этой системе (т.е. невозможно сохранить все отношения тождества и различия знаков, представленные в оригинале).

В частности, очевидно, сколь необходим такой анализ при изучении графических систем прошлого. Трудно представить себе, как можно установить, например, какие начертания являются ошибками писца, если предварительно не выявлено, какие различия между начертаниями он сам считал существенными²².

Заметим, что.. в соответствии с указанной потребностью, едва ли не все реально существующие описания графических систем (по крайней мере, современных) по сути дела представляют собой именно описания II рода. При этом, однако, то обстоятельство, что в описании тождеств и различий гра-

21 Как известно, этот факт был обнаружен в середине XVII в. Ю. Крижаничем, который на этом основании считал правильным писать (и действительно сам писал) *Ӧ* вместо *Ӧ*, например, *рабъ*, *мовъ*; см.: Якобсон Р. Указ. соч., с. 563.

22 Говоря о необходимости такого анализа, мы не касаемся здесь вопроса о том, как его осуществить. Это особая задача, в каких-то случаях, быть может, и весьма сложная.

фических элементов исследователь фактически исходит из субъективного восприятия этих элементов носителями графической системы, им обычно не отмечается: оно либо представляется исследователю очевидным, либо даже не осознается.

Что касается описаний I рода, то наиболее значительные результаты, достигнутые к настоящему моменту на этом пути (отличные от тех, которые получаются при описании II рода), были сформулированы не в виде синхронических констатаций, а в виде практических предложений по усовершенствованию существующей графической системы. Примечательно, что ни Крижанич (см. сноску 21), ни Фортунатов (см. сноску 20) не предлагали считать *ю* и *й* (соответственно *ю* и *ю*) одной и той же буквой, а требовали изъятия одной из двух букв при сохранении другой²³. Иначе говоря, они безусловно признавали рассматриваемые ими единицы разными буквами, т.е. существующую ситуацию рассматривали с позиций описания II рода.

Можно предполагать, таким образом, что описание I рода должно строиться как своего рода "дополнительный этаж" над описанием II рода. Представляется сомнительной ценность "чистого" описания I рода, т.е. такого, при котором полностью игнорируются различия, существенные с точки зрения пишущих, если эти различия не удовлетворяют избранным формальным критериям. Так, может оказаться целесообразным объединить, например, *и* и *ї* в какую-то единицу высшего ранга (скажем, "гиперграфему"), однако едва ли можно оправдать признание этой пары просто единой графемой, точно такой же, как *а* или *б* (ср. выше, § 5).

В дальнейшем изложении везде, где не оговорено обратное, предполагается, что речь идет об описании II рода.

§ 8. В чем же состоит критерий существенности при описании II рода? Для ответа на этот вопрос обратимся к ситуации школьного диктанта: учитель читает (допустим, из книги) отрывок, ученики его записывают²⁴. При проверке любой из этих записей учитель в сущности должен сравнить два графических изображения одного и того же текста - в книге и в ученической тетради. Ясно, что эти два изображения внешне очень различны. Между тем учитель лишь в некоторых местах объявляет ученическую запись неправильной (а может и всю ее признать целиком правильной). Естественно считать, что ошибками учитель объявляет именно те случаи, где разница между ученическим и книжным написаниями с его точки зрения существенна, а правильными написаниями - те, где она несущественна²⁵.

²³ Ср. в этом отношении также реформу 1917 г., которая именно отменила определенные буквы (а отнюдь не объявила, скажем *и* и *ї* единой буквой).

²⁴ Можно представить себе и просто упражнение по списыванию текста с книги.

²⁵ Следует исходить из того, что перед нами учитель, не признающий права учеников на какое бы то ни было пунктуационное или орфографическое варьирование, но в то же время не обращающий внимание на дефекты почерка.

Заметим, что точка зрения учителя и точка зрения обученных им учеников в этом вопросе совпадают. Правда, ученик может, например, настаивать на том, что учитель ненарядно счел некоторое конкретное начертание в его тетради за букву *о*, тогда как оно в действительности воплощало букву *а*, однако он не станет утверждать, что сама разница между буквами *о* и *а* несущественна.

Итак, при описании II рода мы можем непосредственно использовать тот факт, что сами носители графической системы отчетливо различают два рода отклонений некоторого конкретного начертания от того, которое требуется. В одном случае они говорят: "Эта буква (эта запятая и т.п.) плохо (некрасиво, неразборчиво) написана"; в другом - "Здесь ошибка", "Здесь написана не та буква, которая нужна", "Здесь написано *а* вместо *о* (запятая вместо точки, строчное *а* вместо прописного и т.п.)".

Критерий существенности при описании II рода состоит, таким образом, в том, что существенно такое и только такое различие между начертаниями, которое сами носители графической системы оценивают вторым из указанных способов. Иначе говоря, при ответах первого типа мы имеем дело с каллиграфическими вариациями, при ответах второго типа - с разными графемами.

В соответствии с общей схемой значения терминов вида "Х-ема" - "алло-Х" (§ 2), этим критерием существенности и определяется понимание графемы. Графемой при описании II рода оказывается, таким образом, совокупность всех начертаний, которые самими носителями графической системы воспринимаются как "то же самое" (тогда как всякая замена в тексте одной графемы на другую воспринимается ими как переход от одной цепочки символов к другой и, следовательно, со "школьной" точки зрения, как потенциальная ошибка). Понятно, что при таком подходе в примерах, разобранных в §§ 5-6, и и *i*, ь и *ь*, ѿ и й и т.д. будут признаны разными графемами.

§ 9. Рассмотрим некоторые более частные вопросы, связанные с описанием II рода.

Как уже было указано в § 4, слово "буква" в русской традиции и его эквиваленты в западноевропейских традициях означает пару графем, состоящую из строчной графемы и соответствующей прописной. Однако в некоторых традициях слово, которое принято переводить на русский язык как "буква", фактически используется несколько иначе, а именно, как одна и та же буква рассматривается омофоничные графемы, дополнительно распределенные относительно графического контекста (или границ словоформы). Так, в арабской графике единой буквой считаются начальное (т.е. применяемое в начале словоформы), срединное, конечное и изолированное начертания, передающие одну и ту же согласную фонему (различия строчных и прописных графем здесь нет).

В греческой графике как единую букву принято рассматривать графемы *σ* и *ς* (вторая применяется на конце словоформы, первая в прочих случаях). При этом в современной греческой графике (в отличие от древней) имеется также

и противопоставление строчных и прописных графем, например, а и А. Здесь понимание слова "буква" определяется взаимным наложением обоих рассмотренных принципов: графемы σ, с и Σ считаются одной и той же буквой ("сигма").

Заметим, что для всех обсуждавшихся графических систем (русской, западноевропейских, арабской, греческой) исторически первоначальным было состояние, которое огрубленно можно представить так: каждой нынешней букве здесь соответствовала ровно одна графема (иначе говоря, буквой называлась просто графема). В ходе истории число графем выросло из-за дифференциации по признаку "строчные – прописные" и/или по позиции в словоформе, а традиционное представление о числе и составе букв в основном сохранилось. В результате слово "буква" перестало означать графему и получило свое нынешнее содержание (несколько различное в разных традициях).

Итак, традиционный термин "буква" фактически означает некоторую совокупность омофоничных графем (в частном случае всего одну графему); какие именно омофоничные графемы объединяются в одну букву, а какие нет, определяется соответствующей культурно-исторической традицией. Например, б и с, находящиеся в дополнительном распределении, считаются одной буквой, а и и і, находящиеся в таком же соотношении, не считаются²⁶.

§ 10. При обучении грамоте обучаемому прежде всего сообщают алфавит и учат различать между собой все буквы, из которых он состоит. Поэтому различие между двумя разными буквами для пишущего всегда существенно, т.е. разные буквы – это всегда разные графемы (обратное же, как мы видели, неверно).

Таким образом, простейший способ установить минимальный список графем, различаемых некоторым лицом, – это познакомиться с тем алфавитом, по которому его учили грамоте. (Для установления полного инвентаря графем необходимо, кроме того, выявить, какие различия внутри букв являются для него существенными и какие используются вспомогательные графемы).

При анализе графической системы часто приходится сталкиваться с проблемой "единая графема или сочетание графем?". Она возникает в связи с тем, что графема не обяза-

²⁶ К сожалению, в лингвистической литературе о графемах слово "буква" иногда используется в совершенно другом значении, а именно, для обозначения того, что выше названо начертанием. Источником такого словоупотребления является предложенная И.А. Бодуэном де Куртенэ терминологическая пропорция "фонема : звук = графема : буква" (ср. Указ. соч., с. 16). С нашей точки зрения, эта пропорция неудачна, поскольку, в отличие от слова "звук" которое в общедомом языке не имеет какого-либо строгого значения, слово "буква" уже в течение многих веков фактически используется как термин (причем передающий не более узкое понятие, чем "графема", а более широкое или равное ему).

тельно должна быть графически связной и, с другой стороны, две стоящие рядом (или одна над другой) графемы не обязательно должны быть графически раздельны. Таким образом, по одному лишь внешнему виду, например, русского *и*, чешского *č* или французского *é* еще никак нельзя установить, сколько здесь графем.

Для описаний II рода основным источником ответов на такие вопросы служит алфавит²⁷. Практически можно исходить из того, что всякое начертание, занимающее отдельное место в алфавите, представляет собой единую букву, за исключением того особого случая, когда это начертание состоит из двух или более несвязных частей, каждая из которых занимает, кроме того, свое отдельное место в алфавите. Подобное особое начертание всегда представляет собой диграф или триграф (см. ниже § 11); его можно назвать алфавитным диграфом (триграфом).

Рассматривая записи алфавитов (разных языков), содержащиеся в разных современных изданиях, можно, например, заключить, что: 1) русск. *и*, *й*, чеш. *č*, *š*, *ý*, польск. *ą*, *ę*, *ł*, *ż* и др., швед. *ä*, *ö* трактуются как единые буквы; 2) русск. *á*, *á̄*, *é* и т.д. (со знаками ударения), франц. *ç*, *é*, *è*, *ê*, *ô* и т.п., нем. *ä*, *ö*, *ÿ* трактуются как сочетания "буква + вспомогательная графема"; 3) чеш. и словацк. *ch*, венг. *gy*, *ly*, *ny*, *ty*, *cs*, *sz*, *zz*, сербскохорв. (в латинице) *lj*, *nj*, испан. *ll* трактуются как алфавитные диграфы. Заметим, что в алфавитах большинства языков алфавитных диграфов нет; например, такие диграфы, как нем., англ., франц., польск. *ch*, англ. *sh*, *th*, *ea*, *ai* и т.д., не являются алфавитными.

Необходимо учитывать, однако, что вопрос о том, составляет ли, например, *й* единую букву или букву *и* со вспомогательной графемой, не имеет для пишущего той прямой практической значимости, как вопрос о существенных и несущественных различиях между начертаниями. В самом деле, пишущий прежде всего понимает, что *й* существенно отличается от *и* (например, нельзя писать *стои* вместо *стой* и т.п.); это главное обстоятельство никак не меняется от того, сколько графем усматривается в *й*.

Соответственно, в вопросе "единая графема или сочетание графем" традиционные представления могут быть менее устойчивы, чем в вопросе "разные графемы или аллографы". Так, например, русское *ё* в одних источниках включено в алфавит (*и*, следовательно, расценивается как единая буква), а в других нет.

²⁷ При описаниях I рода приходится привлекать сведения об уникальности или повторяемости спорного графического элемента (например, гачека) и о возможности или невозможности приписать ему самостоятельную функцию (одинаковую во всех случаях его появления); впрочем, принципы такого анализа недостаточно разработаны. Результаты такого анализа могут сильно расходиться с описаниями II рода.

Следует особо отметить сферу, для которой состав алфавита (со всеми подробностями, включая проблему "единая графема или сочетание графем") имеет прямое практическое значение: это алфавитные словари. При определении места слова в словаре всякая единая буква и всякий алфавитный диграф выступают как особое неделимое целое, а вспомогательные графемы игнорируются²⁸. Важно учитывать, однако, что словари иногда трактуют две разные буквы традиционного алфавита как занимающие одно и то же место в алфавитном порядке (что равносильно изменению традиционного способа выделения букв). Например, литовские словари трактуют таким образом буквы *i* и *u*. Все русские словари также трактуют *e* и *ё* (притом что *ё* по крайней мере в части источников включается в алфавит, т.е. выступает как особая буква). Таким образом, строго говоря, необходимо различать основной алфавит (употребляемый, в частности, при обучении грамоте) и словарные алфавиты, которые могут в некоторых деталях отклоняться от основного.

§ 11. В заключение коротко рассмотрим тесно связанный с основной темой настоящей статьи вопрос о графике и орфографии. Наше изложение этого вопроса в принципиальных моментах строго следует классической схеме разграничения графики и орфографии, принадлежащей И.А. Бодуэн де Куртенэ²⁹.

Термин "графическая система" может употребляться в узком и в широком смысле. В узком смысле он означает просто инвентарь общеобязательных графем, в широком смысле - этот же инвентарь и так наз. базисное соответствие между графемами и фонемами.

Базисное соответствие в принципе может быть описано различными способами. Практически чаще всего используется³⁰ способ, состоящий в указании так наз. базисного правила чтения для каждой графической единицы, т.е. графемы³¹ или графемного комплекса. Под графемным комплексом понимается такое сочетание графем, чтение которого не выводится из базисных правил чтения его компонентов (например, франц. *ch*, *ai*, нем. *sch* и т.п.).

Две графические единицы с одинаковым базисным правилом чтения называются омофоничными (ср. упощенную форму этого определения в § 4). Поскольку все графемы, образующие одну и ту же букву (см. § 4 и 9), омофоничны, базисные правила чтения могут формулироваться

²⁸ Они могут быть приняты во внимание лишь при размещении двух слов, которые по общим правилам должны были бы занять в словаре одно и то же место (например, франц. *sale* и *salé*).

²⁹ См.: Бодуэн де Куртенэ И.А. Указ. соч., с. 41, 66, 76.

³⁰ Например, в учебниках, кратких описаниях языка, приложениях к словарям и т.п. (в разделе, посвященном графике).

³¹ Однако функция знаков препинания описывается не базисными правилами чтения, а правилами иной структуры.

также непосредственно для букв. Соответственно, по аналогии с графемными комплексами можно выделять буквенные комплексы. Буквенный комплекс из двух букв называется **диграфом**, из трех — **триграфом**.

Базисное правило чтения графической единицы может представлять собой: 1) указание одной или нескольких фонем (или фонемосочетаний), передаваемых данной графической единицей, или 2) указание каких-то модификаций, которые данная графическая единица привносит в чтение соседних графических единиц. (Возможны также различные комбинации указаний первого и второго типа.)

Первый тип базисного правила чтения характерен для основных графем и для графемных комплексов, второй — для вспомогательных графем. Однако это распределение не строго: например, русск. *ъ* и *ь*, итал. *h* имеют базисные правила чтения второго типа.

Когда базисное правило чтения предусматривает для некоторой графической единицы более одного чтения, возможны два случая: а) в правиле указано также дополнительное распределение этих чтений относительно графического контекста³²; б) такого указания в правиле нет. Пример случая "а": англ. *c* читается как /s/ перед *e*, *i*, *y*, как /k/ в прочих случаях. Примеры случая "б": латинские *a*, *e*, *i*, *o*, *u* передают по две фонемы (одна из которых краткая, а другая долгая); итал. *o* передает /ɔ/ и /ø/, итал. *z* — /fz/ и /dʒ/ и т.п.

Из изложенного ясно, что базисные правила чтения, вообще говоря могут быть составлены для одной и той же системы письма по-разному. Помимо того, что одни и те же факты могут быть отображены многими эквивалентными формулами³³, возможны и некоторые расхождения по существу. Например, базисное правило чтения может отражать или не отражать некоторые относительно более редкие способы чтения данной графической единицы. Соответственно, и само понятие базисного соответствия между графемами и фонемами оказывается не столь жестко определенным, как понятие инвентаря графем.

32 Никакие иные сведения о распределении чтений (например, списки морфем или слов) в базисных правилах чтения не допускаются. Правда, в практических руководствах правила чтения нередко сопровождаются так наз. "списками исключений". Однако эти списки не должны квалифицироваться как составная часть базисного правила; в действительности они принадлежат к сфере орографии (см. § 12). Таким образом, например, в базисное правило чтения русского *г* не может войти /v/ (поскольку это чтение ограничено лишь морфемой *-ого*, *-его*), в базисное правило чтения французского *on* не может войти /ə/ (которое представлено только в слове *monsieur*) и т.п.

33 Например, можно отдельно описывать функции русской графемы *ъ* или же рассматривать *ъъ*, *ъъ*, *ъъ* и т.д. как графические комплексы, и т.п.

Эта неопределенность существенно снижается, впрочем, следующим дополнительным требованием: если различное чтение некоторой графической единицы в разных положениях (даже если эти положения, с формальной точки зрения, можно описать в терминах графического контекста) фактически обусловлено синхронными фонетическими закономерностями языка, базисное правило чтения не должно отражать такого варьирования. Например, для русского ж в базисное правило всегда включается только чтение /ж/ (а не /ж/ и /ш/). Иначе говоря, базисные правила чтения не дублируют той информации, которая относится к сфере фонетической автоматики.

Пусть имеется некоторое "графическое слово", т.е. цепочка идущих без пробелов основных графем, при которых могут быть также какие-то вспомогательные графемы. По базисным правилам чтения построим для этого графического слова соответствующую цепочку фонем³⁴; если в каких-либо местах базисное правило предписывает несколько фонем без указания из распределения, то возникает несколько альтернативных фонемных цепочек. Далее каждая из полученных фонемных цепочек преобразуется (по синхроническим правилам перехода от фонем к звукам³⁵) в соответствующую звуковую цепочку³⁶.

Назовем графическое слово А графически правильной записью³⁷ звуковой цепочки а, если при описанной выше обработке из этого А получается (быть может, в числе прочих) цепочка а. Например, любое из русских графических слов мороз, ма-роз, морос, марос является графически правильной записью звуковой цепочки [млрбс].

§ 12. Орфография - это принятая в некотором обществе или коллективе³⁸ совокупность правил, предписывающих для каждой словоформы определенное (так наз. орфографически правильное) написание

³⁴ Разумеется, для однозначного осуществления этой операции нужны более детальные формальные указания (например, графемные комплексы должны обрабатываться раньше, чем одиночные графемы, и т.п.); однако здесь мы позволяем себе отвлечься от этой технической стороны дела.

³⁵ Предполагается, что в нашем распоряжении имеется описание языка, содержащее такие правила в явном виде.

³⁶ Заметим, что некоторые фонемные цепочки могут оказаться недопустимыми для данного языка; они не подлежат переводу в звуки. Графическое слово, которому отвечают только такие фонемные цепочки, выбывает из рассмотрения (оно "непроизносимо"). Имеются и другие частности, в которые мы здесь не вдаемся (например, в русском языке фонемная цепочка с необозначенным местом ударения должна быть превращена в несколько альтернативных звуковых цепочек с разными ударениями и т.п.).

³⁷ Вместо "запись" может быть сказано также "написание".

³⁸ Изредка встречается также индивидуальная (т.е. соблюданная всего одним лицом) орфография.

(или написания). Нормой является такое положение, когда орфографически правильное написание входит в число графически правильных записей соответствующего звучания. Например, для русской словоформы со значением "гель" и звучанием [млрбс'] орфография предписывает написание *мороз* (одно из графически правильных; ср. выше). Однако в части случаев эта норма может нарушаться, т.е. орфографически правильное написание может и не быть графически правильным³⁹; примеры: русск. *того* (где г = /в/), франц. *monsieur* (он = /ə/) и т.п., ср. сноска 32. Особенно много нарушений такого рода в орфографиях, "застывших" в том виде, как они сложились столетия назад (например, английской и французской).

В предельно "жесткой" орфографии для каждой словоформы предписано ровно одно орфографически правильное написание; к этому идеалу приближаются орфографии ряда современных языков. Менее "жесткая" орфография допускает то или иное количество орфографических вариантов. В принципе возможна система письма вообще без орфографии⁴⁰ (или, если угодно, с "нулевой" орфографией), т.е. такая, где всякую словоформу разрешается передавать любой из ее графически правильных записей (и никак иначе). Если при этом базисное соответствие между графемами и фонемами устроено так удачно, что всякая звуковая цепочка имеет ровно одну графически правильную запись, то перед нами "идеальная" система письма, где нет ни орфографии, ни вариативности.

Понятно, что основная масса орфографических правил – это в сущности правила распределения: а) для омофоничных графических единиц; б) для единиц, которые омофоничны в части графических позиций (ср., например, англ. *k* и *c*, которые в позиции не перед *e*, *i*, *u* читаются одинаково как /k/); в) наконец, для графических единиц, которые в определенных условиях конкурируют друг с другом из-за того, что противопоставление соответствующих фонем можетнейтрализоваться (ср. русские *o* и *a*, *s* и *z* и т.п.). Так, в дореволюционной русской орфографии имелись, в частности, определенные правила выбора между *и* и *i*, между *f* и *ө* и т.д.; как прежняя, так и нынешняя русская орфография предписывает определенные принципы выбора между буквами *o* и *a*, *s* и *z* и т.п. для тех случаев, когда их реальные чтения совпадают.

Образно выражаясь, орфография – это средство борьбы за единообразие против тех лишних степеней свободы в передаче звучания, которые предоставляет графическая система. Приемы, используемые в этой "борьбе", могут быть чрезвычайно разнообразными. Так, орфографические правила могут требовать учета самых различных аспектов слова или передаваемого им понятия (графика, фонология, морфонология, морфология, синтаксис, семантика; происхождение сло-

³⁹ Ср.: Щерба Л.В. Теория русского письма. – В кн.: Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 147.

⁴⁰ Ср.: Щерба Л.В. Указ. соч., с. 149.

ва; степень уважения пишущего к соответствующему понятию и многое другое). Разнообразна также форма орфографических правил. Так, одни из них сформулированы в общем виде (т.е. применимы к целым классам слов), другие касаются только слов или морфем, заданных списком. Одни прямо указывают графему, которую следует писать в рассматриваемых случаях, другие указывают лишь путь к ее нахождению (ср. тест с проверкой родственных слов и т.п.).

Орфография в значительной мере открыта для новшеств, вводимых отдельными лицами или их группами. Соответственно, она может быть сознательно ориентирована на простоту, последовательность и общедоступность или, в другой социальной ситуации или среде, напротив, на усложненность, труднодоступность, элитарность. Как известно, во всех странах средневековой Европы существовало множество орфографических школ; унификация и даже государственная регламентация орфографии представляет собой исторически позднее явление. Отметим, что отсутствие полной стабильности и единообразия свойственны не только орфографии, но и графике; однако в этой сфере масштабы вариаций существенно меньше.

A.A. Zalizniak

ON THE NOTION OF GRAPHEME

There is an important difference between graphemes and phonemes: a phonological system is acquired unconsciously (and most people never realize its existence), while a graphical system is acquired consciously (from a teacher). Graphics is always realized by those who use it as a sign system, i.e. a definite set of signs, every sign being relevantly different from any other (while all differences between variants of the same sign are semiotically irrelevant). Thus, there is a clear-cut difference, for a literate person, between "a badly written letter" and "a wrong letter". Accordingly, there are two ways of studying the graphical level: a) copying phonological procedures (which is often declared to be a self-evident and obligatory method); b) studying a graphical system as it is realized by its users; in the latter case a grapheme is nothing but a separate sign of this system. Thus, *u* and *i* in prerevolutionary Russian graphics must be considered allographs from the first point of view (because of their complementary distribution), but separate graphemes from the second. The second way of studying graphics is more important for practical purposes than the first one.

СТИХОТВОРНАЯ И ПРОЗАИЧЕСКАЯ СТРОКИ:
ПЕРВИЧНОЕ И МОДИФИЦИРОВАННОЕ

1. Занимаясь разработкой общей системы реконструкции праславянского текста, В.В. Иванов и В.Н. Топоров значительное место уделяют восстановлению исходной структуры праславянского стиха¹. Наиболее сохранными при этом оказываются, по их наблюдениям, традиции русского и сербскохорватского эпического стиха ("в настоящее время наиболее достоверные реконструкции праславянского эпического стиха основываются именно на сравнении этих двух традиций")². См. также у Р. Якобсона: "Русские и южно-славянские эпические данные демонстрируют материал, чрезвычайно ценный для сопоставительного исследования, поскольку невозможно их вывести друг из друга непосредственным генетическим путем"³. Еще один исследователь видит сходство - и наибольшую общеславянскую сохранность - в русской и болгарской стихотворной традициях, с большей древностью именно болгарской ветви⁴.

Таким образом, выявляется тенденция, объединяющая линию языков южно-славянской группы (славянская часть БЯС) и русскую эпическую стихотворную традицию. Примечательно при этом, что, как подчеркивает Р. Якобсон, эта реконструируемая форма "остается чужой в неславянском окружении, т.е. у греков, румын, тюрков и финноугров"⁵.

В.В. Иванов и В.Н. Топоров рассматривают девять основных типов праславянского стиха, различающихся в известной

¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. К реконструкции праславянского текста. - В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.

² Там же, с. 96.

³ Jakobson R. Slavic Epic Verse: Studies in Comparative Metrics. - In: Jakobson R. Selected writings, IV. The Hague-Paris. 1966, p. 427.

⁴ Шервинский С.В. Смысловое ударение как стихологический элемент. - В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.

⁵ Jakobson R. Op. cit. p. 421. - Р. Якобсон приводит данные исследователей тюркского и албанского стихосложения. Существенно в данном случае, изучая факты языков БЯС, выявлять не только схождения, но и расхождения глубинно-генетического характера.

степени по жанровой соотнесенности, а также по большей или меньшей связанности с соответствующей национальной традицией.

Не занимаясь вопросом о первичности одной какой-либо стихотворной праформы (например, десятисложника, сопоставляемого с сербско-хорватским "десетерацем" - Уранила/Косовка дѣвѫјка//...), можно обнаружить во всех приводимых формах общие черты фразовопросодического плана.

Основной характеристикой при этом можно считать наличие двух фразовых (т.е. входящих в строку) ударений: одно в начале строки (1-й слог в "десетераце", 3-й в русской стихотворной традиции), другое - в конце строки. Возможно и третье ударение - в том случае, если строка рассечена цезурой - ударение перед цезурой. Эти два ударения как бы скрепляют строку, создают ее жесткую просодическую рамку.

В.Б. Иванов и В.Н. Топоров приводят три разновидности русского былинного стиха, восходящие к праславянскому десятисложнику:

- Слайд 10

 - I. Как во-стольном городе во Киеве
А у-славна князя Володимера
ХХ ХХ XXXX XXX.
 - II. Как во-стольном во городе во Киеве
А у-ласкава князя Володимера
ХХ XXX XXXX XXX.
 - III. Как во-стольном было городе во Киеве
А у-ласкава у князя Володимера
ХХ XXXX XXXX XXX.

При сопоставлении этих трех типов былинного стиха обращает на себя внимание та же жесткость рамки: обязательно ударение на 3-м слоге (двусложная анахруза) и ударение на 3-м слоге от конца (дактилическая клаузула). Разнообразие создается лишь за счет усложнений более свободной середины⁶. Таким образом, средняя часть строки демонстрирует способность сжиматься и растягиваться.

Итак, цельность строки создается двумя граничными ударениями. В случае третьего удараения сама связанность его с цезурой заставляет предполагать, что мы имеем дело с отражением двучастной синтаксической структуры (*С волками жить/по волчьи выть*), в противоположность исходной одночастной (см. "место цезуры в известных славянских народных размерах отражает в преобразованном виде членение текста на такие многосложные группы, которые в то же время можно рассматривать и как элементарные синтаксические единства")⁷.

⁶ На это обратил внимание В.В. Иванов в докладе, сделанном в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в декабре 1973 г.

⁷ Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. соч., с. 95. Существенно также упомянуть при этом и работу О.М. Брика, указавшего на синтаксическую заданность русской стихотворной строки и перечислимость ритмико-синтаксических моделей (Брик О.М. Ритм и синтаксис. - Новый ЛЭФ, 1927, № 3).

2. Обратимся теперь к просодической модели славянской фразы – в той ее части, которая свойственна всем славянским просодическим структурам и так, как она выводится на основании экспериментальных данных⁸.

А именно – для общеславянского просодического каркаса отмечается такая же рамочная обрамленность фразы, причем всеми просодическими параметрами. Основной центр – фразовое ударение – приходится на ударный слог последнего слова законченной фразы. Второй центр располагается на начальной ее части, как правило – это ударный слог первого полнозначного слова. Временные показатели отмечают таким образом три сильных (продленных) точки: 1/ последний ударный слог, 2/ первый ударный слог, 3/ факультативная, или потенциальная продленная точка – абсолютно конечный слог, который может по-разному реализоваться в разных славянских языках: быть короче конечного ударного, быть равным ему или быть более длительным. Середина фразы допускает временную компрессию вплоть до той степени деформации, когда ударные слоги могут сравняться с заударными; это явление связано с тенденцией речевой единицы к изохронности, поэтому вставка новых слогов связана с укорачиванием слогов середины. В начале фразы есть и потенциальная сильная точка – это предударный слог, т.е. аналог абсолютно конечному слогу.

Таким образом, временная структура выявляется очень четко, жесткую рамку составляют начало и конец с двумя усиленными точками в каждом случае (предударный + первый ударный vs последний ударный + заударный конечный), середина оказывается более мобильной и допускающей вставки, сокращения и растягивания. При этом середина может как бы выделяться из этой рамки, тогда стихотворная строка делается трехчастной⁹.

Акцентная, т.е. силовая, структура отмечает начало фразы большей громкостью, поникающейся к концу.

Таким образом, самые сильные точки фразы: по акцентной линии – начало, по временной – конечная часть. При слуховом восприятии эти два центра (при компенсации и неразличении параметров) могут казаться равно выделенными: неискушенный слух отмечает "ударение" вообще, не различая, акцентное оно или временное. Кроме того, как это приходится видеть и в настоящее время, в лингвистическом сознании "силовое" ударение – это на самом деле не силовое, т.е. акцентное, динамическое, а просто "немузикальное"; таким образом, идея не силовой, не музыкальной, а временной выраженности славянского ударения, несмотря на

⁸ См.: Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977, с. 243 – 246, раздел "Общие характеристики".

⁹ Р. Якобсон (Указ. соч.) указывает именно на выбор такой, трехчастной структуры для русского стиха, причем эти три просодических компонента соответственно заполняются и тремя отдельными смысловыми группами (с. 443).

множество подтверждающих этот факт экспериментальных работ, почему-то упорно не принимается.

Два рамочных центра характерны и для мелодических рисунков славянской фразы.

3. Как было отмечено выше, интонационный центр общеславянской фразы располагается в конце, в зоне ударного слога последнего слова. И в стихе "главное ударение, действительно, падает в громадном числе случаев на последний ударенный слог"¹⁰. Существенно также важное указание В.В. Иванова и В.Н. Топорова о том, что "перед цезурой и перед концом строки два последних слога принадлежат к одной словесной группе"¹¹, т.е. единицей просодии - как и в обычной фразе - является не слог, а фонетическое слово.

Итак, несомненно совпадение просодической модели праславянской стихотворной строки и общей для всех славянских языков модели фразы, т.е. коммуникативной минимальной речевой единицы. Таким образом, стихотворная строка на одном из своих звуковых пластов оформляется как фраза, а фраза есть как бы потенциальная стихотворная строка. "Фраза содержит целое число строк, о б ъ ч н о одн у"¹² (разрядка наша - Т.Н.). И неслучайно в качестве прообраза минимальной речевой единицы славянского т е к-ста В.В. Иванов и В.Н. Топоров в указанной работе выбирают стихотворную строку, хотя априори это не задано (см. далее их анализ сказки в конце реконструкции).

Если бы фразовое оформление стихотворной славянской строки совпадало с выведенной общей фразово-просодической моделью и этим бы все ограничивалось, то можно было бы говорить только о том, что стихотворная единица была сверх того и собственно речевой.

Однако оказывается, что нестихотворные славянские речевые единицы знают модификации исходной общей формы, далеко от нее отклоняющиеся, и что эти модификации недоступны (или нерелевантны) для стихотворной строки.

Для русского материала такого рода расхождения наиболее убедительно показаны И.И. Ковтуновой¹³. По ее данным, инверсионное расположение в словосочетании или во фразе обязательно влечет за собой транспозицию фразового ударения и прикрепление его к инвертированному члену: Редки деревни на Белом море; Широкие открывались взору пространства; Я лебедчиком работаю; Чистая комната; Удивился Иван и т.д.

Существенно, что в прозаической речи оказывается "в области порядка слов стройная система стилистических противопоставлений: стилистически нейтральные варианты с восходящим расположением акцентов противопоставлены экс-

¹⁰ Шервинский С.В. Указ. соч. с. 408.

¹¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Указ. соч., с. 97.

¹² Jakobson R. Op. cit., p. 453.

¹³ Ковтунова И.И. Порядок слов в стихе и прозе. - В кн.: Синтаксис и стилистика. М. 1976.

прессывным и стилистически окрашенным вариантам с нисходящим по силе расположением акцентов или с рамочной акцентной структурой.

В стихах эта система распадается¹⁴.

Важно, что далее И.И. Ковтунова, разбирая те случаи искажения стиха, к которым привело бы его прозаически правильное чтение, указывает на систему интонационно сильных позиций в стихе и в первую очередь - на положение в конце строки.

Таким образом получается, что именно стихотворная строка тождественна выведенному экспериментально общеславянскому фразовопросодическому каркасу-эталону, а прозаическая строка знает значительные отклонения от эталона и отклонения эти неслучайны и значимы.

Какие гипотезы могут быть сформулированы в связи с этим? Первая. Славянский стих отражает самую древнюю, исходную форму фразово-просодической структуры, или, иначе говоря, та фразовая структура, которая есть в стихотворной строке (а стихотворная строка содержит и другие специфические звуковые стихотворные структуры - ритмо-мелодические и квантитативно-слоговые¹⁵) соответствует самой древней форме фразово-интонационной модели. Вторая. Древняя форма славянского сообщения и была стихом в его начальном варианте.

Гипотезы эти неальтернативны, они могут быть приняты одновременно, но вторая кажется нам слишком смелой и уводящей в иную по материалу сферу анализа семантики и функций первых реконструируемых текстов. Строго говоря, на эту проблему "работают" исследования по сопоставлению типа метра и жанра стихотворного текста, т.е. выявлению семантики метра и ритма; снова возвращаясь к работе В.В. Иванова и В.Н. Топорова, упомянем также, что десятисложник, разбираемый первым, есть размер эпоса, т.е. сообщения. Точно так же Р. Якобсон обнаруживает греческие формы стиха, аналогичные славянскому десятисложнику, именно в стихах пословиц, гномических и ритуальных формул, т.е. "самых древних формах эпической поэзии", возникшей задолго до гекзаметра¹⁶.

И в первой, более осторожной гипотезе есть слабое место, состоящее в том, что общеславянская модель-каркас, описанная выше, еще не есть непременно древняя модель:

¹⁴ Там же, с. 49.

¹⁵ Необходимо подчеркнуть, что мы не рассматриваем собственно стиховой язык, считая его как бы особым пластом по сравнению с фразово-просодической моделью стихотворной строки. Идеи соотношения стихового языка и естественного языка отдельных эпох см. Kuryłowicz J. The linguistic foundations of metre. Biuletyn polskiego Towarzystwa Językoznawczego, 1976, z. XXXIX.

¹⁶ Jakobson R. Op. cit. p. 461.

в принципе возможна и конвергентность позднейших трансформаций.

Однако эта гипотеза смыкается с другой нашей гипотезой о более позднем появлении в славянских языках семантически-сintаксически осмыслиенных вариаций в порядке слов (ср. нерелевантность этого в стихе)¹⁷.

Сохранение древней славянской фразовой структуры именно в стихе доказывается, на наш взгляд, еще одной группой данных.

4. Все сказанное выше об акцентно-просодической структуре славянского стиха носит общий характер и основано на слуховых данных. Между тем, было бы очень важно посмотреть, на что же похожа фразовая просодия стиха в свете подробно представленных и современных по методу получения экспериментально-фонетических данных. Эту возможность предоставляет работа Л.В. Златоустовой¹⁸.

Л.В. Златоустова показывает следующие специфические характеристики акустической структуры стиха:

1) ритмическая структура, т.е. фонетическое слово, в стиховом тексте выделена в большей степени, чем в прозаическом. Таким образом, интонация распределяется по слову (см. об этом в сносках). (Важно также, в этой связи, замечание К. Тарановского о том, что синтагматический стиховой контраст между слогами разных слов для славянского стиха почти неприменим¹⁹).

2) общее время звучания увеличено. Особенно увеличены ударные гласные, гласные первых предударных слогов и гласные абсолютного исхода ритмической структуры, "на границах синтагм и, особенно, на границах синтагмы, совпадающей с границей строки"²⁰.

3) Интонация в собственном смысле, т.е. мелодика, гораздо более сглажена, чем в прозаическом тексте, "мелодические изменения происходят в узком сравнительно частотном диапазоне", тональный контур в основном служит для оформления цельности строки.

Этот последний вывод может показаться несколько неожиданным для тех, кто привык считать стих связанным с яркими модуляциями, эффектными голосовыми перепадами.

¹⁷ Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков, с. 262, где высказывается тезис о том, что наиболее древним формам славянских языков свойственны следующие признаки: негибкость порядка слов, семантическое усиление конца фразы, пословное (а не посинтагменное) распределение интонации, распространенность частиц-актуализаторов предложения.

¹⁸ Златоустова Л.В. Изучение звучащего стиха и художественной прозы инструментальными методами. - В кн.: Контекст. 1976. М., 1977.

¹⁹ Tararovskiy K. The identity of the prosodic bases of Russian folk and literary verse. For Roman Jakobson, The Hague, 1956.

²⁰ Златоустова Л.В. Указ. соч. с. 72

Но соответствует ли русский стих с его приведенными выше акустическими характеристиками какой-либо фразово-просодической модели в рамках славянской группы языков или это - особая стихотворная ипостась именно русской просодии?

5. Оказывается, что все эти характеристики соответствуют фразовой интонации - в ее общем виде - одного из славянских языков, а именно - украинского²¹.

В украинском языке, по сравнению, в частности, с русским: 1) модулятивность меньшая, 2) средняя длительность во фразе большая, 3) фразовое ударение обычно приходится на конечную часть. При этом ударный слог сильно продлен, но - что более важно - продлен и абсолютно конечный заударный слог: он может быть даже длительнее конечного ему предшествующего ударного, иногда он длительнее ударного в несколько раз. Таким образом, конечная часть фразы в украинском языке оказывается сильно протяженной по длительности, что ощущается и при слуховом восприятии. Недаром украинскую речь часто называют "певучей".

Случайно ли это совпадение? В заключительной части нашей книги "Фразовая интонация славянских языков" помещены три таблицы, в которых приводятся данные о числе схождений интонационных признаков для каждой пары славянских языков. Если суммировать все показатели попарной языковой близости (а в книге такой общий подсчет не был произведен), то оказывается, что украинский язык занимает первое место среди восточнославянских и западнославянских языков по близости к каждому из остальных. Приводим общие цифры совпадений:

Русский язык - 81;	Польский язык - 79;
Украинский - 94;	Чешский - 77;
Белорусский - 80;	Словацкий - 74.

Таким образом, украинский язык как бы является в просодическом отношении носителем максимального числа схождений, некоторой исходной точкой отсчета. О причинах этой просодической "центральности" судить трудно, возможно, немалую роль играют здесь ареальные моменты, так как украинский язык оказался наиболее далеким от неславянских контактов.

6. В начале статьи говорилось о просодической сохранности южно-славянской стихотворной традиции, наряду с русской. И эти факты вполне согласуются с данными попарных языковых схождений. Заметим, что восточнославянские языки близки к южнославянским, а не западнославянским. Именно южнославянские языки, по тому же критерию суммы признаков, демонстрируют высокую степень общеславянской близости: болгарский язык - 95, сербо-хорватский - 83.

Таким образом, русский стих, согласно данным Л.В. Златоустовой, оказывается более близким к общеславянской

²¹ См. эти характеристики: Николаева Т.М. Указ. соч. Раздел "Украинский язык", с. 116-133.

фразово-просодической структуре, чем русская прозаическая речь.

Как представляется, все приводившиеся факты и соображения согласуются с высказанной гипотезой о том, что праславянская форма стихотворной строки отражает древнюю структуру просодии славянской фразы.

T.M. Nikolajeva

LA LIGNE EN VERS ET LA LIGNE EN PROSE:
LE PRIMAIRE ET LE MODIFIÉ

Le modèle prosodique, qui caractérise le vers proto-slave, représente un'existence régulière de deux accents encadrants, initial et final, et la liberté de la forme du milieu. Il correspond à celui d'un étalon slave commun général dans un aspect qui ressort de la comparaison des données d'intonation de la phrase de toutes les langues slaves. Ainsi, il s'est trouvé que le variant prosaïque de la langue parlée connaît aujourd'hui une file de modifications, chargées de fonctions, qui ne sont pas significatives pour la reproduction du vers. L'analyse expérimentale du vers russe montre la distinction entre sa structure acoustique et celle de la phrase prosodique; ces données sont proches au tableau de l'Ukrainien parlé moderne. La langue ukrainienne, selon l'expériment, est d'après ses données prosodiques le plus proche à toutes les autres langues slaves, son nombre des coïncidences est maximal. Les données des langues serbe et bulgare sont aussi pareilles. De cette façon, les faits prosodiques proprement dits révèlent la même similitude et la même distinction (la ressemblance des modèles slave d'Orient et slave de Sud), révélées avant pendant la déduction des formes vers protoslave. On donne l'hypothèse que c'est le vers qui représente la forme la plus ancienne de la structure prosodique de la phrase, c'est-à-dire de l'énonciation.

ДИСКРЕТНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОЛЯ
КАК ЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА АНАЛИЗА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Под дискретными лексическими полями понимаются поля Трира (парадигматические поля), в которых значения слов рассматриваются как состоящие из дискретных семантических признаков. По крайней мере рассматриваются дискретные признаки, характеризующие лексические поля.

Как нам представляется, различные области человеческого знания ("наука") представляют собой иерархию, в которой одни науки служат основанием для других, в то время как некоторые науки существуют "на равных правах". Например, физика служит основанием химии (и астрономии), химия (и физика) являются основанием биологии. Биология (и особенно, этология и генетика) служит основанием для социальных наук и т.д. Мысли довольно распространенные.

Лингвистика в форме этих мыслей является одной из основ литературоведения (другой такой основой является эстетика - область знания, не подчиненная лингвистике).

Сказанное означало бы, что анализ художественного текста может использовать понятия, формализмы и процедуры, уже разработанные в лингвистике. Одним из таких понятий, которые, по мнению автора, неосознанно работает в литературоведении, является понятие лексического (или семантического) поля и понятие взаимодействия таких полей в тексте.

Прежде чем обратиться к вопросам анализа художественного текста, дадим краткое изложение наших представлений о лексическом поле И. Трира, синтагматических полях В. Порцига и о взаимодействии этих двух типов полей.

Тезисы к теории лингвистических полей

1. Каждый язык обладает словарем, т.е. множеством слов или лексем.

2. Словарь подразделяется на классы слов (части речи).

3. Согласно предположению В. Порцига, лексическое поле существует в пределах некоторого класса слов, т.е. не относится к двум и более частям речи. Ср. ниже приведенное высказывание Порцига: "Wenn man darüber nachdenkt, fällt einem auf, daß alle diese Wortfelder in einem Punkte übereinstimmen: sie bestehen alle aus Gliedern derselben Wortart. Nun ist der Begriff der Wortart, wie wir sehen werden, heftig umstritten; aber es ist Tatsache, daß alle Versuche, Wortfelder auszuarbeiten, nur Substan-

tive oder nur Adjektive oder nur Verben oder nur Adverb oder nur Präpositionen nebeneinanderstehen"¹.

Можно пойти еще дальше предположить что каждая часть речи представляет собой гигантское, максимальное — ное лексическое поле.

4. Семантические единицы дискретны и состоят из минимальных компонентов: сем или признаков, в свою очередь дискретных.

5. Каждое лексическое поле содержит лексемы, включающие некоторый признак.

6. Лексема является двусторонним знаком.

С точки зрения знаковой функции соотвествие между лексическим полем F и признаком α есть отображение: $F \rightarrow \alpha$. В данном случае важен вопрос об операциональном критерии выделения означающих поле F .

С другой стороны, признак α проектируется на некоторые поле F : $\alpha \rightarrow F$.

Указанное свойство является языковой универсалией, лежащей в основе лексикографических классификаций.

Заметим, что не обязательно следует считать α неразличимым признаком (семой). Иногда, напротив, его удобно рассматривать как комплекс признаков: это указывало бы на последовательное вхождение, т.е. на иерархию лексических полей.

7. Поскольку каждый член лексического поля обладает признаком α , то о поле можно говорить как о признаковой зоне (или α -зоне).

Признак α может быть назван при этом зональным признаком. Так как каждый член поля содержит, кроме?, и другие признаки, причем любые два члена поля могут содержать (или не содержать) общие признаки (кроме α), то поле Трира представляет собой частично упорядоченное множество членов как признаковых пучков.

8. Каждое лексическое поле, являясь α -зоной, может содержать член, состоящий из единственного признака α . Если поле не содержит такого члена, то этому полю может быть приписан фиктивный член, обладающий таким свойством.

Таким образом, (при условии приписывания фиктивного члена) каждое поле Трира содержит наименьший элемент ($/\alpha/$).

9. Каждое поле может содержать (или не содержать) наибольший элемент (единицу частично упорядоченного множества). Если поле Трира не содержит единицы, то оно является деревом с корневой вершиной α . Такого рода дерево является U-полуструктурой. В противном случае поле Трира не является деревом, но оно может оказаться П-структурой (решеткой).

10. Поскольку каждый член поля Трира (кроме наименьшего) обладает сверх признака α еще и другими признаками (например, признаком β), то этот член может являться также членом других полей (в частности, β -зоны).

¹ Porsig W. Das Wunder der Sprache, H. 5, S. 119-120.

11. Поле Трира может содержать пару антонимических членов (или большее число таких пар). Поля, содержащие антонимические пары, будем называть **поляризованными полями** (Трира). Например, поле *Verba dicendi* во французском языке (по-видимому, как и в любом языке) содержит антонимическую пару *demander* // *répondre* ('спрашивать // отвечать').

Verba movendi '*venir*' // '*aller*' или '*entrer*' // '*sortir*'.
Verba sentiendi: '*regarder*' // '*voir*'; '*écouter*' // '*entendre*'
homines = '*homme*' // '*femme*'; '*gargon*' // '*fille*'

Поляризованным полям с наименьшим членом /α/ будет уделяться преимущественное внимание.

12. Если поляризованное поле содержит более чем одну антонимическую пару и каждая из пар различается по оди-наковым признакам, то говорят, что поле обладает **полярным рядом**.

Если поляризованное поле содержит несколько (напр. К) антонимических пар, различающихся по различным признакам, то говорят о **многополюсном** (К-полюсном) поле.

13. Антонимическая пара называется **минимальной** и **точной** а-парой, если

(α, ...) Uγ // (α, ...) Uδ.

Признаки γ и δ суть единичные и рассматриваются в цивилизации, использующей язык L как противоположные (полярные).

14. Поле Трира соотносится с некоторой позиционной парадигмой. От этого соотношения не требуется взаимной однозначности.

15. Гл **авной характеристикой** члена поля Трира назовем тройку зональных признаков (A, α, α'), где α - зональный признак поля, A - признак максимального поля (т.е. части речи), а α' - выделяет некоторую подобласть α-зоны.

16. Семантема рассматривается как пучок элементарных признаков (сем). О внутренней структуре пучка известно пока немного. Можно предположить, что семантема обладает устойчивым ядром, т.е. под набором совместно присущих сем, и периферией - множеством виртуальных и строгодизъюниктивных сем, присутствие которых в семантеме обусловливается контекстом. Схематически семантема может быть изображена следующим образом:

ядро:

класс константных сем

периферия:

класс виртуальных сем

X U (x₁ // x₂ // ... // x_K)

17. Минимальным полем Порцига называется пара полей Трира F₁, F₂, для которых выполняется согласование по главным характеристикам (т.е. для полей речь пойдет о двух первых компонентах характеристики: A и α).

1) Семантические признаки A₁ и A₂ должны соответствовать классам слов, образующим правильную синтагму (на-

пример, если A_1 есть признак существительного, а A_2 - признак наречия, то синтаксис $Su + Adv$ не будет правильной).

2) Компоненты характеристик α_1 и α_2 либо совпадают, либо имеют общую ядерную сему, либо один из них является периферийным членом другого.

18. Полем Порцига называется любая последовательность полей Трира, согласованных по характеристике (A, α), т.е. соответствующих правильной синтагме и связанных семантически.

Мы предполагаем, что за текстом художественного произведения лежит вневременная система противопоставлений лексических полей (признаковых зон).

Рассмотрим в качестве примера одно из стихотворений в прозе Ш. Бодлера. Итак, имеем текст:

L'étranger

- Qui aimes-tu le mieux, homme énigmatique, dis? Ton père, ta mère, ta soeur ou ton frère?
- Je n'ai ni père, ni mère, ni soeur, ni frère.
- Tes amis?
- Vous vous servez là d'une parole dont le sens m'est resté jusqu'à ce jour inconnu.
- Ta patrie?
- J'ignore sous quelle latitude elle est située.
- La beauté?
- Je l'aimerais volontiers, déesse et immortelle.
- L'or?
- Je le hais comme vous haïssez Dieu.
- Eh! Qu'aimes-tu donc, extraordinaire étranger?
- J'aime les nuages ... les nuages qui passent ... là-bas... les merveilleux nuages!

Анализ нашего примера строится на основе зональных признаков полей и взаимодействия этих полей.

Кроме зональных признаков, учитываются такие категории как а в т о р с т в о подтекста (в частности, смена лица говорящего в диалоге).

Две категории лица говорящего условно обозначим D и R (т.е. спрашивающий и отвечающий).

По категории D выделены следующие поля:

- (1) поле родства (α):
père, mère, soeur, frère
- (2) поле дружеских отношений (β):
(tes) amis
- (3) поле социальных одушевленных абстракций (γ):
(ta) patrie
- (4) поле эстетической абстракции (δ):
la beauté
- (5) поле социальной предметной абстракции (ξ):
l'or

Поля α - ξ категории D связаны с предикатом P_1 - '*aimer*'. В категории R этим полям соответствует предикат p (*non-aimer*) который разделяется на ряд более конкретных предикатов: A (*non-avoir*) C (*non-connaître*), H (*haïr*) -). Признаки α - ξ , будучи социальной или индивидуальной природы,

все имеют социальную значимость. В категории R всем им соответствует предикат *p*, также представляющий собой поле, членами которого являются: *non-avoir*; *non-connaître (inconnu)*; *ignorer*; *hâir*.

В категории R полю *non-aimé* противопоставляется поле: *aimé*, содержащее единственный член - (*Les*) *nuages* с признаком η : *naturel* (т.е. *non-social*). В качестве периферийных признаков в семантике *nuages* выделены контекстом: преходящесть (*qui passent ...*), конкретность (*la-bas*) - ср. признак абстрактности в трех полях категории D, и, наконец, высшая степень оценки (*merveilleux*). Итак, мы приходим к схеме:

D	R
$p: \alpha \beta$ $\xi \delta \epsilon$	\bar{p}
	$p: \eta - les \ nuages$

Заметим, что в категории D - α и β - зоны связаны с признаком преходящего (в противоположность абстрактным γ , δ и ϵ зонам), как и η -зона категории R. "странный" человек любит вне-социальное, конкретное, преходящее и прекрасное.

Даже простой пример, приведенный нами, было бы трудно подвергнуть более детальному анализу. И тем не менее мы убеждены в том, что в основе анализа художественного текста лежит процедура выделения зональных признаков.

Дело в том, что благодаря процессу аbstрагирования и я исследователь, анализирующий текст может выбирать признак полей сколь угодно большой общности. Понятно, что структура большого текста обладает многими сложностями иного рода, нежели многоуровневость лексических полей.

Литература

- Городецкий Б.Ю. К типологии семантических полей. - В кн.: Вопросы семантики. Тезисы докладов. М., 1971.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
- Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. М., 1973.
- Baudelaire Ch. Petits poèmes en prose. (Le spleen de Paris). Garnier-Flammarion. Paris, 1967.
- Greimas A.G. Sémanétique structurale. Paris, 1966.
- Guiraud Pierre. Le sémantique. Presses Universitaires de France, 1971.
- Heger K. Monem, Wort und Satz. Tübingen, 1971.
- Lekomcev Ju.K. The Glossematic Theory of Linguistic Oppositions and Differentiation Theory in Semantics and Descriptive Semiotics. - Linguistics, 134, 1975.
- Porzig W. Das Wunder der Sprache. München. On Principles of Linguistic Synchronic Semantics. - Linguistics, 179, 1976.
- Trier J. Der deutsche Wortschatz ins Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931.
- Trier J. Aufsätze und Vorträge zur Wortfeldtheorie. The Hague, 1973.

J.K. Lekomcev

DISCRETE LEXICAL FIELDS AS A LOGICAL BASIS
OF LITERARY CRITICISM

In this article both the concept of a discrete lexical field (J. Trier's field) and conception that on such fields the literary criticism must be logically founded are disussed.

Habitually a Trier's field is concerned as a group of words with similar meanings, the reality of that notion being demonstrated by diachronic investigations.

The author of these lines set forth the concept of a discrete field, where units are considered from the view-point of content plane as bundles of discrete semantic features. Every field happens to be represented by a feature which is either elementary or complex.

A syntagmatic (W. Porzig's field) is determined in the terms of the discrete field theory by coordination of two (or more) lexical fields.

As an example a poem of Chales Baudelaire is analysed.

ОБ ИЗНАЧАЛЬНОЙ ФОРМУЛИРОВКЕ ТРАДИЦИОННОГО ТЕЗИСА ФАЛЕСА ΤΗΝ ΑΡΧΗΝ ΥΔΩΡ ΕΙΝΑΙ

Тезис, с которого начинается традиционная история греческой и европейской философии (далее - YA-тезис), впервые появляется в 3-й главе Альфы "Метафизики" Аристотеля (983b21 = 11A12DK), и этого вполне достаточно для того, чтобы признать его неаутентичным, поскольку формулировка несомненно задана проблематикой περὶ ἀρχῶν (в обзоре монистических теорий в *De Caelo* 303b11 в связи с проблематикой περὶ στοιχείων 'вода' Фалеса, разумеется, квалифицируется как στοιχεῖον). Разбор "мнений предшественников" в *Metaph.* A 3-9 как и любой анализ τῶν ἐνδεξεών в *πραγματείαις* Аристотеля не ставит себе чисто исторических целей и должен служить диалектическим аргументом в пользу Аристотелевского учения о четырех αἴτίαις или ἀρχαῖς бытия¹ (к взаимозаменимости обоих терминов см. *Inf. Ar.* 112a55, 112b38): никто из предшественников не вышел за рамки "четырех причин" или "начал", каждый предвосхищал только одно из них. Фалес - пример предвосхищения "материального начала": τὸ μέντοι πλῆθος καὶ τὸ εἶδος τῆς τοιαύτης (sc. ύληκτης!) ἀρχῆς, οὐ τὸ αὐτὸ πάντες λέγουσί, ἀλλὰ θαλῆς μὲν ... ὅδωρ εἰναὶ φόσιν (sc. τὴν ύληκτην ἀρχήν). Оснований для того, чтобы приписывать Фалесу термин ἀρχή не больше, чем для того, чтобы приписывать ему такие технические термины Аристотеля, как ύλη, στοιχεῖον или ύποκείμενον, а между тем известно, что Теофраст и вся последующая доксография повторяли формулировку Альфы "Метафизики". Трудно понять, почему ἀρχή стереотипной доксографической формулы "NN принимал за ἀρχή (-αῖ)х" никем не принимается всерьез, когда NN - это Гераклит, Парменид или Анаксагор, а в случае с Фалесом до сих пор признается аутентичным термином в работах, критическое отношение которых к доксографии не оставляет сомнений² (здравый скепсис в этом отношении проявляли Чернисс и Керк). Систематическая аргументация против аутен-

¹ Ср.: Cherniss H. The characteristics and effects of presocratic philosophy. - In: Furley D.J., Allen R.E. Studies in Presocractic Philosophy, vol. I, London, 1970, p. 2; Idem. Aristotle's Criticism of Presocratic Philosophy. Baltimore, 1935, passim.

² См., например: Guthrie W.K.C. A History of Greek Philosophy, v. 1. Cambridge, 1967, p. 57; Gigon O. Der Ursprung der griechischen Philosophie. Basel, 1968, S. 60.

тичности ἀρχή для милетцев и для досократиков вообще (до Филолая) будет дана в другом месте³. Здесь достаточно сказать следующее. Единственный текст, который мог бы служить свидетельством о техническом употреблении ἀρχή ми-летцами: Theophr. ap. Simpl. in Phys. 24, 15 ('Αναξιμανδρός) πρῶτος τοῦτο τοῦνορα κοίτασε τῆς ἀρχῆς получил три истолкования и других иметь не может: 1) Анаксимандр первым ввел сам этот термин ἀρχή (традиционное толкование: Целлер, Дильт, Йегер, Кан и др.); 2) Анаксимандр первым ввел это обозначение (τὸ ἄπειρον) материального начала (Бернет, Керк, Мак-Дайермид и др.); 3) Анаксимандр первым ввел этот атрибут (ἄπειρος adj.) материального начала⁴. Если мы примем толкование (1), то слова Теофраста будут означать, что Фалес еще не употреблял термина ἀρχή, если (2) или (3), то исчезнет последнее свидетельство о раннем употреблении этого термина вообще. Другая доксо-графическая формулировка YA-тезиса Фалеса: ἐκ ὕδατος πάντα vel similiter (места собраны Классеном⁵) не столь невозможна как первая ввиду В27 Ксенофана, но также несомненно имеет своим источником Аристотелевскую дефиницию "материального начала" τὸ ἔξ οὗ καὶ εἰς δὲ (в связи с Фалесом: A 12; 1,76,35DK) и большого доверия не заслуживает.

Таким образом, мы оказываемся вправе поставить те вопросы, ответы на которые и составляют цель этой статьи: 1) если для перипатетиков "вода" Фалеса была "онтологическим принципом" (ἀρχή) и "материальной причиной" (αἴτια), то чем была она для самого Фалеса, или, по крайней мере для доперипатетического предания? Известно, что перипатетическим ἀρχαῖ καὶ στοιχεῖα соответствуют аутентичные норфы Парменида (B8, 53), рицьиата Эмпедокла, (B 6,1), спέρиата Анаксагора (B 4). Можем ли мы указать соответствующий термин, или хотя бы тип термина для Фалеса? 2) Можем ли мы пойти еще дальше и реконструировать высказывание или, по крайней мере, тип высказывания Фалеса, переводом которого на перипатетический язык является YA-тезис "Метафизики"? То, что стереотипная фраза "NN принимал за ἀρχή x" может иметь в виду вполне конкретное высказывание, доказывается нередко сопровождающими ее ссылками на таковые, например, в случае с Ксенофаном (A 36) - на 21 В 27, а в случае с Гераклитом (1, 141, 18) - на 22 В 90 (54 М.) (подробный перечень таких "билингв" будет дан в другом месте). Против нашей постановки вопроса возможны два возражения. Первое принадлежит Черниссу⁶ и состоит в том, что YA-тезис - не только фор-

³ См. - предварительно: Лебедев А.В. АРХИ И ТО ПЕРИЕХОН У ДОСОКРАТИКОВ. - В кн.: Античная балканстика. З. М., 1978.

⁴ Лебедев А.В. ТО АПΕΙΡΟΝ. - ВДИ, 1978, № 1, прим. 44.

⁵ Classen C.J. PWRE, Suppl. X (1965), s.v. "Thales", col. 939, 29 sq.

⁶ Cherniss H. The characteristics and effects of presocractic philosophy. - Furley D.I., Allen R.E. Studies in presocractic philosophy, v. I. London, 1970, p. 4.

мулировка, но и конструкция Аристотеля, а именно – развитие тезиса $\tau\theta\gamma\upsilon \epsilon\phi'$ ὅπατος κεῖσθαι (A 14). На неаккуратность этого утверждения Чернисса уже было указано в специальной работе Гатри⁷, и тем, что сказано ниже, он будет опровергнуто автоматически. Второе возражение гласит, что наш второй вопрос содержит *petitio principii*, так как доксографическая ἀρχή-формула иногда не соответствует никакому конкретному высказыванию-оригиналу, но представляет собой обобщение развернутого космогонического текста, например, – в случае с Анаксагором. На это можно смело ответить, что никакого развернутого космогонического текста Фалеса ввиду отсутствия его сочинений не существовало и, судя по тому, что свое толкование YA-тезиса Аристотель облек в форму догадки (Σως 1, 77, 3DK), он (или его источник) имел дело с лишенным контекста коротким высказыванием или изречением Фалеса, которое можно было по-разному толковать. Таким образом, ничего не мешает нам приступить к процедуре, которую Гигон удачно назвал *Rückübersetzung ins Archaische*. Преодолеть Аристотеля и вернуться к Фалесу нам помогает сам же Аристотель, и причем, – в том же самом пассаже, по вине которого архаическая мысль Фалеса-мудреца оказалась на века погребенной под метафизической проблематикой Ликея. Изложив свои догадки относительно соображений, руководствуясь которыми Фалес выставил YA-тезис, Аристотель добавляет *Metaph.* A 3. 983b 28 = 1,77,7DK εἴσι δέ τινες οἱ καὶ τοὺς πατηταῖσαντας καὶ πολὺ πρὸ τῆς νῦν γενέσεως καὶ πρῶτους φύσεως θύτας (sc. ὥσπερ Βαλῆς) οἵοντα περὶ τῆς φύσεως ὑπολαβεῖν. Οὐκεανόν τε γὰρ καὶ Τεθύν ἐποίησαν τῆς γενέσεως πατέρας (E 201) καὶ τὸν δρκὸν τῶν θεῶν ὕδωρ, τὴν καλουμένην ὑπ' αὐτῶν Στύγα τῶν ποιητῶν· τυμώτατον μὲν γὰρ τὸ πρεσβύτατον, δρκὸς δέ τὸ τυμώτατόν ἔστιν. Идентификации "нехоторых" и как раз в связи с задачей проследить доаристотелевскую историю YA-тезиса Фалеса, посвящена специальная работа Б. Снелля⁸. Снелль постулирует общий источник для этого пассажа Аристотеля и *Plat. Crat. 402 B*, где мотивом τάντα ρεῖ объединены "первые богословы" и Гераклит (подставленный, по Снеллю, на место изначального Фалеса), и отождествляет этот общий источник с софистом Гиппием, во-первых, интересовавшимся Фалесом (1,68,10), а во-вторых, обещающим в предисловии к неизвестному сочинению (86 B 6) "сводить воедино самое важное и родственное" из Мусея, Орфея, Гомера, Гесиода, а также прозаиков "как эллинов, так и варваров". Конструкция Снелля получила едва ли не всеобщее признание⁹, и несомненно имеет более прочное основание, чем (не-

⁷ Guthrie W.K.C. Aristotle as a historian of philosophy. *Ibidem*, p. 246 sq.

⁸ Snell B. Die Nachrichten über die Lehre des Thales und die Anfänge der griechischen Philosophie- und Literaturgeschichte. – *Philologus*, Bd. 96 (1944), 170–182.

⁹ Kirk G.S., Raven I.E. The Presocratic Philosophers, Cambridge, 1966, p. 94, n. 2; Classen C.J. Bemerkun-

известная Снеллю) старая гипотеза Йоэля¹⁰; также постулировавшего общий источник для Аристотеля и Платона, но (исключительно в порядке панантисфенизма) отождествлявшего его с Антисфеном. Теория Снелля, однако, не свободна от упрощений: почему, в самом деле, мы должны считать, что "die Theätet-Stellen (152 E, 180 CD. - A.L.) sind nur eine Wiederaufnahme der Kratylos-Stellen"¹¹? И кроме того, разве можно поручиться, что источником Аристотеля не был аллегорический толкователь Гомера Метрорд из Лампсака (№ 61 DK), который едва ли мог пройти мимо столь наглядной иллюстрации гомеровской φυσιολογία? Ведь компарацию YA-тезиса Фалеса и Ζ 201, 246 Гомера мы находим впоследствии именно в традиции гомеровской аллегорезы (Heraclit. Quaest. Hom. 22, cf. Plut. V.H. 93 ср. также Diels, Dox. p. 91 - толкователь Гомера Гераклеон как общий источник этой компарации у Секста и Проба). Поэтому мы предпочтаем говорить не о "Гиппии" (считая эту возможность весьма вероятной), а об "Анониме "Метафизики" (в пределах этой статьи). Безусловная ошибка Снелля была в другом: он считал чем-то самоочевидным, что в реконструированном им фрагменте Гиппия - гипотетическом источнике Платона и Аристотеля - YA-тезис Фалеса имел тот же вид, что и в перипатетической доксографии¹². Между тем, совершенно очевидно, что Аноним "Метафизики" рассматривал YA-тезис Фалеса не в контексте учения о четырех ἀρχαῖς (и в цитате из него термин ἀρχή отсутствует!), а в контексте генеалогическом и космогоническом (если Аноним - это Гиппий, то было бы заманчиво сослаться на τὰ διαφύλα συνθέτες), и соответствующими ключевыми терминами у него были не ἀρχαῖς, не αἰτίας и не στοιχεῖα, а πατέρες τῆς γενέσεως и τὸ πρεσβύτατον. На эти уникальные доперипатетические определения "воды" Фалеса, verbatim процитированные из Анонима "Метафизики" (оба γέρα имеют оттенок "дескать"), Снель просто не обратил внимания! Mn. ч. πατέρες очевидно означает 'праотцы, предки, прародители' (LSJ, s.v. πατέρ, VII, 1). В таком случае, γένεσης едва ли может означать процесс, и скорее имеет более редкий резульвативный смысл "все, что ἐγένετο; творение, мироздание" (LSJ, s.v., IV, особенно Plat. Tim. 29 E: syn. τὸ πᾶν, κόσμος). Судя по Бонитцу, такое употребление совершенно чуждо Аристотелю, следовательно, - перед нами

gen zu zwei griechischen "Philosophiehistorikern". - Philologus 109 (1965), S. 77; Kerferd G.B. Plato and Hippias. - Proceed. Class. Association, 60 (1963), 35 sq.; Pfeiffer R. A History of Classical Scholarship, v. I, Oxford, 1968, p. 52, n. 1; Stokes M.C. One and many in Presocractic philosophy. Washington, 1971, p. 54.

¹⁰ Joel K. Der echte und der Xenophontische Sokrates, Bd. 2, H. 1, Berlin, 1901, S. 172.

¹¹ Snell B. Die Nachrichten..., S. 173.

¹² Там же, с. 180.

цитата. Разумеется "отцами творения" Аноним "Метафизики" называет непосредственно Океана и Тефию, но именно в этой их генеалогической функции, а не в качестве "причин" или "начал" он приравнивает их к "воде" Фалеса. Между тем, сходное нетривиальное определение уже собственно "воды" Фалеса мы находим в Ипполитовой доксографии Фалеса Hippol. Ref. I, 1 = Dox. 555,5 καὶ τὰ πάντα φέρεσθαί τε καὶ ρεῖν τῷ τοῦ πρώτου ἀρχῆγού τῆς γενέσεως αὐτῶν φέρει συμφερόμενα. Здесь γένεσις означает процесс (хотя αὐτῶν могло быть добавлено Ипполитом), но смысл выражения тот же самый: вода - "древнейший предок-родоначальник в генеалогии мира". Дильс не включил Ипполитову доксографию Фалеса в Die Fragmente der Vorsokratiker, поскольку она резко расходилась с доксографией Симплиция (A 13), которую он целиком считал цитатой verbatim из Теофраста (Dox. 475,1). Между тем, смелая идентификация анонимных цитат из Теофраста в Комментарии Симплиция к "Физике", которая только благодаря огромному авторитету Дильса могла почти 100 лет считаться доказанным фактом, оказалась, как установлено исследованиями последних лет (особенно - Штайнметца), неправомерной, а уникальная информация Ипполита недавно снова была пущена в научный оборот Уэстом¹³, целиком построившим на ней свою реконструкцию космогонии Фалеса. Независимо от того, стоит ли за Ипполитом Теофраст (как полагает Уэст), или нет, можно предположить, что цитированный нами пассаж имеет своим источником Анонима "Метафизики", и причем, независимо от Аристотеля, поскольку мотив "всеобщего течения" отсутствует в "Метафизике", но имеется у Платона. Таким образом, через консенсус Аристотеля и Ипполита надежно устанавливается до-перипатетическая оценка "воды" Фалеса как чисто космогонического и генеалогического концепта. Сходное определение - ἀρχέγονον πάντων мы находим в восходящей к хорошошему источнику (Dox. 175) доксографии Епифания Кипрского, Dox. 589,22, но автор Panariorum несомненно был хорошим знатоком "Философумен", и потому самостоятельного значения оно иметь не может.

Второй ключевой термин Анонима "Метафизики" заслуживает еще более пристального внимания: τὸ πρεσβύτατον - общий знаменатель, к которому приводятся "Стикс" поэтов и "вода" Фалеса, но при этом grammatically согласовано именно с ὕδωρ! Следовательно, не исключено, что τὸ πρεσβύτατον в отличие от πατέρ(ἀρχῆγος) τῆς γενέσεως может принадлежать не только Анониму "Метафизики", но и тому изначальному высказыванию Фалеса, которое он сравнивал с рефлексами Wasserkosmogonie у поэтов. Прέσγυς в космогоническом контексте мы находим у старшего современника Фалеса - Алкмана (Alcm. 5 fr. 2, II 20 PMG, Page) как эпитет первозданных сил Πέριος и Τέκμηρ. Можно не сомневаться, что в перипатетической доксографии (как и при современном осмыслиении - ср. - не в упрек - определение Prinzipien u

¹³ West M.L. Early Greek Philosophy and the Orient. Oxford, 1971, p. 209.

Г. Френкеля¹⁴) они были бы расценены как ἄρχας (ср. также переосмысление ἄρχη и τέλος в папирусном комментарии). Интересной параллелью, далее, указанной К. Йоэлем¹⁵, служит Plat. Symp. 178 A 9 τὸ γένος ἐν τοῖς πρεσβύτατον εἶναι τὸν θεὸν τέμπεων (ср. 178 C 1-2), где изначальность космогонического Эроса у Гесиода, Акусилая и Парменида (снова компарация "богословов" и философов!) эксплицируется через эпитет πρεσβύτατος. Но самое замечательное то, что этот суперлатив разительно перекликается с группой уникальных космологических апофегм, приписываемых Фалесу, и — мало того — фигурирует в них как таковой: D.L. I, 35 = I, 71, 10 DK

πρεσβύτατον τῶν δυνάμεων ἀγένητον γένος.
καλλιστον κόσμος· ποίημα γένος θεοῦ.
μέγιστον τέκνον· ἀπαντα γένος χωρεῖ.
τέλειστον νοῦς· διὰ πάντος γένος τρέχει.
ἴσχυρότατον ἀνδρύκη· κρατεῖ γένος πάντων.
σοφώτατον χρόνος· ἀνευρύσκει γένος πάντα.

То, что первоначально эти "апофегмы" были оформлены в виде вопроса-загадки: τέ πρεσβύτατον; τέ καλλιστον; и т.д., — не подлежит ни малейшему сомнению: исконная вопросо-ответная форма сохранилась в Stob. Ecl. I 1,29a; 4,7a; 18,1e; 18,40a; cf. Gnom. Vat. 320 и (в несколько иной редакции) Plut., Sept. Sap. Conv. 9, р. 153 CD. Ямвлих Vit. Pyth. 83 указывает, что сам тип вопроса τέ μέλιστα; характерен для софса семи мудрецов и выводит отсюда соответствующий вид древнегреческих ἀκούσιμάτων (τέ τὸ δικαίωτατον, σοφώτατον, καλλιστον, κράτειστον, ἀριστον, ἀληθέστατον; — остальные параллели из нефилософских текстов собраны Классеном¹⁶). То, что сам тип такого суперлативного вопроса-загадки уходит своими корнями в фольклорную древность и намного старше Фалеса, можно утверждать с равной уверенностью. Типологические параллели, в том числе и космологического содержания, и даже с ответом "вода"(!) имеются в русском фольклоре. Ср. например; "Что на свете всего резвее? — солнце" (Сад. № 1884), "Что быстрее мысли? — время" (Сад. № 2084), "Нет миле? нет быстре? нет жире? — сон, солнце, земля" (Сад. № 2144), "Что летит быстрее стрелы? — мысль" (Сад. № 2148, ср. τέ τέλειστον; νοῦς), "Чего на свете нет буйнее? — ветра и волны" (Сад. № 2337), См. также Сад. № 1803, 1847, 1862 ("Что всего слаже?" = τέ μέλιστα; 1,71, 19DK), 2137, 2144, 2156, 2345, 2359, 2360, 2416, 2432, 2436, 2461, ("Что всего легче?" = τέ ράστον; вопрос Фалесу у Plut. Sept. Sap. 153 D).

¹⁴ Fränkel H. Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums. München, 1969, S. 290

¹⁵ Joel K. Der echte und der Xenophontische Sokrates, 2/1, S. 172.

¹⁶ Classen C.J. — PWRE, Suppl. X, s.v. "Thales", col. 936, 64 sq.

¹⁷ Садовников Д.Н. Загадки русского народа, 1959.

Ср. также совпадение другого типа: 1,71,15DK τέ πρότερον γέγονε, νῦν δὲ μέρα; - "Кто прежде родился: баран или Адам?" (Сад. № 2320). Сомнительно другое: насколько мы вправе приписывать именно данные редакции ответов историческому Фалесу? (об "авторстве" вопросов говорить не приходится: они заданы традицией). Попытка Бренделя¹⁸, видевшего внутреннюю связь семи апофегм (с присоединением τέ τὸ θεῖον; τὸ μήτε ἀρχὴν ἔχον μήτε τελευτὴν) в идее "бога без начала и конца", понимаемого как "космос" и "сфера" (?), уже была обоснованно отвергнута¹⁹. Еще менее состоятельна концепция Синниге²⁰, вскрывающего в них миф о космическом божестве времени-неба - в таком случае нам придется постулировать этот миф для всех греческих трагиков, у которых "мудрость" и "справедливость" времени - излюбленный топос (*vide indices*). Классен²¹ полагает, что в интересующей нас группе "in bewusster Anlehnung an die Redeweise der Weisen die Grundlinien einer Kosmologie skizziert werden, die dann Thales zugeschrieben wird" и относит эту обработку к эпохе софистики. Тезис Классена можно было бы подкрепить ссылкой на подозрительное τῶν δύντων (у Плутарха, впрочем, отсутствующее), невозможное в начале VI в. κόσμος "мир"²², и сомнительное τόπος "пространство". Если гипотеза Классена верна, то можно предположить, что Анониму "Метафизики" был известен другой вариант ответа Фалеса на вопрос "что всего старее?" (ср. вариант ответа на тот же вопрос: χρόνος Plut. S.S.C. 15), а именно: τέ πρεσβύτατον; ὅδωρ (· δρκος γὰρ θεῶν [?]). Рефлекс можно было бы видеть в Hermiae Irris. 10 (Dox. 653 = 12A 12DK) δὲ πολέτης αὐτοῦ (sc. Θελπτος) Ἀναξίμανδρος τοῦ ὑγροῦ πρεσβύτεραν ἀρχὴν εἶναι λέγει τὴν δύνειν κύνησιν, что как будто бы, предполагает ὅδωρ = πρεσβύτητη ἀρχή для Фалеса в доксографическом источнике Гермия. Однако искомый тезис можно было бы получить, оставляя дошедшие апофегмы в неприкосновенности - а именно, предположив, скажем, следующую последовательность загадок-разгадок:

τέ πρεσβύτατον; θεῖς· ἀγένητον γάρ.
 τέ δὲ τὸ θεῖον; τὸ μήτε ἀρχὴν ἔχον μήτε τελευτὴν.
 τέ δὲ τὸ μήτε ἀρχὴν ἔχον μήτε τελευτὴν; ὅδωρ· ἀπειρον γάρ
 (vel δὲ γὰρ γῆ ἐφ' ὅδατος κεῖται, τοῦτο δὲ ἐφ' οὐδενός)
 igitur ὅδωρ = τὸ πρεσβύτατον.

Против этого, однако, приходится возразить, что "бог" здесь мыслится как демиург (*ποέμα* ср. родственное преда-

¹⁸ Brendel O. Römische hist. Mitteilungen, Bd. 51 (1936), S. 27 sq.

¹⁹ Classen C.J. Ibidem.

²⁰ Sinnige Th.G. Matter and Infinity in Presocratic Schools and Plato. Assen, 1968, p. 1 sq.

²¹ Classen C.J. Op. cit., col. 397.

²² Kerschensteiner J. Kosmos: Quellenkritische Untersuchungen zu den Vorsokratikern. München, 1962, passim.

ние fingeret I, 79, 37DK), и потому отождествление его с "водой" (вопреки общедосократической норме) затруднительно. Интересное суперлативное определение "воды" Фалеса мы находим у Сенеки Quaest. Nat. III 13: Adiciam, ut Thales ait, "Valentissimum elementum est" (aqua). За valentissimum, как представляется на первый взгляд, стоит κράτιστον и действительно, соответствующий вопрос-загадка засвидетельствован (пиthagорейское ἀκούσμα I, 464, 10DK τὸ κράτιστον; γνῶμη). Кратистон, понимаемое как ἵσχυρότатон могло бы быть увязано с мотивом πάντων κρατεῖν у Диогена (B 5; II, 61,6 - о воздухе, ср. также ἵσχυρότатон πῦρ, ὅπερ πάντων κρατεῖ 22 C 1; I, 185, 21DK), понимаемое как ἄριστον дало бы нам великолепный древний рефлекс в знаменитом пиндаровском речении Pind. Ol. I, 1 ἄριστον μὲν ὕδωρ, которое склоняет как раз ставит в связь с Уатезисом Фалеса и в 246 Гомера (обе возможности увязки valentissimum вне всякой связи с нашей реконструкцией предсмотрел Уэст²³). Однако я подозреваю, что за valentissimum стоит нечто не столь очевидное и - абсолютно неauthентичное: ср. Heracl. Quaest. Hom. 22 τῆς τετράδος τῶν στοιχείων ὥστερ αἴτιώτατον θαλῆς ἀπεφήνατο στοιχεῖον εἶναι τὸ ὕδωρ, где αἴτιώτατον στοιχεῖον вполне могло быть переведено как valentissimum elementum, поскольку αἴτιος и valens имеют общее значение брастиκός. Разумеется, ἄριστον Пиндары можно непосредственно (независимо от сомнительного valentissimum) соотнести с преэвтатон Фалеса, используя семантические возможности прилагательного πρέσβυς (ср. LSJ, s.v. I, 2), хотя и Платон (Euthyd. 304b 3), и Аристотель (Rhet. 1364a 28) понимали слова Пиндары не в космическом, а в чисто житейском плане.

Так или иначе, но обмен такого рода загадками и разгадками предполагает ситуацию "агона мудрецов" (более глубокие реконструкции см. в работах В.Н. Топорова²⁴ и Вяч.Вс. Иванова²⁵). Классический образец соответствующего жанра - 'Αγῶν Ὁμέρου καὶ Ήσίοδου, ядро которого восходит к софисту Алкидаманту, содержит несколько суперлативных вопросов: τὸ φέρτατον; 76, τὸ κἀλλιστον; 82, 153 ср. 161 Allen. То, что словесный поединок мог включать в себя целую "космогонию в форме вопросов и ответов", доказывается уже не раз цитировавшимся в этой связи "состязанием в мудрости" между Одином и Вафтурдниром (Старшая Эdda, "Речи Вафтурднира", 20 сл., к мотиву τὸς πρέβυτας; ср. 28, 34). Вопрос о том, соответствует ли ἄγων τῶν ἐπτὰ σοφῶν в Дельфах, на который намекает уже Платон (Prot. 343 B), какому-нибудь реальному событию, или это

²³ West M.L. Early Greek Philosophy and the Orient, p. 211, n. 6.

²⁴ Топоров В.Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией "мирового дерева". - Труды по знаковым системам, V, Тарту, 1971; Он же. О космологических источниках раннеисторических описаний. - Там же, VI, Тарту, 1973, с. 117-127.

²⁵ Иванов Вяч.Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, с. 48 и сл.

такая же литературная фикция эпохи софистики, как и *Cer-tamen Homeri et Hesiodi*, не может здесь ни обсуждаться, ни, тем более, быть решенным. Барковский²⁶ не исключает первой возможности, но склоняется ко второй. В первом случае мы могли бы даже указать год, в котором Фалес на один из поставленных ему каверзных вопросов-загадок дал запомнившийся современникам и переданный потомкам "хитроумный" ответ "ВОДА", - год архонства Дамасия (582/1 до н.э.), в который Фалес, по Деметрию Фалерскому (*Fr. Gr. Hist.* 228 F 1), πρῶτος σοφὸς ὥνομάσθη, т.е. одержал победу на состязании в сοφίᾳ.

С гораздо большей уверенностью мы можем утверждать следующее. До Аристотеля Фалеса-философа не существовало, еще Платон знал только Фалеса-мудреца. Если мы не хотим, как это делает Бодлеро²⁷, постулировать *un Talete greco, leggendario, uno dei setti savi, ed un Talete fenicio o ionico fenicio, personaggio storico, filosofo e scienziato*, то необходимо признать, что философ возник в результате переосмысления и аккомодации предания о мудреце. Вопреки стремлению Дильса резко разграничивать и противопоставлять оба предания, мы имеем яркие примеры такой пеripateticской аккомодации: см. например, A 20; I, 79, 15DK (реконструкция теоремы из практического приема). Мы хотели указать на ту, игнорировавшуюся до сих пор возможность, что YA-тезис Фалеса-Философа также имел свою предысторию в виде изречения Фалеса-мудреца (из трех других тезисов Фалеса у Аристотеля один - τάῦτα πλήρη θεῶν - имеет ярко выраженную апофегматическую форму), и в тот момент, когда фольклорный вопрос-загадка или апофегма превратилась в доксографию, Фалес-ζοφός стал Фалесом-ψυχικός. Именно такую судьбу претерпела загадка τέ τὸ θεῖον; ставшая у Ипполита (*Dox.* 555,7) доксографией и стоявшая в одном ряду с YA-тезисом: αρορθεγμatis forma etiar nunc in Hippolyteis pellucet, Diels, ad loc. И еще один вывод из сказанного выше, который представляется относительно бесспорным. До сих пор не прекращающаяся дискуссия на тему "Фалес - только космогония или уже физика?"²⁸ есть в сущности дискуссия об аутентичности термина δρᾶ в YA-тезисе, поскольку вся физика и метафизика Фалеса заключены в этом (не принадлежащем ему) термине. Совершенно очевидно, что после того, как: 1) доказана неauténtичность термина δρᾶ; 2) с достаточной степенью вероятности показано, что в YA-тезисе он вытеснил изначальный чисто космогонический и генеалогический концепт термин, - дискуссия эта должна быть раз и навсегда прекращена.

26 Barkowski. - PWRE, II A 2, s.v. "Sieben Weisen", col. 2252.

27 Classen C.J. Op. cit., col. 946.

28 Формулировка И.Д. Рожанского ("Анаксагор", с. 49); к дискуссии см. также: Kirk G.S., Raven J.E. Op. cit., p. 89, 92; Classen C.J. Op. cit., col. 940 sq., Madalena A. (ed.). Ionici, Testimonianze e frammenti. Firenze, 1970, p. 4 sq.

A.V. Lebedev

ON THE ORIGINAL FORMULATION OF THALES'
TRADITIONAL THESIS ΤΗΝ ΑΡΧΗΝ ΥΔΩΡ ΕΙΝΑΙ

The ΥΔΩΡ-ΑΡΧΗ thesis, ascribed to Thales by Aristotle and Peripatetic doxography, is not Aristotle's mere construction (against Cherniss). At the same time it cannot represent Thales' original wording (against Snell and others). It is a reformulation in Peripatetic terms of some short archaic saying, which the present writer attempts to reconstruct. Invaluable for this purpose is Aristotle's quotation from τινές (the so called "Hippias") in Metaph. 983b 28 sq., where the key words used to designate Thales' "water", are neither ὧρχη nor αὔτεον or στοιχεῖον, but πατήρ τῆς γενέσεως and τὸ πρεσβύτατον. The former corresponds with ὧρχηγός τῆς γενέσεως in Hippol. Ref. I, 1, thus proving a Pre-Aristotelian qualification of Thales' "water" as a purely cosmogonical and genealogical concept, while the latter resembles strikingly superlatives in a series of cosmological riddles ap. D.L. I, 35 etc. and may well be a relic of such a riddle (τὸ πρεσβύτατον;) answered Ὕδωρ.

И.Д. РОЖАНСКИЙ

МЕСТО АНАКСИМЕНА В СТАНОВЛЕНИИ
ГРЕЧЕСКОГО НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ

Анаксимену явно не повезло в историко-философской литературе. Оказавшись в тени Анаксимандра, он рассматривался большинством исследователей не сам по себе, а в сопоставлении со своим старшим соотечественником. Это сопоставление обычно было не в пользу Анаксимена. Его физико-космологическое учениеказалось, по сравнению с величественной концепцией Анаксимандра, более бедным, приземленным, лишенным полета воображения. Книги по истории античной философии изобилуют подобного рода оценками Анаксимена; в качестве примера достаточно будет привести следующее категорическое высказывание Бернета: "He was not a great original genius like Anaximander, and in some respects his cosmology falls far short of his predecessor's. ...The cosmology of Anaximenes was reactionary in many ways"¹.

С другой стороны, в качестве самостоятельного объекта исследования Анаксимен лишь крайне редко привлекал к себе внимание ученых- античников. Монографий, специально посвященных Анаксимену, насколько нам известно, вообще не существует, в то время, как мы сразу же можем назвать несколько объемистых книг об Анаксимандре, среди которых следует выделить недавнюю превосходную монографию Ч. Кана². Что же касается статей в периодической печати, освещавших самые разнообразные аспекты учения Анаксимандра, то им, как говорится, "несть числа". Этой массе исследований противостоит не более десятка статей об Анаксимене, опубликованных на протяжении текущего столетия, причем ни в одной из них (посвященных, в большинстве своем, лишь частным, узко-филологическим вопросам) не делается попытки уяснить роль этого мыслителя в становлении греческого (а тем самым и европейского) научного мышления. Данная работа ставит своей задачей хоть в какой-то степени заполнить этот пробел².

¹ Burnet J. Greek Philosophy. Thales to Plato. London, 1962, p. 25.

² Библиография по Анаксимандру и Анаксимену приведена в дополнительном томе энциклопедии Паули-Виссова (R.E.Pauly Wissowa, Suppl, 12, 1970, S. 67-69 и соответственно 69-71).

Но говорить о какой бы то ни было роли Анаксимена невозможно, не коснувшись, хотя бы бегло, его непосредственных предшественников - Фалеса и Анаксимандра. По традиции все эти три имени объединяются в понятии "милетской школы" - первой философской школы Древней Греции. Разумеется, эта школа есть не что иное как фикция, созданная позднейшими доксографами: ее надо понимать лишь в том смысле, что все три ее представителя были гражданами Милета.

Первый из них - Фалес - меньше всего походил на учного в нашем понимании. Легенда неизменно включала его в список "семи мудрецов" - основных идеологов утвердившихся к этому времени общественно-политической формы полиса (города-государства). Эти "мудрецы" были либо государственными деятелями (тираннами), либо законодателями, и Фалес попал в их число отнюдь не в силу своих научных заслуг, а потому, что он был влиятельнейшим лицом в Милете, прославившимся "полезными советами", которые он давал своим согражданам. О некоторых из этих советов (например, о предложении создать Федерацию ионийских городов) сообщает Геродот³. Судя по дошедшим до нас сведениям, Фалес был, прежде всего, человеком дела: он занимался политикой, коммерцией, много путешествовал, в частности, какое-то время провел в Египте. Обладая типично эллинской любознательностью, он приобрел на Востоке определенные познания в области математики и астрономии, которые затем применял в практических целях. Сведения о том, что он впервые стал доказывать геометрические теоремы, относятся, по-видимому, к области мифов⁴; то же самое можно сказать и о сообщении Геродота, что Фалес, будто бы, предсказал полное солнечное затмение⁵.

Все, что мы знаем о философских воззрениях Фалеса, сводится к трем положениям, сообщаемым нам Аристотелем:

1. Начало (ἀρχή) всего есть вода.
2. Земля плавает на воде подобно дереву.
3. Все полно богов.

Поскольку Фалес не изложил своих взглядов в письменной форме, мы не можем с достоверностью утверждать, в каком именно смысле понималось им первое положение. Скорее всего, все же, в том смысле, что "все произошло из воды". Вместе со вторым положением это не представляло собою ничего оригинального: образ водной бездны в качестве первичного состояния мира наличествует в космогонических мифах многих народов мира, в том числе древних египтян, ва-

³ Геродот I, 74, 170.

⁴ Dicks D.R. Thales. - Classical Quarterly, 1959, 53, 294-309.

⁵ Геродот I, 74. Как указывает О. Нейгебауэр (*Neugebauer O. The Exact Sciences in Antiquity*. 2-nd ed. 1957, p. 144-145), в VI в. до н.э. этого не могли делать даже вавилоняне, превосходившие в области астрономии всех своих современников.

вилонян, индийцев и т.д. Такого рода представления могли быть усвоены Фалесом во время его путешествий по странам Востока. Аристотель же истолковал высказывания Фалеса в духе своей концепции, согласно которой "из тех, кто первые занялись философией, большинство считало началом всех вещей одни лишь начала в виде материи: то, из чего состоят все вещи; из чего первого они возникают и во что в конечном счете разрушаются, причем основное существо пребывает, а по свойствам своим меняется - это они считают элементом и это - началом вещей"⁶. Аристотель назвал Фалеса "основоположником" (ἀρχηγός) такого рода философий. Действительно, престиж, которым пользовался Фалес в качестве наиболее почитаемого из "семи мудрецов", делал его весьма подходящей фигурой для такой роли.

В силу всего сказанного, в книгах по истории греческой философии зачастую указывается, что фактическим основоположником греческой философии (и науки) следует считать не Фалеса, а его (предполагаемого) ученика Анаксимандра. Действительно, у Анаксимандра имеются все права претендовать на такую роль. Он был автором первого в истории европейской науки прозаического трактата, в котором были изложены его представления о происхождении и устройстве мира, включая описание известной к тому времени грекам ойкумены. Судя по имеющимся данным, к трактату была приложена географическая карта - первая такого рода карта, составленная греком⁷. Основными источниками сведений об Анаксимандре были Аристотель и Феофраст, которые еще располагали текстом его сочинения (ни в каких греческих памятниках до Аристотеля имя Анаксимандра ни где не встречается). Географическая часть трактата, сильно устаревшая к тому времени, их мало интересовала; основное внимание они уделили первой части трактата, в которой излагалось (по-видимому, очень кратко) космогоническое учение Анаксимандра и давался очерк его взглядов на устройство космоса в целом.⁸

Интерпретируя эти представления в терминах своей историко-философской концепции, Аристотель причислил Анаксимандра (как и Фалеса) к той группе ранних мыслителей, которые искали начало всех вещей в виде материи, причем у Анаксимандра это начало (ἀρχή) носило наименование "беспределенного" (ἄπειρον), представлявшего собою то ли некое качественно-неопределенное и пространственно-неогра-

⁶ Metaph. A. 3. 983b 7-11, пер. А.В. Кубицкого.

⁷ Heidel W.A. Anaximander's Book. The Earliest Known Geographical Treatise. - Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. 1921, v. 56; Idem. The frame of Ancient Greek Maps. N.-Y., 1937.

⁸ Детальное изложение космологии Анаксимандра, основанное на тщательном анализе источников, содержится в монографии Ч. Кана (Kahn Ch. Anaximander and the Origins of Greek Cosmology. N.Y. and London, 1960).

ниченное вещество, то ли смесь всех стихий и противоположностей, подобную первичной смеси Анаксагора. Эта перипатетическая интерпретация многократно излагалась в доксографических сочинениях поздней античности и была безоговорочно воспринята историками философии Нового времени. Система Анаксимандра стала рассматриваться в качестве первой законченной и эстетически завершенной модели космоса, являвшейся безусловно оригинальным созданием греческого гения.

Анализ анаксимандровской картины мира, произведенный в свете новейших исследований в области ориенталистики, привел к необходимости коренного пересмотра традиционной точки зрения на Анаксимандра. "Оригинальность" учения Анаксимандра оказалась мнимой — в том смысле, что почти все детали его системы оказались в том или ином отношении заимствованными у народов Ближнего Востока⁹. Назовем несколько таких деталей.

Порядок расположения небесных светил, принятый Анаксимандром — ближе всего к Земле неподвижные звезды, затем Луна и затем Солнце — оказался совпадающим с порядком, характерным для иранских (и только для иранских!) религиозно-мифологических представлений, начиная с "Авесты". Крайне любопытно, что за Солнцем в иранской космологии следует область "безначального света" — местопребывание трона Ормазда —, представляющая собою (даже в лингвистическом отношении) напрашивающуюся аналогию с анаксимандровским "беспредельным". Одна из самых оригинальных черт космологии Анаксимандра — представление небесных светил в виде огненных колец, врачающихся вокруг Земли — обнаруживает неожиданное сходство с библейским видением Иезекиила¹⁰, имеющим, по мнению ряда исследователей¹¹, зашифрованный космологический смысл. Одним из величайших достижений Анаксимандра считается его идея Земли, неподвижно висящей в центре космоса. Вряд ли, однако, эту идею можно считать специфически греческой: мы находим ее опять-таки в Библии, а именно в книге Иова¹², правда, без того обоснования, которое обычно приписывается Анаксимандру на основании свидетельства Аристотеля ("Существуют и такие, которые говорят, что она (Земля) пребывает неподвижной вследствие одинаковости (симметрии), как, например, из древних Анаксимандр"¹³). Представляется малове-

⁹ Решающее значение в этой переоценке ценностей сыграли работы: Burkert W. *Iranisches bei Anaximander*. — Rheinisches Museum für Philologie, 1936, v. 106, p. 97-134; West M.L. *Early Greek Philosophy and Orient*. Oxford, 1971.

¹⁰ Иезек.: 1,5-24; 3, 13; 10,8-22.

¹¹ См. например: Dornseiff F. *Antike und alter Orient*. S. 372.

¹² Иов 26,7: "Он рас простер север над пустотою, повесил землю ни на чём".

¹³ De caelo B, 13. 295b 10-14 (DK 12, A 26).

роятным, чтобы автор книги Иова заимствовал эту идею у Анаксимандра или вообще у греков. Позднее, приводимое Аристотелем обоснование мы находим, и притом в более развернутом виде, у Платона¹⁴, где оно имеет более убедительный характер в силу недвусмысленно высказанного утверждения о сферичности Земли, в силу чего любая точка на поверхности Земли находится на одинаковом расстоянии от периферии космоса. У Анаксимандра же Земля имеет форму цилиндра, высота которого равна одной трети диаметра; при этом поверхность Земли оказывается вдавленной в середине и приподнятой по краям, что, кстати, также соответствует восточным (ававилонским) представлениям¹⁵. При такой форме Земли ссылка на симметрию или одинаковость расстояний от Земли до небесной сферы представляется логически несостоятельной (заметим, что у Платона сферичность Земли входит в качестве необходимого звена в его аргументацию). Поскольку Платон не упоминает имени Анаксимандра, возникает невольное подозрение, что Аристотель на самом деле полемизировал с Платоном, точки зрения которого он не разделял (ведь, согласно Аристотелю, Земля находится в центре космоса потому, что там ее "естественное" место), Анаксимандр же им назван лишь для маскировки истинного адресата его критики. Впрочем, это только гипотеза.

Из сказанного уже должно стать ясным, что космологическая система Анаксимандра была пестрой мозаикой, составленной из многих элементов, заимствованных по преимуществу на Востоке. Обладая мощным синтетическим умом и богатой фантазией, Анаксимандр объединил эти элементы в гармоничную, хотя и чисто спекулятивную систему, действительно оказавшуюся первой моделью античного космоса, хотя все (или почти все) ее детали оказались заимствованными.

Что же касается пресловутого "апейрона", то на современном уровне исследований его уже нельзя трактовать в духе Аристотеля как неопределенную первоматерию. Выше уже было сказано о поразительной аналогии между "беспредельным" Анаксимандра и "безначальным светом" древнеиранской религиозной космологии. В недавней работе А.В. Лебедева¹⁶ показано, что субстантивация прилагательного ἀπείρον произошла лишь в эпоху Платона, а в VI в. до н.э. это слово могло иметь значение лишь атрибута, отнесененного к какому-то иному понятию. На основе тщательного анализа первоисточников и опираясь на работы Кана, Буркерта и Уэста, Лебедев выдвинул гипотезу, что исходным понятием анаксимандровской космогонии было Время (Κρόνος ἀπείρος, ἄβδος καὶ ἀγρός), которое мыслилось Анакси-

¹⁴ Phaid. 108E-109A.

¹⁵ См. вавилонскую карту мира, опубликованную в издании: Cuneiform texts in the British Museum, 1906, Part XXII, plate 48 (BM 92687) и приведенную в книге Ч. Кана об Анаксимандре (р. 88).

¹⁶ А.В. Лебедев. ТО АПЕИРОН. - ВДИ, 1978 г. № 1-2.

мандру не только как временное, но и как пространственное перехо́д и, следовательно, было синкретичным представлением бесконечного Времени-Неба. В такой трактовке космогония Анаксимандра оказывается близкой другим космогоническим концепциям, в основе которых лежал миф о бисексуальном божестве Времени и которые создавались в VI-IV вв. до н.э. в Греции (Ферекид, орфическая космогония), в Индии, Сирии и Иране¹⁷.

Переходя к Анаксимену, мы попадаем как бы в другой мир. Уэст правильно замечает, что космология Анаксимена в меньшей степени зависит от восточных мифологических представлений и скорее лежит в русле традиционно-греческой "метеорологии"¹⁸. Но этим дело далеко не исчерпывается. То обстоятельство, что исходным понятием в учении Анаксимена был воздух, также само по себе еще не представляет собой ничего оригинального, ибо воздух как источник жизни и как синоним души и дыхания играл большую роль в индо-иранской и других мифологиях¹⁹. Гораздо важнее то, что воздух рассматривался Анаксименом как материальный субстрат, из которого состоят (а не только возникают!) все вещи. В этом смысле именно Анаксимен был первым мыслителем, удовлетворявшим аристотелевской характеристике тех, "кто первые занялись философией" и кто считал началами "одни лишь начала в виде материи" (см. прим. 6). Но Анаксимен не ограничился утверждением, что все состоит из воздуха: он указал конкретный физический механизм превращения воздуха в его многообразные модификации. Этот механизм - разрежение и стяжение. Характеризуя основные направления своих предшественников - "физиков", Аристотель пишет: "Одни, полагая в основу единый телесный субстрат (τὸ ὑποκείμενον)..., все остальное порождают из него уплотнением и разрежением, производя таким образом многое... Другие же предполагают, что из единого выделяются заключенные в нем противоположности, как это говорит Анаксимандр..."²⁰

Противопоставление этих двух групп греческих мыслителей (а к первой относится, прежде всего, Анаксимен, не названный здесь по имени) имеет более глубокий смысл, чем это может показаться с первого взгляда. Для того, чтобы уяснить это обстоятельство, остановимся на роли противоположностей в греческом научном мышлении раннего периода. В работах Леви-Страсса, исследовавшего закономерности мифологического мышления на примере ряда прими-

¹⁷ Предшественниками А.В.Лебедева в этом вопросе были Роберт Эйслер (*Eisler R. Weltenmantel und Himmelszelt.* Bd II. München, 1910), а в недавнее время Синниге (*Sinnige G. Matter and Infinity in the Presocractic Schools and Plato.* Assen, 1968), у которых, однако, отсутствует детальный историко-филологический анализ термина ἄτερον, который проведен в работе Лебедева.

¹⁸ *West M.L. Op. cit., p. 99-100.*

¹⁹ *Wikander S. Vayu.* Leipzig, 1941.

²⁰ *Phys., A 4. 187a 12-21.*

тивных обществ, установлена роль бинарных оппозиций — таких, как высокое — низкое, левое — правое, теплое — холодное и многие другие — с помощью которых осуществляется упорядочение и концептуализация окружающей человека действительности. В каких-то отношениях такого рода оппозиции сохраняют свое значение на всех этапах развития человеческого общества; и в наше время поведение (и образ мышления) человека, особенно в повседневной жизни, в значительной степени определяется наличием в его сознании целого ряда пар полярно-противоположных понятий, из которых одно воспринимается как нечто хорошее, добroе, благоприятное, а другое имеет противоположную окраску.

Для научного и, в частности, естественно-научного мышления характерен процесс постепенного преодоления подобного миропонимания. На примере античной науки этот процесс прослеживается весьма отчетливым образом. Наиболее архаичным в указанном отношении является пифагорейское учение, целиком основанное на манипуляциях с такими противоположностями, как предел и беспредельное, чем и нечет, единое и многое, правое и левое и т.д.²¹ Другие греческие мыслители, которых Аристотель называл "физиками" или "физиологами", оперировали с парами, отражавшими чувственно-воспринимаемые свойства вещей — теплое и холодное, сухое и влажное, легкое и тяжелое и др. Сам Аристотель в этом отношении не составлял исключения; наоборот, по сравнению с атомистикой Демокрита его натуралистика представляется во многом значительно более архаичной. Даже Платон в ряде случаев более близок науке Нового времени: так, свойства четырех элементов он объясняет структурными особенностями мельчайших частиц, из которых состоят эти элементы²², у Аристотеля же элементы трактуются как комбинации фундаментальных противоположностей (теплого и холодного, сухого и влажного). Замечательное рассуждение Платона об относительности верха и низа²³ звучит гораздо современнее, нежели концепция Аристотеля, согласно которой верх и низ определяются теми направлениями, куда по своей природе стремятся легкие или, соответственно, тяжелые элементы. Научная революция XVII—XVIII вв. состояла, помимо прочего, в преодолении унаследованного от Аристотеля мышления в категориях полярных противоположностей. Основные понятия ньютонианской физики — сила и масса — не связаны с какими бы то ни было

²¹ Практически полный набор первичных оппозиций мы находим в дошедших до нас фрагментах сочинения Гераклита. См.: Топоров В.Н. К истории связей мифопоэтической и научной традиции: Гераклит. In: To Honor Roman Jacobson. The Hague — Paris, 1967. — В работе прослеживается, каким образом Гераклит оперирует с традиционным набором оппозиций, придавая им новый смысл и используя их в ситуациях, не предусмотренных мифопоэтической традицией.

²² Thimaeus, 53C-61C.

²³ Thimaeus, 62E-63E.

оппозициями. И если наука нового времени вскрыла принципиальный дуализм, лежащий в основе материального мира (положительное и отрицательное электричество, материя и антиматерия), то видеть в этом дуализме наследие бинарных оппозиций первобытного мышления вряд ли правомерно²⁴.

И вот, возвращаясь к Анаксимену, мы констатируем тот поразительный факт, что и типичные для большинства греческих "физиков" противоположности у него практически отсутствуют. И хотя Анаксагор позднее включил плотное – разреженное в число своих фундаментальных противоположностей²⁵, у Анаксимена это не столько пара противоположных качеств или сил, сколько процесс, называемый разрежением или сгущением в зависимости от направления, в котором он идет. Все прочие физические качества, в том числе теплота и холод, зависят от этого основного процесса. И если Анаксимен допускает при этом ошибку, полагая, что при расширении воздух нагревается, а при сгущении охлаждается²⁶, то эта ошибка объясняется неправильной интерпретацией фактов, наблюдавшихся в нашей повседневной жизни²⁷. В данном случае важен не сам факт ошибки, а направление мысли Анаксимена.

Заметим, кстати, что установление иерархии среди противоположностей и подчинение их друг другу, а всех – одной, самой главной, свидетельствует о существенном шаге вперед по сравнению с донаучным мышлением, для которого все основные оппозиции, в сущности, равноправны.

Далее, если характерной чертой мифopoэтической традиции в греческой философии считать наличие определенного набора бинарных оппозиций (см. прим. 21), то мы будем вынуждены признать, что в учении Анаксимена эта традиция практически отсутствует. С этим выводом согласуются и другие сведения, которые у нас имеются о сочинении Анаксимена; и то, что это сочинение было написано простым и ясным слогом, резко контрастировавшим с "поэтическим" стилем Анаксимандра²⁸, и то, что космогоническая проблематика в этом сочинении была представлена крайне слабо. Действительно, едва ли не единственной явно космогонической деталью в дошедших до нас изложениях учения Анакси-

²⁴ Из первичных оппозиций только противоположность правого и левого сохранила определенный смысл в науке нашего времени, приобретя, однако, совершенно иное содержание в свете топологических и теоретико-групповых соображений (см. популярную книгу М. Гарднера "Этот правый, левый мир", перев. с англ. под ред. Я.А. Смородинского, М., 1967).

²⁵ DK 59, B 12.

²⁶ Plut. De primo frig., 7, 947 F (DK 13, 81).

²⁷ Действительно, желая остудить ложку с горячим супом, мы дуем на нее, сжав губы; наоборот, согревая озябшие руки, мы дышим на них, широко открыв рот.

²⁸ Свидетельства Симпликия (DK 12, A 9) и Диогена Лазерция (DK 13, A 1).

мена оказывается утверждение о том, что в результате сжатия (букв. "валяния") воздуха первой возникла Земля, очень плоская²⁹. Эта деталь показывает, что процесс сгущения воздуха у Анаксимена отнюдь не состоял из последовательных стадий воздух - ветер - облака - вода - земля - камни, как это обычно утверждается перипатетической доксографией (DK 13, 45, Феофраст в пересказе Симплиция), а вслед за ней стандартными курсами по истории античной философии. Такую последовательность мы находим впервые у Анаксагора (DK 59, В 16), жившего по крайней мере на два поколения позднее Анаксимена или у еще более позднего Диогена из Аполлонии (DK 64, А 5, 6), как и Анаксимен считавшего, что все вещи произошли в результате сгущения или разрежения воздуха. Но Анаксимен понимал процессы сгущения и разрежения в более архаичном духе. У него сначала возникла Земля, а затем из земных испарений образовались облака, туманы и, в процессе дальнейшего разрежения, огненные небесные светила (DK 13, А 6. Ср. аналогичный архаичный процесс кругооборота элементов у Гераклита. DK 22, В 31).

Раннему греческому мышлению были присущи два типа аргументации: с одной стороны, оперирование полярными противоположностями, а с другой, - использование метода аналогий³⁰. Первый из этих типов, как мы уже сказали, для Анаксимена совершенно нехарактерен. Наоборот, методом аналогий он пользуется исключительно широко. В отношении использования аналогий - и притом аналогий, взятых из опыта обыденной повседневной жизни, - Анаксимен занимает уникальное место среди прочих греческих мыслителей³¹. Наибольшее внимание из всех аналогий Анаксимена обычно уделяется аналогии между объемлющим мир воздухом и нашей душой³². Между тем, это далеко не единственная и не самая характерная анаксименовская аналогия, тем более, что она содержится в отрывке, аутентичность которого подвергалась сомнению многими исследователями³³.

²⁹ DK 13, А 6: πιλουμένου δὲ τοῦ ἀέρος πρώτην γεγενήσθατ λέγεται τὴν γῆν πλατεῖαν μάλα.

³⁰ Lloyd G.E.R. *Polarity and Analogy. Two types of argumentation in early Greek thought*. Cambridge, 1966.

³¹ О роли аналогий у философов-досократиков вообще см., помимо указанной книги Ллойда: Kranz W. *Gleichnis und Vergleich in der fröhgriechischen Philosophie*. - Hermes, 1938, Bd. 73, S. 99-122.

³² DK 13, В 2.

³³ Одни рассматривают этот отрывок как неточный пересказ (в духе стоиков) анаксименовского текста (Kirk G.S., Raven J.E. *The Presocratic Philosophers*. Cambridge, 1957, 158-162), другие же вообще отрицают какую-либо причастность к нему Анаксимена. К последним принадлежал, в частности, Рейнгардт (Reinhardt K. *Kosmos und Sympathie*. München, 1926, 209) утверждавший, что этот

Приведем несколько других аналогий, которые встречаются в доксографических изложениях учения Анаксимена, восходящих, в конечном счете (вероятнее всего через Феофраста)³⁴ к тексту самого Анаксимена. В скобках мы будем приводить греческие термины и обороты, которые, предположительно, содержались в тексте самого Анаксимена. Номера в скобках указывают номер источника (ДК 13, А) по Дильту/Кранцу.

Земля, согласно Анаксимену, имеет столообразную форму (*τραπέζοειδῆ*, 20). Солнце плоско как лист (*ώς πέταλον*, 15). Звезды вбиты в небесный свод наподобие гвоздей (*ἱλῶν δύκην καταπεπηγέναι .. τῷ κρυστάλλῳ εἰδεῖ*); некоторые же звезды (планеты?) суть огненные листья (*πέταλα πυρίνα*, 14). Земля "сидит верхом" на воздухе (*ἐποχεῖσθα τῷ ἀέρι*, 6, 7, 20³⁵). Звезды движутся вокруг Земли подобно шапке, поворачивающейся вокруг нашей головы (*ώσπερεὶ περὶ τὴν ἡμετέραν κεφαλὴν στρέφεται τὸ πύλων*, 7). Когда в одном месте собирается (или сгустится) слишком много воздуха, из него "выжимается" дождь (*ἐκθλύψεσθα τοὺς ὄμβρους*, 17). Ветры, возникающие из воды и воздуха, летят подобно птицам (*ώς τὰ πτήνα*, 19). Согласно одному из свидетельств (Аэция), Анаксимен объяснял молнию так же, как и Анаксимандр, добавляя лишь сравнение с блеском моря, рассекаемого ударами весел (*σχύζομένη ταῦς κύπατος παρατύλβει*, 17).

Из анаксименовских аналогий мы остановимся на двух, имеющих принципиальное значение для историка античного естествознания.

Первой мы уже частично касались. Речь идет о Земле, образовавшейся в результате "валяния" воздуха. Употребленный здесь глагол *πύλεω*, впоследствии приобретший переносное значение сжатия или сгущения,

"мнимый фрагмент" ("das angebliche Fragment des Anaximenes") был продуктом чистейшей фантазии ("ein vollkommenes Phantasiestück"). В одной недавней работе (*Alt K. Zum Satz des Anaximenes über die Seele. - Hermes*, 1972, B-1972, 129-164) делается попытка доказать, что автором этого фрагмента был не Анаксимен, а Диоген из Аполлонии.

³⁴ В списке трудов Феофраста, приводимом Диогеном Ласерием (V, 2), упоминается книга, специально посвященная Анаксимену. Заметим, что, излагая учения философов-досократиков, Феофраст в большинстве случаев имел перед собой их подлинные тексты, что позволяло ему либо приводить дословные цитаты, либо с достаточной точностью передавать аргументы и терминологию соответствующих авторов. Это не мешало ему (как и Аристотелю) в ряде случаев давать совершенно ложную интерпретацию рассматриваемых ими концепций.

³⁵ Обращаем внимание на то, что это необычное в данном контексте выражение фигурирует в нескольких источниках - лишний довод в пользу его аутентичности.

в своем первоначальном буквальном значении служил обозначением процесса валяния шерсти³⁶. От этого глагола образуются, в частности, следующие существительные: ἄλπας - процесс валяния шерсти; τὸ πέλμα - 'свалянная шерсть (или волос)'; 'войлок'; ὁ πῖλος - 'предмет сделанный из войлока', в частности: 1. 'войлочная подкладка шлема' (Il. 10, 625); 2. 'войлочная подстилка в сапогах' (Hes. Op. 542); 3. 'войлочная шапка' (Hes. Op. 546; Hrdt. 3, 12; 7, 62 и др., 4. 'войлочная подстилка, ковер, шатер и т.д.).

Таким образом, Земля по Анаксимену образовалась из воздуха не в процессе его последовательной конденсации (в духе позднейшей физики), а так, как валяют шерсть в мастерских, изготавливающих войлок. Такие мастерские, несомненно, существовали в Милете, славившемся своими шерстяными и войлочными изделиями. Мы имеем здесь любопытный пример влияния материального производства на научную теорию.

Существенное, однако, другое. Уподобление образования Земли валянию шерсти проливает свет на то, как Анаксимену представлялся процесс сгущения воздуха. Этот процесс сопоставлялся в его сознании с процессом сближения волосков (ворсинок) шерсти. Иначе говоря, в сознании Анаксимена брезжил некий прообраз атомистической модели строения вещества. Разумеется, эта модель была им не продумана, у нее отсутствовал необходимый понятийный аппарат (созданный позднее Левкиппом и Демокритом) и, главное, ей нехватало идей пустого пространства. Если воздух состоял из мельчайших частичек, способных сближаться и удаляться друг от друга, то что находилось между этими частичками? У Анаксимена не было ответа на этот вопрос; возможно, что такой вопрос вообще им не ставился. Но все-таки это был первый, еще чисто интуитивный, неосознанный подход к будущей атомистике³⁷.

Вторая аналогия связана с описанием движения небесных светил. Как хорошо известно, Анаксимен полагал, что заходящие за горизонт небесные светила проходят не под Землей, а совершают оборот вокруг Земли, скрываясь за ее северной приподнятой частью³⁸. Об этой точке зрения упоминает также Аристотель, указывающий что "по мнению многих метеорологов Солнце не опускается под Землю, но обращается вокруг нее..., так что ночь наступает (собственно) потому, что Земля на севере приподнята вверх"³⁹.

36 Liddel-Scott, p. 1404.

37 Заметим, кстати, что Демокрит пользовался для наглядного уяснения движения атомов в пустоте образом пылинок, пляшущих в солнечных лучах, причем эти пылинки именовались им ξύσματα 'очески' (от ξύω 'чешу, скребу', напр. Arist. De anima A 2. 404a 3).

38 DK 13, AI: κενεῖσθαι δὲ τὰ ἀστρα οὐχ ὑπὸ γῆν ἀλλὰ περὶ γῆν. См. также A 7 и A 14.

39 Arist. "Meteor." BI, 354a 28-32.

Аристотель не называет здесь Анаксимена по имени, а говорит о "многих метеорологах", откуда можно заключить, что подобная концепция не была уникальной, а принадлежала к числу ходовых точек зрения. Представление о том, что ойкумена ограждена с севера высочайшими Рипейскими горами, было общепринятым в ранней греческой географии⁴⁰ и это представление могло быть связанным с анаксименовской концепцией; в силу чего не обязательно думать, что последняя была заимствована Анаксименом непосредственно у вавилонян, как это предположил Уэст⁴¹. Мы склонны думать, что это была чисто греческая точка зрения.

Опять-таки крайне любопытна аналогия, которой пользуется в связи с этой точкой зрения Анаксимен. Согласно свидетельству Ипполита (ДК 13, А 7), звезды движутся вокруг Земли подобно шапочке (*πλόον*), поворачивающейся вокруг нашей головы. Историки философии по разному истолковывали эту аналогию⁴². Естественнее всего допустить, что речь идет о войлочной шапке вроде современной нам тюбетейки⁴³ (то, что она войлочная, следует из ее наименования). Зафиксируем на полях такой тюбетейки какую-либо точку, например пятнышко; тогда, при поворачивании ее вокруг головы, это пятнышко будет скрываться от наших взоров совершенно так же, как Солнце, Луна и звезды скрываются за Рипейскими горами приращении небесного свода.

Резюмируя все сказанное, перечислим основные особенности учения Анаксимена, выделяющие его среди учений других греческих мыслителей раннего периода:

1. Ясный, трезвый стиль изложения, резко контрастирующий со стилем других философских сочинений раннего периода (Анаксимандр, Гераклит, Парменид).

2. Преобладание греческой "метеорологической" традиции по сравнению с влияниями восточных религиозно-мифологических представлений.

3. Практически полное отсутствие черт, характерных для "мифопоэтического" мышления (к каковым, в первую очередь, относится использование первичных оппозиций типа верх-низ, сухое-влажное и др.).

4. Слабо выраженные космогонические аспекты в общей картине мироустройства.

⁴⁰ Например: Alcm. 58 (T.Bergk); Hellanic. Fr. 187(б) (Jacoby Fr.G.H., B.I).

⁴¹ West M.L. Op. cit, p. 105-107.

⁴² См.: Каринский М.И. Темное свидетельство Ипполита о философе Анаксимене. - Христианское чтение, 1681, с.431-453.

⁴³ Изображения войлочных головных уборов, которые у греков были принадлежностью определенных профессий (ремесленники, лодочники, моряки) можно найти на вазах и монетах того времени (см. статью πλόος в RE Pauly-Wissowa, 20B, S. 1330-1333). О шапочке (*πιλόβοον*), которую надевали для утепления головы больным, упоминает Платон в "Государстве" (III, 406).

5. Чисто физический механизм возникновения и взаимо-
превращения вещей (сжатие и разрежение первичной мате-
рии), лишенный каких либо антропоморфных или зооморфных
импликаций.

6. Интуитивное предвосхищение атомистических представ-
лений.

7. Широкое использование аналогий с явлениями, встре-
чающимися в повседневной деятельности человека.

Все эти особенности позволяют рассматривать Анаксиме-
на как мыслителя, предвосхитившего в зародышевом состоя-
нии ряд черт будущего позитивного естествознания.

I.D. Rožansky

THE PLACE OF ANAXIMENES IN THE DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC THOUGHT

The role of Anaximenes in the development of early scientific thought was usually underestimated by classic scholars. In comparison to Anaximander he was far less dependent on Eastern mythological images and conceptions. Pairs of opposites being very important for many Greek thinkers are practically absent in his cosmology; instead of that his method was based on extensive use of analogies with the events of everyday life. In these and some other respects Anaximenes can be considered as the earliest forerunner of the European science.

РИТУАЛЬНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ
ДЕСЯТОЙ ПЕСНИ „ОДИССЕИ“

Два предвоенных десятилетия отечественной науки ознаменовались стойким и эффективным интересом к мифу (сказке) и ритуалу (обряду) как к глубинной, в отдельных случаях весьма прозрачной подоплеке многих античных и более поздних литературных мотивов, сюжетов и целых жанров. В этот период появились ставшие теперь классическими работы В. Я. Проппа, И. И. Толстого, С. Я. Лурье, И. М. Тронского, О. М. Фрейденберг и некоторых других. Тип этих исследований хотелось бы определить в духе того времени как "палеонтология" базисных в генетическом отношении структурных элементов до- и раннеисторической нематериальной культуры по фольклорным и литературным источникам. Непосредственно послевоенные годы прервали, но не искоренили традиции сравнительно-генетических и типологических разысканий в данной области. Уже в работах В. В. Иванова и В. Н. Топорова можно наблюдать известное возрождение "культурологической" реконструкции, но на принципиально иной основе, поскольку вся процедура этой реконструкции непременно содержит широко филологически трактуемый этиологический аспект языкового факта или цельного отрезка текста в качестве отправного пункта исследования и одновременно искомой точки пересечения пучка интеллектуально-чувственных вне- и надязыковых ассоциаций, сопрягаемых с лексико-семантической структурой каждого данного языка, включая чисто лингвистическую филиацию слов, ощущаемую носителями определенной языковой традиции в процессе речевой деятельности.

Впрочем, предлагаемый здесь опыт реконструкции, в каких-то общих гносеологических моментах соприкасаясь с характеризованным новым подходом, более тесно примыкает к работам классиков этого научного жанра, в частности к трудам В. Я. Проппа.

В указанном в заглавии ракурсе X песнь "Одиссеи" ("Одиссей у Кирки") с примыкающими к ней непосредственно XI ("Катабасис", "Некийя") и началом XII ("Возвращение к Кирке") предстает, как и вся поэма в целом, в нескольких измерениях, соответствующих в грубом приближении семантике двух уровней: эпическому и ритуально-мифологическому. При этом если ритуальная подоплека большинства эпизодов "Одиссеи" и композиции поэмы целиком нуждается в глубокой реконструкции, то в интересующих нас песнях поверхностно-очевидны основные конstitutивные звенья определенного ри-

туала, а именно обряда инициации (о чём ниже подробнее), системно и достаточно однозначно вскрытого в волшебных сказках Р. Сентивом, С.Я. Лурье и особенно В.Я. Проппом¹, на упомянутую книгу которого во многом ориентирован предлагаемый ниже анализ.

Существует, разумеется, и самый поверхностный внешний слой — плод сознательной литературно-рационалистической обработки поэтом сюжета, развивающегося по достаточно жестким эпико-поэтическим композиционным и конститутивным фольклорным канонам, сюжета в основе своей достаточно не-притязательного, повествующего об опасных, грустных и возвышенно-увлекательных странствиях героя, возвращающегося с Великой Войны к любимой и верной жене. В результате в прототекст поэмы вплетено множество бытовых деталей, современных поэту, наряду, однако, с нарочитой архаизацией, и большое число логико-экспликативных композиционных и сюжетных дополнений, устанавливающих звенья между различными гетерогенными уровнями и фрагментами текста вместо утерянных или затемненных связей к периоду окончательного составления поэм (см. ниже о δισθαντί). Благодаря подобной шлифовке, носящей несомненную печать индивидуального творчества гениального поэта, стремившегося вместе с тем всеми доступными ему средствами сохранить неповторимое своеобразие коллективных поэтических усилий, вся поэма приобрела законченный вид изящной и строгой простоты. Не имея возможности входить в подробности поэтики "Одиссеи", отметим лишь один замечательный момент. При всей глубинной композиционной заданности поэмы, по сравнению с другими типологически сходными эпосами, "Одиссея" выглядит совершенно как авторское произведение главным образом из-за прихотливо воплощенной композиции уровня актуализации, развивающейся по своего рода спирали, к чему мы еще вернемся ниже. От этих несколько общих рассуждений обратимся к непосредственной теме настоящей работы.

Эпический уровень, актуализирующий ритуальномифологическую сюжетную метасхему. Одиссей со спутниками на корабле случайно достигает острова Эза (Αἴας), где обитает богиня Кирка, дочь Гелиоса и внучка Океана, сестра "замышляющего гибель" (δλοβφρονος) Эзта, тетка чародейки Медеи; остров расположен в совершенно неизвестном месте и о том, что он принадлежит Кирке, Одиссей узнает от Гермеса позже; — деление спутников Одиссея на два отряда, один из них предводимый Эврилохом, попадает в дом Кирки; — подмешав к пище волшебный напиток, Кирка превращает их в свиней, сохранивших человеческий рассудок, но совершенно забывших об отчизне; — Одиссей сам отправляется к Кирке в дом; — с помощью корня, вру-

¹ *Saintyves P. Les contes de Perrault et les récits parallèles. Paris, 1923; Лурье С.Я. Дом в лесу. — Язык и литература, VIII. Л., 1932, с. 159 сл.; Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.*

ченного ему Гермесом, и выполнив все наставления последнего, Одиссей избегает участия своих товарищев; - по просьбе Одиссея Кирка вновь превращает его спутников в людей; - на мольбы Одиссея помочь ему возвратиться на Итаку Кирка предрекает ему необходимость проникнуть в Аид, чтобы узнать у Тересия о своей дальнейшей судьбе; - Кирка учит Одиссея, как осуществить катабасис, и снаряжает его; - через день плавания корабль Одиссея достигает "глубокотекущего Океана" (*βαθυρροῦ Ήχεανοῦ*), где расположена покрытая мраком область киммерийцев; - нисхождение в Аид и встреча с душами умерших; - возвращение к Кирке.

II. Ритуальный омифологический уровень обряда инициации. В целях большей наглядности представляется целесообразным выделить самые характерные черты этого обряда².

При наступлении половой зрелости (или даже раньше) [1] юношей отделяли от родового коллектива, [2] вели в глухой лес, где находилось специальное строение, [3а] там над ними производился обряд, страшный и таинственный, реально-мифическая (духовно-конкретная, вещная) суть его мыслилась "в своего рода деперсонализации, потери сознания, вызываемых болью, усталостью, истощением нервных сил, лишениями, одним словом в "мнимой смерти", за которой следует новое рождение"³; [3б] обряд обычно сопровождался телесными истязаниями, членовредительством, опиаванием ядовитыми настояями для имитации временной смерти; мыслилось, что во время такого состояния инициируемый, претерпевая различные превращения, в том числе в (тотемного) животного, [3в] шел (спускался) в "загробный" мир, где приобщался к силе и знаниям предков, после чего, согласно мифологической концепции обряда, наступало полное обновление или, более того, новое рождение посвящаемого. [4] На самой архаической (матриархальной) стадии обряда его распорядителем была женщина - Мать, Праородительница и т.п., что просвечивает в этой мужской по самой сущности церемонии через травестизм исполнителей обряда, их частую кастрацию, гермафродитизм многих богов и т.д., через образ хозяйки леса и лесных обитателей в мифах и сказках. [5] При этом лес - либо сам "загробный мир" ("тридцатое царство"), либо его преддверие, поэтому Баба-Яга и ее эквиваленты в других традициях связаны с темой смерти⁴.

² Подробное описание обряда инициации можно найти в кн.: Фрезер Д. Золотая ветвь, I-IV. М., 1928 (*passim*); суммарно: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Л., 1930, с. 234 сл.; в применении к волшебным сказкам: Пропп В.Я. Указ. соч., с. 41 сл. и др. с литерат.

³ Леви-Брюль Л. Указ. соч., с. 240.

⁴ Чрезвычайно важный материал по 4 и 5 пунктам из хеттских памятников проанализирован В.Н. Топоровым в статье "Хеттская SALSU.GI и славянская баба-яга" (КСИС 38, 1963), где она выступает в качестве главного "церемонимейстера" похорон, помогающего мертвому совершил переход в потусторонний мир (с. 32).

В соответствии с выделенными чертами обряда, по возможности в том же порядке, рассмотрим текст X-XI песен "Одиссеи".

1) Первоначально для отправления в лес, к Кирке, выделяется особый отряд: αὐτὸς ἐγὼ δέχα πάντας εὔκνημίδας ἑταῖρούς | ἥρθιεον, ἀρχὸν δὲ μετ' ἀμφοτέροισιν ὅπασα || || τῶν μὲν ἐγών ἥρχον, τῶν δ' Εὐρύλοχος θεοειδῆς 'а я разделил (рассчитал) на двоев всех прекраснопоножих спутников, я дал сопровождающими и тем и другим начальника; одних я возглавил, других же Эврилох боговидный' (Х, 203-205).

2) Дом Кирки расположен на далеком неизвестном, необитаемом острове, подобном острову Калипсо, за дремучим лесом, в лесистой лощине на поляне: ἔστη δὲ σκοτεῖν ἐς παταλβεσσαν ἀνελθὼν || καὶ μοι ἐεόσατο καπνὸς ἀπὸ χθονὸς εύρυοβεέπις, || Κίρκης ἐν μεγάροισι, διὰ δρυμὰ πυκνὰ καὶ ὄλην 'И вот я (Одиссей) остановился, на каменистую вершину поднявшись, и мне привиделся дым от земли широкопутной, в доме Кирки, через дубовый лес и чащу' (Х, 148-150). В Х, 194-197 повтор: Одиссей рассказывает феакам, как он рассказывал своим товарищам: εἴδον γὰρ σκοτεῖν ἐς παταλβεσσαν ἀνελθὼν || νῆσον, τὴν πέρι πρύτος ἀπεέρπετος ἔστε φάνωται. || αὐτὴ δὲ χθαμαλὴ κεῖται· καπνὸν δ' ἐν μεσοῖ | ἐδραχον διθαλμοῖσι διὰ δρυμὰ πυκνὰ καὶ ὄλην 'Ведь я увидел, на каменистую вершину поднявшись, остров, его кругом беспределное море венчает; сам же он плоский лежит; а также дым в середине я высмотрел глазами через густой дубовый лес и чащу' (Х, 194-197); существенно, что с запредельным островом фольклорные традиции многих народов связывают представление о потустороннем мире или его преддверии⁵. В рассказе Эврилоха добавлены некоторые важные подробности: "Νομέν, ὡς ἐκέλευες, ἀνὰ δρυμά, φαέδης" 'Обуласе' || εύρομεν ἐν βῆσσοις τετυμένα διμata καλὰ || ξεστοῖσιν λέσσοι, περισκέπτω ἐν τῷ χώρῳ. 'прошли, как ты велел, дубовый лес, славный Одиссей; мы обнаружили в ущелье прекрасный дом, сложенный из тесанных камней, на открытом со всех сторон месте' (Х, 251-253); περισκέπτω, входящее в постоянную формулу (см. стх. Х, 211) допускает и противоположный перевод в качестве отлагольного прилагательного от σκέψη 'в закрытом, защищенном (со всех сторон месте)' - (ср. Frisk, II, с. 725) - двусмысленность; возможно, неслучайная. Однако мы намеренно предпочли, кстати, общепринятое толкование еще потому, что жилище женских персонажей типа Бабы-Яги обычно находится на лесной поляне или опушке, видимо, восходя к прайндевропейскому представлению о загробном мире как о пастибище: равнине, поле, луге (ср. ἐς Ἕλσιον πεδίον - Od, IV, 563; более позднее Ἕλειμον⁶; ложноэтимологическая мысль

⁵ См. об этом: Толстой И.И. Статьи о фольклоре. Л., 1966, с. 67; Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. М., 1974, с. 237 (там же об острове Ланка в Рамаяне).

⁶ Подробнее о круге данных представлений см.: Топоров В.Н. Указ. соч. с. 35 с хетт. аналогами и литературой; Puhvel J. Meadow of the Otherword in Indo-European tradition. - KZ, 83, 1969.

древних связывала 'Ηλύσιον с формами от ἔρχομαι 'приходить, идти' - ἥλυθον, ἔλευσομαι (Chantreine, II, с. 411).

3) (~ пункт 3 в описания обряда). Кирку действительно окружают различные звери, в которых она своим волшебством превратила людей, (ср. зооморфные метаморфозы в семантике обряда инициации): ἀμφὶ δέ μὲν λύκος ἤσαν δρέστερος ἢδε λέοντες, || τοὺς αὐτὴ κατέθελξεν, ἐπεὶ κακὰ φόρμακ' ἔδωκεν 'около же него (дома Кирки) были горные волки и львы; их сама (Кирка) заколдовала, когда дала губительного снадобья' (X, 212-213); из стх. 431-434 (предостережение Эврилоха), сохранивших в более явной форме мифо-сказочную основу всего эпизода, мы узнаем, что это могли быть люди', превращенные Киркой в зверей, чтобыстеречь дом (см. ниже).

Аналогичным способом, а также ударом (волшебного) жезла Кирка и спутников Одиссея обращает в животных, всех - в свиней: ἐν δέ σφιν τυρβν τε καὶ ἄλφιτα καὶ μέλι χλωρὸν || οὖν φ Πραμνεύψ ἑκάκα· ἀνέμισγε δὲ σύτῳ || φόρμακα λύγρ', ἵνα πάγκυν λαθοῖσατο πατρόδος αἴτης. || αὐτὰρ ἐπεὶ δῶκεν τε καὶ ἔκπιον, αὐτύκ' ἐπείτα βάθδω πεπληγυῖα κατὰ συφεοῦσιν ἔργυν. || οἱ δὲ συῶν μὲν ἔχον κεφαλὰς φωνῆν τε τρέχας τε || || καὶ δέμας, αὐτὰρ νοῦς ἦν ἔμπεδος, ὡς τὸ πάρος περ 'им же и сыр, и ячменную муку и желто-зеленый мед с прамнейским вином она (Кирка) стала перемешивать, а также премешала к пище губительного снадобья, чтобы полностью забыли отчую землю, и когда она дала, а они выпили, тотчас же потом ударив (волшебным) жезлом, позапирала в свиных закутах, ведь у них были от свиней головы, и голос, и шея, и тело, но ум был крепким, совсем как прежде' (X, 234-240), здесь кроме прочего, обращает на себя внимание, что Кирка своими действиями заставляет людей забыть об отчизне - состояние, равносильное смерти, согласно представлениям древности. В том же кругу символики смерти можно рассматривать и λύγρον (φόρμαкον), буквальное и этимологическое значение которого 'губительный, причиняющий смертельную боль и пр.' от и.-е. *leug⁻, ср. др.-инд. ruijāti 'он разбит', лат. lūgeo, -ēre 'оплакивать, быть в трауре'. Реминисценция первоначального варианта мифа, видимо, избежавшего гомеровского рационалистического осмысления и олитературизования, содержится в упоминавшемся "предостережении" Эврилоха, говорящего о возможности превращения, помимо свиней, в волков и львов: 'Ἄ δειλοί, ποσ' ἔμεν; τέ κακῶν ἴμερετε τούτων, || Κύρκης ἐσ μέγαρον καταβήμενας, ἢ καὶ ἄπαντας || Η σὺς ἡ εἰ λύκους ποιήσετας ἢ εἰ λέοντας, || οἵ κέν οἱ μέγα δῶμα φυλάσσομεν καὶ ἀνάγκην || 'Ах, несчастные, куда мы идем; чего вы жаждете из этих зол: в дом Кирки спуститься, которая сделает всех или свиньями, или вол-

⁷ У Аполлония Родосского (IV, с. 672 сл.) аргонавты так же видят на острове Кирки людей, обращенных ею в животных; о том же упоминает Дион Хрисостом (Or. XXXIII, 28, R. II), говоря: δ παλαιός μῆθος φησί τὴν Κύρκην μεταβάλλειν τοὺς φαρμάκοις, ωστε σὺς καὶ λύκος ἐξ ἀνθρώπων γέγνεσθαι.

ками, или львами, чтобы мы ей большой дом стерегли даже и поневоле ...' (Х, 431-434).

Кстати говоря, в ткани поэмы нет противоречия между рассказом Одиссея от себя, о произошедшем с его спутниками, и высказыванием Эврилоха, видевшего только зверей около дома Кирки.

Эта же более оригинальная подробность сохранена Аполлодором: πειρυτῶν δὲ αὐτῶν, ἐφαπτομένη ράβδῳ τὰς μορφὰς ἥλλούσου, καὶ τοὺς μὲν ἔποιει λύκους, τοὺς δὲ σῦς, τοὺς δὲ ὄνους, τοὺς δὲ λέοντας 'когда же они выпили, прикоснувшись жезлом, она (Кирка) изменила их облик и сделала кого волками, кого свиньями, кого ослами, кого львами' (Apd. Epit. VII, 15).

В свою очередь Аполлоний Родосский, говоря о далеких предшественниках Одиссея, современниках Аргонавтов, и вазовая живопись также ориентируются на древнейший вариант мифа, как справедливо отметил И.И. Толстой в специальной статье⁸.

4) Получив от божественного "помощника" - Гермеса волшебный дар-оберег, растение, называемое на языке богов μῆλον, и магические знания-наставления: броситься на Кирку с мечом, заручившись ее клятвой не приносить вреда, разделить с Киркой ложе, - Одиссей, наделенный всеми этими атрибутами Героя, выполняет заповеди и благодаря этому избегает злокозненной метаморфозы (Х, 227-347).

5) (~ 36 описания обряда). Следующему по ходу сюжета мотиву обратного превращения спутников Одиссея в людей присущи определенные детали, которые придают этому мотиву максимальную маркированность с точки зрения ритуала обряда инициации и его мифологической концепции. Сходство между эпизодом и комплексом выше описанных ритуальных действий и превращений (деперсонализация, перевоплощение, resp. временная смерть + обновление, со всеми вытекающими физическими и социальными последствиями, не оставляет никакого сомнения в том, что ритуально-мифологическую подоснову эпических событий, излагаемых в Х, XI, начале XII песен Одиссеи, составляет по преимуществу образ инициации. Здесь уместно вспомнить справедливое рассуждение В.Я. Проппа "о прямом родстве по нисходящей линии, аналогичном родству отцов и детей" между материалом сказки (мифа) и ритуалом, если первое непосредственно отражено во втором⁹. Текст "Одиссеи" в данном случае максимально маркирован: οἵτις ἐφάμην, Κύρκη δὲ διέκει μεγάροις

⁸ "Заколдованные звери Кирки в поэме Аполлония Родосского". В кн.: Толстой И.И. Статьи о фольклоре, с. 24 сл.

⁹ См.: "Трансформации волшебных сказок". - В кн.: Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976, с. 157; вместе с тем пример первичности "культового" коррелята в аналогии Баба-Яга - хозяйка леса в Ригвведе (Араньяни - RV, X, 146) в содержательном отношении менее показателен, чем аналогия с Киркой.

Βεβήκειν || βάβδον ἔχουσ' ἐν χειρύ, θύρας δ' ἀνέψει συφεύ-
οῦ, || ἐκ δ' ἔλασεν σιάλοισιν ἑοικότας ἐννεώροισιν. || οἱ
μὲν ἐπειτ' ἔστησαν ἐναντίοι, ἢ δὲ δι' αὐτῶν || ἔρχομένη
προσάλειφεν ἑκάστῳ φάρμακον ἄλλο· || τῶν δ' ἐκ μὲν μελέων
τρέχει ἔρρεον, ἀς πρὸν ἔψυσεν || φάρμακον οὐλόμενον, τὸ
σφιν πόρε πότνια Κύρκε· || ἀνδρες δ' ἀφ ἐγένοντο νεώτεροι,
ἢ πάρος ήσαν, καὶ πολὺ καλλόνες καὶ μένζονες εἰσοράσθαι.
'Так я сказал, а Кирка пошла через покой наружу, имея
жезл в руках, и двери отперла свиной закуты [в подобном
контексте хлев, как и избушка Бабы-Яги, может восприни-
маться в качестве рефлекса ритуальной хижины] и выгнала
(их) имеющих вид девятигодовых свиней, они затем вста-
ли напротив, она же через них проходя, каждому помазала
снадобье другое [нежели давала пить в стх. 236 - см. вы-
ше], и с членов их отпала щетина, которую раньше взрас-
тило губительное снадобье, его им дала владычица Кирка;
и мужами опять они стали более молодыми, чем раньше бы-
ли, и даже много красивее и могучее на вид' (Х, 388-396).
Последние два стиха (395-396) могут быть буквально поня-
ты совершенно в рамках мифологии обряда посвящения: 'и
мужи [или даже: мужами] назад родились более юными, чем
раньше были, и даже много красивее и могучее на вид'. Эта
амбивалентность смысла данных стихов, совершенно в духе
поэтической "игры" древней эпики и гимнической поэзии¹⁰,
вероятно, еще улавливается во времена Гомера и, несомнен-
но, был более явственен в период бытования за несколько
веков до гомеровской обработки. Этимологически исконное
значение аор. ἐγένοντο 'родились', о котором напоминает
употребление презенса за 45 стихов до него: γέγονοτας δ'
ἄρα τας γ' ἔκ τε κρηνέων ἀπό τ' ἀλσέων || ἐκ θ' οερῶν κοτα-
μῶν ... 'ведь они (четыре служанки) родились и от источ-
ников, и рощ, и священных рек' (Х, 350-351), семантически
адекватно в этом отрывке значению аор. ἔψυσεν 'взрасти-
ло, породило' (395) и противопоставлено переносному зна-
чению ἔψυ (τ' ἐν χερσὶν -397); грамматически с ним конт-
растирует имперфект προσάλειφεν (392) и ἔρρεον (393).
Симптоматично, что Аполлодор, излагая эпизод пребывания
Одиссея у Кирки, не сохранил проанализированные подроб-
ности, наряду с большинством других, обусловленных ри-
туально-мифологическим уровнем, но не обязательных в пла-
не развития эпического действия: у него спутникам Одис-
сея просто возвращен их прежний вид.

6) (~ Зв описания обряда). В том же ключе ритуально-
мифологической символики находит объяснение и катабасис
Одиссея, как, видимо, и некоторые его аналоги в других
древних эпических поэмах (например в эпосе о Гильгаме-

¹⁰ О другом случае семантико-этимологической омофонии в
II гомеровском гимне см.: Гиндин Л.А. Миф о поединке
и мифология Аполлона (на материале I-III гомеровских
гимнов). - В кн.: Славянское и балканское языкознание. М.,
1977, с. 111 сл.

шев¹¹). Можно думать, к указанному источнику восходит и вся часть поэмы в целом, где повествуется о злоключениях Одиссея, начиная с эпизода у Калипсо и кончая блаженной страной феаков. Она представляет собой в реконструкции путешествие по загробному миру, на что давно уже обращалось внимание¹². Не случайно Одиссей "стремительно" (φέρει φα), даже ястреб не угнался бы" (οὐδέ κεν ὅρης κέρκος ὑπαρτίσειεν) был перенесен на корабле через море на Итаку (XIII, 86-88) в смертельном сне ("едва не смерти"): καὶ τῷ νῆσμος ὕπνος ἐπὶ βλεφάροισιν ἔπειτεν | | νῆπυρετος ὑδεστος, θανάτῳ ἀγχόστα δοκιώς 'и ему сладостный сон пал на везды, непробудный, сладчайший, самым близким образом сходный со смертью' (79-80). В кругу тех же ассоциаций со смертью следует рассматривать и другой факт, что, подобно своим спутникам, перенесшим превращение - временную смерть, Одиссей также получает на Итаке новое обличье (XIII, 430-438), согласно поздней рационалистической интерпретации, как в сказках этого типа, чтобы не быть узнанным (XXII, 402-403). Осмысление на уровне ритуальных мифологем поэмы катабасиса Одиссея и, возможно, эпизода превращения именно в качестве смерти достаточно четко проявляется в гапаксе δισθανεῖς в обращении Кирки к возвратившимся из Аида Одиссею и его спутникам в XII, 21-22: σχέτλοις, οὐ τὸντες ὑπῆλθετε δῶμ' 'Αἴδαι || δισθανεῖς, ὅτε τ' ἄλλοι ἄπαξ θυγάτουσ' ἀνθρώπος 'отважные (нечастные) живыми вошли вы в дом Аида, дважды мертвые'¹³ (умиравшие), в то время, как другие люди умирают единожды'; при этом гом. δισθανής - вероятно, искусственное образование, специально созданное для обусловленной эпической традицией консервации мифологического контекста и осуществления глубинных композиционных связей между "Νέκυια" и обязательным по скрытой логике развития ритуально-мифологического сюжета двумя посещениями Кирки - до и после катабасиса¹⁴.

¹¹ Наблюдения над общими моментами композиции и основных персонажей "Одиссеи" и "Эпоса о Гильгамеше" см.: Webster T.B.L. From Mycenae to Homer. London, 1958, p. 246 сл.; на более широком материале, включая другие эпосы, особенно "Рамаяну" и "Махабхарату", с упором на генетические истоки в календарном мифе об умирающем и воскресающем боге плодородия, см.: Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974, с. 234 сл., 285 сл.

¹² Толстой И.И. Возвращение мужа в "Одиссее" и в русской сказке. - В кн.: Толстой И.И. Статьи о фольклоре, с. 67 с литерат.; Гринцер П.А. Указ. соч. с. 237.

¹³ См. аналогичное толкование δισθανής в словаре Liddell-Scott, s.v.: twice dead, хотя именная основа θαν(α) допускает толкование 'дважды смертные (умирающие)', впрочемср. δύονος 'дважды рожденный'.

¹⁴ Как языковую (ожидалось бы δισθανής) и содержательную "неловкость", приписываемую эпигонам, рассматривает данное слово Бехтель (Bechtel F. Lexilogus zu Homer. Hildesheim, 1964, s.v.).

По той же логике ритуально-мифологического осмысления конкретных наблюдений над текстом поэмы становится понятным, почему ее композиционным центром и одним из наиболее архаических отрезков эпической ткани (исключая позднее интерполирование эпизода с душами) является пребывание у Кирки (Х песнь) и катабасис (XI песнь), сам по себе факт уже отмеченный в литературе¹⁵. Мотив нисхождения в Аид был вынужденно-обязательным в рамках развития эпического сюжета, на уровне мифа, соотносимым с обрядом инициации, ибо весь его ритуал или наиболее существенная часть есть нисхождение (уход) в страну мертвых, т.е. смерть и новое рождение (см. XI, 164: μῆτερ ἡμέρα χρεῖσθαι κατῆγανεν εἰς Ἀΐδαο 'Мать моя, необходимость свела меня в Аид').

Относительно композиции "Одиссеи" следует подчеркнуть еще один существенный момент. При всех генетико-типологоческих сходствах классических эпосов только в "Одиссее" кульминационный центр композиции (Х-ХI песни) совпадает с "геометрическим" центром архитектоники странствий Одиссея, что, несомненно, необходимо отнести за счет сознательной деятельности поэта, передвинувшего "Нέхиса" из завершающего положения в середину в процессе актуализации эпического уровня в изысканных и строгих формах ритмического равновесия, вполне в духе современного ему геометрического стиля, аналогии с которым в поэтике гомеровских поэм усматривались издавна¹⁶, ср. действительную канву злоключений Одиссея, когда с обеих сторон эпизодов "Кирка - "Катабасис" - "Кирка" расположено по 5 приключений.

Конечно "Одиссея" слишком сложное произведение, в завершающей форме - плод цивилизованной эпохи, далеко продвинувшейся от первобытных истоков, чтобы быть целиком сведенной к обряду посвящения, хотя и ее вторая часть "муж на свадьбе жены" семантически хорошо увязывается с. ним, как и тождественный мотив в русских сказках, ср. еще мотив "обретения невесты". В поэме нашли место представления и образы, связанные также с календарной мифологией и совсем вrudиментарной форме космогонической. Однако нужно помнить, что божества растительности покидают этот мир периодически и на достаточно длительные строго ограниченные сроки (ср. Персефона, Деметра, Аполлон, Телепинус и т.д.).

Таким образом, "Одиссея" в основном по причинам жанрово-эпическим и хронологическим (литературная обработка и фиксация в раннеисторический период) в ряде деталей сохранила более живые реминисценции обряда, чем западно-

¹⁵ См., например: Webster T.B.L. Op. cit., p. 246.

¹⁶ Germain G. *Essai sur les origines de certains thèmes odysséens et sur genèse de l'Odyssée*. Paris, 1954, с. 333; Page D.L. *The Homeric Odyssey*, Oxford, 1955, p. 22 сл.; Webster T.B.L. Op. cit., p. 246 сл.; о возможности отражения геометрического стиля в поэмах см.: Лосев А.Ф. Гомер. М., 1960, с. 217 с литерат.

европейская и славянская волшебная сказка; очевидные совпадения с последней в "Одиссее" регистрировались неоднократно.

Из напрашивающихся и менее заметных целесообразно выделить некоторые особенно содержательные параллели между Киркой и Бабой-Ягой. Кирка, подобно Бабе-Яге, живущей на границе с тридесятным царством, обитает в одном дне пути корабля под полными парусами, от входа в Аид: ἔνθα δὲ Κύμερῶν ἀνδρῶν δῆμος τε πόλις τε, || ὑέρι καὶ νεφέλῃ κεκαλυμένοι· οὐδέ ποτ' ἀυτοὺς || ὑέλιος φαέθων καταδέρκεται ἀκτύνεσσιν 'Ведь там мужей киммериан и народ и город, и мглой и облаком покрыты; и никогда их сияющий Гелиос не созерцает лучами' (XI, 14-16)¹⁷; как хетт. SALSU.GI и Баба-Яга (в реконструкции), Кирка тесно смыкается с темой смерти, выступая, подобно хеттскому персонажу, о чем выше говорилось, в роли руководительницы ритуала, открывающего доступ в царство мертвых, при этом аналогично хеттскому погребальному обряду, где SALSU.GI каким-то образом связана с хлебом и вином¹⁸, в ритуальных наставлениях Кирки Одиссею, чтобы облегчить ему проникновение в Аид, также фигурирует вино и хлеб, наряду с медом и водой: ὡς σε κελεύω || ... ἀμφ' αὐτῷ δὲ χοῖνις χεῖσθαί πάσιν νεκτήσσιν, || πρῶτα μελικρήτῳ, μετέπειτα δὲ ὑδέεις οὖν, || τὸ τρίτον αὐθή, ὕδατα· ἐπὶ δ' ἀλφύτα λευκὰ παλύνειν. 'так я тебе приказываю..., а вокруг нее (ямы) совершиТЬ возлияние всем мертвым, прежде всего медовой смесью, затем сладким вином, в третьих опять водой, и насыпать белой ячменной муки' (X, 516-520; XI, 26-28). Надо полагать,

17 Кстати выдвинутая А. Хойбеком в связи с такой характеристикой у Гомера страны киммерийцев этимология самого этнонима Κύμεροις, сопоставляемого с глоссой Гесихия κάμμερος·ἀχλύς·κέμμερος·ἀχλύς, διέχλη,ср. Et. M., s.v. Κύμεροις: "Εντος δὲ Κεμμερέων· κέμμερον γάρ λέγουσι τὴν διέχλην Καὶ Σκυθικὸν ἔθνος Κύμεροις, и далее с хетт. *Kattara-* "Qualm, Rauch, Dunst, Wolke", - из предложенных этимологий обладает наибольшей филологической достоверностью (Heubeck A. Κύμεροις. - *Hermetes*, 91, 4, 1963, с. 490 сл.; Chantraine, II, с. 531); относительно идентификации глоссы Гесихия и хетт. слова с последующим возведением к и.-е. *kem- 'bedecken, verhülen' подробно см.: Neumann G. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961, S. 32; связь между местами обитания киммерийцев "покрытыми" мглой и облаком (κεκαλυμένοι) и обителю смерти имеет содержательную и формальную параллель в изоморфном Кирке образе Καλυψώ, имя которой обычно производят от того же глагола καλύπτω 'покрывать, прятать и пр.' (Frisk, I, 768; там же мнение Гюнтерта о Калипсо, как о богине смерти; Chantraine, II, с. 488); уместно вспомнить также известную этимологию 'Αύδης (гом.) из &-Fü(-ā) с значением 'unsichtbar' resp. 'nicht anzusehen' (Frisk, I, 33 сл.).

18 Топоров В.Н. Указ. соч., с. 33 с ссылкой на Х. Оттена.

это детальное схождение опускает образ Кирки к глубочайшей архаике общеиндоевропейского периода; ср. также выше о пище, приготовленной для спутников Одиссея (Х, 234–235). Как и Баба-Яга, Кирка лесное существо, "хозяйка леса" и т.п. Можно указать еще на "подчеркнуто женскую физиологичность" в поведении Кирки (и Калипсо), омовение Одиссея в покоях, а его спутников в бане, первоначальный отказ Одиссея от пищи, предложенной Киркой, "переправа через Океан", ср. "огненную реку" русских сказок, "змееборство" Одиссея, например, в эпизоде с Скиллой и многое другое.

Во всяком случае сходство, как в содержательном, так и в конститутивном плане, между X песней Одиссеи и волшебной сказкой простирается настолько далеко, что эта песнь целиком может быть описана в терминах Проппа, как в предыдущем абзаце, с сохранением всей аргументации генетического порядка, постулирующей корни волшебной сказки в обряде инициации. Сверх того, если, по справедливому суждению В.Я. Проппа, в действительности единая композиционная схема волшебных сказок "реально не существует в той степени, в какой в мире вещей не существует общих понятий: они есть только в сознании людей"¹⁹, то в любом случае композиция и сюжет X, XI и начала XII песен "Одиссеи", видимо, в максимально возможной степени полно и непосредственно отражают детали инвариантной модели, конструируемой на основе множества славянских и западноевропейских сказок. В то же время это свидетельствует о чрезвычайной стойкости фольклорных (паралингвистических) структур.

L.A. Gindin

RITUALISTIC AND MYTHOLOGICAL MEANING
OF THE X BOOK OF "ODYSSEY"

The paper deals with several passages of "Odyssey" ("Coming to Circe", Book X; "Catabasis", "Nekyia", Book XI, "Returning to Circe", in the beginning of Book XII), reflecting the ritualistic and mythological conception of the initiation rite. The analysis of these passages gives the opportunity to conclude that the composition and the plot of "Odyssey" conserve the particulars of the invariant scheme more fully and explicitly than Slavic and West-European fairy tales.

¹⁹ Пропп В.Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки. – В кн. Пропп В.Я. Фольклор и действительность, с. 143.

КАТЕГОРИЯ ВИДИМОГО/НЕВИДИМОГО: БАЛКАНСКИЕ МАРГИНАЛИИ

В этой заметке приводятся балканские данные к категории видимого/невидимого, какой она представлена в двух работах В.В. Иванова, где на материале разных мифопоэтических традиций даются основные характеристики этой категории в общесемиотическом плане¹.

Категория видимого/невидимого рассматривается в аспекте ее соотношения с глазом=органом зрения. Очевидно, что здесь имеет место импликация глаз → видимое/невидимое, т.е. способность видеть обеспечивается наличием глаза, а не видеть – его отсутствием или дефектами (таким же образом можно выделить и другие отношения, связанные с пятью человеческими чувствами, например, ухо → слышимое/неслышимое и т.д.). Столь простое на первый взгляд отношение глаз → видимое/невидимое в реальном воплощении оказывается весьма сложным и многовариантным. Как и в других семиотических оппозициях и отношениях, на уровне реализации происходят отклонения и нарушения правил, хотя они не только не опровергают, но, напротив, своей свободой гарантируют большую прочность исходного постулата.

Наличие глаза еще не обозначает наличие зрения (слепой глаз или вообще особый глаз)² а его отсутствие – отсутствие зрения (ср. внутреннее зрение или вообще особое зре-

¹ Иванов В.В. Об одной параллели к гоголевскому Вию. – Труды по знаковым системам 5. Тарту, 1971; Он же. Категория "видимого" и "невидимого" в тексте: еще раз о восточнославянских параллелях к гоголевскому "Вию". – Structure of texts and semiotics of culture. The Hague – Paris, 1973. См. также: Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, passim.

² См. еще "метафорические глаза" в загадках типа "Глаза есть, а не видит; что это?", разобранных в кн.: Königäss-Maranda E., Maranda P. Structural models in folklore and transformational analysis. The Hague – Paris, 1971, с. 78–79. – Речь идет о метафорическом использовании слова глаз (по-русски, например, *дверной глазок*, *глазок картофеля*, *глаза яичницы* и т.д.), приводящем к многозначности и признанию существования такого особыго глаза, что он обладает способностью "не-видения".

ние)³. К этому присоединяется относительность слепоты⁴: она может быть временной (здесь существен не столько мотив лишения глаз и их возвращения, сколько мотив видения в отмеченный момент, см. Вия и аналогичные примеры); она может зависеть от особых условий, в частности от субъекта и объекта видения. Видимое для одного может быть невидимым для другого, - в этом проявляется непривативность оппозиции. Слепота принадлежит миру мертвых⁵, более того мертвые и живые не видят друг друга, и одним из условий обоядного видения является смотрение друг другу в глаза (причина гибели Хомы Брута, посмотревшего на Вия; ср. на бытовом уровне избегание взгляда, чтобы оставаться незамеченным и обратный способ, - чтобы привлечь внимание). Эти особенности отношения глаз → видимое/невидимое приводят к выделению особого глаза, как материального воплощения зрения, обладающего в связи с этим чудесными свойствами изменения, мультилипирования и т.д., и особого зрения, которое может существовать независимо от глаза.

³ См. сложную связь зрения и слепоты в мотиве зеркала = слепого глаза, обладающего способностью отражения зрительных образов и аккумулирующего в себе видимое, ср. у Ходасевича ("Слепой"):

А на бельмах у слепого
Целый мир отображен:
Дом, лужок, забор, корова,
Ключья неба голубого -
Все, ч е г о н е в и д и т о н .

⁴ К относительности слепоты см. одно из названий Млечного пути в румынском фольклоре: *Calea orbilor* 'Дорога слепых', со слабыми содержательными мотивировками (единственное, что видят слепые; дорога, по которой они идут в рай), см.: *Muşlea I., Bîrlea O. Tipologia folclorului. Bucureşti, 1971*, с. 136 (далее - *Tipologia*). К связи Вий - вить ср. отдаленно албанский мифологический персонаж *vitore* (одно из значений - змей, производящий золото, или змей, хранитель домашнего очага), которого Э. Чабей возводит к *vej* 'ткать' (*vitore* < *vejtore* < *< vegj < vej*): *Çabej E. Studime rrëth etimologjisë së gjuhës shqipe XXV. - Stud. filol. XXI, 1967, N 2, c. 15.*

⁵ См. в связи с этим проницательный анализ П. Тиме, установившего связь д.-гр. ἄνθει - = *n̥-t̥-ē - с и.-е. *n̥-wid- 'nicht sehend', 'nicht sichtbar' (*Thieme P. Studien zur indogermanische Wortkunde und Religionsgeschichte. Berlin, 1952*, с. 40-42). Отсутствие в и.-е. *n̥-wid- залогового противопоставления позволяет описывать д.-гр. Аид - нижний мир, царство мертвых, бог нижнего мира - двумя различительными признаками: не видящий, т.е. слепой, и невидимый, имеющий в свою очередь два смысла, 1) недоступный видению представителей иного, верхнего мира и 2) не имеющий вида, формы, "безвидный", соответствующий хаосу (ср. библ. "и земля была безвидна").

Этим трем чертам (описывающим Вия), т.е. 1) видению в отмеченные моменты, 2) обоюдному видению, 3) особому глазу и особому зрению и посвящены приводимые здесь балканские материалы.

1. Видение в отмеченные моменты

См. описание одного албанского сверхъестественного существа, представляющего собой разновидность дракона: "Bullari është një gjarpër i math e i trashë. Syt i ka të mbyllur dhe i hapën vetëm ditën e Shën Gjergjit edhe pët'a shëkujë nonjeri e ha. Po t'i kishte sytë hapur do të hante njerës.

Thuhet se ky gjarpër i hap sytë këtë ditë pse kur Shën Gjergji dilte për gja, ky gjarpër i dilte përpëra dhe donte t'a hante. Mirëpo Shën Gjergji, dyke ju lutur Zotit, e mallkoi gjarpënin dyke i thënë: "Rofsh gjithmonë qor dhe në ditën t'ime t'u hapshin sytë!"

Bullari gjer atëherë mbeti qor dhe kur-i hap sytë atë ditë i vjen të hajë të gjitha gjërat që gjen përpëra⁶.

'Булар - большой и толстый змей. Глаза у него закрыты и открываются только в день Св. Георгия, и если он кого-нибудь увидит, то съедает. Если бы у него глаза были открыты, от пожирал бы людей.'

Говорят, что этот змей открывает глаза в этот день потому, что когда Св. Георгий вышел охотиться, этот змей вышел ему навстречу и хотел его съесть. Но св. Георгий, помолившись Господу, проклял змея, говоря: "Живи всегда слепым, а в мой день пусть у тебя открываются глаза!"

Булар с тех пор стал слепым и когда открывает глаза в этот день, то ему приходится есть все, что попадется навстречу⁷.

По сравнению с "Вием" и аналогиями к нему, здесь отсутствует мотив особого способа раскрывания глаз, "несамостоятельного" раскрывания (правда, в качестве "раскрывателя", хотя и в несколько ином аспекте, выступает Св. Георгий)⁸; тем не менее существенным сходством представляется не только временное обретение зрения, но и использование его с теми же целями (связь со смертью, убиванием).

Булар - аналог Змея, противника Громовержца, выступает здесь как представитель иного мира, мира мертвых.

⁶ *Frashëri S.Th. Folklor shqiptar. v. 1. Durres, 1936, c. 69.* Bullar - вид рептилии (*pseudopus apus*).

⁷ Отолоски этого мотива см. в болгарской сказке "Байо и мома" (Шапкаров К.А. Сборник от болгарски народни умотворения, т. IV. София, 1973, с. 49): Байо - собственное имя чудовища. [Байо] отворил очите, како фйлджани. Далее следуют вопросы по типу "Красной шапочки" и среди них: - "Байо! што сё тиё очи на тёбе?!" - "Тие очи сва нош кя те пўляат!"

⁸ Ср. пословицы: *Отваряй си очите, да ги не отворят; Напи sytë, se t'i hapin.* - Икономов Н. Балканска народна мъдрост. София, 1968, № 1640.

2. Об ю д н о е . в й д е н и е

Оно также связано с контактом представителей двух миров или двух противоположных членов оппозиции - своего, положительного, и чужого, враждебного, приносящего гибель или вред. Необходимое условие контакта - смотрение друг другу в глаза. В бытовых поверьях это условие регулярно выступает при сглазе, т.е. воздействии "дурного глаза", см., например: *privirea lui trebuie să se întâlnească cu a celui pe care-l deoache (cel legat la ochi nu poate fi deochiat)* (*Tipologia*, с. 486) 'надо, чтобы его [человека с дурным глазом] взгляд встретился со взглядом того, кого он хочет сглазить'; *Syr'i tij ēshtē shum'i keq dhe s'duhet t'a shékosh ně sy* (*Frashëri S.Th.* Указ. соч., с. 71) 'глаз у него очень дурной, и нельзя смотреть ему в глаза'. С этим связаны многочисленные "зрительные запреты", с различием активного и пассивного действия - смотреть и видеть (т.е. с противопоставлением намеренности и случайности); обычно эти запреты связаны с отмеченными моментами жизненного цикла человека (рождение, свадьба, смерть), причем от "невольного видения" существуют специальные обереги, и оно наказывается менее строго.

Инвертированный мотив обоюдного видения - обоюдное невидение - см. в румынском поверье об условиях превращения обычных змей в драконов (*balaur*): *șarpele să nu fi fost văzut de nici un om timp de 7, 9, 15 sau și mai multă ani; sa nu fi văzut lumina soarelui sau sa nu fi fost văzut de ea* (*Tipologia*, с. 185) 'в дракона превращается змея, которую не видел ни один человек в течение 7, 9, 15 и более лет; если она не видела солнечного света и он не видел ее'⁹.

3. Особый глаз и особое зрение

Среди особых свойств глаза (цвет, форма, величина и т.п., ср. также в румынских поверьях густые брови как признак дурного глаза) весьма существенные количественные характеристики: при исходной парности, уменьшение их количества до одного (цикlopы) или увеличение до трех, четырех и т.п. (мультиплексия, в пределе приводящая к существу, целиком состоящему из глаз). Эта "избыточность зрения", отмеченная В.В. Ивановым в частности в связи с вариантом "Вия" ("В стороне стояло тонкое и длинное, как палка, состоявшее из одних только глаз с ресницами"), в одних случаях приводит к большим возможностям глаза¹⁰, а в других - к невидению (имеется в виду трансформация друг в друга мифов о зрении и слепоте, как это пока-

⁹ Ср.: *Popa A. Creaști. - Comoara satelor*, IV, 1926, N 1, с. 36: "Bălaurul se fac din șerpi, cari n'au fost văzuți de oameni timp de 7 ani".

¹⁰ Ср. у Мандельштама:

Что если Тасс и Ариосто,
Обворожающие нас,

Чудовища с лазурным мозгом
И чешуей из рыбьих глаз?

зано в исследования Я.Э. Голосовкера "Логика античного мифа").

В этом смысле примечательно, что слепой Бабе-Яге в албанском фольклоре соответствует четырехглазая *Syqenëza* (в ее имени присутствует слово 'глаз' *sy*), у которой два глаза спереди и два сзади. Примечательно и то, что в наиболее распространенном варианте соответствующей сказки лишние глаза нефункциональны — это сугубо номенклатурный признак, отличающий *Syqenëza* 'у от обыкновенной женщины: ...erdhi hje plake (е ајо ѕе syqëneza), që kish katrë sy, dy prapa dy rëpara, po vajza s'e njohu, se të dy të prapësmit i kish lidhurë me shami... (Pralla popullore shqiptare. Tirane, 1954, с. 37) '...пришла старуха (а она была сюкенеза), у которой было четыре глаза, два сзади, но девушка ее не узнала, потому что два задних глаза она завязала платком'. Соответствие ей у румын — оборотни *cărcăunii*, основной признак которых — расположение глаз спереди и сзади: глаз может быть два (на лбу и на затылке), три (два спереди и один на затылке), четыре и т.д. (*Tipologia*, с. 195-196, с мотивировкой: глаза на затылке видят и тогда, когда *cărcăunii* спят, ср. Аргуса и соотношение смерть —сон).

Парность глаз сама по себе заслуживает специального рассмотрения, поскольку в этом случае глаза могут трактоваться как близнецы¹¹ (это, среди прочего, находится в контексте другой большой темы, разработанной В.В. Ивановым, — близничного культа). Известно, что тождество близнецов предполагает в то же время и обязательность различия между ними. В отношении глаз это различие основано прежде всего на том, что глаза, видя одно и то же, не могут видеть друг друга (ср. распространенный тип загадок о глазах: "два брата, которые никогда не видят друг друга"). В мифологическом плане см. представление солнца и луны как глаз бога, с различными мотивировками того, почему они не могут встретиться и увидеть друг друга (см. также различные глаза — по цвету, по тому, что один плачет, другой смеется, — ср. частое клише в румынских заговорах: *unul ride și altul plânge*, — и т.д.).

К особым свойствам глаза следует отнести и сверхъестественную силу взгляда, способного убить или во всяком случае нанести вред. Уже было показано, что и временное и обоюдное видение связаны с убийством. Можно представить далее, что этот способ убийства связан с мотивом поединка Громовержца и его противника Змея, причем испепеляющий взгляд, глаза, мечущие молнии могут относиться и к тому и к другому (о мене признаков между Громовержцем и Змеем в свое время писали В.В. Иванов и В.Н. Топоров), см. к этому предположение о связи греческого бράχιον с глаголом δέρκομαι 'смотреть, глядеть'¹², с широким

¹¹ См.: *Riemenschneider M. Augengott und heilige Hochzeit.* Leipzig, 1953. "Die Zwillinge als Augengott" et passim.

¹² См.: *Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch.* Bd. 1. Heidelberg, 1954, с. 414.

кругом употребления (в частности в связи с убийственным взглядом Горгоны, *бεινδού бέρκομένη*). Нельзя ли предполагать в *Vie* связи с *видеть*, хотя бы по звуковому сходству?

Сверхъестественная сила взгляда в определенном смысле относится к теме *осо б о г о зре н и я*, которое также может быть рассмотрено в разных аспектах. Это прежде всего избыточность зрения (см. выше), манифестирующаяся, например, в необыкновенной зоркости чудесных помощников в сказке, способности видеть в темноте, через препятствия (см. к этому "на три аршина в землю видит"), и т.д. Однако более существен принципиально иной вид зрения - то, что можно назвать *внутренним зрением*, связанным прежде всего с особым *знанием* (прорицаниями)¹³ и с творчеством. Такого рода внутреннее зрение предполагает внешнюю слепоту. К известному мотиву слепого пророка и слепого певца см. недавно исследованный В.Н. Топоровым преимущественно на балканском материале комплекс *мышь - слепота* в связи с каноническим *Музы = творчество - слепота*¹⁴. К многочисленным примерам, приводимым автором (с. 58 сл.), см. отдаленное отражение сходных мотивов в албанской сказке "*Fyelli në dardhë*" (*Folklor shqiptar. Proza popullore. v. II. Tirane, 1954, № 127*): Оры (предсказательницы судьбы) похищают у старика глаза. Юноша, играя на дудочке, привлекает своей игрой Ор, вынуждает их отдать глаза, спрятанные в дереве и указать способ возвращения зрения (см. мотив игры на музыкальном инструменте в связи с Музами - мышами)¹⁵.

Мотив *внутреннее зрение=знание* (значение, совмещенное в д.-гр. *οἶδα*) приводит к теме преимущества внутреннего зрения перед внешним и отсюда - к преимуществу слепоты. К мотиву "слепота как наказание за проступок, компенсируемое обретением знания" см. на уровне сказочных сюжетов AT 613 II: *The blinded [by his companion] man overhears a meeting of spirits of (b) animals and learns valuable secrets*¹⁶. Следующий шаг - внешнее зрение как помеха внутреннему зрению=знанию, и здесь наиболее яр-

¹³ В русском прорицатель, предсказатель отражен способ сооб щ е н и я информации, в то время как в пр о видец - способ ее п олучения.

¹⁴ Топоров В.Н. *Музы*: соображения об имени и предыстории образа (к оценке фракийского клада). - Славянское и балканское языкоизнание. Античная балкарнистика и сравнительная грамматика. М. 1977.

¹⁵ О внутреннем зрении в связи с поэтическим творчеством см.: Цивьян Т.В. *Tecnica della visione nell "Infinito" di Leopardi*. - Belfagor, 1978, N 6.

¹⁶ Ср. другой сюжет, где закрывание глаз ("намеренная слепота") приводит к "отказу от знания", AT 947 A (отмечено в итальянской, сербохорватской, новогреческой и турецкой традиции): *Bad Luck Cannot be Arrested: Rich man leaves money for poor, but latter closes eyes and fails to see it.*

кий пример - "Царь Эдип", где отношение слепота → внутреннее зрение/знание впервые доведено до эксплицитного выражения: пока Эдип обладает внешним зрением, он слеп внутренне, т.е. не обладает знанием (которое есть у слепого Тиресия). Обретя знание, он ослепляет себя, осознав слепоту условием истинного знания и, в частности, само-познания¹⁷.

Выходя из архетипа, тема внутреннего зрения=знания продолжается в философии и в обосновании специфики поэтического творчества. Тема эта слишком обширна и глубока для небольшой заметки, которая заключается отрывком из стихотворения В. Соловьева, где эти линии сливаются:

...всё видимое нами -
Только отблеск, только тени
От незримого очами . . .

T. V. *Civ'iane*

CATEGORIE DE *VISIBLE/INVISIBLE*:
MARGINAUX BALKANIQUES

On s'est proposé de présenter des notes marginales à l'analyse de cette catégorie faite par V.V. Ivanov. Vu l'implication *oeil* → *visible/invisible*, trois motifs sont examinés: 1) *vision temporaire* (*vision "des moments marqués"*); 2) *vision réciproque* (*vision "des regards croisés"*); 3) *oeil particulier* (*les propriétés surnaturelles de l'oeil: multiplication, deux yeux=jumeaux; force magique du regard etc.*) et *vision particulière* (*vision interne=savoir, création poétique liée avec la cécité etc.*). Le matériel illustratif est fourni par la tradition mythopoétique balkanique.

¹⁷ См.: Топоров В.Н. О структуре "Царя Эдипа" Софокла. - Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточно-нославянские параллели и структура балканского текста. М., 1977.

Т. Н. СВЕШНИКОВА
ВОЛКИ-ОБОРОТНИ У РУМЫН

В задачу данной работы входит описание следующих фольклорно-мифологических существ, обладающих рядом присущих волку (с обаке) признаков и наделенных способностью превращаться в волка или собаку: *bosorcoi*, *cărcăuni*, *moroi*, *pricolici*, *strigoi*, *vîrcoaci*.

Культ волка существовал в древности у различных народностей и, в том числе, у даков¹. Следы этого культа, как можно видеть на примере собранного нами достаточно большого и разнообразного фольклорного материала, до сих пор сохранились на территории современной Румынии. Поэтому синхронный анализ этого материала может оказаться достаточно интересным².

Далее приводятся некоторые данные о каждом из упомянутых выше волков-оборотней.

* * *

Анализ фольклорного материала приводит к мысли о том, что волк относится к числу зверей, связанных с нечистой силой. Ср., например, заговор от колик (*de strâns*), в котором волк и черт встречаются в одном контексте и выполняют одну и ту же функцию: А

¹ Культу волка у даков посвящена, в частности, работа: *Eliade M. Les Daces et les loups.* - *Numen*, 1959, VI, № 1, p. 15-31; ср. также: *Vulcănescu R. Măștile populare. București*, 1970, c. 123; *Burkhardt D. Vampirglau-be und Vampirsage auf dem Balkan. - Beiträge zur Südosteuropa-Forschung. München*, 1966, S. 211-252; из последних работ, посвященных культу волка, см.: *Иванов Вяч. Вс. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка.* - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. 34, № 5, с. 399-408; *Он же. К балкано-балто-славяно-кавказским параллелям.* - *Балканский лингвистический сборник*. М., 1977, с. 143-164; *Он же. Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое-убийце Пса и евразийские параллели.* - *Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели и структура балканского текста*. М., 1977, с. 181-213.

² Ср. замечание М. Элиаде в упомянутой работе (с. 31): "Nous ne pensons pas seulement à la croyance aux loups-garous, mais aussi à certaines coutumes et, surtout, au folklore des loups... Tout une étude reste à faire sur l'ensemble de ces coutumes et croyances archaïques survivant dans la zone balkano-carpathique".

plecat (x) marți dimineața, /Gras și frumos, /Pe cale,
pe cărare; / La capătul podului: / Lupu cu lupoaică, /
Dracu cu drăcoaică, / Sanca cu săncoiu; / În lături de
drum 1-o dat, / Carnea le-o mosorcat, / Ochii i-o împain-
jânit, / Fața i-o îngălbenit (Folc. Mold., I, 203). Черт
нередко принимает облик волка; ср.: 'Черт является
людям в виде козла, волка, черной собаки и³ или черной кошки'⁴ (Candrea, 111); ср.
также: 'Черт может превращаться в собаку (câine,
ogar, sărău, cotei, cățel, cățeluș); в диких зверей: лису⁵,
волка, медведя⁶, обезьяну' (Mușlea, Bîrlea, 163,
164). Волк (или собака) может быть вместе с чертом ос-
новным действующим лицом многих заговоров. Ср., например,
марамурешский заговор, где черти и охотничьи

³ Известно, что собака нередко отождествляется с
волком (ср., например: Иванов Вяч. Вс. Реконструк-
ция..., с. 399); это подтверждают и румынские данные:
'Про волка говорят, что он пес Св. Петра' (Gor.,
№ 1964); ср. также: *Lupk'i sunt căini lui Sfîn-K'jetru*
(Stoian, 330, CXCIХ) 'Волки - собаки Св. Петра'.

⁴ Отметим, что образ черного зверя является амбивалент-
ным. Чаще всего он характеризуется признаком *отрица-
тельный*, хотя, в то же время, почитается за благо дер-
жать в доме черную собаку, черную
кошку или черную курицу, потому что
они защищают от колдовства (*farmece*) (Voronca, 466;
Candrea, 180).

⁵ Лиса и волк, по-видимому, тесно связаны. Так,
например, в новогодних играх волчья маски
нередко заменяются лисьими (см.: *Vulcănescu R.
Măștile populare*. București, 1970, с. 123); ср. также
заговор от нарява (*di dalap*), где волк и лиса
выполняют одинаковые функции: Am plecat pi luñsili cu
lupk'i și cu žderi, / M-a-ntâlnit h'ulpja:/Dat-a cu co-
ada, dalap luat-a;/Dat-a cu păru, dalap luat-a./M-a-
ntâlnit lupu:/Dat-a cu păru, dalap luat-a;/Dat-a cu
limba, dalap luat-a (Diaconu, II, CMIII) досл.: 'Пошел
я по лугам с волками и куницами, / Встретила меня ли-
са; / Хвостом махнула, нарыв взяла; / Шерстью встряхнула,
нарыв взяла. / Встретил меня волк: / Шерстью встряхнул,
нарыв взял; / Языком лизнул, нарыв взял'. Отметим, что
встряхивание шерстью играет важную роль в магической
практике; считается, что если животное (собака или кош-
ка, на которых выливают воду, оставшуюся после маги-
ческого действия), отряхнется, 'оно возьмет с собой
сглаз' (*el ia cu dânsul deochiul*). Выливая воду на жи-
вотное, женщина, которая лечит заговором (*descântăto-
area*), говорит: Când s'o mai deochia măța și câinele,
/Atunci să se mai deoache (cutare), /Atunci și nici
atunci (Candrea, 196) досл.: 'Когда еще раз забо-
леет от сглаза кошка и собака, / Тогда пусть еще
раз заболеет от сглаза (имярек), / Тогда и только
тогда'.

п с ы выполняют одну и ту же функцию людоеда и вампира и имеют внешнее сходство:

Să luară pă cale, pă carare
Nouă cară,
Nouă ogără,
Rînk' edzân și hohotin,
Cu codzile lat'e,
Cu păru 'ntors pă spat'e,
Cu ok'ii zgăiț,
Cu dintăi hlizăi...
- Und'e mereț, voi,
Nouă cară,
Nouă ogără,
Cu ok'ii zgăiț,
Cu d'ințăi hlizăi?
- N'e dučem în lume,
Păstă lume,
Und'e om afla om anume,

Sângele să i-l bem,
Carnea să i-o mîncăm.

(Papăh., 144)

Пошли по пути, по дороге
Девять дьяволов,
Девять псов,
С ржаньем и хохотом,
Распушив хвосты,
Вздыбив шерсть на спине.,
С выпущенными глазами,
С оскаленными зубами...
- Куда идете вы,
Девять дьяволов,
Девять псов,
С выпущенными глазами,
С оскаленными зубами?
- А идем мы по свету,
Через [весь] свет,
Там найдем мы одного че-
ловека,
Кровь у него выпьем,
Плоть его уничтожим.

На связь волка и черта указывают также легенды о происхождении волка. Он был 'створен чертом с согласия Бога' (Ciaușanu, 334-335); 'черт создал волка и насекомых; когда Бог попросил дьявола сотворить какое-нибудь существо, дьявол создал волка, но так как волк слишком велик, он его подпилил, при этом из опилок произошли зловредные насекомые' (Mușlea, Bîrlea, 542). Несмотря на это, черт боится волка;ср.: 'В ночь Крещения Господня черти особенно боятся волков, чтобы те их не съели' (Mușlea, Bîrlea, 173).

* * *

Прежде, чем перейти к описанию различных видов оборотней, отметим, что люди представляют себе черта 'с головой собаки; в виде собаки, стоящей на задних лапах; с кистями рук и ступнями, как у человека, хвостом, ушами, длинными когтями, продолговатой мордой, большой красной пастью, головой с рогами' (Mușlea, Bîrlea, 166, 167).

Теми же признаками наделены и собаки-бротни, - так называемые *cârcăunii*⁶. Это 'люди с собачьей головой', 'похожие на собаку'; это 'получеловек',

⁶ Связь волка и медведя хорошо известна; ср., в частности: Но, *Lupilă*, /haiť, Ursilă, /tʃine, drăse, de roțilă (Bîrlea, III, 19); где существенно появление в одном контексте волка, медведя и черта.

⁷ Ср. другие варианты этой лексемы: *căcăun(e)*, *căcăun* (sg.); *cârcăni* (pl.) (Candrea-Adamescu, 214); *capcân*, *cârcăun* (Şăineanu, 100); *cârcăun(e)* (Tiktin, 282); *capcăne(e)*, *harcăn* (Cior., 137); ср. также: *мегленорум*.

полусобака'. *Cărcăuni* - существа 'с двумя головами, из которых одна - собачья, с двумя мордами, из которых одна - собачья'. Пасть у них - на затылке; у них 'две пасти, из которых одна, - как у собаки'; у них 'собачья морда на затылке' (см.: Mușlea, Bîrlea, 195). По некоторым данным, *cărcăun* имеет четыре глаза, расположенные на затылке (Cior., 137).

Для этих чудовищ особенно характерны черты каннибализма. Ср., например, следующее описание в словаре *Candrea-Adamescu*, с. 214: у чудовища две головы и два рта; одним ртом оно 'заглатывает целиком детей или большие куски человеческого мяса, с костями, со всем, а из другого выплевывает кости'. Ср. также следующий рассказ о собаках-оборотнях: *Am auzit spuiind pă bătrâni c-o fost cărcăun* 6-o foz mîncând șamjini (Petrovici, 140), досл.: 'Я слышал, как старики говорили, что были *cărcăun* и что они будто бы пожирали людей'. В другом описании это свойство выражено еще более отчетливо: *Cărcăuni*. *Mănîncă uameni. Kiar prindeă băieți. Îi crestia, i-ingrașă, și-i tăiau și-i mîncău.* (Petrovici, 230) досл.: 'Поедают людей. Даже мальчиков ловили. Выращивали их, выкармливали и съедали'.

* * *

Некоторые оборотни тесно связаны с погребальным обрядом и культом умерших. Сюда, прежде всего, относятся так называемые *pricolici*⁸. При описании этого вида оборотней

capdicîne (Cior., 137); арум. *cap-di-cîne* (sg.m.), *cap-di-cîni*, *cap-di-cî'neanî* (pl.) (Papah. D., 245); ср. также прилагательное *cătăinesc* (Rosetti, 52) в слово-сочетании *soare cătăinesc*; в этой связи ср. также заговор от солнечного удара (*d'e soare săc*), где солнце характеризуется прилагательными 'собачий', 'волчий', 'медвежий': *Soafe cănesc*, /*Soafe porcesc*, / *Soafe lupesc*, / *Soafe urșesc* (Folc. Olt. Munt., I, 334); этиология этой лексемы возводится к греч. *kynokephaloi* или *cynocephali* (Candrea-Adamescu, 214; řaineanu, 100; Cioranescu, 137); по мнению Тиктина лексема имеет народную этимологию (Tiktin, 282). Считается, что поверие об этих чудовищах распространилось под влиянием 'Александрии' (см., в частности: Rosetti Al., *Ca-zaci B., Onu L. Istoria limbii române literare*. Вису-rești, 1971, с. 214-230, где указывается, в частности, что перевод этого народного романа на румынский язык датируется 1620 г.). В 'Александрии' рассказывается о том, что Александр Македонский дошел до страны, где жили 'люди, у которых спереди было лицо человека и го-вороило оно по-человечески, а сзади - собачья морда, ко-торая лаяла по собачьи' (Candrea-Adamescu, 214; řaineanu, 100).

⁸ Ср. варианты этой лексемы: *pricoli'ciu*; *priculi'ciu*; *precoli'ciu*; *pricolic*; *tricoli'ciu* (Tiktin, III, 1251; Candrea-Adamescu, 1000; řaineanu, 510); *pricul'is* (Gr. Port. de Fier, 300).

выделяются следующие признаки: 1) *Pricolici* - м е р т - в е ц, вышедший из могилы в образе волка или собаки (Candrea - Adamescu, 1000); ср. также: *pricolici* - мертвец, который превращается в дикого зверя, особенно, в о л к а (Şaineanu, 510); 2) это - ж и в о й ч е л о в е к, ко-торый становится в о л к о м, а затем снова превращает-ся в ч е л о в е к а. Ср., например, следующий текст, в котором отражены все перечисленные выше трансформации: *Uomu viu să dúsé și fáse lípsa mícă/si să tavále-n áia⁹/ si pí-urta s fá se lup // lup să fá se, si să dúsé / Чомуàră více / uoi/... si pe-ðma i a g s à fá se uom* (Gr. Port. de Fier, 300-301); ср. также: *pricolici* - это ч е л о в е к, превратившийся в в о л к а (Tiktin, III, 1251); это ч е л о в е к, пре-вратившийся в с о б а к у (Gor., № 3279); 3) д у ш а мертвого человека принимает вид о б о р o т n я; ср., например, поверье, согласно которому д у ш и умерших людей день или ночь спустя после смерти превращаются в *pricolici*, приняв облик с о б а к и, которой люди боят-ся, как д ъ я в о л а; затем *pricolici* снова становится человеком и тотчас же воскресает (Muşlea, Bîrlea, 238); 4) *pricolici* - ч о р т, превратившийся в с о б а к у или к о ш к у (Muşlea, Bîrlea, 237); 5) один оборотень (*pricolici*) превращается в другого (*strigoï*), а этот по-следний становится с о б а к о й или в о л к о м (Muşlea, Bîrlea, 239); 6) *pricolici* - з в е р ь в образе ч е л о в е к а или п с а; это с о б а к а (Muşlea, Bîrlea, 237); ср. также: *tricolici* - дикие звери, злые духи, которые произошли от в о л к о в, съевших че-ловека (Gor., № 3776; Candrea-Adamescu, 1333); 7) *prico-lici* - это человек с хвостом, 'из числа незаконнорожден-ных', наделенный 'дьявольской способностью' 'превращать-ся в в о л к а (Muşlea, Bîrlea, 237); ср., однако, по-верье, согласно которому незаконный ребенок, напротив, должен остерегаться волков (Gor., № 1984).

Этот вид оборотня тесно связан с близнецным культом. Так, считается, что 'из девяти братьев, родившихся в один и тот же месяц, девятый брат - *pricolici'* (Gor., № 3278). В этой связи чрезвычайно интересно поверье, по которому, у в о л ч и ц ы рождается девять детенышей, причем д е в я т ы й детеныш - р и с ь: *Sâ vorbësti la noi că rîst sănt fătat, dî lupuâica. Cî lupuâica ar nouâ rui, nouâ cătai, al nouâlegă iestî rîs* (Petrovici, 209) 'Говорят у нас, что р и с ы рождены от волчицы. Когда у вол-чицы девять детенышей, девять волчат, девятый [из них] - р и с ы¹⁰.

⁹ Ср. в этой связи поверье о том, что в *pricolici* пре-вращается человек, который 'случайно выпил волчьи мо-чу' (*a băut din întimplare uidul lupului*) (Muşlea, Bîr-lea, 239).

¹⁰ О связи р и с ы с оборотнями и некоторыми другими зло-козненными существами свидетельствует следующий за-говор от сглаза: *Fugi, deochitorule, cu deochitoarea,*

Отметим еще одно поверье, согласно которому *pricolici* происходит от нарушения запрета на брачные отношения между отцом и дочерью или матерью и сыном. Став большим, он убегает от своих близких; бежит он до тех пор, пока не почувствует себя в полном одиночестве; тогда он 'три раза переворачивается через голову' (*se dă de trei ori peste cap*), превращается в волка-собаку или другого дикого зверя и в бешестве¹¹ разрывает на куски всех, кто встречается на его пути, - 'даже своих'. Это наказание суждено ему, до тех пор пока он жив (*Mușlea, Bîrlea*, 238).

Отметим также, что в определенной ситуации *pricolici* может быть главой волчьей стаи: встретив в поле нескольких волков, он становится их предводителем, помогает им найти добычу, распределяет ее между членами стаи (*Mușlea, Bîrlea*, 242)¹².

Как и другие оборотни, *pricolici* наделен свойствами вампира;ср., например: *Au în cale te-a eșit Pricolic afurisit, / Lup de singe însetat?* (*Tiktin*, III, 1251) досл.: 'Или на пути встретился тебе проклятый Приколик, / Волк, крови жаждущий?' С этим свойством связано следующее интересное поверье: если кто-нибудь ударит оборотня, так что появится кровь, и он сам эту кровь высосет, он снова станет человеком; при этом следы раны остаются (*Mușlea, Birlea*, 241). Ср. также: *pricolici*, укушенный до крови собакой, превращается в человека, на теле которого продолжает расти шерсть (*Mușlea, Bîrlea*, 241).

Внешний облик *pricolici*: у него обязательно должен быть хвост, шерсть, как у волка; когти. Он похож на со-

/Fugi, moroioile, cu moroaica, /Fugi, leule, cu leoai-ca, /Fugi, muta pădurii, / Răsu pădurii... (Folc. Olt. Munt., III, 559); ср. также: *Čică răsu ăsta, hincă-i iče-aşa unde rîde ca și omu, o ăi făcut din pricolic... Iel îndeamnă pă lupk'j să sară la g'ite, la orče* (*Istrăt.*, CXXXVI) 'Говорят, что эта рись, - ее так называют потому, что она смеется, как человек, - будто бы произошла от оборотня... Она побуждает волков набрасываться на скот, на что угодно'.

¹¹ Существует тесная связь между волком и бешеным; ср., например: 'Все старые волки умирают от бешенства' (*Gor.*, № 1965); ср. также: 'Только орлы долетают до бешеного ветра (*vîntul turbat*), но и они падают замертво. Если их съест собака, волк, они взбесятся. Орлы приносят бешенство на землю' (*Mușlea, Bîrlea*, 144); ср. также заговор от сглаза: *Să-iiasă ochii din cap, /Ca la lupu cel turbat* (*I. Bîrlea*, 338) 'Пусть у нее вылезут глаза на лоб, / Как у бешеного волка'; ср. также заговор от нарывов (*di trimăs*): *Tu să ieș, trimăs, di la.../Să ti fașă - un lup turbat...* (*Diaconu*, II, CVXVII) 'Выди, порча, из (имя-речек)... / Стань бешеным волком'.

¹² Характерно, что теми же свойствами обладают Св. Петр, Св. Андрей и Св. Николай (ср. *Mușlea, Bîrlea*, 381-382; 407; 409).

баку с острой мордой, длинными ушами; передние лапы длиннее задних (по некоторым описаниям, напротив, задние лапы длиннее передних); у него седая холка, которую он взъерошивает, как гиена. Одна половина тела похожа на человеческую, другая, покрытая шерстью, - на собачью, бычью, медвежью, барсучью и т.д. (*Muşlea, Bîrlea*, 240). *Pricolici* может иметь вид большой черной собаки с белой грудью; белого волка с длинным хвостом (*Muşlea, Bîrlea*, 240).

* * *

К волкам-оборотням относятся и так называемые *vîrcolacii*¹³. Это фантастические животные, разновидность человека-волка, которые, по народным поверьям, происходят от ребенка, 'умершего некрещеным' (*Candrea-Adamescu*, 1435; *Tiktin*, III, 1752); ср. также: *vîrcolacii* имеют вид обычных животных или животных фантастических: собак или щенков, охотничьих псов; волков (*Muşlea, Bîrlea*, 227)¹⁴.

В вырколаков могут превращаться также души умерших людей. Ср., например: Cînd mor unii oameni, s u f-1 e t u l l o r nu se duce în cer, ci se face vîrcolac, luînd forma lupului (*Muşlea, Bîrlea*, 228) 'Когда умирают некоторые люди, их душа не улетает на небо, а становится вырколаком, приняв облик волка'; ср. также: *vîrcolacii* это души злых людей, проклятых Богом, которые превращаются в собак (*Muşlea, Bîrlea*, 228).

Эти оборотни особенно тесно связаны с луной и солнцем; согласно некоторым поверьям, они живут на луне, на небе; считается, что радуга - *vîrcolac*, который приходит пить, когда идет дождь (*Muşlea, Bîrlea*, 227-228; 151). Солнечные и лунные затмения объясняются злокозненными действиями вырколаков, которые поедают солнце и луну, откусывая, отрывая или отщипывая от них куски; при этом луна и солнце обагряются кровью; но, так как вырколаки едят медленно, луна и солнце успевают вырасти снова; иногда они восстанавливаются из кусочков и крошек, которые падают у оборотней изо рта (*Muşlea, Bîrlea*, 130-131). Затмения происходят и потому, что вырколаки усаживаются на солнечный или лунный диск (*Muşlea, Bîrlea*, 130)¹⁵.

¹³ Варианты этой лексемы: *vîrgolac* (*Tiktin*, III, 1752); *zvîrcolacii* (pl.) (Gor., № 1932); арум.: *vîrcolac*; *vurcölac*; *vurcülac* (*Papah. D.*, 1116, 1126).

¹⁴ Взгляд вырколака обладает необыкновенной силой; ср., в частности, текст заговора от сглаза (*de deochi*): De l-o deochiet /Femeie curată, necurată, /Cu ochii de vîrcolac... (*I. Bîrlea*, III, 339) 'Если ее сглазила /Женщина чистая, нечистая, /С глазами вырколака...'.

¹⁵ Ср. любопытную форму: *vîrgolună* "luna cu vîrcolacii" 'луна с вырколаками' (*vîrcolac* + *lună*) (*Rosetti*, 84); ср. также следующее поверье: Atunci când rămâne luna mînitîte, o mânâncă vîrcolac (*Muşlea*, 222, CCCXL) досл.: 'Когда луна убывает, ее поедает вырколак'.

Чтобы освободить луну и солнце от вырколаков, люди звонят в церковные колокола, стреляют из ружей, гремят ведрами, подносами, медными или чугунными сосудами, трехножниками, бьют в барабан, кричат, щелкают кнутом¹⁶. При этом особую власть над вырколаками имеют люди, родившиеся в субботу (*Mușlea, Bîrlea*, 131).

Отметим, что, когда вырколаки в образе собак поедают луну, они находятся под особым покровительством Св. Петра (*Mușlea, Bîrlea*, 385).

* * *

*Bosorcoi*¹⁷ – вид оборотня, который встречается, преимущественно, в фольклорных текстах Трансильвании¹⁸. Этимология этого слова восходит к венгерскому *bosszorkány* 'Нексе, Nachtgespenst' (*Tamás*, 144; *Candrea-Adamescu*, 164; DLR, 625).

Босоркоем становится: 1) ребенок, родившийся в сорочке (*beșică*); 2) взрослый человек (ср.: *Bosorcăile îs din oameni* досл.: Босоркои – из людей') (*Mușlea*, 216, CCCXII); 3) мертвец; ср. в этой связи описание одного из способов защиты от этого типа оборотней: 'Когда закапываешь его [мертвеца], положи ему чеснок в рот¹⁹ и положи его в гроб лицом вниз' (*Mușlea*, 216, CCCXIII).

Одним из внешних признаков босоркоя является хвост, который располагается на туловище, на голове или за ухом. Босоркои могут иметь облик зайца, собаки, волка, рыбы, птицы (DLR, 625; *Mușlea*, 142). Ин-

¹⁶ Кроме того, соблюдается ряд запретов на домашнюю работу; ср., например: *Nu-i bine să torci pe lună, că o mânâncă zvârcolacii* (*Gor.*, № 1932) досл.: 'Нехорошо прятать при луне, не то съедят ее оборотни'.

¹⁷ Ср. также: *bosorcoi* (DLR, 625); *borsocói*; *bosorcán* (*Tamás*, 144); *bosorcăie* (*Candrea-Adamescu*, 164; *Tamás*, 144; DLR, 625); *bosorcă* (*Tamás*, 144; DLR, 625); *bosorcăie*; *borsocăie*; *borsocane*; *bortsokană* (*Tamás*, 144); *bosarcăi* (*Mușlea*, 142); *bursucăii* (*Tamás*, 144); басуркані (Богатырев, 243); ср. также прилагательное и глагол того же корня: *borsocös*; *a bosurca* (*Tamás*, 144).

¹⁸ Материал, используемый в данном разделе, почерпнут, главным образом, в работе: *Mușlea I. Cercetări folklorice în țara Oașului. - Anuarul arhivei de folklor. I. Cluj, 1932, c. 117-237.*

¹⁹ Чеснок – также одно из средств защиты от волка. Ср.: *În ziua de Blagoveștenie tăte ţigăniile și tăț zermiile din pămînt; dăpoi pântru asta tăt omu treabă a' mpu-pă cu ai pă la gražduri, la staul, la căști, la tăte* (*Papah.*, 161, DXI) 'В день Благовещения все дикие звери и все черви выходят из-под земли; поэтому каждый человек должен смазать чесноком конюшни, хлев, дом, всюду'.

тересно, что обычно повивальная бабка определяет, в какого зверя должен превратиться ребенок, родившийся в сорочке (Mușlea, 150)²⁰ Ср.: *Ieste bosorcoi pe lupchi, pe pesti, altu-i pe danț, pe hie ce lucru* (Mușlea, 216) досл.: 'Существуют босоркои для волков, рыб, иные - для танца, для какой угодно вещи'. Ср. также: *Sânt bosorcăi pe lupchi, pe câni, pe vânt*. Care-s pe lupchi, odată și uieră să face lup. Care-i pe vînt, îmblă pe vânturi, pe sus (Mușlea, 216, CCCXII) досл.: 'Есть босоркои для волков, собак, для ветра. Те, что для волков, как свистнут, тут же станут волком. Те, что для ветра, бродят по ветрам, поверху'.

Как и *pricolici*, босоркой наделен свойствами вампира. Он 'сосет кровь из человека' или скотины. Кроме того, босоркой пытается пронзить человека или скотину стрелой (Mușlea, 215). Этим объясняется магическое действие, при котором повитуха кладет ребенка, родившегося в сорочке, около топора и грозит ему, что если он попытается пронзить стрелой человека или скотину, то она перережет ему горло (Mușlea, 150). Кроме того, босоркой отбирают молоко у коров. Ср., например, следующую формулу заговора: *Aşa să vie laptele la vacă, cum vin stelele pe ceriu și cum vine roua noaptea, să nu-l poată opri bosorcările* (DLR, 625) досл.: 'Пусть вернется молоко к корове, как возвращаются звезды на небо и как приходит роса ночью, пусть не мешают этому босоркому'. Ср. также быличку: *În noaptea de Sîn-Îjorž îmblă și bosarcăi, că moșu mn'eu. le-o vădzut într'o noapte, cînd o zin'it în grazd bosarcăile; el o audzit d'in pod cînd bosarcăile qîcea: „și d'e la asta [vacă] un pk'ic [de lapte], fi d'e la asta un pk'ic"* (Papah., 161, Д XII). Ср., также, следующий заговор, который произносится для того, чтобы у коровы снова появилось молоко: *S-o întîlnit cu Petru, Sînpetru, / Răgind și buncăluind. / Sînpetru o întrebăt: / Tu, vacă, ce regesti, ce buncăluști? / Cum focu n-oi răgi, / Cum focu n-oi buncălui: / Pulpă mi-o strîcat, / Vițelu l-o bosurcat, / Mana mi-o luat* (I. Bîrlea, II, 414) досл.: 'Повстречала Петра, Святого Петра, / Мыча и ревя. / Святой Петр спросил: / Ты, корова, что мычишь, что ревешь?/ Как же мне не мычать, / Как не реветь: / Ногу он мне повредил, / Теленка сглазил, / Молоко у меня отобрал'. Отметим, что, пытаясь отобрать у коровы молоко, оборотни всегда поражают ее в ногу.

Интересна связь между босоркоем и представлением о человеке, отвергнутом людьми. Ср. быличку, в которой говорится о ребенке, которого за нерадивость побил учитель и который превратился в волка и присоединился к своим собратьям (Mușlea, 216, CCCXV).

20 Любопытна связь так называемой "сорочки" и волка; ср.: *Să nu lași cămeșa mânzului acolo, că-ți mânâncă lupul pe mânz* (Gor., N 4504) досл.: 'Не оставляй там сорочку жеребенка, не то волк съест твоего жеребенка'.

Представления о босоркоях тесно связаны с повериями о стригоях (*strigoii*)²¹. В некоторых случаях они, повидимому, взаимозаменямы²². Стригои также могут превращаться в различных животных, - волков, собак и пр. (ср. Candrea, 147). По одним поверьям, стригой - это человеческое существо (мужчина или женщина), которое появляется на свет "в сорочке" (си *o tichie sau căiță pe cap* досл. 'с шапочкой на голове') и с коротким, покрытым шерстью хвостом²³ (Candrea, 147; Candrea-Adamescu, 1217). По другим поверьям, стригой - это м е р т в е ц, который выходит из могилы в ночь накануне праздника Св. Андрея²⁴ и идет проводывать своих близких, после чего, вместе с другими стригоями 'водит мрачный хоровод на перекрестке дорог' (Şaineanu, 621); ср.: *In noaptea de Sânt-Andrei umblă strigoile prin toate părțile, se hârjonesc pe la răscruci de drumuri* (Păcală, 196). Существует также представление, что днем стригой - обычный человек и что ночью, когда он засыпает, душа его покидает тело и присоединяется к душам других стригоев, в то время как тело остается лежать, словно мертвое (Candrea, 147)²⁵. Кроме того, в

²¹ Ср. следующие варианты этой лексемы: *strigōiu*; *strigōiū* (Tiktin, III, 1515); *steregoi* (Rosetti, 118); ср. также названия женских злокозненных существ с тем же корнем: *strigoaică*, *strigoarie* (Candrea-Alamescu, 1217; Tiktin, III, 1515); *steregină* (Rosetti, 118).

²² Ср.: *Voi, strigoi, voi bosorcoi/Si tu, fata-pădurii, / De nu-ți tomni ce-ați stricat, / Să fiți blâstămate și afurisite* (I. Bîrlea, II, 414) 'Вы, стригоу, вы, босоркоу, / И ты, дочь леса, / Если вы не исправите то, что испортили, / Будьте вы прокляты'. Отметим появление в одном контексте с оборотами такого злоказненного существа, как дочь леса. Ср. также начальную формулу заговора от Матери-Леса (*Muma-Păduri*): *Tu, Muma-Păduri, /Tu, colțato, tu, zîmbato, /Tu, moroaică, tu, strigoaică* (Folc. Olt. Munt., V, 160) 'Ты, Мать-Леса, / Ты, клыкастая, ты, зубастая, / Ты, мороайка, ты стригоайка'.

²³ Ср.: *Coada strigoaicelor e cu păr, se chîamă "costros"* (Voronca, 860) 'Хвост с. покрыт шерстью, зовется "кострош"'; ср. также: *S'au găsit că avea coadă și încă cu păr lung și negru pe ea* (Voronca, 860) досл.: 'Были такие, у которых был хвост и к тому же с черными волосами'.

²⁴ Св. Андрей считается главой стригоев (*mai mare peste ei*), равно как и хозяином волков (*stăpînul lupilor*) (Mușlea, Bîrlea, 407).

²⁵ Ср. также: 'Душа покидает тело и выходит сквозь дверные щели; она принимает самые разные формы: птицы, имеля, собаки. Тело остается мертвым в доме' (Mușlea, Bîrlea, 252).

стригоев превращаются рыжие люди, которых называют 'рыжей собакой' (*cîine roșii*) (Mușlea, Bîrlea, 501-502).

Подобно босоркоям, стригои связаны с самыми разными существами и предметами. Ср. следующий текст: *Om batrîn dă-afidă dî la noj o zîs că tăs uâmiñi-s strigoică: altu pă plăcię, altu pă ptâträ, altu pă liemnă, altu pă pomă, altu pă vîțe mari, altu pă uăi, altu pă porcă. Cîm mōre iel [cel cu ploaia], vin ploj multă să ape mari. S-apui, ală cîe-i pă liemnă, pt' ică liemnile de măgân să să prăpăde jeliie stăpăne. Să ăl cîe-i pă yîte, mor yîtile...* (Petrovici, 65) досл.: 'Старый человек здесь у нас сказал, что все люди - стригои: иной для дождя, иной для камня, иной для дров, иной для деревьев, иной для крупного скота, иной для овец, иной для свиней. Когда умирает он [тот, который связан с дождем], идут сильные дожди и большая вода. А тот, что для дров [делает так], что дрова падают сами и сами исчезают. А если тот, что для скота, гибнет скот'.

Стригои считаются злокозненными существами - они убивают детей, пьют их кровь²⁶, расстраивают свадьбы, разоряют людей, отбирают молоко у коров²⁷, губят посевы и пр. (Candrea-Adamescu, 1217; Candrea, 147). По некоторым поверьям 'их даже чорт боится' (Voronca, 867). Поэтому существуют многочисленные способы для того, чтобы их обезвредить. В ночь накануне Св. Андрея, Св. Георгия, Вознесения люди окуривают скот ладаном, мажут чесноком загоны для скота, окна, дымоход, двери и т.д. (ср. Petrovici, 198; Mușlea, Bîrlea, 254; Papah., 161). Кроме того, в эти дни, вечером, у входа в хлев кладут ветки

26 Ср. в этой связи начальную формулу следующего заговора от оборотня (*descîntec de strigoaică*): *Strigoaica a găsit/Focul stins,/Fereastră destupătă,/Ușa casei deschisă,/În dinți (pe cutare) l-a luat,/La pămînt l-a trântit,/Sângelile i-a sorbit,/Cu morții l-a socotit...* (Folc. Olt. Munt., V, 162) 'Стригоайка нашла/Огонь потушенным, / Окно открытым. / Дверь дома открытой, / В зубы взяла (имярек), / На землю его бросила, / Кровь у него выпила, / К мертвым его причислила'.

27 Ср. в этой связи заговор, с помощью которого к корове возвращается молоко, отображенное оборотнями: ...teoi lecui.../De nouă strigoii,/De nouă moroi, / Toate le-oii cerca / Si le-oii alunaa/ Din părul tău, / Din capul tău, / Din pulpa ta / Si le-oii trimite/În pădurea neagră/Unde buha neagră le cheamă, / Unde lupii negri urlă, / Unde cuscineaua mortii le așteaptă (Folc. Trans., III, 242) 'Я вылечу тебя / От девяти стригоев, / От девяти мороев, / Их всех найду / И изгоню / Из твоей шерсти, / Из твоей головы, / Из твоей ноги / И пошлю их / В черный лес / Куда зовет их черная сова, / Где воют черные волки, / Где их ждет сыр смерти'.

ежевики, шиповника, бука, чтобы помешать оборотню проникнуть внутрь (ср.: Candrea, 152; Mușlea, Bîrlea, 363). Орудием защиты от стригоев служат: борона с железными зубьями, трепалка для льна²⁸ и некоторые другие колющие и режущие предметы (ср.: Petrovici, 198; Candrea, 152).

* * *

Стригоев смешивают иногда с другим видом оборотней, — *moroï*²⁹. По мнению Кандри³⁰, в современных румынских повериях нет существенной разницы между *moroï* и *strigoï*³¹, хотя вначале, когда румыны заимствовали из сербского слова *mora*, оно вероятно имело тот же смысл, что и у сербов (злой дух, который является человеку среди ночи, садится ему на грудь и пытается удушить его).

В современных поверьях *moroï* — это: 1) ребенок, умерший некрещенным, который является ночью к своей матери и мучает ее (Candrea-Adamescu, 801); 2) мертвые, которые становятся оборотнем; ср.: *Si mortul să făsi murhón* (Petrovici, 8); ср. также: *Uni morți să fac moroii la sasă stămînă* dipe če-i îngroapă și dacă oameni n'au grižă să-i desgrăape și să-i ardă, iei mânincă sufletele la toț din neamu lui (Gîlcescu, 102, LIV) досл.: 'Некоторые мертвецы становятся оборотнями через шесть недель после того, как их похоронят, и, если люди не позабоятся о том, чтобы их выкопать и сжечь, они съедают души у всех в их роде'.

Как и другие оборотни, морои принимают облик различных животных, — собак, лошадей, овец и пр. (ср. Petrovici, 8). Кроме того, они наделены свойствами вампира; ср., например, заговор от сглаза (*dăe dăeotsăi*): *Să-ntîlni cu Moroîni-n cal'e./Sfînzetele i-l beură / Putser'ea i-o luară/ În'ima i-o mîncără* (Densus, 78) досл.: 'Встретился с мороями на дороге./ Кровь у него выпили / Силу у него взяли / Сердце у него съели'; ср. также заговор от колотья

²⁸ Трепалка для льна (*melițoiu*) имеет особое значение. Так, например, согласно некоторым поверьям, землетрясения происходят потому, что оборотни (*strigătele*) колотят друг друга трепалками для льна или конопли, так что содрогается земля (Gor., № 2994).

²⁹ Ср. варианты этой лексемы: *murón* (Petrovici, 8); *moroñi* (pl.) (Rosetti, 115); ср. также: *boroi* "drac" (<*moroï*) (Rosetti, 110).

³⁰ Candrea I.A. Folklorul medical român comparat. Prive-re generală. Medicina magică. 1944, с. 152.

³¹ Ср. многочисленные заговоры, в которых оба вида оборотней встречаются в одном контексте: *Înainte i-o ești/Muroi/Cu muroaie,/Strigoï/Cu strîggăie* (Păpăh., 126); *Si s-o-ntîlnit/Cu moroï,/Cu moroiae,/Cu strîgoï,/Cu strîgoaie* (Folc. Trans., III, 408).

³² Ср. также другой заговор от сглаза (*de deochi*), который свидетельствует о силе и злокозненности взгляда оборотней: *Pleani-i-ar ochii moroialui, / Strigoialui,*/

(*de săgetură*), который интересен тем, что в нем, наряду с оборотнями, в одном контексте, упоминаются подковы и стрелы: *Nouă moroaiе, cu nouă moroaice, / Nouă potcoave, cu nouă potcoave, / Nouă săgeti, cu nouă săgeți, / Da unde vă duceți? / Ne ducem la unul, ca să-l săgetăm, / Sângele să i-l bem* (Folc. Mold., I, 417) 'Девять стрел с девятью стрелами, / Куда же вы идете? / Мы идем к одному [человеку], чтобы пронзить его стрелой, / Выпить у него кровь'.

Итак, мы рассмотрели основные виды оборотней в румынском фольклоре. Недостаток места заставил нас опустить многие интересные данные и помешал рассмотреть некоторые явления, также связанные с оборотничеством³³.

Принятые сокращения

- Богатырев - Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- I. Bîrlea - Bîrlea I. Literatură populară din Maramureş, I-II. Bucureşti, 1968.
- Bîrlea - Bîrlea O. Antologie de proză populară epică, I-III. Bucureşti, 1966.
- Candrea - Candrea I.-A. Folklorul medical român comparat. Privire generală. Medicina magică. Bucureşti, 1944.
- Candrea-Adamescu - Candrea I.-A., Adamescu Gh. Dictionarul enciclopedic ilustrat. Bucureşti, 1931.
- Ciauşanu - Ciauşanu Gh.F. Superstiţiile poporului român. Bucureşti, 1914.
- Cior, - Cioranescu Al. Diccionario etimológico rumano. Madrid, 1966.
- Densus. - Densusianu O. Flori alese din cîntecelle populului. [Bucureşti], 1966.
- Diaconu - Diaconu I. Tinutul Vrancei, I-II. Bucureşti, 1969.
- DLR - Dictionarul limbii române. I, 1913.
- Folc. Mold. - Folclor din Moldova. I-II. Bucureşti, 1969.
- Folc. Olt. Munt. - Folclor din Oltenia și Munțe-i-a, I - V. Bucureşti, 1967.
- Folc. Trans. - Folclor din Transilvania. I-III. Bucureşti, 1967.
- Gâlcescu - Gâlcescu T. Cercetări asupra graiului din Gorj. - Grai și suflet, 1931, v. V, № 1.
- Gor. - Gorovei A. Credințe și superstiții ale poporului român. Bucureşti, 1915.
- Gr. Port. de Fier - Cohuț C., Vulpe M. Graiul din zona "Portile de Fier". Bucureşti, 1973.
- Istrăt. - Istrătescu A. Texte populare din județul Prahova. - Grai și suflet, 1929, v. IV, № 1.

Care s-a mirat de cutare, / De mi l-a deochiat (Folc. Olt. Munt., III, 561) досл. 'Пусть лопнут глаза мороя,' Стригоя, / Который поглядел на (имярек), / Так что слага- зил мне его'.

³³ Ср., например, представление о холере как о существе, которое имеет вид собаки и которая появляется в сопровождении рыжей собаки и 'невидимых псов' (*câini nevăzuți*) (Mușlea, Bîrlea, 496).

- Muslea - Mușlea I.* Cercetări folklorice în Tara Oașului. - Anuarul arhivei de folklor. I, Cluj, 1932.
- Muslea, Bîrlea - Muslea I.*, Bîrlea O. Tipologia folclorului. București, 1970.
- Papah. D. - Papahagi T. Dictionarul dialectului aromân. [București], 1963.
- Papah. - Papahagi T. Graiul și folklorul Maramureșului. București, 1925.
- Petrovici - Petrovici E. Texte dialectale. Sibiu-Leipzig, 1943.
- Păcală - Păcală V. Monografia comunei Răsinari. Sibiu, 1915.
- Rosetti - Rosetti Al. Limba descîntecior românesti. București, 1975.
- Șăineanu - Șăineanu L. Dictionarul universal al limbii române. [București].
- Stoian - Stoian I.I. Texte folklorice din Rîmnicul-Sărat.- Grai și suflet, 1928, v. III, № 2.
- Tamás - Tamás L. Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumanischen. Budapest, 1966.
- Tiktin - Tiktin H. Rumanisch-deutsches Wörterbuch, I-III.
- Voronca - Niculita-Voronca E. Datinele și credințele poporului român, I. Cernăuți, 1903.

T.N. Svechnikova

LES LOUPS-GAROUS CHEZ LES ROUMAINS

L'étude présente les résultats d'une recherche concrète sur les êtres mythologiques qui possèdent quelques traits caractéristiques pour le loup (et le chien) et qui peuvent se transformer en ces animaux. Il s'agit des loups-garous, - *bosorcoi*, *căpcăuni*, *moroï*, *pricolici*, *strigoi*, *vîrcolaci*.

L'article se base sur les données folkloriques assez vastes et variées concernant les croyances aux loups-garous chez les Roumains.

Л. Г. НЕВСКАЯ

ДОМ В ЛИТОВСКОЙ ЗАГАДКЕ
(параллели к балканским текстам)

Настоящие заметки, касающиеся некоторых семантических представлений о доме, как они отражены в литовской загадке, были специально выполнены вслед за Т. В. Цивьян, рассмотревшей балканские загадки соответствующего круга (Цивьян, 45–48). Задача такого целенаправленного сравнения состояла в уяснении общих черт внутри жанра и различий, обусловленных принадлежностью к разным культурным традициям. Работа ориентировалась также на общую проблематику поисков балтийско-балканских языковых параллелей и схождений на иных уровнях.

Основной материал позаимствован из собрания литовских загадок, включенного в антологию литовского фольклора (*Lietuviai tautosaka*, V) и состоящего в совокупности с *minkeés* 'загадки в форме вопроса' из 2435 текстов, из которых к семантическому полю 'дом' относится свыше 220 загадок. В специально оговоренных случаях приходилось обращаться к иным источникам.

Работа изначально ориентировалась на выяснение семантических дифференциальных признаков дома, а также отношений между текстом загадки и отгадкой, рассматриваемых как отношение дизайна и денотата, и стоящих за этими отношениями более общих представлений. Используемый в работе подход к фольклорному тексту с точки зрения основных семиотических оппозиций, организующих его, равно как и другие моменты лингвистического мировоззрения автора, сформировались под влиянием работ Вяч. Вс. Иванова по реконструкции семантики текстов, предполагающей восстановление древней модели мира.

Дом в литовской загадке описывается несколькими кодами. Наиболее разработанным, вплоть до антропоморфизма, является параллелизм дома и человека, отдельных элементов дома и частей человеческого тела: *akmenų kojov*, *medžio lietuvi*, *stiklo akys*, *šiaudų kerigė* 'каменные ноги, деревянное туловище, стеклянные глаза, соломенная шапка'; *sėdi senelė su akmeninėm kojom*, *su medžio liemeniu*, *su šiaudų kereliuši*, *su stiklo akim* 'сидит старушка с каменными ногами, деревянным туловищем, в соломенной шляпе, со стеклянными глазами'; *mësa džiūsta*, *kaulai trūniija*, *plaukai truša*, *plunknos rūsta* 'мясо сохнет, кости гниют, волосы выпадают, перья разлагаются' – об избе, бревна которой высыхают, балки и крыша гниют и разваливаются.

Основная функция дома в загадке – ограждение и охранение жизни внутри себя. Сравнительно велик корпус литов-

ских загадок, в которых дом моделируется в рамках оппозиции живой/мертвый: *meška neguya - viduriuose kruta* 'медведь мертв - внутри шевелится' (ср. параллельное балканское: 'мертвая кобра - живые внутренности' - Цивьян, 47); *meška stovi, žarnos kruta* 'медведь стоит, кишки шевелятся'; *meška tupi, grobai kuša* 'медведь сидит, кишки шевелятся'. В текстах загадок дом предстает как стабильный, неподвижный, замкнутый. Последний признак здесь настолько свойствен дому, что его введением моделируются загадки о иных замкнутых пространствах. Экономия и взаимообращенность используемых в загадке образных средств приводит к тому, что, с одной стороны, загадывание дома происходит с использованием кода частей тела (о чём см. выше), но, с другой стороны, некоторые части тела, рассматриваемые как замкнутые, загадываются через дом: *pilna troba baltų žmonių* 'полна изба белых людей' - о зубах ворту; *guli tēvas kluone - niekad saulės nemato* 'лежит отец на гумне - никогда солнца не видит' - о языке. О древнем уподоблении человеческого тела дому в загадках и иных фольклорных текстах см. Taylor, 481, 482.

Для литовской загадки существенны следующие основные элементы дома - стены, угловые сопряжения стен, балки, пол и потолок, крыша, дверь (отдельно - дверная ручка, засов, замок и ключ), порог, окно и ставни. Каждый из этих элементов в загадке предстает как отдельный сюжет, сепаратно отражающий общие представления. Наиболее разработаны и семантически нагружены сюжеты окно, дверь и балка.

Изолированность дома в литовской загадке создается крышей. Стены же относятся к малосущественным элементам дома и единообразно загадываются как бревна = лошадь, девушка, баран, селедка, переложенные мохом: *žilo žirgas balines samanas éda* 'боровой конь болотный мох есть'; *merga ant mergos, merga ant mergos, kozna patala tur* 'девица на девице, девица на девице, у каждой постель'; *avinas ant avino, tarp avinų taukai* 'баран на баране, между баранами сало'; *silké ant silkés, vidury taukai* 'селедка на селедке, в середине сало'. Структура загадки и формы трансформации и загадываемого объекта в литовской загадке и балканской загадке тождественны.

Окно как элемент дома в литовской загадке уподоблено глазу и, более того, "недреманому оку": *dieną naktį žiūri, niekad neužmiega* 'днем и ночью глядит, никогда не спит'; *dieną ir naktį išplėtęs akis* 'днем и ночью выпученный глаз'; *žiūri dieną, žiūri naktį, tik nieko nemato* 'глядит днем, глядит ночью, только ничего не видит'. В единстве с этими представлениями находятся собственно языковые факты, в частности, употребление лексемы *langas* 'окно' в значении 'глаз'; *žitas arklys yra vienu langu* (LKŽ, VII, 123) 'эта лошадь одноглазая'. Лексема *akis* 'глаз', кроме использования в качестве кодирующей при загадывании окна, может номинативно употребляться для обозначения окна в болоте и бьющего из глубины незамерзающего родника, что имеет индоевропейские и более широкие параллели и позволяет говорить о более глубоком изо-

морфизме представлений, связывающих географический объект, части человеческого тела и элементы строения. К последнему см. также такую загадку об окне: *apie stubą ežerėliai* 'вокруг избы озерки' (этот текст зафиксирован уже в самых ранних записях литовского фольклора малых жанров - Smulkioji tautosaka, 441).

В пространственном отношении, в аспекте оппозиции внутренний/внешний, окно амбивалентно: *žib[a]*, *žér[i]* - *neprisiek[ia]nei dangaus*, *nei žemės* 'блестит, сверкает - ни небес, ни земли не достигает (там же, 443). Через окно осуществляется связь внешнего мира и космоса с внутренним миром дома: *uz marių kerta - per langą skiedros šoka* 'за морем рубят - в окно щепки скачут' - о солнечных лучах; *pro langą skiedros byra* 'сквозь окно щепки сыплются'; *auksinis obuolėlis pro langą šviečia* 'золотое яблочко сквозь окно светит'; *is lango langan aukso sie-nojis* 'из окна в окно золотое бревно' - о солнце; *palšas jautis pro langą žiūri* 'светлосерый бык сквозь окноглядит' - о луне. Окно метонимически подменяет "заоконный" мир, особенно в загадках о чередовании дня и ночи: *balta karvė langus laižo* 'белая корова окно лижет' = светает; *meška langą ažudengé* 'медведь окно закрыл' = ночь; *uz lango meška* 'медведь за окном' = ночь.

В сюжете дверь существенна ее амбивалентность - принадлежность внутреннему и внешнему одновременно, динамический характер в противоположность статике дверных косяков и порога: *dvi panelės sėdi, trečia bėginėja* 'две барышни сидят, третья бегает'; *kiaule gul, o lasinaijalaksto* 'свинья лежит, а сало летает'; *sonas syla, sonas šala, galva džiūsta, kojos rūsta* 'бок греется, бок мерзнет, голова сохнет, ноги гниют'. Как и в других загадках о доме, здесь также используется код частей тела. К этому см. еще: *stovi ant vištos kojos, o kai gula, jaucio vietą ižgula* 'стоит на куриной ноге, а когда ляжет, место быка займет' (о гиперболизированном изображении двери в балканской загадке - "величиной с быка или лошадь" см. Цывьян, 47).

Изолирующая/защитительная функция двери дома с засовом или замком моделируется с использованием лексической оппозиции День/ночь, текстуально вводимой в загадку: *viens laukia dienos, kits laukia nakties, o trečias sako: man vis tas pats* 'один ожидает дня, другой ожидает ночи, а третий говорит: мне все равно' = кровать, дверь, окно. Соответствующие загадки балканского ареала дословно совпадают с приведенным литовским текстом. *Visq nakti džiūsta, ryta šalin rūksta* 'вся ночь сохнет, утром прочь умчится' = засов.

Многофункциональные элементы дома - дверь и окно - осуществляющие динамическую связь внутренний/внешний и открытый/закрытый, являются и конструктивными элементами, делающими дом домом. Комбинация дифференциальных признаков 'замкнутость' (= без окон и дверей) и 'живой/люди внутри', порождает представление о доме особого рода и позволяет через дом загадывать названия различных пло-

дов, например, огурца: *be langelių, be durelių pilna griciukė žmonelių* 'без окошек, без дверей полна избушка человечков'; арбуза: *nei langų, nei durų - pilna pirkia vyru* 'ни окон, ни дверей - полна изба мужчин'; мака: *be langų, be durų, viduji pilna žmonių* 'без окон, без дверей, в середине полна людей' и т.п. Свод подобных загадок в разных фольклорных традициях см. Taylor, 473 и след. Почти единообразно - с помощью признака 'замкнутость' - загадываются яйца: *šviesi gryčia be langų, be durų* 'светлая изба без окон, без дверей' и гроб: *namelis be langų, be durų* 'домик без окон, без дверей'. Этому можно поставить в соответствие концептуальную связь яйца и смерти/гроба в других фольклорных контекстах.

Представление о замке в загадке формируется в двух типах сюжета. В первом из них изолирующая (resp. охранительная) функция замка выражена непосредственно: *neloja, nekanda, o i namia neleidžia* 'не лает, не кусает, а в дом не пускает'; *mažiukas šunytis susirietęs guli; neloja, nekanda ir įeiti neleidžia* 'маленькая собачка свернувшись лежит, не лает, не кусает и войти не позволяет'. Загадки второго сюжетного типа манифестируют такое денотативно-десигнативное отношение, т.е. такое развертывание отгадки (денотата) в сюжет = текст загадки, которое можно рассматривать как предельно свернутый мифологический сюжет, мифологему, конкретные воплощения которой неоднократно рассматривались в основополагающих работах Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова (Иванов, Топоров, Системы; Иванов, Топоров, К семиотическому анализу мифа; Иванов, Топоров, Исследования и др.). Имеются в виду загадки типа: *Kabo senelė. Diedukas jai burną krapštō* 'Висит старушка. Дедушка у нее во рту ковыряет' = замок и ключ) и особенно зафиксированный уже в самых ранних записях литовского фольклора текст: *Jurgutis Grigutę skvirbin* 'Юргутис пронзает Григуте' (Smulkioji tautosaka, 443). Этот емкий текст апеллирует к целому ряду архаических представлений, связанных с Юрием/Юргисом - хранителем ключей от неба, которыми он отмыкает весну, а также косвенно подтверждает осуществляемое по другим основаниям функциональное отождествление Юрия и Ярилы как божества плодородия*.

* О единстве обеих функций главного героя см. трансформацию этого сюжета в литовской песне юрьевского цикла:

<i>Jurgi, šildyk žemę,</i>	Юргис, согрей землю,
<i>Jurgi, šuldyk žemę,</i>	Юргис, согрей землю,
<i>Jurgi, paleisk rasą,</i>	Юргис, выпусти росу,
<i>Jurgi, paleisk rasą,</i>	Юргис, выпусти росу,
<i>Jurgi, paleisk žolę,</i>	Юргис, выпусти траву,
<i>Jurgi, paleisk žolę,</i>	Юргис, выпусти траву,
<i>Jurgi, neženytas,</i>	Юргис, неженатый,
<i>Jurgi, neženytas, -</i>	Юргис, неженатый, -
<i>Jurgi, apsiženyk,</i>	Юргис, женись,
<i>Jurgi, apsiženyk!</i>	Юргис, женись!

(Lietuvių tautosaka, I, 237).

В еще одном тексте загадки о ключе - *geležinej balelēj nulindo kumelē* 'в железное болотце залезла кобыла' - последовательно используются представления этого же круга, если иметь в виду, что конь относится к постоянным атрибутам Юрия/Юргиса.

Основная семиотическая функция балок в загадке - соединение двух пространств: внутреннего (дома) и внешнего (не-дома). См. к этому этимологическую связь одного из литовских названий балки - *vižà* - с глаголом *vižti* 'вязать, связывать' (Fraenkel LEW, 756), отражающую, среди прочего, и собственно строительное назначение балки. На синтаксическом уровне это загадки одинаковой структуры: весь (козел, бык, девушка, старик, бурлак и т.д.) внутри - рога, борода, коса, грудь снаружи: *ožys tvarte, ragai lauke* 'баран в хлеву, рога снаружи'; *jaučiai pirkioj, o ragai lauke* 'быки в избе, рога снаружи'; *jautis kamaroj, jo ragai iš kamaros* 'бык в кладовой, его рога за кладовой'; *čigonė gryčioj, kasos ulyčioj* 'цыганка в избе, косы на улице'; *senis pirty, barzda lauke* 'старик в избе, борода снаружи'; *ponia viduj, krūtys ore* 'пани внутри, грудь снаружи'; *stuboj abrūsai, lauke galai* 'в избе полотенце, снаружи концы' и т.д.

Связующая роль балок видна и в загадках иной структуры, использующих, впрочем, также код частей тела: *per diedo pilvą trys gyslos* 'по дедову животу три жилы'; *mīsle mīslele - per pilvą gyslele, kai gysla truks - pilvas įdubs* 'загадка-загадочка, по животу жилочка, жила лопнет - живот ввалится'; *tik gyslele trūko - visas pilvas įdubo* 'только лопнула жилка - весь живот ввалился'.

Загадок про крышу дома сравнительно немного. Используемый в них космический код находит параллели в этимологических связях лексем текста: *trys bobos ižlaiko dangų, kad nepukristu* 'три бабы поддерживают небеса, чтобы не упали': *kad ne kibès, kad ne kabès, dangus sugriūti* 'если бы не крючки, если бы не застежки, небеса бы обвалились'; *kad tūkibëdū rakabëdū nebitytū, tai dangus bitytū zeniai pagriūvęs* 'если бы эта кишащая куча не была бы связана, небеса бы давно рухнули' - о крыше и стропилах. К этому см. одно из литовских названий крыши - *dan-gtis* (LKZ, II, 260) в его этимологических связях с *dangus* 'небеса', а также 'нёбо' и 'верх внутренней части печи' (LKZ, II, 261-262). С другой стороны, небесный свод уподобляется крыше дома *pilna stogas langelių*. *Visi pro juos žiūri ir nieko nemato* 'полна крыша окошек. Все сквозь нее смотрят и ничего не видят'; *ant stogo paplotis* 'на крыше лепешка' = луна.

Выделяя главные составные компоненты мироздания и относительно распределяя их, загадка помещает дом в центр мира, располагая непосредственно над ним небесные светила - луну: *gale gryčios raguolis kabø* 'на конце избы калач висит'; *pries mūsų klételę kabø duonos kampelis* 'перед нашим амбаром висит хлеба кусочек'; *ant bobutės grytelės kabø duonos riekelē, šunys loja* - *pasiekti negali*

'над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка, собака лает - достать не может' и солнце: *vidury doaro torielka karo* 'посреди двора тарелка повешена'.

Сравнив литовские и балканские загадки о доме, можно сделать несколько предварительных выводов. В первую очередь поражает значительное количество текстуальных совпадений в загадках обоих ареалов. Даже за вычетом "интернациональных" загадок (Taylor, особенно с. 467-495), число общих или близких текстов остается значительным.

Различия балканской и балтийской загадок касаются прежде всего инвентаря конкретных классификаторов. Эти специфические различия могут рассматриваться как характеристические черты той культурной традиции, внутри которой они выделены, и в свою очередь могут быть помещены в более широкий контекст этой культуры. Способы представления загадываемого объекта, используемые коды (космический, отношений родства и свойства, частей человеческого тела и др.) и более широкие закономерности, выражаемые основными семиотическими оппозициями, идентичны в загадках обоих ареалов, что позволяет ставить вопрос об универсальности некоторых фольклорных представлений.

Принятые сокращения

- Иванов, Топоров. Системы - Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
- Иванов, Топоров. К семиотическому анализу мифа - Иванов В.В., Топоров В.Н. К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале). - Sign. Language. Culture. The Hague - Paris, 1970.
- Иванов, Топоров. Исследования - Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
- Цывьян - Цывьян Т.В. К семантике дома в балканских загадках. - Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, 1(5). Тарту, 1974.
- Fraenkel LEW - Fraenkel E. Litausches etymologisches Wörterbuch. B. I., II, Göttingen, 1962.
- Lietuvių tautosaka - Lietuvių tautosaka, t.I. Dainos. Vilnius, 1962; t.V. Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai. Vilnius, 1968.
- LKŽ - Lietuvių kalbos žodynai, t.II. Vilnius, 1969; t.VII, Vilnius, 1966.
- Smulkioji tautosaka - Smulkioji lietuvių tautosaka XVII-XVIII amžiuja. Paruošė J. Lebedys. Vilnius, 1956.
- Taylor - Taylor A. English Riddles from Oral Tradition. Berkeley and Los Angeles, 1951.

L. Nevskaja

THE CONCEPT OF 'HOUSE' IN LITHUANIAN RIDDLE

The stock of Lithuanian riddles containing an idea of 'house', being opposed to that of Balkan ones (once a subject-matter in the researches of T. Tsivjan) let us state that a way of introducing the object of a riddle as well as more common rules of representation in a riddle expressed by the basic semiotic oppositions are identical in a Lithuanian and Balkan riddle as identical are the codes in usage (cosmic, that of relations and part of the body). The fact may be a confirmation of the universal character of some of the folklore ideas. Meanwhile divisions are observable preparaly in the inventory of concrete classifiers. These peculiarities may be represented as characterizing the kind of a cultural tradition concerned and as such may be considered in a wider context of the culture.

МАТЕРИАЛЫ К БЕЛОР. *PARÚN*, ЛИТ. *PARKŪNAS*
В СВЯЗИ С АРХАИЧНЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ

При собирании диалектных материалов по метеорологической лексике и, в частности, относящихся к белор. *p'arún*, лит. *p'arkūnas*, в дер. Пеляса и нескольких соседних деревнях (Вороновский р-н Гродненской обл. БССР) были выявлены живые до сих пор архаичные представления, восходящие к мифу о Боге Грозы¹. Поскольку в условиях давнего двуязычия, характеризующего Пелясу и ее окрестности², факты литовской и белорусской традиций едва ли можно разграничить, материалы приводятся здесь иногда в одном, чаще белорусском варианте.

В белорусском и литовском говорах Пелясы слово *p'arún - p'arkūnas* сохранилось и как имя нарицательное, обозначающее явление природы ('удар молнии'), и как имя собственное, связанное с мифологическим олицетворением этого явления. На фоне такого раздвоения в речи старейших носителей говоров, знающих мифopoэтическую традицию, наблюдается и совмещение, своеобразная диффузия физического и мифологического в контекстах типа: *p'arún zabič*, *p'arún u-kám'an b'jé*, *p'arkūnas kírto tópalin* и т.п.

Как имя нарицательное *p'arún - p'arkūnas* входит в терминологическую микросистему, единообразно расчлененную в белорусском и литовском говорах:

<i>błiskavica</i>	'молния'	<i>p'arún</i>	'удар молнии'
<i>žéibas</i>		<i>p'arkūnas</i>	
		<i>yrymót(y)</i>	'гром'
		<i>grózmas</i>	

Диагностическими контекстами для этого значения служат примеры с безличной инструментальной конструкцией: *p'arunóm čalav'éka zabilā*, *p'arunóm xátu spalíla*, *p'arunóm aylusýla* и т.п., а также употребление формы множественного числа: *xmará válam kácicca*, *v'éč'ar*, *p'aruný - stráx*!

¹ При составлении программы и вопросника для собирания диалектного материала были использованы в значительной степени многочисленные исследования В.В. Иванова и В.Н. Топорова, посвященные реконструкции текста основного мифа, и прежде всего монография "Исследования в области славянских древностей" (М., 1974).

² О языковой ситуации Пелясы см. специальный раздел сборника "Балто-славянские этноязыковые контакты" (М., 1980).

Имя собственное *P'arún* - *P'arkúnas* засвидетельствовано прежде всего в фольклорных текстах. Например, в широко известном обращении к Перкунасу, которое встретилось в двух вариантах:

<i>P'arkún'e ž'ievaíjc'e</i>	<i>P'arkún'e ž'ievaíjc'e</i>
<i>n'a mušk lietuvájc'u</i>	<i>n'a mušk žamájc'u</i>
<i>a_mušk tú gúdu</i>	<i>al'e_múšk gúdu</i>
<i>kai_šuni ruđu</i>	<i>kai_šuni ruđu.</i>

Интересно пеляцкое предание о феодале Наркуне (*Norkúnas*), посягнувшем на могущество Перуна:

byló éta dounó, yadóu jakíx ž'v'és'c'a tamú abo_trýsta, kali_to_pánšczyna bylá, ad_nás kilómatrau s'ém ci_ósim. býu u_paláškax (дер. Палашки) pán. tám_bylá kaz'ónnaja z'amł'a, l'úž'i xaž'íli trý dni u_pánšczynu, šcytális'a janý starakaz'ónnyja. Janý palova yasudárstvu rabili, a palova pánu, pán éty yónic' na_rabotu étyx bába, žytka žac' ci_buraki sažíc'. iž'é xmará. xmará iž'é, bliskavica, znóu bliskavica, užó xmará jak_ráz nadyšlá, a_éty pán, Narkún, kali_krýkn'a: tý P'arún, a_já Narkún! i_béx! kali_stréliu u_xmáru. ták zára iznóu za_yrym'élá, blisnula... dáu P'arún u_kan'á i_kan'á zabíu. a_éty Narkún i_astáus'a u_žyc'u. i_jón užó na_étyja báby káža: báby, iž'ec'o da_xáty, búz'a s'v'áta, min'é šcé bóx pakínuu, u_žyc'u. já užó v'éncaj vás bizunavác' n'a_búdu. na_druyi ýót iznóu pryšou éty žén, i_štó ýót zalažyú Narkún éta P'aruná s'v'áta, što_jón pakínuu jayó žyc' na_s'v'éc'a.

(Записано в 1975 г. от Доминика Ракутиса, 80 лет, дер. Лелюши)

Мифологическое имя можно усматривать, вероятно, и в характерных для Пелясы клише, сохраняющихся в свернутом виде сюжетные фрагменты мифа: čartá p'arún stréliu; jak p'arún strélic'to_éta tám čort skaváys'a; drénnayo b'jé p'arún и т.п. Ср. также текст "Kur pasislepija velnias", записанный в 1971 г. Н. Велюсом в дер. Друскиники: "Ot, kap išeina grausmas, graudzia ir kerta perkūnas, itai svietas poryja, ku kerta cik velinu. O velinas pasislepija, niekur ne gali pasislepti, cik po toj dzernu, kur, kap itai ara artojas ir in kelio būna prieg kelio derna apversta, tai po toj dernu jam perkūnas nieko nepadar... (LTRF 1114 (26)).

Вместе с тем в представлении людей, воспроизводящих эти тексты, Перун-Перкунас вполне отождествляется с его противником, чертом: p'arún... xto ž jayó v'édaja, pégn'a čort taki. То же представление заключено и в речениях типа: jón s'ž p'arunom žýu, p'arún jayó i_zabíu (о лихом человеке). Но можно услышать и высказывания, противоречащие этому: p'aruná zabíty čalav'ék (синтаксический литуанизм) ščas'lívy, bóx jayó yraxi pras'ciu toki_rás, jón užó n'a_ustajé na_súd.

Эта же двойственность, амбивалентность с точки зрения противопоставления положительного и отрицательного про-

слеживается и дальше - на уровне входящих в мифологическое пространство реалий, так или иначе связанных с Перуном. Таковы *skálki*, лит. *skálkos*, или иначе *p'arunóvyja kam'éni* (кремень). Тексты, с ними связанные, отражают мотив камней как атрибута, орудия Перуна: *p'arún skálkai u_kám'an' kín'a; pódnuja pal'á skálkau, éta p'arún nastral'áušy, éta z'_jayó strélaū³, paslúxai, jak áxn'a u_kám'an'*, *a_tadý užo dósč p'éryc⁴; skálka z'_júrkai, kazáli, at_tayó što_ p'arún u_rukáx patrymáu; p'arunóvyja kam'éni-ž'úrakai jak_jámački na_jíx.*

Кремню с отверстием (*skálka z'_júrkai*) приписывались магические свойства 1) обнаруживать черта в вихре, смерче (*víx'er - čartá vaséjl'a* или *čort mátku v'az'é*; 2) оберегать скот (коров) от действия вредоносных сил (сглаза, ведьм, отнимавших молоко) *skálka z'_júrkai pamóspajá ad urókaū; upajas'nícu* (деталь юбки, брюк) *ušvavájuc' skálku z'_júrkai i_zróčnik* (растение - шпажник?), *karov'a na_šýju v'ésali* - *užo tadý ni_malaká xtó adb'aré, ni_uracé - ničoyo*. Но при этом *skálka* соединяется и с чертом: *skálka us'o adnó nidóbraja, janá ni_ad_dóbrayo, čartóuška skálka z'_júrkai, v'álino skálka*; в экспрессивном выражении: *kudy tý l'acíš, čort tý sa_skálkai!*

Схожими функциями наделяются и *p'arunóvyja tréski*, *p'arkuno skiedros* - щепки от пораженного молнией дерева. Они (и кора березы, расщепленной молнией) используются как средство от испуга: *at_p'arépalaxu p'arunovaj tréskai kúrac'*. *P'arunóvyja tréski* избавляют от злых чар: *u_tói xác'a na_čatýry kutý p'arunovaj treski dýmam pakuryc'* *tréba*, а также от вредоносности и самого Перуна: *baranú tréba na_xl'éu ci_na_ymnó zac'a_ypúc'*, *tadý palažyc'* *p'arunóvyja tréski* - *bac'án búz'a v'as'cis'a, a_ž'é bac'án v'ag'écca, nígyd p'arún u_tója m'ésca, u_tói budýnak n'_a_strélic'*.

К следам мотива о множественности ипостасей Перуна можно отнести тексты, где намечены следую-

³ В связи с этиологией кремня (*skálka*), отразившейся в приведенных текстах,ср. пеляцкое белор. *skála*, лит. *skalā* 'каменистый слой, преграждающий подземные воды': *jak_stúdn'u kapájaš, to_kal'a_sámał vadý tája skála, na_dvá ci_čatýry pál'cy, trúdna i_prabíc' jajé, lómam jak_dasi, to_vadá fantánam xl'us'n'é i_na_xadu pryby-vája. Yéta n'e_plyvún, yéta šcýraja, kryničnaja vadá, žyvája vadá jak_mý kázam, skála ž'aržyc' jajé, strýml'-uvaja*. Соотнесенность языковой формы и идентичность связей (в частности, с водой) актуализируют, по всей вероятности, восходящую к мифу оппозицию и изоморфность верха и низа.

⁴ *dósč p'éryc'*, лит. *lietús p'éryja* (о ливне) - широко употребляемые в пеляцких говорах фразеологизмы: *p'éryc' i_p'éryc' dósč! p'éryja i_n p'éryja lietús!* Ср. болг. *дъждът пере ли пере*, приведенное И. Ивановым, см. Иванов И. Культ Перуна у южных славян. ИОРЯС, т. VIII, кн. 4, СПб., 1903, стр. 145.

ющие, обычно двоичные противопоставления: *p'arún byvája*, *suxí i pal'óncy*, *suxí p'arún n'e zapálic'*, *tól'ki z_lós-kau pavýkidája*, *pal'óncy jak_dás'c' to_i zapálic'*⁵; *p'arún byvája pustý i z_ayón'am*; *ayón' byvája s'arcýsty i n'émy*, *s'arcýsty pálic*, *a_n'émy ɻúšyc'*, *b'jé, čalav'ěka n'émy*, *p'arún zab'íc' móža*. Ср. также: *u_ýoraz'e n'amá ani_žad-nayo p'aruná?* *p'arunóu n'ev'adóma v'él'a jést*, *azin dúxam iž'é, druží ayón'am...*

Свидетельства о различных ипостасях Перуна сохранились и в некоторых формах проклятий: *kap_cib'ě zimavý p'arún*, *zabíu_by! kat_tavi žyeminis p'arkúnas žumúst!* *kap_cib'ě zimny* ('холодный') *p'arún!* *kat_tavi šáltas p'arkúnas!* *iži tý pad_zimnayo p'aruná!* *ýejk tú po_šálto p'arkúno!*

Как ипостась и орудие Перуна выступает *ayón'*, *plóm'a*: *p'arún ýéta plóm'a, ayón'*. *válicca plóm'a u_xátu jak_ru-kavó ci_klupkóm - jak_čort, n'ev'adóma skúl' prysóu i_vý-šaq ýety p'arún; jak_dás'c' p'arún ayn'óm to_byvája xátu ci_ž'erava zapálic'*, *tréba kvásnym malakóm líc' na_ayón' kap_aptušyč'*. В том же смысле употребляется фразеологическое сочетание *žyvý ayón'*: *jak_užó tája búra bylá, to_nígy dy n'a_byló takój búry - žyvý ayón' pádač z'_n'éba, da_tóya s'érkaj s'm'arž'ela*. Хотя здесь возможна семантика усиления реальности, явственности (ср. в другом выражении: *žyvý m'és'ac pras_šcýlinku s'v'écic' - zas'v'acíc' móža*), нельзя не указать в связи с этим на параллель из южнославянской области: громовна или громовита жива ватра, отмеченная С. Троицким в сербском селе Рудовцы⁶.

Каменные стрелы и топоры, которые находили в Пелясе, и окрестностях, также считались орудием Перуна: *kali_bli-snula - kal'a_jayó samayó dalá strélka; kali_p'arún stré-líc'*, *to_stralá da_z'amli paíslá da_s'ak'érki padóbnaja, janá móža i_výj'a kali, a_téraz glembóka; jak_dáu p'arún, to_pras_s'ém yót tája s'ak'érka výšla z'_z'amli, já býu našóusy na_balóč'a*.

В связи с реконструированными числовыми характеристиками Перуна интересны пелясские представления о действиях, предохраняющих от удара молнии, приуроченных к празднику Девятника (девятое воскресенье после Пасхи). В четверг перед Девятником нужно было отнести в костел для освящения девять венков из *yrymótnika*, лит. *yrymótnikas* (Лапчатка прямостоящая, *Potentilla erecta L.*)⁷, которые остаются там в течение

⁵ Ср. *Jaworczak A. Wies Dąbrowki. Powiat Lańcut. Monografia etnograficzna*. Lwów, 1936, s. 97: "Pioruny są dwojakiego rodzaju: o g n i o w e (które palą) i suchie (te są nieszkodliwe)".

⁶ См. Троицкий С. Ватра у животу и обичајима српског народа. Београд, 1930, стр. 126: "У колубарском селу Рудовцима, кад удари гром у какво дрво и запали га, онда сељаци зову живом ватром...".

⁷ По другой версии, девять трав: *z'én'ac' z'ólkau s'v'én'c'ac' na_ž'av'átnika* (дер. Кукли в 10 км от Пелясы).

д е в я т и дней. Во время грозы венки (их должно хватить на все лето) кладут на жар и дымом окуривают хату⁸. Ср.: *ž'ev'ac' v'anóčkau zrabl'ú z_ýrymótnika na_ž'av'-átnika, ž'av'átník pa_s'omusi byvája, na_ž'av'áty týž-an' pa_v'el'kanócy. v'anóčki tréba u_čvártak p'erad_ž'av'átnikam da_kas'c'óla n'és'ci, ž'ev'ac' ž'ón l'ažác' v'anóčki u_kas'c'éli, pa_čvártku, u_p'ontak zabirájuc'. jak_ýrymót, to_étyja v'anóčki kladúc' na_ayón, na_žár, na_zásłanku at_p'éčy. zadymíc', tady na_us'é čatýry kutý xáty dým pús'c'ac', šcé i_u_kómin pús'c'ac'. tréba kab_ž'ev'ac' v'ankóu na_us'ó l'éta xvaciلا_p.*

Приурочение этих действий к четвергам согласуется с особым отношением к этому дню, как бы приравниваемому к воскресному: čvártak - nail'épšy ž'en', vasóly, jak_da_n'až'éli tróxa padóbny, bliný jadúc', v'eraščáku, m_u s č ý n s k i takí ž'en', akurátny; čvartak najvažnějšy ž'en', us'ó rabíc' móžna, us'ó jés'ci móžna⁹.

Пелясские поверья, связанные с первым весенным громом, также архаичны и ведут к широким ареальным сопоставлениям: jak_zayrymíc' p'éršy ráz - grúmt puskája i_us'ó pačynája ras'ci toj_rás; pakám n'a_zayrymíc' p'éršy rás - plót yaraž'ic' n'a_móžna, z'aml'á rúšyc' n'a_móžna; da_p'éršao yróma, za_s'n'ýam, za_l'ódam plót yaraž'ic' n'a_móžna - za_tója što zayaróz'iš xmáru, dažju n'a_búz'a, skážuc': tý došč zayarazíu. pakám n'a_zayrymíc' - n'a_zayan'ajuc' kalá u_z'aml'ú, jak_dažžú n'amá, kázuc': móža xtó kól zaynáu n'a_parój; jak_p'éršy rás zayrymíc', to_tréba ž'ayčátam pakačácca trý razý, a_xlópcam trý razý kurnú p'erav'arnúc'kap_s'arézinu n'a_bal'éla, kab_ýry-motáu n'a_bajácca; kočékim'es! - n'a_z'bijósim kab_gráuz'a; jak_p'éršy ráz zayrymíc', kačális'a - dl'a_uražáju, kab_žýta byló_p paxiliysys'a jag_báckaju; jak_p'éršy ráz zayrymíc', yl'ánuc' byvála u_tój bók, zagnajucca i_prós'ac': dai bóža druyóya róku dačakáci.

T.M. Soudnik

LES MATERIAUX DU MOT BIÉLOR. P'ARÚN, LITH.
P'ARKŪNAS EN RAPPORT AVEC
DES REPRÉSENTATIONS ARCHAÏQUES

Dans cet article on cite les matériaux dialectologiques du village Peliasa (Biélorussie) descendant au mythe Dieu de l'Orage.

⁸ Ср. распространенность мотива д е в я т и и в Девянишках, где он широко представлен, в частности, в скачном репертуаре. См. Топоров В.Н. Об одном локальном варианте основного мифа. Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам 1(5). Тарту, 1974, стр. 33-37.

⁹ Ср. точную параллель этим представлениям у сербов: "У народу се казује: Сви су дани добри дани, а четвртак понажбољ и". Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970, стр. 305.

СЕМАНТИКА МИФОЛОГИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГРИБАХ

Настоящая работа¹ - одно из звеньев в серии исследований, посвященных анализу основных образов архаичных мифопоэтических систем (ср. ранее напечатанные труды о мировом дереве, космическом яйце, знаках первобытного искусства, числах и т.п., в частности, о конкретных классификаторах - о пчелах, мышах, червях и т.п.). Так или иначе эти символы объединяются в схеме "основного" мифа, реконструкция которого была предложена в совместных исследованиях с Вяч. Вс. Ивановым.

Три аспекта в изучении грибов привели в последние годы к созданию специальной дисциплины - этномикологии: определение места, занимаемого грибами в различных кулинарно-пищевых и химических кодах и соответствующих режимах, с относящимися сюда мотивировками (К. Леви-Стросс)²; выяснение отношения грибов к другим галлюциногенным наркотическим средствам (R. Heim)³; установление роли гри-

¹ Эта статья, написанная в конце 1970 г., представляет собой дальнейшее развитие совместной работы (Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мифологические представления о грибах в связи с гипотезой о первоначальном характере Сомы, - Тезисы докладов Летней Школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970, с. 40-46), начало которой было положено Т.Я. Елизаренковой, занимавшейся проверкой гипотезы Р.Г. Уоссона.

² Ср.: Lévi-Strauss C. Mythologiques, II. Du miel aux cendres. Paris, 1960, p. 45, 60, 151-152, 313, 330; III. L'origine des manières de table. Paris, 1968, p. 219-224; 325; Dis-moi quels champignons..., - L'Express, 10 avril, 1958; Les champignons dans la culture. A propos d'un livre de M.R.G. Wasson. - L'Homme, X, 1970, p. 5-16 и др.

³ Речь идет не только о всемирно известных работах этого автора (из последних исследований см. серию статей в "Revue de Mycologie" под общим названием "Un problème à éclaircir; celui de la Tue-mouche"; среди них см.: Heim Roger. L'Amanite tue-mouche nord-américaine n'est pas la *Muscaria*, t. 30, fasc. 4, 1966, с. 294 и след.), но и об отражении этой темы в художественной литературе и в публицистике (ср. роман О. Хаксли "Island" и его статью о наркотических средствах). Более специально см.: Ethnopharmacologic Search for Psychoactive Drugs. Pro-

бов в ритуально-мифологических системах (крайний случай — культ грибов) (R.G. Wasson)⁴. Первые итоги этномикологических исследований подведены Р.Г. Уоссоном на материале отдельных традиций. Сенсационным является открытие им той исключительно важной роли, которую играют (или играли) грибы во многих культурно-исторических традициях. В этой статье хотелось бы подчеркнуть, что мифологические представления о грибах и практика живого культа грибов обнаруживают исключительную их роль в семиотической системе соответствующих традиций (чему обычно не

ceedings of a Symposium held in San Francisco, Calif., January 28-30, 1967. Ed. by Daniel H. Efron, Bo. Holmstedt, Nathan S. Kline, 1967 (особенно — C.H. Eugster и R.G. Waser с библиографией). Ср. также: *Catalfomo P., Eugster C.H. 'Amanita muscaria': Present Understanding of Its Chemistry.* — Bulletin of Narcotics, vol. 22, 1970, с. 34, и след.

- ⁴ Помимо знаменитой работы о культе грибов в Мексике, положившей начало этномикологическим исследованиям, см. другие работы этого автора: *Lightning-Bolt and Mushrooms: An Essay in Early Cultural Exploration.* In: "For Roman Jakobson". The Hague, 1956, с. 605-612; *Mushrooms, Russia and History.* New-York, 1956 (в соавторстве с V.P. Wasson); *Soma. Divine Mushroom of Immortality.* New York, 1968; *Soma: Comments Inspired by Professor Kuiper's Review,* — IIJ, vol. 12, 1970, с. 286-298 (ответ на рецензию Кейпера, там же, с. 279-285); *The Soma of the Rig Veda: What Was It? — Papers Prepared for International Congress of Orientalists.* Canberra, 1971; *Soma of the Aryans: An Ancient Hallucinogene?* — Bulletin of Narcotics, vol. 22, 1970, с. 25-30; *The Soma of the Rig Veda: What Was It? — JAOS, vol. 91, 1971, c. 169-187* (см. здесь же: *Ingalls H.H. Remarks on Mr. Wasson's Soma*, с. 188-191); *Soma and the Fly-Agaric. Mr. Wassons Rejoinder to Prof. Brough.* — Ethno-myological Studies. № 2. Cambridge, Massachusetts, 1972, и др. Ср. также: *Bureau A.*, — с. 173-176. Только что вышла (1978 г.) из печати весьма интересная монография: *Wasson R.G., Ruck C.A., Hofmann A. The Road to Eleusis. Unveiling the Secret of the Mysteries N.Y. — London. 1978.* В ней открывается еще одна, чуть ли не самая захватывающая страница этномикологии: роль грибка *Claviceps purpurea* в Элевсинских мистериях; ср. также само название Микен (Μύκηνα) по "грибному" (μύκηνς). Это исследование открывает путь к пониманию особой роли грибов в свадебном обряде. К сожалению, многие ценные выводы из названной работы в настоящей статье уже не могут быть учтены, но целый ряд ее положений существенно усиливается аргументами упомянутой книги. В одном случае к данным, приводимым в ней и основанным на сюжетах вазовой живописи, хотелось бы добавить еще более убедительные примеры изображений с двух ваз из Эрмитажного собрания. Первая из них — краснофигурный кра-

придают значения). Забегая вперед, можно сказать, что во многих традициях с помощью грибов как классификатора особенно четко формируются оппозиции природа - культура, чужой (коллектив) - свой, профанический - сакральный, женский - мужской, здешний (земной) - нездешний (небесный или подземный), вода - огонь и т.п. Некоторые из этих пар образуют определенную иерархию, о которой можно составить представление по схеме ветвления. Ср., например:

тер аттической работы (1-ая полов. V в. до н.э.). На нем сцена передачи Деметрой колосьев со спорыней Триптолему, восседающему на двухкрылой колеснице и держащему в одной руке чашу, а в другой характерный посох с шишкообразным навершием. Эта сцена фланкируется двумя женскими фигурами с колосьями и посохами. Одежда Деметры покрыта "гвоздиками" (ср. лат. *clavus* 'гвоздь' при названии спорыни *Claviceps purpurea*); в других сходных изображениях этим "гвоздикам" соответствуют мотивы грибов, фаллосов, может быть, алабастров, воспроизводящих ту же форму, особого рода крестиков. На противоположной стороне вазы эта сцена дублируется и продолжается двумя изображениями бородатого мужчины (с посохом) и женщины (с чашей), которые, однако, "портретно" отличаются от участников сцены с божественными персонажами (жрец и жрица?). Вторая ваза, представляющая собой краснофигурный кратер того же времени, изображает Триптолема (с двумя колосьями в волосах, наподобие рожков, с посохом и чашей) на колеснице, запряженной двумя змеями, и Деметру с колосьями, льющую вино в его чашу (имена персонажей надписаны). В композицию входят также изображения женщин с колосьями, юноши с чашей, Афродиты, находящейся под Деревом, Эрота, хищного животного с птицей в зубах и т.п. На другой стороне - юноша с посохом, имеющим шишкообразное навершие, и чашей и женщина. На обеих вазах - орнаментальный бордюр из сочетания меандра и креста. На основании этих и им подобных изображений легко восстанавливается стержневая линия элевсинского культа (ср. гомеровский гимн Деметре, фрагмент элевсинского рельефа в Акрополе, где Деметра передает Триптолему колосья, а Кора надевает ему на голову венок и т.д.) - приготовление из спорыни

Участие в столь существенных оппозициях приводит к тому, что в целом ряде традиций грибы выступают как универсальный классификатор. Эта универсальность обусловливает, в частности, связь грибов со всеми тремя элементами известного комплекса с м е р т ь - п л о д о р о д и е - ж и з н ь⁵, о ч е м см. ниже. Вместе с тем можно думать, что превращению грибов в универсальный классификатор способствовало отсутствие четкой идентификации грибов, не позволяющей с определенностью отнести их к тому или иному царству природы. Как известно, в научной микологии долгое время шли дискуссии относительно того, к какому царству - минеральному, растительному или животному - принадлежат грибы; и даже К. Линней в первых вариантах классификации колебался в отношении грибов между растительным и животным царствами. В мифопоэтических традициях эта неопределенность проявляется в том, что грибы или соотносятся с одним из царств, или же со всеми вместе. В первом случае каждое конкретное соотнесение отражается в соответствующих мотивах (например, этиологических: происхождение грибов из камня или превращение людей в грибы и т.п.) или в наличии дублетных вариантов, когда одна и та же мифологема связывается то с грибами, то с камнями, то с хтоническими животными, то с культурными растениями. Во втором случае грибы выступают как представитель всех царств - минерального, растительного, животного и человеческого (сюда же в некоторых вариантах можно добавить и царство божественных и адских сил). При этом грибы выступают в роли универсального медиатора, с помощью которого снимаются те противопоставления, в которые входят представители указанных царств. Так, устраивается различие между неподвижностью, неизменностью, отсутствием циклов и, следовательно, вечностью (бессмертием) камня и подвижностью (ростом), изменяемостью, наличием циклов и, следовательно, преходящестью (смертью) растений. Сходного рода различия, существующие между растениями или животными и человеком и т.п. и дающие основание для построения соответствующей матрицы идентификации этих элементов по различительным признакам⁶, также преодолеваются

галлюциногенного напитка, вкушение его, приобщение таинствам трех космических зон (имя Триптолема относится к этой триаде); ср. наличие в сходных сценах с участием Триптолема Диониса, Деметры, Персефоны ларца (*κύπελλος*) с утварью, используемой именно в элевсинских мистериях, и "кистофоров". - Ср. еще: *Allegro J.M. Sacred Mushroom and the Cross*. New York. 1970.

⁵ См.: Samter E. Geburt, Hochzeit und Tod. Leipzig, 1911; Baumgartel E. Tomb and Fertility. - JKF, Bd. 1, 1950; Henderson I.L., Oakes M. The Wisdom of the Serpent - The Myths of Death, Rebirth, and Resurrection. N.Y. 1963.

⁶ Актуальность этих признаков подтверждается данными соответствующих традиций. Ср., напр.: Lévi-Strauss C. La pensée sauvage. Paris, 1962; Roux J.P. Faune et Flore Sacrées dans les Sociétés Altaiques. Paris, 1966 и др.

с помощью грибов как медиатора. Поскольку представители указанных царств могут быть описаны и градуальным противопоставлением признака "жизнь" ("жизненная сила") - от минимального значения (отсутствие жизни, смерть) до максимального (плодородие, рождение), - то оказывается, что грибы как архиэлемент, возникший в результате нейтрализации частных противопоставлений, заменяя конкретных представителей этих царств, приобретают всю шкалу значений от жизни до смерти (в нерасчлененном виде, предполагающем амбивалентность и игру на ней, о чем см. ниже). Тем самым создается еще одно условие для связи образа грибов с комплексом с м е р т ь - п л о д о р о д и е - ж и з н ь . Следствия из медиационной роли грибов в пределах указанной сферы весьма значительны, поскольку элементы, составляющие эту сферу, изоморфны элементами других сфер, используемых для классификации (ср., например, вещества, числа, цвета, сезоны, страны света и т.п.). Таким образом, грибы как классификатор выходят за пределы своей первоначальной сферы, индуцируя появление аналогичных медиаторов и для других сфер. Естественно, что снятие противопоставлений, *coincidentia oppositorum* могут иметь место лишь в особых условиях, в частности (говоря в общем), при выходе за пределы данной системы или при радикальном изменении психического состояния. Одним из наиболее распространенных средств для этого служит вещество, содержащееся в некоторых видах грибов, а именно *ислобицин*. Характерно, что мифологически и семиотически отмеченными являются, как правило, как раз эти виды грибов (ср. мексиканские грибы, отнесенные Р. Геймом к семейству *Strophariaceae* и исследованные с этномикологической точки зрения Р.Г. Уоссоном⁷). Вместе с тем стоит обратить внимание и на то, что только человек представляет собой достаточно чувствительный биологический индикатор на вещество этих грибов.

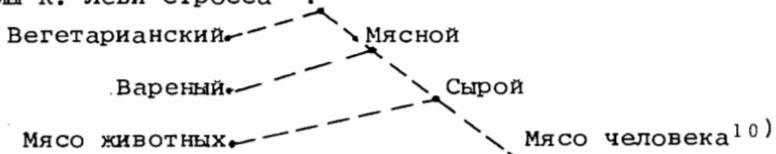
⁷ В 1953 г. супруги Уоссон в отдаленном горном районе южной Мексики (в стране мацатеков) наблюдали тайный ночной обряд, совершаемый под руководством старухи-шаманки. Центральный эпизод этого обряда - вкушение сырых грибов" (трактуемых одними как божественные, другими - как сатанинские) и следующие за этим видения. Любопытно, что один из основных мотивов видений - цветные орнаменты древнемексиканского типа. Эти данные о живом культе грибов подтверждаются и историческими свидетельствами. Известно, что около рубежа нашей эры в Месоамерике появляется грибообразная скульптура с изображением мифического духа на ножке гриба (ср. образцы из Каминальхуй). Несколько веков спустя возникают грибы-идолы, изваянные мастерами из племени майя-кичу. В Центральной Америке в это время, очевидно, существовал тот культ грибов, который, видимо, застали еще испанцы. Ср. сообщение в "Хронике" XVI в. Бернардино де Саагуна об употреблении индейцами во время религиозных праздников волшебного гриба (*teo-nanácatl*), вызывавшего галлюцинации. См. среди прочего: Durán D. The Aztecs. The

Роли грибов в мифологическом представлении до сих пор уделялось очень мало внимания. Хотя относящиеся сюда материалы не скучны, но они весьма разрознены, обычно основательно завуалированы и чаще всего находятся за пределами официальной мифологии. Эти сведения приходится собирать из ходячих представлений о грибах, часто достаточно противоречивых. Эти представления отражены в пословицах, поговорках, присказках, приметах, толкованиях снов, запретах, обычаях, фразеологии, символике, имеющей хождение в замкнутых коллективах (сфера "неприличного") и т.д., не говоря о собственно языковых данных. Автору этой статьи пришлось наблюдать, какой атмосферой таинственности, табуирования была окружена тема грибов даже в подмосковных деревнях предвоенного времени: на невинные вопросы о грибах приходилось выслушивать отповеди (со стороны старух, а иногда и женщин помоложе), квалифицирующие этот интерес к грибам как проявление испорченности, бесстыдства (при этом не раз делались замечания типа: *мал еще, вырастешь - узнаешь или это только девки знают, а ребятам незачем* и т.п.); наконец, там же были известны и более частные запреты (например, есть определенные виды грибов беременным женщинам или девицам), как и некоторые отождествления грибов или предписания относительно их⁸ (по крайней мере, среди подростков-мальчиков), присказки и поверья. Уже тогда складывалось впечатление, что за этим глубоко дифференцированным табуированием (снимавшимся исключительно в лесу и в мальчишеской компании) лежит нечто, обладающее весьма богатой семантикой и имеющее прямое отношение к сфере "неприличного". В настоящее время можно с гораздо большей определенностью утверждать, что в целом ряде культурных низовых традиций (в частности, у русских) существуют разные позиции по отношению к грибам (к их оценке), которые тем самым (хотя бы в общих чертах) указывают на социальную стратификацию данного коллектива. Определить в точности признаки, по которым формируются такие подколлективы, часто довольно трудно. Тем не менее, можно заметить, что такие признаки, как мужской-женский, взрослый-детский, состоящий в браке-не состоящий в браке и т.п., в этом отношении особенно существенны. Не менее важен и признак *свой-чужой*, реализующийся, в частности, как *в нашей деревне, окруже* и т.п. - в *той (другой) деревне, окруже* и т.п. Этот признак в миниатюре воспроизводит картину группирования и чередования больших обширных культур - микофобских и ми-

History of the Indies of New Spain. New York, 1964, p. 180, 189, 225-226, 350-351. О следах "грибного" культа в Скандинавии см.: Kaplan R.W. The Sacred Mushroom in Scandinavia, - Man 10, 1975, № 1, p. 72-79.

⁸ Например, поливать некоторые грибы мочой, употреблять нецензурные слова и т.п.

кофильских (ср. их распределение в Евразии, начиная с Атлантического побережья и далее на Восток), о чём также писал Р.Г. Уоссон. Не удивительно, что в мифобских традициях материалы, относящиеся к грибам, весьма скучны (часто даже на языковом уровне). В традициях, являющихся в общем мифильскими, но обладающих разными (обычно противоречивыми) точками зрения на грибы, как правило, сильное развитие получает табуирование, что тоже не способствует сохранности сведений о грибах. Лишь в тех традициях, где культ грибов получил официальное признание, круг источников существенно обширнее (древние центрально-американская и китайская традиции, а также некоторые другие менее крупные). Впрочем, существенные сведения можно извлечь из диахронического анализа тех мифобских традиций, которые сохранили память о некогда ином отношении к грибам. Весьма различное (иногда диаметрально противоположное) отношение к грибам как элементу мифологических представлений в разных традициях или даже в пределах истории одной и той же традиции обычно можно связать с противоположными взглядами на грибы как элемент кулинарной системы. Как правило, наиболее отрицательное отношение к грибам наблюдается в тех кулинарно-пищевых режимах, которые тяготеют к правым ветвлению известной схемы К. Леви-Стросса⁹:

Для таких диетических режимов (*régime diététique*) характерно отношение к грибам как к "антвище": об этом свидетельствуют предания, согласно которым некогда (до начала "культуры", до появления первого культурного героя) предки данного коллектива ели грибы (ср., напр., мифы мундуруку и тукуна, приведенные и проанализированные К. Леви-Стросом, или местные русские прозвища, типа грибоеды). Отказ от использования грибов в пищу нередко связывается с одним из первых и важнейших деяний культурного героя данной традиции и приводится к вступлению из "природы" в "культуру". Грибы как пища обычно связываются с плесенью, которая, по многим версиям, появляется на трупе¹¹). Они относятся к

⁹ См.: Lévi-Strauss C. Mythologiques. I. Le cru et le cuit. Paris, 1964; Idem. Du miel aux cendres, p. 29-30.

¹⁰ Возможны дальнейшие ветвления, например, мясо каннибала-мясо не-каннибала.

¹¹ Ср. мифы тукуна о сумасшедшем охотнике (M_{240}) или о семье, превращенной в ягуаров (M_{304}). В последнем мифе существует мотив старухи, убившей сына и пытавшейся дать своим внукам печень убитого сына под видом древесных грибов. К соотнесению грибов и плесени на

тому периоду, когда еще не было земледелия и кухни, введение которых привело к формированию противопоставления сырой - вареный, гнилой - ферментированный (ср. мед - пиво). С точки зрения "культуры" в целом грибы начинают рассматриваться как нечто связанное со смертью и голодом (как у многих южноамериканских индейцев), как пища мертвых (оджибуэи), как испражнения (часто небесных объектов, например, грома у индейцев *Siciatl* или *Seechelt*, радуги у индейцев *Toba* и т.п.)¹²). Но наряду с этим, т.е. принимая отрицательное отношение к грибам, многие традиции, перешедшие от "природы" к "культуре", обращаются к грибам с более частными потребностями. Ср. сжигание грибов для изгнания злого духа у апачей; приготовление напитка из грибов для бесплодных женщин, желающих иметь детей, у индейцев *Warrau*; использование грибов в их психотропической функции - употребление в пищу сырых грибов у индейцев канайма в Гвиане, или изготовление из грибов опьяняющего напитка у юримагуа (на сев.-зап. Амазонки), или, наконец, жевание эолы грибов (нередко в смешении с табаком) у эскимосов и атабасков с целью поднятия настроения (иногда вплоть до экстатического состояния)¹³. Однако в общем в таких мифофобских культурах грибы идентифицируются как природное (а не "культурное"), растительное, сырое (не ферментированное), гнилое (не вареное), что в сумме и определяет запрет на их потребление в пищу (кроме описанных исключений) и отнесение их к хтоническим объектам. Любопытно, что в традициях, тяготеющих к левым ветвлениям вышеприведенной схемы, запреты на потребление грибов в пищу встречаются несравненно реже, зато гораздо чаще сохраняется культ грибов (хотя бы в редуцированном виде) или указания на их связь с небесной сферой, что, конечно, никак не исключает отрицательного отношения к

языковом уровне ср. франц. *mousseron* 'род съедобного гриба', из ст.-франц. *moisseron*, *mouscheron* (откуда ср.-англ. *mouscheron*, англ. *mushroom*), при франц. *moisi*, *moisisseure* 'плесень', *moisir* 'покрывать плесенью' и т.п.

¹² См.: Lévi-Strauss C. *Les champignons dans la culture...*, p. 15. Впрочем, взгляд на грибы как на испражнения (особенно божественных существ) не столько указывает на отрицательное отношение, сколько подчеркивает особую роль грибов на пути от природы к культуре при учете различий между божественным и человеческим аспектами этой проблемы (ср. мотивы пищеварения и его результатов, рвоты в связи с этой темой); следует напомнить, что греки называли грибы 'пищей богов', *cibus deorum* в латинской передаче Светония (*Nero*, 33), ср. θεῶν βρῶμα. Dio Cassius 61, 35, а ацтеки - *teo-nanácatl* 'Божья плоть'; ср. также ст.-флам. *dyvelsbrood* 'хлеб дьявола' и т.д. (ср. представление о грибах как пище мертвых у оджибуэев).

¹³ Там же, с. 15.

грибам и в этих традициях. Яркий пример - упреки Августину в адрес манихейцев за их пристрастие к грибам и некоторым другим продуктам¹⁴).

Выше говорилось о том, что с грибами связаны пищевые запреты, во-первых, и оппозиция мужской-женской, во-вторых. Действительно, в целом ряде традиций существует непосредственная и вполне осознаваемая связь между пищевыми запретами и правилами брачных отношений, часто формулируемых также в виде запретов. Эта связь может выражаться на языковом уровне (как, напр., в йоруба, где 'есть' и 'сочетаться' выражаются одним и тем же глаголом; ср. франц. *consommer* в отнесении к этим же двум сферам и т.п.¹⁵); в правилах поведения (ср. запреты на употребление в пищу мужчиной, особенно перед соитием, некоторых растений и животных, запрещенных его жене, из опасения, что эта запретная пища перейдет во время соития в жену)¹⁶; в преданиях, мифологии, символике и т.д. (ср. образы мужчины - едока и женщины - едомого, как и противоположный образ *vagina dentata*, откуда *vagina=rot*¹⁷).

¹⁴ Ср. Quid porro insanius dici cogitari potest, hominem boleto s, orizam, tubera, placentas, ca-roenum, piper, laser, distento ventre cum gratula-tione ructantem, et quotidie talia requirentem non inveniri quemadmodum a tribus signaculis, id est a regula sanitatis excidisse videatur. - De oribus Manichaeorum. Cap. 13, § 30. Ср.: Wason R.G. Soma..., p. 71-72.

¹⁵ См.: Lévi-Strauss C. La pensée sauvage..., с. 139. Здесь же указывается, что в ряде языков "инцест" и "каннибализм" как две гиперболические формы половой связи и пищевого режима могут обозначаться одним и тем же словом (ср. *kuta kuta* в языке Коко Уао на мысе Йорк). Русск. есть в значениях 'édire' и 'futu-ére', разумеется, результат конвергенции, но обусловленной и более общими представлениями о связи этих двух сфер и других соотносимых с ними (рвать, изрыгать = родить). Нечего и говорить о сходной символике этих "двух актов". Сходным образом у понапе отождествляются инцест и съедение тотема, а у матабеле и машона (в Африке) слово для тотема обозначает и "*sororis vulva*". Такого рода факты подтверждают предположение об одинаковой древности пищевых запретов и экзогамических предписаний. Косвенно эта же ситуация отражена в тантристском ритуале *raïsa-makâra*, объединяющем пользование мясом, рыбой, жареным зерном, вином и соите.

¹⁶ См.: Firth R. We, the Tikopia. New York-Chicago, 1936, p. 319-320; Evans-Pritchard E.E. Nuer Religion. Oxford, 1956, p. 86 и др.

¹⁷ *Vagina dentata* может изображаться как агрессивное начало, угрожающее мужчине кастрацией, и как пассивное начало, воспринимающее мужскую жизненную силу. Отсюда, в первом случае, обращения типа "Царапающаяся

Поэтому нет ничего удивительного в том, что один из наиболее распространенных мотивов, связанных с грибами, предполагает их деление на мужские и женские, опирающиеся, если говорить в самых общих чертах, на противопоставление грибов по их внешнему виду. Ср., с одной стороны, грибы с отчетливо выраженной ножкой и шляпкой в виде колпачка, а с другой — грибы без ножки или с ножкой, неотделимой от шляпки, и шляпкой в виде углубления (ср. противопоставление грибы:губы там, где ни грибы, ни губы не претендуют на единственно возможное общее обозначение грибов¹⁸)). Эти два ряда отождествлений грибов в некоторых традициях настолько устойчивы, что гриб, считаемый мужским, и *membrum virile* обозначаются одним словом¹⁹), а гриб, признаваемый женским, имеет то же назва-

она, кусающаяся она, когтистая, как отравленное ядом — для еды (*áttave*) "или "не будь мужеубийцей" (*áratighny edhi*) в древнеиндийском свадебном гимне (RV X, 85, 34, 44) и, во втором случае, культивирование (особенно на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии) мужчиной особого искусства соития, гарантировшего сохранение жизненной силы (ее непередачи женщине). См.: *Van Gulik R.H. Sexual Life in Ancient China. Leiden, 1961; Idem. Erotic Colour Prints of the Ming Period. Vol. 1-3. Tokyo, 1951*; ср. от части: *Malinowski B. Sex and Repression in Savage Society. New York, 1927*. Ср. также: *Gessain R. Vagina dentata dans la clinique et la mythologie. - Psychanalyse et les sciences de l'homme. Paris, 1957*, p. 247-295 и др. Аналогия между разинутым ртом и разверзшимся лоном и родами и едой проанализированы в кн.: *Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965, с. 240, 303 и др.*

18 Подобно тому, как грибы могут выражаться двумя словами (грибы и губы), так и губы передаются через те же два слова (губы и грибы); ср. с.-хорв. *wargā* 'гриб' при польск. *warga* 'губа'.

19 Ассоциация такого рода, в частности, неоднократно отмечена у американских индейцев; ср. также русск. *пупарь* '*membrum virile*' и название вида грибов; лит. *budė* 'гриб' и 'оселок' (также и *būdė*) и др. Наконец, и научной микологической терминологии не чужды подобные ассоциации, ср. наименование бледной поганки — *Amanita phalloides* и под. Ср. характерные русские неприличные выражения (кстати, не раз используемые Достоевским в его произведениях) *съешь гриб* ("Господин Прохарчин"); *Ракитка, тт гриб, а он князь!* ("Братья Карамазовы"); *огрибел* ("Записные книжки") (где гриб = 'penis', употребляемому в более откровенных вариантах, ср. *сморчок* в этом же значении), ср. прозвище *грибоеды* под этим углом зрения. Ср. еще: "Куда мне, старому грибу, с молодой женой возиться" (*Мельников-Печерский. В лесах, т. 1 ч. II, гл. 4*). Не менее поучительны и другие контексты, ср.: "Раду-

ние, что и *vagina*. В этой связи интересна история и.-евр. *gmbh-, *gombh-, отразившегося, с одной стороны, в др.-инд. *gabha* - 'vulva' (ср. др.-инд. *gámbha*, *gambhára*, *ga/m/bhirá*, авест. *jaθnī*, др.-греч. *βαφή* - все со значением углубления, ср. др.-сев. *kafa* и под.), в слав. **ugba* (ст.-слав. ГУБА, словен. *gúba* с.-хов. *губа*, польск. *gubka*, *губка*, чеш. *houbá*, вост.-слав. *губá*, *губа* и под.), обозначающем и класс "женских" грибов и '*vagina*' (и 'губка'), а с другой стороны, - лит. *gimbas*, *gimbras* 'шишка', 'желвак', 'нарост' (ср. два значения в русск. *шишка*), др.-исл. *kumbr*, пушту *umba* 'шишка', ср.-перс. *gumbad*, *gumbad* 'выпуклость'. Иначе говоря, существенны два рода фактов, от-

ются девки грибкам-первачкам... самим наестся и парней накормить, коли придут на грибовые девичьи гулянки. Придти бы только долговязым! Вволю бы девки над ними натешились, до крови нарывали бы уши пострелям на нову новинку (с авторским примечанием: Известный старинный обычай - драть за уши всякого, кто первый раз в том году ест новинку:... первые грибы...). Для того больше грибовны девичьи гулянки и затеваются... благо пасха была поздня - грибы наперед всех святых уродились... Пришли и парни ... их дело не грибы собирать, а красным девкам помогать. Только что в лес - хохот, взвизги. Верны девки старому завету: с кем зимой на супрядках, с тем летом на грибках ... принялись грибы жарить... девки кормят каждая своего со своей ложки ... А под вечер каждый с зазнобушкой в кустики ... Ох, грибы-грибочки! темные лесочки! (Там же, ч. III, гл. 6, с дальнейшим рассказом о Маланье (= молнии), как "пошла она в лес по грибочки, да нашла девичью беду непоправную..."). Несколько иной характер имеет отсылка к сходному образу у Лескова: "Ты не смотри на меня, что я такой гриб лафертовский: грибы-то и в лесу живут, а и по городам про них знают" ("Соборяне"). Наконец, здесь же уместно вспомнить "грибную" тему в "Волшебной горе" Т. Манна - лекцию доктора Кроковского о любви и смерти: "Итак, в этой связи ученый муж ... заговорил о ботанике, то есть о грибах - порожденных мраком мясистых и причудливых формах органической жизни, плотских по природе своей и близко стоящих к животному царству ... особо остановился на одном грибе, своей формой и присыпаемой ему магической силой стяжавшем себе известность еще в классической древности - на с м о р ч к е, в латинском наименовании которого фигурирует эпитет *impudicus*, видом своим он напоминает о любви, а запахом о смерти. Дело в том, что когда с колокольчатой шапки *impudicus'a* стекает покрывающая ее зеленоватая липкая слизь..., от него, как это ни странно, исходит сильнейший трупный запах. А у простонародья гриб этот до сих пор почитается средством, возбуждающим половое влечение" (Собр. соч., т. 4, М., 1959, с. 34-35)

носящихся к этому корню. Первое – использование его для обозначения гениталий и грибов. Второе – отражение в этом корне амбивалентного отношения в *пуклое – вогн* у то е, принадлежащего к архетипическому слою и универсально используемого в символике полов²⁰).

Более опосредованно те же отношения присутствуют в противопоставлении мужских и женских названий грибов (ср. *матрена*, *окуля*, *арина*, *дуня*, *но вакюха*, *иванчик* и т.д.) или соответствующих животных символов (ср. *коровка*, *овечка*, франц. *vache blanche* 'грусь', нем. *Kuhpilz*, *Pferdepilz*, *но бик*, *бычок*, *волуй* (ср. лат. *boletus bovinus*), *козел* и т.п.)²¹). В данном случае не столь существенны актуальные мотивировки названий (например, *Kuhpilz* – гриб, который едят коровы, т.е. не съедобные для человека, и под.); важнее, что сам принцип наименования грибов по женским и мужским именам или особенном стал одним из ведущих классификационных мотивов. Те же отношения более косвенным образом отражаются в отождествлениях, выступающих, в частности, в приметах (ср.: когда рождается много мальчиков – будет в ойна; когда большой урожай грибов – будет в ойна; следовательно, мальчики и грибы в данном случае входят в класс объектов, выполняющих одинаковые функции)²²; в соответствующих запретах или разрешениях собирать, есть или даже смотреть на грибы, различных для мужской и женской

20 В свете ностратических перспектив сюда же, возможно, следует отнести тюркск. *гöмба* 'гриб' (ср. башк., татар. *кёб~кём~гём* 'раздуваться', 'разбухать' + *бä*, к семантике ср. слав. *gribъ* : *grebρ*) и даже япон. *kobi* 'шишка', 'горб': *kubo* 'углубление', 'впадина' (ср., в частности, япон. *kabu* 'пень' и 'репа', тагал. *kabuti* 'гриб' и под.) и многочисленные примеры сходного типа, связываемые с комплексом – *g/k-(m)-b/p*. Ср. отчасти: Стромятников Н.А. Теория изосемантических рядов. – Studies in General and Oriental Linguistics. Presented to Shirô Hattori. Tokyo, 1970, p. 563–564.

21 Ср. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М. 1967 (II. Названия грибов, с. 149–202)

22 К отождествлению мальчик = гриб ср. загадки о грибах типа: М а л ь ч и к с п а л ъ ч и к, беленъкий балахончик, красная шапочка; М а л е н ъ к и й у д а л е н ъ к и й сквозь землю прошел – красину шапочку нашел; М а л м а л ы ш о к по подземелью шел. Перед солнцем стал, колпачишко снял; В лесу на пригоре стоит Е г о р к а в красной шапке; Стоит А н т о ш к а (Т р о ш к а) на одной ножке (ср. также: Стой с т а р и ч о к – красный колпачок; На бору, на юру стоит с т а р и ч о к, красный колпачок) и под. Ср. однако: На лесной полянке красуется Т а т ь я н к а – алый сарафан, белы крапинки (о мухоморе). См.: Загадки. Издание подготовила В.В. Митрофанова. Л., 1968, с. 69.

части коллектива; в мифах, этиологических преданиях, сказках, где различия двух указанных типов грибов сюжетно соотносятся с противопоставлением мужчин женщинам (соответственно — их атрибутов), ср. некоторые северные предания о грибах в связи с *vagina dentata*; любопытно, что этот мотив нередко включает в себя и объяснение происхождения Грибов²³. Особый интерес в связи с дальнейшими соображениями представляет мотив № 365, 3, 2: М а л ь ч и к о бъявляет, что его ж е н о й станет та, которая съест г р и б; собственная сестра мальчика съедает г р и б, и он в страхе убегает от нее²⁴ (тема угрозы инцеста). Вместе с тем существуют мотивы, весьма далеко ушедшие от исходного и все же позволяющие обнаружить хотя бы следы старой схемы²⁵.

Связь грибов с противопоставлением м у ж с к о й — ж е н с к и й, в частности, кодирование членов этого противопоставления с помощью мико-классификаторов, прослеживается в многочисленных образцах "низовой" подцензурной комики и символики (о чем здесь специально говориться не будет). С ними так или иначе связана и символика орнамента (по крайней мере, в ряде ее интерпретаций), когда мужские и женские знаки одного уровня осмысливаются как знаки двух типов грибов на другом уровне. Это происходит обычно в случае таких диахронических последовательностей, как:

Мужские знаки	Женские знаки
I ↑	↑
II ↑	↓
III	▽

Естественно, нельзя настаивать в каждом конкретном случае на том, что знаки вида I имеют своим источником именно образы грибов (а не солярные и лунарные, например).

²³ Наиболее интересен кетский вариант: Прежде бабы (возникшие из земли, брошенной богом Неба Есем левой рукой вправо) и мужики (из земли, брошенной Есем правой рукой влево) жили розно. Фаллосы росли в лесу, куда бабы ходили по мере надобности. Одной из них надоело ходить в лес, она вырвала фаллос и принесла его в чум. Далее рассказывается, как в результате одного приключения его обладателем оказался мужик, а фаллосы в лесу захирели и превратились в грибы; их едят русские, у кетов же они вызывают рвоту. См.: Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остыков — СбМАЭ, т. 2, вып. II, СПб., 1914, с. 9.

²⁴ См.: Thompson S. Motif-Index of Folk Literature, v. 1-6. Bloomington, 1955-1958; Thompson S., Balyz J. The Oral Tales of India. Bloomington, 1958.

²⁵ Ср.: г р и б ы съежились в воде; глупый м у ж, считая, что ж е н а съела часть их, убивает ее, см.: Thompson S. Motif-Index, J. 1813, 1; Smith E.W., Dale A. The Ila-Speaking People of Northern Rhodesia, v. 2. London, 1920.

Но ряд аргументов делает правдоподобной хотя бы в части подобных образцов интерпретацию таких элементов орнамента как знаков грибов: языковые отождествления мужских и женских атрибутов именно с грибами; использование этих знаков в картишах, окружающих универсальные схемы типа мирового дерева с уже имеющимися при этом изображениями солнца и луны (причем, если верить показаниям носителей данных традиций, картиши, построенные из таких знаков, служат магическим приемом вызывания и увеличения плодородия; ср. то же о грибах /см. ниже/); наличие в ряде традиций примеров дублирования мирового дерева и грибов (лучший пример – изображение трехчленного по вертикали и по горизонтали гриба на эрмитажной ткани из ноинулинского могильника в Монголии (I в. до н.э. – I в. н.э.); по сторонам гриба сверху – две птицы; гриб окружен справа и слева изображением мирового дерева; вся композиция повторяется несколько раз, приобретая функцию орнамента)²⁶; весьма близкое сходство между мужскими и женскими знаками приведенного типа и видом шашечных фигур в ряде традиций (ср. старые кетские шашки, шашки из Мохенджо-Даро и др.). При этом носители данной традиции четко различают мужские и женские шашки, имеют для них особые названия²⁷ и рассматривают

²⁶ Об этом изображении см.: *Trever K.V. Excavation in Northern Mongolia. Leningrad, 1932 (pl. 15); Kozlov P.K. Comptes rendus des expéditions pour l'exploration du nord de la Mongolie. L. 1925 (fig. 12); Yetts W.P. Discoveries of the Kozlov Expedition. – Burlington Magazine 48 (April), 1926 (176, pl. 4H); Sullivan M. The Birth of Landscape in China. Berkeley-Los-Angeles, 1962, p. 52 и след.; Willets W. Chinese Art. London, 1958, p. 290 и след.; Wasson R.G. Soma..., p. 89 (pl. XVI-XVII) и др. – Учитывая ноинулинские изображения, можно попытаться несколько по-новому проинтерпретировать и известное изображение хопи (облака, молния, дождь): *

См.: Boas F. Primitive Art. Oslo, 1927, p. 120, fig. 117 (ср. также рисунок пузебло, fig. 118; три треугольника, над которыми три птицы; интерпретация: дождь из облаков и плодородие). Как бы то ни было, эти два изображения в сумме весьма близки и к композиции ноинулинского рисунка, и к излюбленным китайским изображениям грибов *Ling-chih* (громовые грибы) около мирового дерева, и к схеме мифа (возникновение грибов – знака плодородия от удара молнии и дождя). Ср. также новую интерпретацию рисунков на спине статуй на о-ве Пасхи (элементы жизни: Солнце, Луна, Молния), см.: Mazière F. Fantastique île de Pâques. Paris, 1965.

²⁷ В этом смысле шахматы представляли собой более позднюю и сложную ступень развития, на которой противопоставление мужской – женской заменя-

игру как некую модель социальной структуры коллектива (поединок между мужской и женской половинами). В связи с этим уместно вспомнить о мотиве войны мужских и женских грибов друг с другом (с подчеркиванием темы связи с человеческими атрибутами), отраженном в сказках типа 297 В

ется более абстрактным белый - черный, тогда как сама пара мужской - женской вводится внутрь элемента белый и внутрь элемента черный. Следует при этом помнить, что некогда отношение между всеми этими элементами выглядело иначе (напр., мужской и белый, но женский и черный). Ср. в старых монгольских шахматах - мужчины красной стороны и мужчины зеленою стороны, см.: Montell G. Mongolian Chess and Chess-Men, - Ethnos, v. 4, 1939, p. 81-104; см. отчасти: Murray H.J.R. A History of Chess, Oxford, 1913; Орбели И., Тревер К. Satrang, книга о шахматах. Л., 1936 и др. - Подобная указанная интерпретация фигур обеих сторон заставляет предполагать, что вся первоначальная схема игр типа шашек или шахмат (др.-инд. *caturāṅga*, собств. "четыре угла", ср. ниже о роли числа четыре, четырех направлений, четвертого дня в связи с грибами) могла представлять собой что-то вроде универсальной композиции типа мирового дерева с акцентом на социальных отношениях. Характерная терминология игры ('быть', 'поражать', 'есть', 'брать') опосредованно воспроизводит названия основных предикатов в мифе о происхождении грибов или - шире - культурных растений, см. ниже. Наконец, следует отметить, что 'быть', 'поражать', 'ударять', 'брать', 'есть' (как и 'палка', 'кий' и т.п.) - всё это слова, употребляющиеся в отчетливо эротическом смысле. Более того, в некоторых ситуациях типа карнавальных именно этот смысл выходит на первый план (ср. *baston de mariage*, *baston à un bout* и под. у Рабле и его современников). См.: Бахтин М.М. Указ. соч., с. 222-223; здесь же см. об амбивалентности значения этой группы слов (убийство, умерщвление, конец старого - дарование жизни, рождение, начало нового). Учитывая все это, приходится видеть в играх типа шашек (по крайней мере, для определенного периода), если не сам ритуал, то его имитацию в миниатюре, со-поставимую с другими архаичными ритуалами, в которых идет игра на амбивалентности понятий жизни и смерти, на нейтрализации этого противопоставления. О роли игры у Рабле и в карнавале см. также у Бахтина М.М. (с. 254 и след.). Интересно, что индейские племена салишской группы считают, что грибы (*fungus*) являются талисманом, необходимым для победы в игре. Кстати, именно эти племена (как и некоторые из их соседей) составляют микофильское исключение среди индейцев (ср. употребление ими грибов в пищу, для приготовления лекарств, натирание тела грибами для приоб-

(Аарне)²⁸, песнях и разного рода брахилогизмах (ср. также детские игры, считалки, присказки). Учет всех этих отражений существен при реконструкции мифологических представлений о грибах. При этом не должно смущаться тем, что наиболее значительные мифологические и космологичес-

ретения силы, использование названий грибов при обозначении кланов и т.д.). См.: Lévi-Strauss C. Les champignons dans la culture ... р. 14 и след.

²⁸ В русской традиции сохранились лишь вырожденные (юмористические) варианты, ср. сказки типа Афанасьева № 90 (Андреев* 297) и связанные с ними песни (ср.: Грибы. Русская народная песня. М., 1916), речения, подобные Это было при царе Гороже, когда грибы воевали и т.д. Интересно, что в сказке содержатся (хотя и в трансформированном виде) такие архаичные типы, как: перечисление грибов (=боровик, белянки, рыжики, волнушки, опенки, грузди); указание на социальное положение (таки 'белые грибы' и 'мифические богатыри или великаны, обитавшие на городцах и относившиеся враждебно к населению' (см. Мельниченко Г.Г. Ярославский словарь. Ярославль, 1961, с. 141); боровик, всем грибам полков (н) и к...; отказались белянки: "Мы грибовые дворянки...", отказались рыжики: "Мы богатые мужики..." и т.д.; ср. также образ Царя грибов в сказках или ценимый римлянами цезарьский гриб); противопоставление грибов (мужских) губам (женским) (=грузди) (все грибы отказались идти на войну, а грузди пошли: "Мы, грузди, ребятушки дружны, пойдем на войну!"). В этом смысле русская сказка сопоставима в своей основе и со схемой игр типа шашек и шахмат, и со схемой основного мифа о грибах, о чем см. ниже. Существуют и литературные обработки и продолжения мотива 297 В, см. Marcinkevičius. J. Grybų karas. Vilnius, 1958; несколько иные мотивы подчеркнуты в кн.: Isokas G. Grybų karnavalas. Vilnius, 1970 (ср. кн.: Грибы. Русская сказка в стихах. Псков, 1837). В книге Г. Иоскаса подчеркнут ряд существенных мотивов, связанных с грибами и опирающихся на фольклорную традицию. В старину все грибы были одинаковыми и различались только именами; однажды осенью был устроен грибной карнавал, на котором должен был избираться царь грибов; грибы облачились в разные цвета одежды, разделились на братьев и сестер и встали по четвере (ср.: O mes- tr̄im itēliai, pūptotaukšliai, dyglūciai, mustmires, voveruškos, Kazlėkai... - ūaukė grybai ir stojo roketi r̄is..., с. 18); возникший спор не привел к выбору царя, а каждый гриб навсегда остался в своей одежде и был выбран для еды соответствующим зверем (например, briedis 'олень' - mustmirė 'мухомор' и т.п.); к trimitėliai

кие мотивы сохраняются, в частности, в шуточных детских стихах и играх²⁹.

Сказанное выше, особенно в связи с толкованием некоторых видов орнамента, не следует понимать в том смысле, что все такие случаи нужно объяснять как отражение образа грибов. Существенно другое - данное соотношение форм несомненно отражает некое достаточное элементарное и, по всей видимости, архетипическое представление, своего рода функцию, которая может воплощаться целым рядом конкретных знаков, и грибы лишь один из них. Если необходимо определить эту функцию и соответствующие представления, предания, мифы и т.п., то, естественно, приходится обращаться ко всему классу синонимичных в данном отношении (изофункциональных) объектов. Говоря в общем, объекты выбираются таким образом, чтобы особенно подчеркивалось противопоставление активного, проникающего и пассивного, проницаемого (воспринимающего) начал. Такая структура позволяет определить функцию и прагматику всего этого отношения - преодоление разъединенности, достижение состояния единства, первоначальной полноты и самодостаточности³⁰. Оставляя пока в стороне рассмотрение этих двух начал, достаточно ограничиться здесь тремя замечаниями. Первое из них имеет целью установить некий временной ориентир в развитии этих форм (выпуклый : вогнутый, округлый : острый и под.). Речь идет о том, что уже древняя мегалитическая культура, отраженная памятниками на пространстве от Средиземноморья до Индии, Тибета, Китая, Индокитая, знала объекты, воплощающие эти противопоставления. Эволюция этих объектов привела к появлению таких сооружений как ступа, пагода и т.п., с одной стороны, и столп, шест, скипетр, ваджра и т.п. - с другой (в частности, те и другие имеют непосредственное отношение к похоронам и свадьбе). При этом в ряде традиций весьма четко сохранялась семантика этих объектов (ср. отчетливо выражаемое фаллическое значение шеста *Ma-ni* или его диахронических вариантов - стрел, копья и т.д. в Тибете³¹;

и соответствиям между грибным и анимальным кодами см. ниже. Ср. отчасти: *Isokas G. Šimtas girių mūsių*. Vilnius, 1960.

29 Ср. миф о мировом яйце и сказку о курочке рябье; похищение Драконом девицы и игру "Испекли мы каравай"; миф о начале плодородия и сказку о войне грибов и т.д. Об архаизмах в детских играх и сказках см. в другом месте.

30 См.: в мифологическом плане - *Eliade M. Méphisto-phélès et l'Androgynie*. Paris, 1962 и в психоаналитическом плане - *Fromm E. The Art of Loving*. N.Y., 1965; *Hunt M.H. The Natural History of Love*. New York. 1959, p. 34. Ср. также андрогинический миф платоновского "Пира".

31 См.: *Hummel S. Geschichte der tibetischen Kunst*. Leipzig. 1953 и другие многочисленные труды этого автора; *Schröder D. Zur Religion der Tujen des Sininggebietes*. - *Anthropos*, 1953, S. 210 и след. Ср. также исследования Ю.Н. Рериха, Дж. Туччи, Р. Гейне-Гельдерна, О. Гута и Э. Русселя и др.

впрочем, те же или иные сходные формы могли входить в ряды других отождествлений³²). В т о р о е замечание относится к зонту как наиболее тесно связанному с грибами изофункциональному объекту. Поскольку в целом ряде случаев отождествление этих двух объектов носит достаточно непосредственный характер (ср. название грибов³³, загадки³⁴, символику³⁵ и т.п.), дополнительные данные,

32 Ср.: Т р е у г о л ь н и к - красный - огонь; к р у г - белый - вода; к в а д р а т - желтый - земля и т.д. (*Kundalini-Yoga*). Ср. также древнемексиканскую символику: *Krickeberg W. Felsplastik und Felsbilder bei den Kulturvölkern Altamerikas mit besonderer Berücksichtigung Mexicos.* Bd. 1. Rudolstadt, 1949, S. 63 и др.

33 Ср. название грибов типа зонтик пестрый или пампанго (центральн. Лусон) *rayung-rayungan kulög*, где первая часть 'подобный зонту', а вторая - 'гром', см.: *Wasson R.G. Lighting-Bolt...*, p. 607.

34 Ср.: Е с т ь и корешок есть и шляпка, а не г р и б (Зонт), см.: Загадки, с. 124; ораон: Велий з о н т стоит в поле (Гриб), см.: *Taylor A. English Riddles from Oral Tradition. Berkeley-Los-Angeles*, 1951, p. 470; бирманск.: Появляется после фанфар, открывает свой белый з о н т, потому что он горд своим царским происхождением (рождением), см.: *Maung Than-Sein, Dundes A. Twenty-Three Riddles from Central Burma.* - JAF v. 77, 1964, p. 69, 74. О зонте как о символе царской власти см.: *Hahn E. Der Sonnenschirm als Königssymbol und die Einführung des Rosenkranz im Westeuropa.* - Internat. Archiv für Ethnographie, Bd. 16, 1904, s. 30-42; к связи зонта с небом (см. ниже о связи грибов с небом) ср. др.-греч. ουρανίσκος 'сводчатый навес', 'балдахин' (ἐν τῷ βασιλεῖ ψέφῳ, Plut.). К отождествлению грибов с зонтом см. известный английский анекдот, построенный на том, что одно и то же изображение один принимает за гриб, а другой за зонт. Среди мегалитов Кералы широкой известностью пользуется "зонт-камень" (*ṭopī-kals*, *kudai-kale*) в виде огромного гриба. См. его воспроизведение в кн.: *Archaeological Remains. Monuments and Museums.* Pt. 1. New Delhi. 1964, Plate IX и р. 37 и 40.

Ср. знаменитые изображения "Священного" гриба в искусстве древних майя доклассического периода (Каминальхуй). Из ножки этих скульптурных (из камня) изображений выглядывает человеческое лицо. Полагают, что это относится к пророческому духу, живущему в грибах (из которых приготовляют галлюцинопогенный напиток) и вместе с напитком переходящему в выпившего его человека. См.: *Duran D. The Aztecs. The History of the Indies of New Spain.* N.Y. 1964, pp. 180, 189, 225-226, 350-351; *Кинжалов Р.В. Искусство древних майя.* Л. 1968. с. 24, 26.

35 С *membrum virile* (помимо гриба) отождествляются з о н т, палка, дерево и т.п., о чем специально пи-

относящиеся к образу зонта и отраженные в мифологии и символике подсознательно, могут быть с осторожностью использованы и при семиотическом анализе образа грибов. Третье и последнее замечание имеет целью обратить внимание на сугубо гипотетическое (но в принципе очень важное) предположение о том, что зрительным образам в выпуклого и вогнутого, построенным при сохранении той же самой формы как противоположные друг другу (обращенные), могут соответствовать построенные точно по такому же принципу языковые выражения, используемые соответственно как названия грибов (причем – для части случаев – вполне вероятно, что эти "обращенные" языковые выражения использовались как раз для различения "мужских" и "женских" грибов). Речь идет о продолжателях двух ностратических корней, находящихся в отношении метатезы друг к другу, – *b/p-N-g/k-: *g/k-N-b/p- (где N – носовая архифонема) или (на индоевропейском уровне) – *bhōNg-: *goNbh-. Ср., с одной стороны, уральск. *raŋga-/*roŋg- (ср. морд. *raŋga*, *raŋgo*, марийск. *roŋqe*, *raŋqe*, хант. *roŋx*, *raŋx*, *raŋga*, манс. *raŋx*, *riŋka36); палеоазиатск. *roŋ (ср. кетск. *haŋgo*, юкаг., чукотск., корякск., камчад. и т.п. примеры)³⁷; индоевр. – др.-греч. σπόύγος, σπόύη, σφύγος, лат. *fungus* и т.п.³⁸ и, с другой стороны, слав.*

сал Э. Фромм в начале 50-х годов. Интересно, что оба эти символа сходным образом толкуются в снах – счастье, плодородие, богатство, долгая жизнь, защита. См.: *Jobes G. Dictionary of Mythology, Folklore and Symbols*. New York. 1962, Pt. 2, p. 1139, а также ключ к толкованию снов в Атхарваведе, где говорится о зонте, молнии и т.п. (*Parīśiṣṭā* 68), см.: *Esnoul A.M. Les songes et leur interprétation dans l'Inde*. – Sources Orientales II. Paris, 1959, p. 217 и др. Впервые этот круг вопросов получил интерпретацию в фрейдовском "Die Traumdeutung".

³⁶ Ср. ноганас. *fazka?am* 'быть в опьянении', коми *pagalny*, *pagawny* 'терять сознание', 'отравиться' и т.д. Может быть, прав П. Сок, связывавший с.-хорв. *münjen'stultus* (ср. словен. *mólnjav*, *mólnjen* 'ошеломленный', диал. *mólnjenost*, *münjenost* 'бездарство', 'безумие') с слав. **młonji* 'молния'. Иначе: *Bezlaj F. – Этимология* 1973. М., 1975, с. 182.

³⁷ Данные о *raŋ, *roŋ собраны в кн.: *Wasson R. G. Soma...* с. 164 и след.

³⁸ Ряд новоиндийских языков знает слова, обозначающие 'безумный', 'безумие' и под. и восходящие к гипотетическому др.-инд. *paggala, видимо, неарийского происхождения. См.: *Turner R.L. Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*, № 7643. Интересно, что обе вышеприведенные ностратические схемы, связываемые с обозначением гриба, одновременно относятся и к конопле (ср. греч. κάνναβις, нем. *Hanf*, русск. конопля, но др.-инд. *bhangá*, авест. *baŋha-*, *bangha-*, н.-перс. *bang* и т.п.), которая, как и определенные виды гри-

gomba (др.-инд. *gabha-*), венг. *gomba* (ср. *bolond gomba* 'сущий, масштабный гриб', подобно нем. *Narrenschwamm*, с.-хорв. *luma glica* и т.д.), лит. *gim̩b(r)as*, др.-исл. *kumbr* и др. В качестве семантически отмеченных членов ср. кетск. *haŋgo* в связи с упоминавшимся выше преданием и слав. *gøba* в его двух значениях. Если эта гипотеза верна, то она открывает путь и к объяснению ряда других слов, до сих пор остававшихся этимологически неясными³⁹. Наконец, не исключено, что слова этого корня могут оказаться и в других языках⁴⁰.

* * *

Другой круг мотивов, отраженных в языке, поверьях, приметах и т.п. вплоть до мифов, связывает грибы с молнией и громом, грозой (причем нередко в их божественном воплощении)⁴¹. Об этом свидетельствуют многочисленные показания старых культурных традиций, собранные Р.Г. Уоссоном. Среди них стоит отметить распространенную среди греков и римлян поговорку о том, что гром, а не дождь, заставляет расти грибы, под-

бов, используется для приготовления галлюцинационных средств. Сама "перевернутость" указанных двух корней иногда соотносится (иконически) с "перевернутостью" сознания как результатом употребления этих средств (мухомор, конопля), ср. идею В.И. Абаева.

³⁹ Ср. вед. *kṣoṇṭ* при и.-евр. **skoū-*, **ski-* (ср. лит. *skuijā* 'хвоя' и его славянское соответствие). К др.-инд. *kg-*: и.-евр. *sk-*, слав. *x* ср. *kṣudh(a)*: *skusti* (*skudai*): *xidv* и под. Интересен в этой связи анализ слова луна' месяц' и 'ямка', 'углубление'.

⁴⁰ Р.Г. Уоссон поставил такой вопрос в связи с кит. *mo-ki*, обозначающим съедобные грибы (возможно из монгольского; **roŋ?*) и маор. *pangē*, *pangī* 'tinder, touchwood, made from spongy fungus'. Допустимо думать и о других возможностях. Ср. австралийский мифологический термин *baŋ* с широким кругом значений, от 'мертвый', 'дух', 'призрак', 'тень' до 'человек', 'я', 'оккультная сила', см. об этом слове: *Worms E.A. Australian Mythological Terms: Their Etymology and Dispersion. - Anthropos, Bd. 52, 1957, p. 732-763.*

Характерно, что душа умершего человека приобщается к растительной жизни (или животной), см. интересное наблюдение о том, что у туземцев *Bagu* и *Gwini* (Северный Кимберли) имя умершего переходит из первого именного класса (обозначение людей) во второй (обозначение животных), см.: *Capell A. Mythology in Northern Kimberley. - Oceania, v. 9, 1938-1939, c. 385.* Обращает на себя внимание, что *baŋ* используется для обозначения почти всех основных объектов, которые в других традициях связаны в мифе с грибами.

⁴¹ Подробнее об этом см.: *Wasson R.G. Lightning-Bolt..., p. 605-612.*

тверждаемую и другими сообщениями сходного типа⁴²); аналогичные представления в Индии, Кашмире, Иране, известные уже со времен Калидасы⁴³, у аравийских бедуинов⁴⁴, на Дальнем Востоке, в Океании, у мексиканских индейцев⁴⁵ и т.д. Среди всех этих данных особенно замечательны две категории случаев – когда связь с громом, молнией, дождем отражена в самом названии гриба (или когда названия гриба и молнии и грома передаются сходными словами) или же когда сохраняются особые грибные ритуалы. Первая категория случаев отражена в таких типичных названиях грибов, как русск. громовик, дождевик (ср. грибной дождь), словен. *molnjeni grob* 'Amanita muscaria' и т.д.; у маорийцев *whatitiri* обозначает 'гром' и 'гриб' (характерно, что имя мифической прародительницы-предка – *Whatitiri*, а ее внук *Tawhaki* испускает из подмышек м о л н и и⁴⁶; пампанское название гриба содержит элемент *kulog* 'гром', подобно китайским названиям, сообщаемым в "Истории грибов", написанной в 1811 г. на японском языке, ср. *Lei-ching T'an* 'гриб, произрашенный громом', *Lei-shēng Chün* 'гриб громового раската', *Lei-Chün* 'громовой гриб'; в ряде алтайских традиций гриб своим названием соотнесен с

⁴² Ср.: De tuberibus haec traduntur peculiariter: cum fuerint imbræ autumnales, ac tonitrua crebra, tunc nasci, et maxime e tonitribus. Plin. Hist. Nat. XIX, 37; Post hunc tradentur tubera, si ver tunc erit et facient optata tonitrua cenas maiores. Juven. Sat. V, 116–118 и др. Иной вариант – грибы червивеют от грома (ср. грибы : черви).

⁴³ Ср. в обращении якши к пролетающему облаку: Заслышав гром, твой голос сладостный для слуха, что всю землю Покроет, словно зонтом из грибов (*śi-līndhra-*) – "Мегхадута". В местной традиции этот гриб связывают с коровьим калом (см. выше); *śili* может означать 'червь', 'жаба' (см. ниже).

⁴⁴ См.: Dickson H.R. The Arab of the Desert. London, 1951 (2nd edit.).

⁴⁵ Впрочем, такого рода представления известны и у североамериканских индейцев. Так, напр., некоторые племена на западе от Скалистых гор считают, что грибы рождаются от грома; в верховьях Миссури полагают, что грибы связаны со звездами. (ср. представления *Toba* о связи грибов с радугой) и т.п.

⁴⁶ В связи с дальнейшими рассуждениями существенно, что род *Tawhaki* восходит к людоедке, спустившейся с Неба, и ее мужу, жившему на Земле; сам *Tawhaki* поднимается на Небо в поисках жены или спускается в Переисподнюю по веревке, радуге, лозе и т.п.; отмщает смерть отца, побеждает в играх и состояниях; наконец дает manyu вождям и т.п. Цикл преданий о *Tawhaki* принадлежит к числу самых распространенных в Полинезии, хотя некоторые мотивы ограничены отдельными островами.

небом, ср. монг. тэнгриинку (при тэнгриин 'небесный', тэнгри 'небо')⁴⁷ и т.п. О второй категории случаев лучше всего судить по приведенному Р.Г. Уоссоном описанию сапотекского ритуала, сообщенного ему шаманом⁴⁸. Шаман через четвере дня после последнего сбора грибов обращается к "Силам" с просьбой о грибах - в о - п е р - в ы х, к Земле, в о - в т о р ы х к Богу-Отцу, в - т р е т ь - и х, к Троице, в - ч е т в е р т ы х, к Великому Удару Молнии, который выращивает грибы, в - п я т ы х, к Великому Удару Молнии, который снабжает грибы кровью (характерна числовая константа ч е т ы р е - четыре дня, фактически четыре силы; ср. присловия типа русск. *после дождичка в ч е т в е р г и* некоторые другие аналогии, о которых см. ниже). Впрочем, в самых разных культурных ареалах отмечены сообщения о связи грибов с этими небесными явлениями, с самим небом или с небожителями (соответственно - с миром духов). Вот несколько примеров. Прежде всего - хорошо известный мотив о происхождении грибов из божьего плевка (ThA 2613, 1, A 2686, 1; ATh. 774 L⁴⁹, параллельный мотиву о происхождении растений (Th. 2686), ср. далее о грибах как божьих испражнениях и о связи грибов с небесной мочой. У охотничих племен *Somang* на Малаккском полуострове существует поверье, согласно которому высший небесный бог Кари наделяет все живые существа душами. Души животных он рассыпает, как семена по земле; там, где падают души, возникают грибы. Праматерь зверей, прежде чем произвести на свет потомство, вкушает грибы и соответственно находящимся в них душам рождает животное того или иного вида. В ядовитых грибах содержатся души опасных для человека животных⁵⁰. Попутно следует заметить, что в этом рассказе устанавливается не только эквивалентность данного вида растений и данного вида животных (и их отношение к человеку), но и последовательность их появления, что также существенно для решения разбираемого здесь вопроса⁵¹. В известной степени сход-

47 См.: Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. СПб., 1883, с. 132-138.

48 См.: Wasson R.G. The Lightning-Bolt..., p. 609.

49 См. также: Thompson S., Balys J. The Oral Tales of India; Elvin V. Myths of Middle India. Madras, 1949; Idem. Tribal Myths of Orissa. Bombay, 1953; Wenkataswami M.N. Folklore in the Central Provinces of India - Indian Antiquary, v. 167, N. 86, Dähnhardt O. Natursagen. Bd. II. Leipzig, 1910, с. 107, и др. также отмечены итальянский, венгерский, литовский варианты.

50 См.: Skeat W.W., Bladgen Ch.O. Pagan Races of the Malay Peninsula, v. 1. London, 1906, p. 4f.

51 О соответствиях такого рода см.: Mooney S. Myths of the Cherokee. - 19th Annual Report of the Bureau of American Ethnology of Smithsonian Institute. Washington, 1900; Roth W. An Inquiry into the Animism and Folklore of the Guinea Indians. - 30th Annual Re-

ный с предыдущим мотив отражен в представлениях населения Ягнобской долины⁵². Согласно этим представлениям, гром возникает при рождении на небе божества. "Великая Мать" вытряхивает из своих одежд в шей, которые, падая на землю, превращаются в грибы (при раскатах грома дети кричат: *Puri, puri, xorč*, где *puri* - название растения, а *xorč* - гриб)⁵³. Иногда отношения между грибом и небесными объектами несколько затемнены. Так, африканские пангве считают, что *Nsambe* создал лишь живые существа. Земля же возникла из нижней половины древесного гриба, а небо - из верхней половины подобно тому, как они возникают из яйца (кстати, далее половины гриба приравниваются к двум яйцам). Отсюда же возник весь видимый мир: солнце, звезды, деревья, горы, реки, праматерь, которая, как и древесный гриб, называется *Alonkok*. Молния находилась спрятанной в яйце, с ее помощью праматерь получила огонь. Далее она родила близнецов - *Nkombodo* (болотный холмик) и *Odangeteko* (большая гора)⁵⁴, которые произвели на свет *Maböge* и его сестру, от которых, в свою очередь, произошел высший бог и прародитель *Nsambe*⁵⁵. О последнем известно, что он живет на небе ("Господин неба"), ведает громом и молнией; при отсутствии дождя ему приносят в жертву черного

port..., 1915; *Nordenkiöld E. Forschungen und Abenteuer in Süd-Amerika. Stuttgart, 1923; Nimuendaju C. The Apinaye. - Anthropological Series, Washington, 1939, № 8, p. 146; Pelikan W. Geheimnisvolle Beziehungen zwischen Tier und Pflanzen. - Weleda-Nachrichten, 1950, № 23, s. 7f.; Jensen Ad.E. Mythos und Kult bei Naturvölkern. Wiesbaden, S. 374f.* Нужно полагать, что известные в самых разных традициях случаи названия грибов по животным опосредованно отражают архаичную систему вегетативно-анимальных соответствий.

52 См.: Андреев М.С. Очерки по этнографии таджиков. - Таджикистан. Сборник статей. Ташкент, 1925, с. 172-173.

53 Учитывая звукоподражательную функцию этих выкриков, можно сходным образом объяснить и русскую загадку *В поле-то го-го-го, а в лесах-то ги-ги-ги. Загадки, № 2442* с разгадкой - Горох и грибы. Ср. при гром - гриб также град = горох (*Рассыпался горох на семьдесят дорог... - Град*). Кроме того, и в загадках горох нередко определяется сходным с грибами образом:... *В сире землю ушел, синю шапку нашел. № 2444-2445* и др.

54 Не исключено, что это противопоставление является трансформацией более древнего - в о г н у т о е (напр., болотная впадина, выемка): в у п у к л о е (гора). Собственно, с этой пары и началось рождение путем соития.

55 Другие его имена - *Njambi, Ndjambi (-Karunga), Nyambi, (N)zambi* и т.п.

быка, расчленяемого на части⁵⁶. Гораздо более сложные представления догонов не будут обсуждаться здесь в деталях⁵⁷. Достаточно отметить следующие мотивы: связь первого бога *Amma* с четырехчастным яйцом ("Матерью звезд"), из которого возникла двойная плацента. Амма из грязи и слюны создал семя дерева *èpè na*; с помощью его вращения последовательно возникли все растения, включая грибы (*tā boy*, собств. 'барабан, бубен гигиены'), а далее - и насекомые. Амма сотворил четыре элемента (в конечном счете - из своей слюны) - землю, воду, огонь, ветер (воздух), чтобы создать *sene na* (четыре его элемента называют "четырьмя ногтями" или "четырьмя пальцами" Аммы). Внутри двойной плаценты Амма создал первое одушевленное существо *pøttq anagøppø*⁵⁸, разделившееся на четыре части. Из четырех *pøttq* здесь существенно называть первого - *pøttq diè* "Великого N", оставшегося со своим отцом на небе, чтобы ведать громом, молнией, дождем, радугой (*pøttq diè* изображается весьма сходно с грибом), и последнего - *qqq pøttq* первое существо, которое, восстав против своего Творца, внесло во Вселенную беспорядок, психологическое разнообразие, если угодно, случайность как шанс. С Ого связаны мотивы нисхождения на землю, измерения Вселенной, превращения в Бледного Лиса; весьма существенно его отношение к воде и огню. Более косвенные сведения сходного типа можно извлечь из ацтекских мифов, отраженных в сказках. Согласно одной из них, бог дождя Тлалокан живет на небе в доме из четырех покоев; в каждом из них - по чану с водой; в первом - хорошая вода, ею дождит Тлалокан созревающий маис; во втором - плохая вода, она порождает грибковую плесень (тяжи, переплетения и т.п.)⁵⁹; в третьем - вода, от которой замерзают початки маиса; в

56 См. подробнее: Tessmann G. Die Pangwe. Bd. II. Berlin, 1913, S. 17f.; Baumann H. Schöpfung und Urzeit des Menschen im Mythus der afrikanischen Völker. Berlin, 1936, S. 23f., 191; Irle. - Archiv für Anthropologie, Bd. 43, S. 343 и др.

57 См.: Griaule M., Dieterlen G. Le Renard Pâle, T. 1. - Le mythe cosmogonique. Paris, 1965.

58 *ana* означает 'дождь', а также человека, чье семя подобно оплодотворяющему дождю; *gøppø* 'с извилистыми краями', 'со складками'. Учитывая внутреннюю форму слова и внешний вид *anagøppø*, не исключено предположение о его грибобразной природе.

59 Эта семантика позволяет высказать предположение о том, что ненецк. *näçg* 'корень', 'стебель', 'ствол'; 'происхождение', как и *näçgäl* - *näç(s)* 'прядь', 'плести', 'вязать', 'вить' (ср. *naçgäl'ci*) и т.д., также связаны с **raç*, **roç*. Любопытно, что в мифе догонов грибы созданы из того же материала, что и корни.

четверном - вода, от которой они засыхают⁶⁰: Наконец, указанная связь грибов прослеживается и по данным европейской низовой традиции. Речь идет прежде всего о так называемых "грибных кругах" (в Тироле их называют "альбер(т)овыми кольцами"⁶¹), кругах правильной формы, внутри которых ничего не растет, кроме грибов. Предание связывает происхождение "грибных кругов" с тем, что в день св. Мартина, а особенно во время звездного дождя (обычно около дня св. Лаврентия - 23 августа) огненнохвостый змей альбер, пролетая над лугами выжигает траву. В Германии считали, что из "грибных кругов" в Вальпургиеву ночь ведьмы летят на Брокен; в Голландии полагали, что в этих кругах черти сбивают масло. В Швеции и России упорно связывали "грибные круги" с зарытыми кладами. В научной литературе высказывались разные точки зрения по поводу происхождения таких кругов. Наиболее часто других высказывалось мнение о том, что причиной появления кругов были удары молнии. Если это так, то научная традиция сходится в этом пункте с мифопоэтической и современной "низовой" традициями, утверждающими связь между ударами молнии и ростом грибов.

В связи с только что упомянутым приурочением к концу августа мотива поражения огнем или молнией и усиленного роста грибов уместно привести некоторые факты, которые в данной связи не использовались⁶². Как известно, 25 августа - Титов день, христианский праздник, отмечаемый в самый разгар молотьбы. На Тита - изобилие, тогда как на Карпа (26 марта) - бесхлебица⁶³. Поэтому в высшей степени характерно, что пословица именно с Титом связывает грибы: "Святой Тит грибы растим. Грибы грибами, а молотьба за плечами." Здесь нет необходимости доказывать, что в весьма многих традициях грибы - символ плодородия, изобилия, обильного потомства. Помимо уже сказанного, достаточно сослаться на культ грибов в Китае (*ling chih*) и его отражение в искусстве⁶⁴. Поэтому можно думать, что христианскому Титу ("Почтенному") в языческой мифологии предшествовал некий другой персонаж, также ведающий изобилием. Если это так, то для реконструкции основной мифологемы о грибах (оней см. ниже) может оказаться существенным и то, что в

60 См.: Märchen der Azteken und Inkaperuaner, Maya und Muisca. Übersetzt und erläutert von W. Krickeberg. Jena, 1928, S. 34-35.

61 Другие их названия - "ведьминые круги", "волшебные круги", "магические круги" и т.п.

62 По другому поводу целый ряд ценных данных, частично используемых здесь, см. в статье: Кондратьева Т.Н. О Титах, Титах Титычах и Титовых детях. - Русская речь, 1970, № 1, с. 78-81.

63 Ср. Было Тита - было пурпур, а теперь Карпа - нет ни капли.

64 См.: Sullivan M. The Birth of Landscape Painting in China. Berkley-Los Angeles, 1962 и др.

поздней традиции всячески подчеркивается отцовство Тита, обилие у него детей; И хотя Титовы дети как штамп в полемике отцов и детей в прошлом веке восходят к детской песенке Вордсворта ("We are seven"), переведенной Я.К. Гротом⁶⁵, а Тит - отец отечества - к классицистической рецепции образа римского императора⁶⁶, тем не менее, не исключено, что те же характеристики были присущи уже диахроническому предшественнику Тита. Более того, в связи с мифом о грибах исследователь не может пройти мимо таких поздних текстов, как сибирская былина "Данилушки Игнатьич и Тит": Подымалась тучка,
где зю великая... | Подо мною, под Титом, | 40
королей, 40 королевишен, | Еще той мелкой сошки и сече-
ти у неет, | На все на чете дальни стороны... |
Еще сам я Тит, Тита брата зверь... Характерно,
что Тита побеждает его сын Данила, с которым он вступает в поединок⁶⁷. Наконец, можно пойти еще дальше. В загадке Морщникый Тит всю деревню веселит (- Гармонь) допустимо предполагать намек на грибы - или через морщникый Тит (признаки "морщникый", "складчатый", "слоистый" принадлежат к числу наиболее частых в описаниях грибов, ср. русск. диал. грибиться 'морщиться' или отстаиваемую некоторыми связь между *gribъ и *gorbъ 'морщина', 'складка' (Р.О. Якобсон); ср. выше о горбо у догонов)⁶⁸, или через отождествление гармонь = гриб. Такого рода уравнения довольно распространены. В основе их лежит прежде всего внешнее сходство, хотя не исключены и другие объяснения⁶⁹. Известны непосредственные отождествления шаман-

65 Ср.: У Тита было семеро детей, | Семеро
маленьких малюток. | Они не пили и не ели.
| А друг на друга все смотрели. И делали вот так...
(о Тите см., напротив: Было Тита - было пуро...;
Тит, иди кисель есть...; Тит, иди пить...; Пьяный
Тит под лавкой лежит... и т.д.)

66 Ср. "Титово милосердие" Княжнина (1785), если говорить о русской традиции (Отечество отца
| Дражайше нареченье | Есть Титова венца | Верховно украшенье...).

67 Ср.: Астахова А.М. Былины Севера (примеры заимствованы у Т.Н. Кондратьевой).

68 Если это так, то прототип загадки мог бы оказаться аналогичным мансийскому способу обозначения пьяного ("на веселе") человека - "о гри блен" (независимо от способа опьянения); при этом 'гриб' и 'опьянение', выражаются через *raja*, *rička*. Интересно, что иранское название гашиша стало позднее во многих азиатских традициях названием ядовитого гриба, используемого шаманами.

69 Среди них одно несомненное: свойство некоторых грибов ("ухообразных", особенно древесных) впитывать звук и потом многократно воспроизводить его. В языке некоторых индейских племен такие грибы и эхо обозначаются одним словом. См.: Lévi-Strauss C. Les champi-

ского бубна и гриба. В высшей степени любопытно, что в селькупском языке барабан и некоторые другие музыкальные инструменты передаются словами, содержащими корень **roŋ*, **raŋ* 'гриб', ср. сельк. *røŋer*, *røŋgar*. У догонов грибы, играющие важную роль в космологическом мифе, означаются как 'барабан гиены' (*tā boy*), ср. выше о связи грибов и фанфар в бирманской загадке и т.д.⁷⁰. Как бы то ни было, приходится констатировать, что в ряде традиций два взаимодействующих элемента мифа - гром и гриб - объединены общим признаком - способность производить акустический эффект⁷¹.

* * *

Выше было упомянуто о представлении, бытующем в Ягнобской долине, согласно которому в ши превращаются в грибы, а появление вшей на земле вызвано громом. Этот мотив имеет широкое распространение, причем грибы связываются не только со вшами, но и с червями, мухами, комарами, мышами, жабами, змеями и т.п.⁷². Такие связи фиксируются в языке (ср. названия типа мухомор,

gnops et la culture... Другое объяснение можно искать в том факте, что кое-где гриб и бубен относятся не только к классу семиотически эквивалентных объектов шаманской культуры (напиток из гриба и бубен в функции средств, позволяющих осуществлять контакты с иным миром), но и непосредственно отождествляются, иногда вплоть до языкового уровня. О мотиве гриб=ухо см.: Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края. Загадки. - Живая старина, вып. 1, 1890, с. 51 - гибкое, круглое, на корточках под ветреком - ухо; гладкая под мостом, шершавая под ветреком, мягкий под сосной - рыба, земля, гриб. Сходная образность у Андрея Белого: "Я слышал про то, что и стены имеют какие-то уши: - Какие же? - Думаю я: Малиновской! - Развесит у нас свои уши (сухие грибы принимал одно время за уши ее)... ("Крещеный китаец. М., 1928, с. 55); ср. с. 81: ...на кухне уши повисли сухие грибы...стены ушаты..."; с. 137: "...или развесись сухими ушами, как связкой грибов...", с. 160: "...ковыряет грибное, сущеное ухо...").

⁷⁰ О связи свадебного барабана, бубна и т.д. с эротической символикой в карнавале писал М.М. Бахтин.

⁷¹ Ср. такие названия грибов, как скрипун, скрипца и под.

⁷² К связи молний с насекомыми ср. такие названия, как *lightning-bug* или *firefly* (из семейства *Lampyridae*). По поверьям, бытующим в Северной Америке (Алабама, Онтарио и т.п.), убивший это насекомое, погибнет в следующем году от молний; появление *Lightning-bug* - к дождю и т.п.

нем. *Fliegenpilz*, *Fliegenschwamm*, франц. *tue-mouche* или англ. *toadstool* как обозначение поганки, франц. *crapaudin* как обозначение мухомора, словацк. *žabací huby*, *hadáci huby*, *hadúnce huby*, кит. *ha-ta chün* и т.п.), в мифопоэтических концепциях трансформации и эквивалентности (ср. выше о превращении грибов в животных и т.д.), в мифах (речь идет о совместной встречаемости объектов обоих классов в одном тексте и о раздельной встречаемости их в разных вариантах одного и того же мифа), в архаичных произведениях изобразительного искусства, основанных на соответствующих мифах, и в живописи нового времени с сильными архетипическими тенденциями. Поскольку о мифе речь впереди, - несколько слов об отражении этого мотива в изобразительном искусстве.

Среди живописных произведений такого рода (часть из них рассмотрена Уоссоном) выделяется известный триптих И. Босха, насящий название "Воз сена" (около 1480-1485гг., Мадрид, Прадо). Содержание триптиха - история зла от его возникновения (бунт ангелов, изгнание из земного рая) через его расцвет (человеческая жизнь) вплоть до смерти и посмертного наказания в аду. Однако эта вполне ортодоксальная схема обнаруживает такие особенности композиции и такое обилие символов, принадлежащих совсем иной традиции, что весь триптих в целом должен рассматриваться как совершенно исключительное по своей точности и глубине изображение реконструируемого здесь мифа. Структура триптиха подобна структуре мифа в понимании К. Леви-Страсса: его можно читать или рассказывать (следуя по цепи символов слева направо и сверху вниз) и его можно анализировать (выделяя пучки неоднократно повторяющихся символов). Триптих уникален именно в том смысле, что излагаемый в нем миф представлен и парадигматической, и синтагматической осями. Левая часть триптиха изображает, как Вседержитель низвергает взбунтовавшихся против него ангелов, превращая их в насекомых, скорпионов, саламандр. Они падают в озеро и на землю около скалы (*petra genetrix*), напоминающей одновременно и человеческий профиль, и гриб (выпукло-вогнутые формы). Далее - как следствие - разворачивается история сотворения Евы, грехопадения и изгнания из земного рая. На центральной части триптиха изображен воз сена (сено - символ богатства, зависти, суеты; ср. фламандскую пословицу *Всё - сено*, русск. *Трик-трава*), влекомый в сторону ада чудовищными животными, погоняемыми человеком-деревом. Над возом - древо жизни, на котором, в частности, находится ваза (символ женского сладострастия), надо всем - божество в облаках. Воз приближается к холму, увенченному огромным грибом⁷³ (здесь

73 Весьма близка аналогия - сцена Ахилла и Троила на фреске из этрусской гробницы Быков (VI в. до н.э.). В этой композиции, вполне сопоставимой с шаманскими изображениями, в данной связи привлекает внимание соседство дерева жизни с грибоподобной вазой. Ср.:

же столь характерный для Босха мотив яйца); внизу - колдунья, алхимическая кухня, ведовская медицина. Правая часть триптиха - изображение преисподней, фантастические конструкции, обилие символов (чаши, сосуды, яйцо, хтонические существа и т.п.), еще более полно представленных в поздних триптиках художника ("Последний Суд", "Суд наслаждений"), которые, по сути дела, представляли собой очередные версии той же темы⁷⁴. В связи с дальнейшим особое внимание следует обратить на наказание божеством своих чад (ангелов), превращение их в насекомых⁷⁵ (с дальнейшими мотивами гриба, древа жизни, камня), а также на алхимический аспект мифа в целом. Как осколки мифа воспринимаются некоторые изображения, где основной элемент - гриб или его замена, часто еще сохраняющая грибообразную форму, и так или иначе обозначены еще два элемента - небесный и хтонический. К таким изображениям можно причислить рисунок на коре, сделанный австралийскими аборигенами (северная часть

Pallottino M. La peinture Etrusque. Genève, 1952;
Bargellini P. Die Kunst der Etrusker. Hamburg-Wien. 1960. Другой (на этот раз уже современный) пример сочетания мотивов дерева, уха и гриба - скульптура (полированная бронза) Понсе "Arbre à oreilles" (Paris. Galerie Europe), представляющая собой дерево гриба образной формы с ушами, или композиция Н. Габо "Грибная тема" (мотив уха и т.д.). Ср.: Read H. Concise History of Modern Sculpture. London, 1964. № 109, 110.

⁷⁴ См. Wertheim-Aymès A. Hiëronimus Bosch. Eine Einführung in seine geheime Symbolik. Amsterdam, 1957; Combe J. Jérôme Bosch. Paris, 1957 (2-е изд.); Baltrušaitis J. Le Moyen Age fantastique. Paris, 1960; Mia Ginotti. Jérôme Bosch. Paris, 1967; Tolnay Ch. de. Hiëronimus Bosch. Paris, 1967; Bussagli M. Bosch. Paris, 1968 и др. Сходные мотивы, хотя и в меньшем объеме, повторяются и в других произведениях Босха, а также у ряда художников, так или иначе продолжавших Босха. Среди них ср. Питера Брейгеля (особенно "Аллегория гнева", "Страна лентяев", "Лето", "Игры детей", "Карнавал", "Слепые" (ср. эту же тему у Босха и Массиса) и др.), Яна Мандейна (напр., "Пейзаж с легендой о Св. Христофоре"), Яна Стена (напр., "Брачный контракт"), Адриана ван Остаде ("Деревенский праздник", "Семейный концерт", "Драка", "Зрение" и т.п.) и др. Гипертрофия мотивов гибридности, бесовства, соития, выпукло-вогнутого (обилие сосудов, ведер, бочек, корзин, шляп, столов, яиц, острых длинных предметов и т.д.), питья и еды, плодородия у художников этого ареала с конца XV в. по XVII в. - одна из загадок, ожидающая своего решения. Не случайно, что в связи с этими темами нередко вспоминают Рабле.

⁷⁵ Ср. поверье из Ягнобской долины.

земли Арнхем, о-в Goulburn⁷⁶. На нем - грибообразное растение, змеевидные корни которого уходят в землю, а верхние части - в небо. Эти верхние ветвления покрыты стрелочками, интерпретируемыми иногда как листья, но, видимо, допускающими и иное осмысление - как стrelsы. Во всяком случае известен целый ряд изображений в той же традиции, где подобные знаки интерпретируются именно таким образом (или же как изображение птичьих следов)⁷⁷. Некоторые ритуалы, в которых грибы непосредственно не выступают, подтверждают возможность такого истолкования⁷⁸. Вероятно, как отражение или дальнейшая трансформация образа гриба, вписанного в космологическую схему, может объясняться символика некоторых надгробных изображений в Литве и Латвии (речь идет о крестах в виде грибов, распластанной шкурки лягушки и т.п. с изображением двух птиц сверху или сбоку)⁷⁹, повторяющаяся в более обобщенном виде фронтонными резными украшениями деревенских домов (особенно в Западной Литве) и западнолитовским орнаментом (в частности, и прежде всего на шкафах, ларцах, сундучках и других хранилищах богатств). Стоит также упомянуть и об удивительной фреске в старой (конец XIII в.) французской церкви (*Abbaye de Plaincourtnault.*), вызвавшей сенсацию среди микрологов. На фреске изображена сцена искушения: огромный мухомор (в человеческий рост), который обвивает змея; у подножия гриба - четыре других мухомора меньших размеров; по сторонам Ева и Адам. Замена в этой композиции дерева грибом несомненно значима и может быть подтверждена рядом других примеров⁸⁰.

76 См.: Mountford Ch.F. *Peintures aborigenes d'Australie*. Paris, 1964, p. 23, pl. 15.

77 См.: Mountford Ch.P. *Ayers Bock. Its People. Their Beliefs and Their Art*. Sydney, 1965, ch. 8. *The Art of the Rock Engravings*, p. 157f. (ср. Fig. 5-7 и др.). Здесь же весьма интересные изображения стилизованных человеческих фигур в виде гриба (см. Fig. 39), ср. о *petra genetrix* у Босха.

78 Ср. обряд вызывания дождя, при котором вместо гриба используют камень особой формы (связанный с водой и огнем, муравьями и гром-птицей), описанный в статье: Clement E. *Ethnographical Notes on the Western-Australian Aborigines*, - *Internationales Archiv für Ethnographie*, Bd. 16, 1904, p. 5f.

79 См.: Basanavičius J. *Lietuvių kryžiai archaiologijos šviesoje*. - *Lietuvių kryžiai*. Vilnius, 1912; Latvju Raksti, t. III, Tabl. IX, рис. 85-90; Gimbutas M. *Ancient Symbolism in Lithuanian Folk Art*. - *Memoirs of American Folklore Society*, v. 49, 1958 и др.

80 В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о происхождении так называемого *Pilzbaum* в готическом и романском искусстве. Не исключено, что суть вопроса не исчерпывается предположением о стилизованном изображении дерева. Из других примеров ср.

Особенно многочисленны изображения грибов в китайской живописи⁸¹. Не говоря о более элементарных композициях, в которых гриб линчжи (*ling chih*) выступает в соседстве с геральдическими животными⁸² или даосскими божествами, восседающими на холмах⁸³, или мудрецом, созерцающим этот гриб⁸⁴, и т.д., - следует особо выделить два более сложные и содержательные изображения, относящиеся ко времени Ханьской династии. Первое из них - каменный барельеф на гробнице Ван Тэ-юань (*Sui-te*, около 100 г. н.э.); в верхней его части изображена высокая гора, на которой восседают два человека, погруженные в игру; сзади них поднимается мифический *ling chih*, сбоку от горы - олень, символ долголетия, и какие-то сказочные существа, под горой - дракон; еще ниже - буйно растущие злаки, сцены пахоты и т.д.⁸⁵. Второе изображение (Сычуань)⁸⁶. За доской для игры в *liu-ro* сидят две женщины-колдуны; рядом с ними две чаши (возможно, тут же изображены змеи); над доской - сказочная птица; справа - огромный *ling chih*⁸⁷. Выше уже отмечалась связь грибов

известные изображения из Saint-Savin (ок. 1100 г.), представляющие Бога, укрепляющего на небе луну, в правом углу "грибы" и дерево (ср. мотив "мировое дерево" и грибы).

⁸¹ О них см.: Sullivan M. The Birth of Landscape..., р. 49, 52-53, 66-68, 140, 178-180, 182. Ценные сведения о грибах в Древнем Китае содержатся в трактате "Рао-п'и-цзы", принадлежащем перу Ко Hung'a (~ 253-333 гг.), см.: Feifel E. - Monumenta Serica, VI, 1941; IX, 1944; XI, 1946. В частности, интересна классификация грибов (напр., каменные грибы - *shih chih*, по форме напоминающие каменного слона; деревянные грибы - *tu-chih*; травяные грибы *t'ao chih* и т.п.) и способы их употребления, не говоря о семиотических характеристиках (ср. гриб доброго предзнаменования).

⁸² Изображения такого типа часто обнаруживают следы иранского влияния, ср. *ling chih* и два крылатых тигра (см.: Charleston J.R. Han Damasks. - Oriental Art, v. 1, pt. 2, 1948, p. 63f., fig. 18), *ling chih*, поднимающийся из барабана (см., Sullivan M. Op. cit., pl. 82) и т.п.

⁸³ Ср. изображения Ханьской эпохи из Сычуани, предназначенные для экспорта.

⁸⁴ Ср. картину Chén Hung-shou (1599-1652) или сходные композиции типа "Благородная девица, ожидающая Небесного Императора" (девица держит в левой руке вазу с *ling chih*). Sullivan M. Op. cit., pl. 84.

⁸⁵ Там же, pl. 86.

⁸⁶ ⁸⁷ Внимания заслуживают и изображения грибов чхи (*chih*), линчжи (*ling chih*) на изделиях китайского фарфора. Нередко они выступают в сильно стилизованном, практически орнаментальном виде (напр., на семантически ослабленных и во всяком случае несюжетных частях посуды: горлышко, ручка и т.п.), но довольно часты и

с играми типа шашек. Китайское изобразительное искусство предлагает дополнительные свидетельства в пользу неслучайности этой ассоциации. Более того, оно позволяет с очевидностью включить игру в более широкую космологическую схему (мировая гора, змеи, дракон, птица и т.п.). Некоторые сибирские традиции обнаруживают еще более интересную картину: элементы космической схемы не только образуют рамку для игры, но непосредственно введены в самое игру. Ср. игру *тосъ-червой* у казымских хантов или *топись* у васюганских хантов; фигуры для игры изображают оленя, лошадь; выдру; птиц (в их числе и фантастическую *чорыс-коны-вой*); солнце и луну и т.д.⁸⁸. Эти же элементы разрозненно выступают в виде украшений (блях, подвесок), игрушек, утвари и посуды⁸⁹.

* * *

Один из существенных выводов из сопоставления приведенных выше мотивов состоит в том, что в вырисовывающейся мифологеме грибы теснейшим образом связаны с вполне определенными животными (черви, вши, мыши, лягушки, змеи и под.). Эта связь реализуется обычно двумя явными

более показательными случаями, когда изображение грибов оказывается в одном контексте с изображениями льва, тигра, оленя, лани, птиц (в частности, журавлей), бабочек, насекомых, фантастических животных, лотоса, деревьев (сосна, банановая пальма и т.д.), скалы, божества долголетия Шоу и т.д. (в сходных контекстах отмечено и изображение сливы *мейхуа*). Ср.: Арапова Т.Б. Китайский фарфор в собрании Эрмитажа (конец XIV – первая треть XVIII в.). Л. 1977, № 5, 11, 14, 15, 21, 22, 24, 28, 30, 34, 41, 46, 48, 70, 101, 102, 120, 122, 123, 126, 127, 135, 152 (с босковскими ассоциациями: три картуша, в которых – скала, насекомые, цветы и гриб), 169, 173, а также: Riedemeister L. Ming Porzellan in schwedischen Sammlungen. Berlin, 1935; Pope J.A. Chinese Porcelains from the Ardebil Shrine. Washington, 1956; Sullivan M. Chinese Ceramics, Bronzes and Jades in the Collection of Sir Alan and Lady Barlow. London, 1960

88 Шухов И.Н. Из отчета о поездке весной 1914 г. к казымским остыкам, – Сб. МАЭ, т. 3. Пг., 1915; Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970, с. 11–13.

89 Очень интересно, что в этой же традиции существуют особые деревянные изображения с ем иголовых *юх-иляней* (головы поставлены одна на другую по вертикали), устанавливаемые там, где нужно добиться удачи, богатства (в этом смысле *юх-илянь* аналогичен и *ling chih* и мировому дереву). Но особенно важна здесь симисоставность, позволяющая связать этот материальный объект с мифологическим мотивом. О *юх-илянях* см.: Дунин-Горкевич А.А. Тобольский Север, т. 3. Тобольск, 1911, табл. 16. 4; Иванов С.В. Скульптура..., с. 32.

путями (1. трансформация этих животных в грибы, ср. представление, бытующее в Ягнобской долине; 2. совместная встречаемость их в тексте, ср. аналогичный мотив у Босха или схему деревянных скульптурных групп китайского происхождения - грибы и мыши)⁹⁰ и одним неявным (в одних вариантах выступают грибы, в других - указанные животные). Этих данных достаточно, чтобы постулировать эквивалентность этих объектов в пределах рассматриваемой схемы (по крайней мере) и чтобы классифицировать их как класс хтонических объектов. В таком случае возникает аналогия с предложенной в другом месте реконструкцией основного мифа, собственно - мотива свержения Громовержцем с неба своих сыновей и обращения их в хтонические существа типа червей, змей, жаб и т.п.⁹¹. При этом гроза и рассматривается как момент ссоры и наказания, а гром и молния - как орудия наказания. Уместно напомнить, что в роли уничтожителя выступает божественный персонаж, обычно обитающий на небе; что он пользуется при этом громом, молнией, огнем, камнем, дубиной; что число поражаемых объектов обычно фиксировано (чаще всего 9 или 7); что весь этот акт пронизан идеей увеличения плодородия и богатства. Все эти черты согласно свидетельствуются заговорами, относящимися к разным традициям, и поэтому их устойчивость и древность заслуживает доверия (ср. заговоры от червей, змей и т.д.); эти же черты проступают и в мифах, сказках, эпосе и т.п., повествующих о Громовержце⁹². Следовательно, сама эта мифологема была достаточно распространена

90 Р.Г. Уоссон убедительно показал, что первоначальная семантика таких названий, как *мухомор* искажена народно-этимологическими переосмыслениями. Первоначально имелось в виду, что мухи - воплощение злого духа, одержимости, особого состояния; ср. *он под мухой* или франц. *la mouche lui monte à la tête*, и многие другие примеры такого рода. Эта корректива небезразлична для понимания мифа в целом.

91 Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; Топоров В.Н. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров). - Труды по знаковым системам, IV. Тарту, 1969, с. 25-32. - Определенным аргументом в пользу этой гипотезы можно считать толкования некоторых слов в 68-й *Parisișta'* к "Атхарваведе". Напр.: "Если кто во сне убьет змею - белую, желтую или красную - или отрежет голову черной змее, - сын того умрет".

92 Ivanov V.V., Toporov V.N. Le mythe indo-européen du dieu de l'orage poursuivant le serpent; reconstruction de schéma. - Echanges et communications. Mélanges offerts à Claude Lévi-Strauss à l'occasion de son 60-ème anniversaire. Paris, 1969, с. 1180-1206.

и в известном отношении претендовала на универсальность. Поэтому здесь важно подчеркнуть лишь то, на что до сих пор не обращалось внимания, — на участие в этой мифологеме грибов. А об этом участии, помимо приведенных выше данных, говорят и другие факты. Среди них есть совершенно удивительные. К их числу следует отнести древнегреческое название одного из видов земляных грибов *κεραύνος* (соств. — 'удар молний')⁹³, обнаруживающее известную близость к индоевропейскому имени бога грома (ср. *Перунъ*, лит. *Perkūnas*, лат. *Perkōns*, ср. прусск. *percunis* и т.п.). С этим названием грибов, естественно, соотносимы не только *κεραύνος* 'громовой удар', 'молния', *κεραύνος* 'громовой', 'поражающий громом', *κεραύνω* 'поражать молнией' и т.д., но и *Ζεύς Κεραύνος* 'Зевс-Громовержец' (интересно, что то же прилагательное Софокл употребил в связи с Семелой /Σεμέλη/, пораженной громом Зевса⁹⁴). Тут же следует упомянуть название грибов *чертовы пальцы*, совпадающее с названием для белемнитов⁹⁵, часто толкуемых как остатки орудий, которыми Громовержец поражал своих врагов, особенно Змея ("чертовы стрельы")⁹⁶. Поскольку сами названия некоторых видов грибов содержат указания на гром, молнию и их повелителя, то нельзя пройти мимо языковой формы таких высказываний, как лит. *Po perkūnijos gerai grūvai dygsta, mat, žemę sutrānko* — 'После грозы хорошо грибы растут, видать, землю потрясло'⁹⁷, или таких указаний содержательного характера, как выделение четвертого дня (четверга) для Громовержца и для грибов. Ср. название четверга — *Donnerstag*

⁹³ Ср. и другое значение *κεραύνος* 'галочка' (как условный значок) — важное для понимания символических изображений гриба, о чем см. выше.

⁹⁴ Следует напомнить в связи с именем Семелы фриг. *ζεμέλω* 'мать-земля' (русск. земля и под.), а также и то, что весь миф о гибели Семелы от удара грома ее возлюбленного Зевса воспроизводит некоторые важные мотивы реконструируемого здесь мифа (включая и комплекс смерть Семелы — рождение и чудесное спасение ее сына Диониса, связанного с идеей плодородия, производительной силы и т.д.). — О *Κεραύνος* см. также: Ruck C.A. On the Sacred Names of Iamos and Ion; Ethnobotanical Referents in the Herds Parentage. — The Classical Journal, 71, 1976, p. 234-252 (здесь же р. 238 и след. — о грибах (мухоморах-?) в связи с темой статьи).

⁹⁵ К идентификации молнии и камня ср. венгерское название молнии *tengelykő*, собств. — 'камень неба'.

⁹⁶ В этой связи весьма интересно сочетание мотивов Громовержца (*Перкунас* — *Перунъ*), грибов (*agaricus necator*) и змей, их охраняющих, в "Локисе" Проспера Мериме (сцена встречи со старухой-колдуньей). *Balys J. Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose.* — Tautosakos darbai III. Kaunas, 1937, с. 206, Nr. 947 (ср. там же: *Grybai auga kai po griausmo*).

у немцев или *Peräunedän* у полабских славян, указания на то, что день Перкунаса - четвертый, многочисленные факты четверичности, четырехпостасности Громовержца, с одной стороны, и отмеченность четвертого дня (четверга) для грибов - *после дождичка в четверг*, просьба сапотекского шамана об урожае грибов через четверг дня после их сбора, обращение к четвертому божеству по имени "Великий Удар Молнии, выращивающий грибы" и т.д., с другой стороны. Из подобных фактов можно извлечь и еще более существенные указания, помогающие объяснить исходный пункт всего мифа. Здесь речь идет, в частности, о том, что четверг связан с мотивом свадьбы Громовержца⁹⁸; что эта свадьба была неудачной (по ряду свидетельств, противник Громовержца похитил его невесту)⁹⁹, что Громовержец наказал своего противника, поразив его молнией, превратив в хтонический объект и т.д. Вместе с тем довольно легко восстанавливается и последнее звено общей схемы мифа - мотив возрастаания плодородия и богатства¹⁰⁰, акцентирование амбивалентного комплекса смерть - жизнь (в частности, через приготовление напитка бессмертия, отмечающего начало нового кулинарно-пищевого режима в данной традиции), что отчасти дублируется оппозицией вода - огонь.

Противопоставление огня и воды в мифе о грибах и изофункциональных ему мифах определяет пространственные и элементные границы мифа (активный, динамический, небесный, огненный - пассивный, косный, подземный, водный). В месте пересечения этих признаков и возникает то, что становится символом зачатия, рождения и плодородия. Грибы в самых различных традициях связываются с небесным (а потом и земным - ср. *trum*) огнем и с небесными и подземными водами. Связь грибов с молнией объясняет устойчивые мотивы, объединяющие грибы с огнем, огнivом, кремнем как в преданиях, так и в свидетельствах материальной культуры. Не раз уже обращалось внимание на то, что в раскопках в Maglemose в Дании, относимых к 6000 г. до н.э., остатки грибов *Fomes fromentarius* находились вмес-

⁹⁸ О Перуне-Перкунасе и его свадьбе см. в ряде работ В.В. Иванова и В.Н. Топорова.

⁹⁹ Другие варианты предлагают иные объяснения - измену Громовержца женщине (или наоборот), инцестуозные отношения детей Громовержца к их матери, похищение детьми у отца чудесного предмета или даже попытку отцеубийства и т.д. В этом последнем случае мотив отцеубийства может быть соотнесен с аналогичным карнавальным обрядом "*moscoli*" (описанным Гёте в "Итальянском путешествии"), когда мальчик задувает свечу своего отца с восклицанием: *Sia ammazzato il Signore Padre!*

¹⁰⁰ Как отдаленное отражение этого ср. традиционные копилки в виде гриба.

те с орудиями производства огня¹⁰¹, что снова возвращает исследователя к тематике соития и рождения, связанной как с огнем, так и с грибами. Появление огня и грибов - результат полового акта, и это представление так или иначе отражается как в архаичных культурах¹⁰², так и в некоторых вполне современных ассоциациях. Здесь опять существенно подчеркнуть, что важен не столько факт появления именно грибов в данном месте схемы, сколько отменность самого этого места, которое в разных культурных

- 101 *Saraauw G.F.L. Le feu et son emploi dans le Nord de l'Europe aux temps préhistoriques et protohistoriques.* - *Annales du XX Congrès archéologique et historique de Belgique*, t. I, p. 192-226. - В этой связи весьма интересна народная сказка из Патангарха (Мандла): семь братьев, шестеро из них женаты; младший брат хочет жениться на сестре; он приносит из лесу гриб невиданной красоты и кладет его туда, где всегда зажигают огонь; запрет ест гриб (кто его съест, станет женой младшего брата); нарушение сестрой запрета; ее попытки избежать брака: подъем по дереву на небо, попадание в печь, где в пламени она становится красавицей, а младший брат, преследующий ее, погибает. См.: *Elwin V. Folk-Tales of Mahakoshal*. *Bombay-Madras*, 1944 (XVII, 8). Сходная сказка записана и у санталов, см.: *Bodding P.O. Santal Folk Tales*. Vol. III. Oslo, 1929, № 92. Вместо гриба выступает здесь цвек, который посадили около стойки с горшками с водой; финал сказки иной: брат и сестра погибают. О мотиве инцеста в связи с подобными схемами см. ниже.
- 102 Ср. получение сакрального огня путем трения двух кусков дерева в Древней Индии, трактуемое как соитие; при этом верхний кусок считается мужским органом (*prajanana*), а нижний (*arani*) женским; см. RV III, 29, 1-3; точно такие же представления засвидетельствованы у индейцев яна, см.: *Kroeber Th. Tuhi in Two Worlds*. *Berkeley-Los Angeles*. 1964, Pt II, ch. 9; см.: *Krieckeberg W. Märchen der Azteken...*, S. 26 (сказка "Девять Небес", в которой говорится о небесном мужском и женском камне, производящих на свет "Господина нашей плоти"; далее - см. о порождении богом огня огненных змей и т.п.). В Австралии и в Океании распространено сочетание мотивов освобождения вода и похищения огня, укрываемого в детородных частях тела. Последняя тема известна у аранта, в Полинезии и Микронезии, где она нередко связана с характеристикой мужского культурного героя. См.: *Dixon R.B. Oceania*. - In: *Mythology of All Races*, v. 5, Boston, 1916; *Luomala K. Australian Aboriginal Mythology*. - In: *Funk and Wagnall's Standard Dictionary of Folklore, Myths and Legends*, v. 1, New York, 1949, p. 93 и др. Ср. также связь догонов с огнем и водой.

традициях может кодироваться разными классификаторами¹⁰³, или, даже всего комплекса в целом (как у Рихарда Вагнера).

Выше говорилось о том, что в зависимости от оценки мотива, вызвавшего разъединение Громовержца с детьми, обращенными в конечном счете в грибы, последние получают две серии названий — или "божья еда" или "дьявольская еда". Сходная ситуация отражена и в мифах, где дети Громовержца или другого небесного персонажа, могут быть обращены не только в хтонические существа, но и в небесные (звезды, Млечный Путь, радуга и под.); впрочем, превращение в звезды также нередко изображается как наказание. Существует достаточно большое количество мотивов, в которых звезды выступают примерно в той же функции, что и хтонические существа в разбираемой мифологеме. При этом особенно интересны те случаи, когда в пределах одного и того же текста выступают и звезды и хтонические объекты. Прежде всего стоит упомянуть о мотиве A 14 (Th.) в той его разновидности, где творцом мира выступает ч е р в ь. Ср. миф боливийских индейцев гуараю-гуарани о первозданном черве *Mbir*, который, превратившись в человека, сотворил мир. Люди стали называть червя *Miracucha*, т.е. так, как называли Солнце и Луну; произошедший от них первый предок (Дед) научил людей сажать семена, собираять урожай, делать *chicha*, индейское п i v o из маиса и маниоки; он дал людям луки и стрелы, научил их стрелять, добывать огонь. Он превратил свою жену и дитя в камни, а сам ушел на запад. Когда души плохих людей попадают на запад, Дед раскальвает их на куски. Люди и сейчас молятся ему, прося пищи и богатства, и он никогда их не обманывает. Интересно, что многие считают, что Дед и *Miracucha* — один и тот же бог¹⁰⁴. Ср. представление ин-

¹⁰³ Иванов В.В., Топоров В.Н. К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале). — *Sign, Language, Culture, The Hague*, 1970. — Здесь речь идет о Купале в связи с огнем и водой; ср. возможность двойного этимологического объяснения этого имени — от *купать* (вода) и *купало* 'огонь', *купець* 'тлеть', кипеть (огонь); то же относится к объяснению эпитета Диониса, о нем см. выше, *Διαλος*; см.: Топоров В.Н. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. — Этимология 1967. М., 1969, с. 11-13.

¹⁰⁴ *Métraux A. Handbook of South American Indians*, v. 3, p. 437f; *Leach M. The Beginning. Creation Mythe Around the World*. New York, 1956, p. 119-120, 127. — Следует заметить, что наказание путем превращения в камень принадлежит к числу распространенных мотивов. Нередко он сочетается с мотивом предварительного расчленения убитого и решением пищевой проблемы. Ср. австралийский миф о человеке-ящерице Линга, меноносных муравьях, убийстве девушки-змеи и превращении ее частей в камни. См.: *Mountford Ch.P. Ayers Rock...*, p. 114f.

действия мосетен (Боливия) о Млечном Пути как огромном ч е р в е¹⁰⁵. Не менее интересны с этой точки зрения алтайские мифы и предания. Большой червь Уркер (монг. хорхо) был поражен своим божественным противником, но все-таки спасся, поднявшись на небо, где он превратился в шесть звезд Плеяд. В летние месяцы Уркер (= Плеяды) невидимо спускается на землю. Если он спустится на воду, ожидаются плохая зима и голод; если на сушу - хорошая зима и изобилие¹⁰⁶. Таково предание у тюркского населения Алтая и Тарбагатая¹⁰⁷. В Северной Монголии рассказывают о ловком стрелке, возмечавшем погубить жизнь на земле. Он стрелял в Плеяды, поразил одну из звезд. Но, поскольку Бог незаметно заменил пораженную звезду целой, стрелок признал себя побежденным в споре с Богом, отрезал себе большой палец (эркек)¹⁰⁸, зарылся в землю,

105 Metraux A. Tribes of the Eastern Slopes of the Bolivian Andes. - Handbook..., v. 3, p. 503f.

106 Ср. "Воз сена" Босха, где насекомые падают или в воду или на сушу.

107 Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. 2, СПб., 1881, с. 124-125 (ср. также с. 121 и след.; 24 (особой пагинации); вып. 4, с. 209-210; Он же. Ерке. Культ сына неба в Северной Азии. Томск. 1916, с. 2-3, 16, 68-69)

108 Мотив отрезанного пальца (ср. соответствующие толкования) и превращения его в хтонические существа принадлежит к числу распространенных именно в этом круге сюжетов (см. выше чертова пальца как название грибов, остатков пораженной нечистой силы и, наконец, орудия Громовержца). О сурке Тарбагане см. у Потанина. Ср. также среди тех, кого преследует Небо, черта Арахи (Арахи-чигкур), похитителя напитка бессмертия. Арахи дразнит Небо и скрывается за деревом; после удара молнии он выставляет из-за дерева свой палец. В конце-концов Бог рассек Арахи надвое (солнце и луна); ср. похищение Гэсэром с неба эрдени; сам Гэсэр - сын Неба, посланный на землю, чтобы очистить ее от чудовищ, и, по некоторым версиям, погибший на ней; интересно, что сказания о Гэсэре распевались на с в а д ь б а х). Исключительное значение имеют так называемые "Заговоры пальцев" в этой же традиции, состоящие в перечислении их от большого пальца к мизинцу и обратно, часто в рамке вопросо-ответной конструкции. При этом сами названия пальцев достаточно характерны; ср. название большого пальца - халха-монг. ирхэ хуру (детское слово - эркэ мэргэн), алт. кирг. эркек и под. (при якутск. эрбях, ср. дюрб. эрбэку, тунг. ärbäkä 'бабочка' и т.д.); мизинец, как правило, означает малого ребенка, безымянный палец - мать и т.д.; ср. также русскую игру с детьми со счетом пальцев - Сорока-ворона (воровка) кашу варила, деток кормила, этому (sc. палец=ребенок)

оделся в шерсть и превратился в сурка. В ряде записей стрелок называется *Ерхе* (*Ерке*) — *Мерген* (где *мерген* — 'стрелок', ср. бурятское предание об *Ирхи-Номон-*). *хане*).

Сходное представление союты связывают с Ерлен-Номом-ханом (вариант Эрлика), ср. *ерлен* 'крыса', *номон* 'крот'. Уже давно было высказано правдоподобное предположение о том, что под Ерхе-Мергеном скрывается Эрлик¹⁰⁹. Следовательно, и Эрлик, противопоставленный Небесному Богу, связан с крысами и другими животными такого типа (напр., с летягой, врагом Сына Неба, который поражает ее молниями, как и бурундука и хорька¹¹⁰). Другое сказание содержит важную мотивировку наказания, хотя и опускает тему звезд. Старшая сестра предлагает своему брату сойтись с ней. В ответ на отказ она выкалывает у него глаза и закапывает в землю; они превращаются в летучую мышь (*жортишкан*), которая и живет под землей. Отец проклинает dochь, а Бог превращает ее в кошку (*мялин*), которая несъедобна (ее едят лишь торгоуты)¹¹¹. Заслуживает внимания

Заслуживает внимания и традиция, выводящая тарбагатайскую знать от Кызыл-гурта (Красного Червя), а китайского императора — от камня.

Как осколки единой мифологической схемы нужно, видимо, воспринимать такие детали, как название Большой Медведицы (ср. монг. *Лолоон Овгон*, собств. 'Семь Старцев' или *Долоон Бурхан*, собств. 'Семь Богов'; кирг. *Джети-каракчи*

ное) давала, этому давала... а ты, малчик-пузанчик, ... нет тебе ничего и под. (при этом последовательно загибаются пальцы, ср. *малчик-с-пальчик*). Из других традиций в отношении этого мотива наиболее интересна эскимосская: отец Седны убивает ее мужептицу и уводит dochь морем к себе; во время бури он выбрасывает Седну с лодки, она цепляется за борта; отец отрубает пальцы, которые превращаются в рыб. См.: *Thompson S. Tales of the North American Indians. Cambridge, Mass. 1919, p. 3, № 1-2 (A 315); Idem. The Folktale. New York, 1946, c. 305 и след.* (ср. также работы В.Г. Богораза). Ср. папуасский миф об огненном пальце Ику, его похищении и переходе от сырой пищи к вареной. О символической роли пальцев (и ногтей) в архаичных культурах см.: *Strehlow T.G.H. Aranda Tradition. Melbourne, 1947, p. 112-113.*

¹⁰⁹ Потанин Н.Г. Ерке ..., с. 7.

¹¹⁰ Ср. обряд наказания летяги, которую живой прибивают к земле четырьмя гвоздями, см. Зап. ЗООИРГО, т. 37, 1915, с. 272. О громовнике см.: Потанин Г.Н. Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии. — ЖМНПр. 1882, № I; *Harva U. Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker. Helsinki, 1938* и др.

¹¹¹ Потанин Г.Н. Очерки..., вып. 2, с. 148 и след.

(каракши), собств. 'Семь Воров'¹¹² и т.д.), с одной стороны, и о семи (или девяти) сыновьях Бога Неба, заключенных в соответствующих слоях подземного царства¹¹³, с другой стороны. Следовательно, и здесь указываются пространственные границы Вселенной и полярные варианты судьбы детей Владыки Неба¹¹⁴. Число семь и девять в этой схеме константны, но они относятся не только к количеству противников божественного героя, хотя это наиболее частный случай, но и к количеству божественных персонажей, поражающих противника, или даже и к той и к другой стороне. Примером первого рода могут считаться австралийские сказания о семи сестрах Меа-мей, которые, спасаясь от культурного героя Варрунны, превратились в семь звезд Плеяд¹¹⁵, о семи сестрах эму¹¹⁶; маорийская легенда о том, как Тане поразил звезду, разбив ее на семь осколков, которые образовали созвездие *Матарики* 'Маленькие глазки'¹¹⁷; американские мифы о превращении се-

¹¹² Ср. мотив семи звезд, заключенных за преступление до конца света. Ср.: *Порфириев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях*. Казань, 1872-1873, с. 205.

¹¹³ См., например: *Каруновская Л.Э. Представление алтайцев о вселенной*. - СЭтн. 1935, № 4-5, с. 160-183.

¹¹⁴ Весьма интересна алтайская сказка "Эр-Назвай" (ее текст и перевод см. в кн.: *Баскаков Н.А. Алтайский язык*. М., 1958, с. 77-80), сочетающая в себе мотивы битья, расплющивания мальчика на камне ("Когда Дельбеген бил мальчика на широком камне, то мальчик рос в ширину. Когда бил его на длинном камне, мальчик рос в длину. Когда бил его на остром камне, то мальчик рос в высоту. Наконец он вырос до Дельбегена и убил (его)"), стрельбы из лука и уничтожения шестерых противников, игры в шашки, крыс, женинты бы на дочери Эрлика, который пребывает на небе. В качестве параллели к первому мотиву ср. битье Геба и его поднятие по дереву на луну (рост) в западно-ирианском мифе. См.: *Сказки и мифы Океании*. М., 1970, с. 52-53.

¹¹⁵ См., например: *Langloh Parker K. Australian Legendary Tales. Folklore of the Noongahburrahs as Told to the Piccaninnies*. London-Melbourne, 1896; *Idem. More Australian Legendary Tales*. London-Melbourne, 1898 и др.

¹¹⁶ *The Dreamtime. Australian Aboriginal Myths in Paintings by Anislie Roberts. With Text by Ch.P. Mountford*. London, 1966, p. 69f. Весьма важно приводимое здесь же предание (р. 74) о зеленой лягушке *Quork-Quork* и ее трех детях - Женщине-молнии, Мужчине-громе, Женщине-мусонных дождях, которые в сухой сезон живут далеко за звездами, а в сезон дождей обращают свою деятельность к земле.

¹¹⁷ *Reed A.W. Myths and Legends of Maori-Land* и др. К теме звезды-глаза ср. у Фета: ...И в звезд-

мерых женщин, предававшихся однополой любви, в звезды Плеяд¹¹⁸, или о браке женщины со звездой и рождении звездного сына¹¹⁹; китайская легенда - о девяти солнцах, пораженных Великим Лучником¹²⁰; индоевропейские заговоры, содержащие мотив уничтожения девяти червей или змей божественным персонажем¹²¹ и т.п. Пример второго рода - древнеегипетская мифологема о Великой Девятке богов, поражающих Змея, или о девяти луках Гора¹²². Наиболее убедительный пример третьего рода - одна из версий древнекитайского космогонического мифа о Пань-гу, который девять раз в течение дня становился то богом земли, то бо-

ю о м хоре знакомые о ч и | Горят в степи над за-
битой могилой... | И только в к е б е, как вечная
дума, | Сверкают з в е з д золотые р е с н и ч ы;
или у Э. По: And the s t a r s never rise, but I
feel the bright e y e s | Of the beautiful Annabel
Lee и др.

118 Gayton A.Z., Newman S.S. Yokuts and Western Mono Myths. - Anthropological Records, v. 5, № 1, 1960, p. 26f.

119 Thompson S. Tales..., p. 126, 128 (№№ 50, 51, 193); Idem. The Folktale..., p. 345f.; ср. также: Thompson S. The Star Husband Tale. - Studia Septentrionalia, III, 1953, p. 93-163; Dundes A. - Southwestern Journal of Anthropology, v. 19, 1963, p. 123 и др.; о микронезийской традиции см.: Lessa A. Discover-of-the-Sun. Mythology as a Reflection of Culture. - JAF, v. 79, 1966, p. 3-51 (ср., кстати, счет имен до десяти). Для многих американских мифов также характерен мотив запретов (в частности, на инцест).

120 Ср.: Granet M. Danses et légendes de la Chine ancienne, t. 1-2. Paris. p. 377. Здесь же см. о фундаментальной роли девяти, с. 238 и след., и др. Весьма любопытна связь этой схемы с ритуальным танцем, который нередко вводится как особый мотив в самый миф (ср. превращение в звезды за нарушение запрета на танцы в ряде американских текстов). Можно сделать предположение, которое будет обосновано в другом месте, о том, что ряд танцев в Средней Европе и Месоамерике (с подчеркиванием с е м и, ср. словен. *Sedmorka*, или д е в я т и), напр., *Joc de Caluări* в Румынии, восходит к ритуалу, отражающему исследуемый здесь миф. Ср. также: Kurath G.P. Dance Relatives of Mid-Europe and Middle America: a Venture to Comparative Choreology. - Slavic Folklore: a Symposium. Philadelphia, 1956, p. 88-100.

121 Топоров В.Н. К реконструкции ..., с. 24 и след.

122 Ср. "Тексты Пирамид" (изречение 385); см. также: Erman A. Gebete eines ungerecht Verfolgten und andere Ostraca aus den Königsgräbern. - Zf. Aeg. Spr. Alt. Bd. 38, 1900. S. 19 и др.

гом неба¹²³. Архетипичность этих мотивов настолько очевидна и влиятельна, что не приходится удивляться факту многочисленных воспроизведений их в художественной литературе, впитавшей в себя и переработавшей наследие мифо-поэтической эпохи. Речь идет не только об общем определении диапазона, в котором развивается действие (*Луг с цветами и твердь со звездами...*; ... *А над тобою звезды их стай осколки | И под тобою у гольки костра*), но и о более специальных перекличках вокруг мотивов звезд, червей (насекомых), жизни и смерти. Их можно видеть и в гётевском *Das Leben wohnt in jedem Sternen* | или *Strömt Leben lust aus allen Dingen*, | *Dem kleinste wie dem größten Stern...*, и в бодлеровском *Serré, fourmillant, comme un million d'helminthes*, | *Dans nos cervaux ribote un peuple de Démons* ("Au lecteur", - ср. там же: *C'est le Diablot qui tient les fils qui nous remuent!*) и в мандельштамовском *Нельзя дышать и зверь кишит червями*, | И ни одна звезда не говорит. Иногда эта архаичная символика определяет важные звенья больших художественных концепций¹²⁴ или даже схему сюжета (ср. "Parnell's Funeral" Йейтса: ... *a brighter star shoots dawn;* | *What shudders run thorough all that animal blood?* | *What is the sacrifice? ... and where the branches sprang* | *A beautiful seated boy; a sacred bow; A woman, and an arrow on a string;* | *A pierced boy, image of a star laid low.* | *Thet woman, the Great Mother imaging.* | *Gut out his heart...* *An age is the reversal of an age ...*). Особое место в этом смысле принадлежит пейзажу Гоголя (яркий полдень или звездная ночь), постоянно воспроизводимому, например, в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" с большим однообразием. В качестве образца ср.: Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой, и е-

123 Ср.: Kaltenmark M. La naissance du monde en Chine. - Sources orientales. I. Paris, 1959, p. 456 и др.

Характерен в этом отношении известный японский миф о боге Идзанаги и его жене Идзанами, удалившаяся в страну Мрака и рождающей чудовищ. Ср. восемь громов Идзанаги и восемь детищ-островов, созданных этой четой. В древнемексиканской космогонии подчеркивается девятиречное строение неба и преисподней (девять перекладин неба, девять преисподних, Чиконамиктлан - девятое место мертвых), ср. миф о Солнце, которое в девять часов пустило стрелу; из образовавшейся ямы вышли первые мужчина и женщина. См.: Леон-Портилья М. Философия нагуа. М., 1961, с. 199 и др.

124 Matlaw R.E. Recurrent Imagery in Dostoevskij. - Harvard Slavic Studies, V. 3, 1957, p. 201-224: к символике насекомых.

измеримый океан, сладострастным куполом нагнувшись над землей, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! ... Лениво и бездумно ... стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев ... Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами. Серые стога сена и золотые скирды хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слива, яблонь, груш... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!

("Сорочинская ярмарка" I) [или: На них прямо гляделиочные звезды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых ... ему представлялась степь усеянной блестящимиискрами светящихся червей ... "Тарас Бульба" II, или образ звездочек - ангелов Божих и их счет - одна ... пятая ... в "Майской ночи" I в отчетливо космологическом контексте и т.п.] Начальный пейзаж "Сорочинской ярмарки" неожиданно многими мотивами повторяется (конечно, без сознательного умысла) в описании ночи в конце первого тома "Братьев Карамазовых"; Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полныйтих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоилось еще неясный Млечный Путь. Свежая итихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние раскошные цветы на клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная сливалась с небесной, тайна земная соприкасалась со звездною. Алеша стоял, смотрел и вдруг, как подкошенный, повергся на землю... Как будто нити ото всех этих миров Божих сошлись разом в душе его, и он весь трепетал, соприкасаясь мирам иным. Какая-то как бы идея воцарилась в уме его, и это уже на всю жизнь, на веки веков. Пал она на землю слабым юношей, а стал твердым на всю жизнь борцом ... (的独特性 这幅画在陀思妥耶夫斯基的创作中独一无二). Подробнее - в другом месте.

Можно было бы привести и другие примеры, подтверждающие изофункциональность грибов, хтонических животных, звезд, пальцев, помимо приведенных. Однако здесь придется ограничиться еще лишь одним. Выше говорилось об алтайских "заговорах пальцев" со счетом от единицы до десяти и обратно. То же постоянно воспроизводится в заговорах от червей (ср. Чорек ворон, ци много ў цябе ча рвей? - Дзевяць, а з дзевяці восем, а с восеми сем..., а с одного ни губд-

и о г о и под.). Подобный счет практикуется и при сбое грибов (Я шел - нашел гриб, я шел - нашел два гриба, я шел - нашел три гриба, ... и т.д. или: Был гриб - стало два, было два - стало три... и т.д.¹²⁵, ср., наконец, искусство звездочета¹²⁶.

125 По-видимому, не случайно, что мотив 1287 (Аарне) - Дураки, не умеющие сосчитать самих себя (ср. J. 2031) - в варианте 1287* связан именно с грибной темой - Как определить ядовитые грибы? См.: Laport G. - *Les Contes populaires Wallons.* - FFC, № 101, Helsinki (1207, 1): крестьянину сказали, что ядовитый гриб почернеет от серебряной монеты в десять су; так как у крестьянина оказалось лишь девять су, он отрезает десятую часть гриба и проверяет сказанное на девятнадцати десятых его. Со счетом грибов несомненно связаны "грибные" считалки (ср. тип: Уж ты гриб молодой, | Не налитый водой... Шшел вышел | Вон пошел!), шуточные гадания перед сбором грибов (бросанием корзинки) с приговариванием (Ставчик, бурчик, | Сам кавурчик, | Стогом, рогом, | Свинья под порогом), присловья при возвращении домой (Уж ты гриб грибовой! | Доведи меня домой, - | Либо сам, либо сын...). См.: Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях..., т. I, вып. 1, СПб., 1898, № 220-221, 265. Чрезвычайно интересны литовские шуточные считалки (*juokavimai*), содержащие ценные мифологические сведения. Ср.: *Kiek dievų?* - *Devyni.* - *Kur anys?* - *Eglyni.* - *Ką veikia?* - *Keriu rės siuva.* - *Kam?* - *Kiniagat* - *Kokias?* - *Raudonasis* ('Сколько богоев? - Девять. - Где они? - В ельнике. - Что делают? - Шапки шьют. - Кому? - К сенду. - Какие? - Красные'); нет сомнения, что речь здесь идет о грибах (ср. зонт как царскую регалию в ряде традиций, к Ксендзу; к audonas kepures ср. загадку о грибах: *Mažutis gražutis ėjo per žemę ir atrado raudoną kepurę*), или о копне: *Devyni broliai vieną keriurę dėvi* или: *Kiek dievų?* *Devyni.* - *Kur gyvena?* - *Eglyni.* - *Ką daro?* - *Vyžas pina.* - *Kam?* - *Kinigiam* (параллельно к русской считалке Заяц белый, куда бегал..., лыки драл...). Эти считалки, в свою очередь, непосредственно связаны со "счетными" считалками с обильной звукописью. Ср.: *Pirmasis vienj kala,* | *Antras antra galą,* | *Trečias treinj trynė,* | *Ketvirtas kekė pynė...* | *Devintasis dievą malde* 'Первый..., второй..., третий..., четвертый..., девятый бога молил' (иногда таким текстам предшествует пояснение типа "Девять смертных грехов" или "Девять (Десять) божьих заповедей" и т.п.), ср. *Kiek dievų?* - *Devyni.* См.: Lietuvių tautosaka, t. 5. Vilni-

* * *

Вышеприведенные данные показывают, что причина конфликта в семье Громовержца чаще всего связана с нарушением некоего запрета, прежде всего - на кровнородственные браки. Поэтому по идее конфликт должен разрешаться у становлением новой системы брачных отношений, а носители противоположных ей норм должны быть наказаны¹²⁷. Но вместе с тем инцест во многих традициях, где придерживаются иных норм, еще долгое время продолжает рассматриваться как одно из наиболее действенных средств увеличения плодородия. Достаточно сослаться здесь на описания разных типов инцестуозных отношений в Ригведе (Отец-Небо и его дочь Ушас; Пушан, бог плодородия, и его сестра Ушас; Тваштар, творец и его дочь; Агни, бог огня, и его сестра Ушас; Агни как подстрекатель к инцесту; Яма, первочеловек, и его сестра Ями и т.п.)¹²⁸. Не случайно поэтому тема инцеста и последующего наказания (смерть путем расчленения и т.п.) самым тесным образом сплетается с мотивами плодородия, возникновения культурных растений, перехода

us, 1968, № 8602-8606. Не менее интересны и другие данные. Ср. игру, в которой участвуют девицы и парни, образующие два ряда и меняющиеся местами; при этом поется песня, аналогичная русской Гриб-боровику - *Grybs, grybs, baravyks, | Visų grybus pulkai-niks...*, но с отсутствующим в русском тексте продолжением: *O jūs, bobos, netingėkit, | Virkit gry-bus ir maišykit ...* ('А вы, бабы, не ленитесь, | Варите грибы и перемешивайте...'). Еще более показательна игра, при которой мужчина и женщина образуют пару, пары выстраиваются в ряд, меняются местами и т.д. и при этом поют: *Grybų rauti, grybų rau-ti, | O ne baravykų... | Kožnas savo radęs radęs, | Už rankelės vedės, vedės ... | Oi jūs, bobos, ne-trükinkit, | Virkit grybus ir maišykit...* ('Грибы рвать, грибы рвать, но не боровики... Каждый себе найдет, найдет, за руку поведет, поведет...') и т.д. (с символикой бракосочетания), см.: Lietuvių tauto-saka, т. 5, № 9686, 9688.

¹²⁶ В "Королевской невесте" Гофмана заслуживает внимания мотив превращения не истинного мудреца, звездочета Дапсуль фон Цабельтау в гриб в результате борьбы с Даукус Карота.

¹²⁷ Ср.: Hennigh L. Control of Incest in Eskimo-Folktales. - JAF, v. 79, 1966, p. 356-357., и в более общем виде: Stephens W.N. Oedipus Complex: Cross-Cultural Evidence. New York, 1962.

¹²⁸ См.: Fiser I. Indian Erotics of the Oldest Period. Praha, 1966, p. 46f. Интересный материал по этой теме собран и в современных индийских традициях. Ср.: Elwin V. Myths of the North-East Frontier of India. Shillong, 1958, p. 40, 60-67 и др. (Инцест и наказание громом-молнией).

к новому кулинарно-пищевому режиму (в частности, изобретения напитка бессмертия)¹²⁹. В этом смысле показателен ряд сказочных мотивов (с той, правда, оговоркой, что для полноты суждения приходится обращаться ко всей совокупности вариантов данного мотива). Выше уже было сказано о № 365.3.2 (сестра, съевшая гриб, становится женой)¹³⁰. В Индии параллельно мотиву о происхождении грибов А 2686.1 (Thompson-Balys), а также съедобных корней (А 2686,4), наркотических растений (А 1691,0), табака (А 2691,2), существует большое количество мотивов, относящихся к хтоническим объектам, ср. А 2006: происхождение насекомых в результате соития брата и сестры (ср. также А 2000-2099, в частности, А 2011: муравьи, А 2031: мухи; А 2034: москиты, А 2051: вши); А 2001: происхождение насекомых из тела убитого чудовища и т.д. Иногда оба ряда мотивов соединяются, ср. А 2601: происхождение растений – Творец посыпает ма землю насекомых, которые сажают растения; А 2611: растения из тела убитого животного или человека (ср. также А 2611.0.3 и 0.4) и др.¹³¹. Достаточно широко распространены мотивы

129 Иногда, впрочем, все эти приобретения мотивируются началом полового общения женщин с мужчинами (в отличие от бытовавшего до тех пор общения с животными, например с черепахами и т.п.), см.: Сказки и мифы Океании..., с. 99-102 – сказание меланезийского племени папаратава, где начало полового общения связывается с изобретением огня и установлением новых норм. – "Так не годится. Я разделю вас на два брачных рода. Потому что нельзя, чтобы женщина брала в мужья человека, которого сама родила. Это кровосмешительство. Не поступайте так никогда" (с. 102). Или: "Отсюда и видно, что нельзя брата женить на сестре. С тех пор никто братьев на сестрах не женит". См.: Сказки центральной Индии. Под ред. Г.А. Зографа. М., 1971, № 56, (с. 237).

130 Ср. вариации: за беременную в старости женщина хочет поесть грибов; большая кобра Басук Наг дает грибов с условием, что родившаяся дочь станет его женой; когда дочь выросла, она попадает в воду и становится женой Басук Нага; из цветка (ср. приведенную выше сантальскую сказку), выросшего на том месте, где был закопан послед (после рождения дочери), вышел малчик: выросши, он стал жить с сестрой, убив Басук Нага и изрубив его на куски. См.: *Elwin V. Folk-Tales...* XXII, 2 (Салпири, Мандла). В сходной гондской сказке (*Elwin V.* XXII, 1) из сожженых кусков тела предводителя кобр Нанг Куара появились воробы (ср. А 2000 и далее).

131 Ср. также: *Jobes G. Dictionary...*, v. 1, 1962, p. 828f. В другом месте будет показано, что ряд сказочных мотивов, связанных с сестрой и семьей, девятью или двенадцатью братьями, по происхождению связан

обращения брата и сестры за нарушение инцеста в цветок. Наряду с указанной темой собирания сестрой чудесных цветов во время поисков братьев, ср. реконструкцию сходного мифа на славянском материале - о цветке Иван-да-Марья, "братки" и под.¹³². Нередко следы сходных мотивов обнаруживаются во всем цикле преданий о происхождении Вселенной и ее отдельных частей (ср. у Томпсона: A 642: происхождение из тела убитого гиганта, A 614: из частей тела творца, A 617: из раковины¹³³, A 1232: из раковины, скалы, земли, A 1236: из дерева, A 1214: из камня, 1245: из камешков, кальки и т.п.). В частности весьма часто от-

с этим же кругом идей. Ср. 451 (Aarne): девица ищет братьев, собирание чудесных цветов, превращение в воронов и т.д.; мотив прихода мертвого брата, в котором можно видеть отражение земной истории наказанных Громовержцем детей (сестра и девять братьев, тема выдачи сестры замуж подальше от братьев, гибель братьев и т.д.). Подробнее см.: Boemann E. "Die zehn-te Tochter". Eine Studie zu einer Gottscheer Ballade. - Humaniora. Essays in Literature, Folklore, Bibliography Honoring Archer Taylor on His Seventieth Birthday. New York, 1960, p. 102-114; Цивьян Т.В. Мотив "Приход мертвого брата" в балканском фольклоре. - Труды по знаковым системам, 6, Тарту, 1973, с. 83-104.

¹³² См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. К семиотическому анализу...; применительно к другим традициям см.: Levi-Strauss C. La pensee sauvage..., р. 360. Не исключено, что подобные мотивы могли получить отражение и в изобразительном искусстве. Ср., напр., шерстяной узелковый ковер из Пазырыкского кургана (V в. до н.э.), где в центре - ряд квадратов, в каждом из которых - ж е л т ы й цветок и г о л у б о й чашелистник (ср. цвета Иван-да-Марью); вся схема достаточно показательна - грифоны, лани, всадники (по семь в каждом ряду), изображение дерева в орнаменте и т.д. Подробнее об этом ковре см.: Руденко С.И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М., 1968, с. 41 и след.

¹³³ Ср. A 1232.3: Ворон находит раковину, из нее - голо-са людей, а затем и сами люди (ср. выше об акусти-ческих эффектах грибов). См.: Swanton J.R. Haida Text-Masset Dialects. - Jusup North Pacific Expedi-tion, v. 10, pt 2, 1908; Barbeau M. Now The Raven Stole the Sun. - Transactions of the Royal Society of Canada. Third Series, Section 2, vol. 38, 1944; Idem. Haida Myths. - Bulletin 127. Anthropological Series. v. 32. Ottawa, 1953. (Этот же мотив отражен в резьбе индейцев хайда). См. coitus в раковине в произведениях Босха (прежде всего - "Сад наслаждений") или мотив раковины от "Рождения Венеры" Боттичелли до композиций Габо.

мечается последовательность творения камень - растения (или животные, или люди)¹³⁴. Можно напомнить некоторые типовые мифы и легенды о происхождении культурных растений, чтобы еще раз подчеркнуть их близость с мифологической схемой, рисующей происхождение грибов и их культурную роль. Так, например, типичное месоамериканское предание о возникновении человека и культурных растений среди прочих сочетает в себе мотивы спуска Кетцалькоатля в преисподнюю к богу мертвых, червей и пчел, костей мужских и женских (ср. океанийский мотив: звезды = кости мертвых духов), горы жизни, четырех богов дождя, превращения Кетцалькоатля в муравьев разного цвета, удара молнии и появления растений, в частности, маиса¹³⁵. Другое предание вводит мотивы поражения земли стрелой Бога Солнца и возникновения из того места, куда попала стрела, первой пары - мужчины и женщины, их семерых детей (шесть сыновей и одна дочь); употребления огня и сырой вареной пищи; рождения в преисподней Бога Маиса, происхождения из разных его частей - особенно из пальцев и ногтей - съедобных плодов; происхождения Бога Ветра Кетцалькоатля и божественной девицы Маяуэль на землю, превращения их в дерево с двумя ветвями, гибели ветки Маяуэль; возникновения из нее растения Метль (агава), приготовления из него вина, вызывающего танцы, песни, радость и т.п.¹³⁶. Если вспомнить о роли числа четыре в связи с Громовержцем в разбираемой здесь схеме, то особое внимание должны привлечь мифы, в которых постоянно обыгрывается это число (четыре бога, сына, дождя, воды, ягуара, мировых периода, сезона, страны света, цвета и т.д.) в связи с основной темой происхождения огня, культурных растений и напитков из них¹³⁷. Не менее интересно и использование числа девять в этих же мифах (см. приготовление *Xtiscale* девяти волшебных напитков, ко-

¹³⁴ Индейцы кубео считают, что они возникли из камней, выходя из них попарно в виде анаконды и сбрасывая кожу. Бог же *Quwai* дал им маниоку и фрукты, научил сажать растения, хоронить мертвых; он же сотворил мух. См.: *Goodman J. Cosmological Beliefs of the Cubeo Indians.* - JAF, v. 53, 1940, p. 242-247. Согласно представлениям некоторых меланезийцев (*Banks Island*), божество *Qat* родилось из камня-матери (без отца), распавшегося надвое. *Qat* имел 11 братьев, он создал человечество из дерева, а чтобы оно не умерло с голода, - сотворил растения и т.п. См.: *Codrington R.H. The Melanesians. Studies in Their Anthropology and Folklore.* Oxford, 1891, p. 156-158; *Leach M. The Beginning...*, p. 178f. и др.

¹³⁵ *Märchen der Azteken...*, S. 10 f. (№ 4a).

¹³⁶ Там же, с. 12f. (№ 4b).

¹³⁷ Там же, с. 3 f. и др.

торые, будучи смешаны с маисом, дают человеку силу и жир; рождение у четы первобогов¹³⁸⁾ на склоне среди вонд двух сыновей по имени "Ветер девасти змей" и "Ветер девасти преисподних", обратившихся в Орла и Змея, ср. здесь же тему табака и т.п.¹³⁹⁾. Мифы такого содержания неоднократно отражены в древнем месоамериканском искусстве¹⁴⁰. Характерна и другая особенность американских традиций - использование грибов для приготовления напитка, способствующего усиления визионерских качеств, при широком распространении фетишей, причем некоторые из них, напр., священная шапка с четырьмя стрелами (*Cheyenne*) выглядят как непосредственное изображение важнейшего мотива всего мифа о происхождении грибов¹⁴¹. Данные африканских тра-

138 Обычно их имена - Тонакатекутли и Тонакакиуатль (сост. - "Господин и Госпожа нашей плоти"; под плотью в данном случае должен пониматься маис, из которого было создано человеческое тело). Весьма существенно, что они типологически сходны с другими образами творящей дуальности, - ср. Идзанаги и Идзанами в синтоизме, Ранги и Пана в океанийской традиции, Праджапати в Ведах и т.д.

139 Но особенно интересны в этом отношении сведения, сообщаемые одним хронистом Ханьской династии (*Pan Ki*, 32-92 гг. н.э.) об обычай помещать в конце августа во внутреннем помещении царского дворца грибы с девятью парными "листьями". Император Ву отожествлял его со знаменитым *chih* и создал оду, посвященную этой теме (ср.: "Мое уединенное жилище произвело траву, девять стеблей с двумя листьями!... эта великолепная поросль, этот *chih*, который чудеснейшим образом разворачивает свою красоту"). См.: *Wasson R.G. Soma....*, р. 85-86 и рл. XIV-XV (гриб, у которого на одной ножке девять паки, ср. двое родителей - девять сыновей).

140 *Seeliger E. Gesammelte Abhandlungen zur amerikanischen Sprach- und Altertumskunde. Bd. 1-5. Berlin, 1902-1923; Idem. Codex Borgia. Eine altmexikanische Bilderschrift... Bd. 1-3. Berlin, 1903-1909; Krickeberg W. Felsplastik und Felsbilder... Bd. 1-2 и др.*

141 См. также: *Hultkrantz Å. Les religions des Indiens primitifs de l'Amérique. Essai d'une synthèse typologique et historique. Stockholm-Göteborg-Uppsala. 1963, p. 68 f.; 50 f.* В связи с мотивом священной шапки, нередко отожествляемой с грибом, заслуживают внимания две бронзовые фигурки из Луристана (ок. 1000 г. до н.э.), изображающие мужские и женские божества плодородия в особых шапках, вызывающих вполне определенные ассоциации. См.: *Goddard A. Bronzes du Luristan. Paris, 1931; Idem. L'art de l'Iran. Paris, 1964, №№ 26-27.*

даций о происхождении жизни на земле и, в частности, культурных растений, подробно проанализированы в ряде работ¹⁴². Останавливаться на них здесь нет необходимости, — тем более, что и они повторяют в разных вариантах уже не раз названные мотивы. Пожалуй, особо следует отметить древнеяпонскую версию происхождения культурных растений, поскольку она оказывается зафиксированной уже в начале VIII века (ср. древнейшее историческое сочинение "Kojiki" и анналы "Nihonshoki") и содержит ряд интересных деталей (напр., акцент на анатомизацию и убиваемой богини, выделение мотива ного гтей, наконец, связь с мифом об Идзанаги и Идзанами, позволяющим установить более непосредственную перекличку с анализируемой здесь схемой)¹⁴⁴). Еще более богаты относящиеся сюда древнекитайские данные. Прежде всего речь должна пойти о цикле мифов, связанных с Пань-гу, одним из основных демиургов. Именно он отдал небо от земли, его тело росло по мере того, как небо отделялось от земли; потом из частей тела Пань-гу возникли различные элементы Космоса. Третий сын Пань-гу носил имя Лэй 'Гром', да и о самом Пань-гу говорили, что когда он вдыхал, поднимался ветер и начинал лить дождь; когда он выдыхал, гремел гром и сверкала молния. Во времена засухи ему молились, прося о дожде. Люди же возникли из паразитов, кишевших на теле умирающего Пань-гу¹⁴⁵⁻¹⁴⁷. Интересно, что сам Пань-гу имел туловище змеи и голову дракона. Не менее любопытны предания о том, как девица Хуа-сюйши, оказавшись на Болоте грома (*Лэйцзе*), забеременела от бога грома Лей-шаня, и у нее родился сын Фу-си, который женился на своей сестре Нюй-ва. Они и положили на-

¹⁴² Ср. Baumann H. Schöpfung und Urzeit..., S. 191 f.

¹⁴³ Ср. магическую анатомию в Древней Мексике (части человеческого тела, их отношение к календарю и т.д.). См.: Danzel Th.-W. Handbuch der präkolumbischen Kulturen in Latinoamerika. Hamburg, 1937, S. 55 f. Об анатомизации, расчленении, разъятии, растерзании священного тела, как одном из ведущих мотивов карнавала см.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле..., с. 210-211; 286-287 и др.

¹⁴⁴ См. подробнее: Karow O. Die Tötung der Nahrungsgöttin und die Entstehung der Nutzpflanzen in der japanischen Mythologie. - In: Festschrift für Ad.E. Jensen. München, 1964, S. 279-284.

¹⁴⁵-¹⁴⁷ В связи с этой темой см.: Иохельсон В.И. Натуралистический сюжет о происхождении комаров и других гадов в сибирско-американских мифах. - Сб. МАЭ, т. V, вып. 1, 1918, с. 201-204 (с литературой вопроса).

В американских традициях аналогичные мотивы иногда приурочиваются к теме происхождения табака. См.: Kell K.T. Tobacco in Folk Cures in Western Society. - JAF vol. 78, 1965, p. 99-114 (отчасти: Idem. Folk Names for Tobacco. - JAF, v. 79, 1966, p. 590-599). Ср. название гриба чертов табак (высохший дождевик).

чало человеческому роду (на ряде изображений Фу-си держит на руках солнце, а Нюй-ва - луну с образом жабы, что связывает их с темой первородного брака на уровне космологических персонажей). Другой цикл преданий повествует о потопе, устроенном богом грома Лэй-гуном, о гибели всего живого, кроме брата и сестры, спасшихся в тыкве-горлянке, выросшей из зуба Лэй-гуна, застрявшего в землю. Спасшихся таким образом брата и сестру назвали Фу-си (ср. Пар-си 'тыква-горлянка'); мальчика звали "братец-тыква", а девочку "сестрица-тыква". В дальнейшем от их брака через ряд превращений снова появились люди¹⁴⁸. Иной аспект подчеркивается в австралийском мифе о сестрах, превращенных в лягушек в наказание за измену их матери своему мужу (ср. превращение сестер Меа-мей в Плеяды), а именно - оппозиция еды - нееды (камня)¹⁴⁹; здесь же и мотив дождя, камня, вызывающего дождь. Подробнее этот мотив разворачивается в сказании о виринуне - вызывателе дождя и связанном с ним мотиве наступившего изобилия и устройстве великого бора с тем, чтобы мальчики могли стать юношами¹⁵⁰. Мотив возникновения пищи, веселящего напитка во многих традициях связывается с похищением, кражей, совершаемой "культурным" героями (обычно с неба), а не с инцестом; ср. полинезийский мотив - Лафанога похищает хмельной ритуальный напиток из мира духов; американские и океанские легенды о возникновении пресной воды; историю Одина, похищающего мед, некоторые мотивы, связанные с Локи (ср., кстати, его способность превращаться в насекомых (ср. *locke* как название паука в ряде диалектов скандинавских языков), эпизод с Локи-мухой и то, что он породил хтонических чудовищ)¹⁵¹ и т.д. Мотив веселящего

¹⁴⁸ См.: Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М., 1965, с. 40 и след.

¹⁴⁹ См.: *Langloh Parker K. Australian Legendary Tales.* и др.

¹⁵⁰ Ср. другой вариант - ритуальное соитие с целью вызывания дождя и его отражение в эпизодах из "Махабхараты" (III, 110. 17-36; 111. 1-22; 112. 1-18; 113. 1-12) о праведном Rṣyaśṛṅga, целомудрие которого при встрече с проституткой заставило смиливаться Индру и послать на землю долгожданный дождь. См.: von Schroeder L. *Mysterium und Mimus im Rig Veda*. Leipzig, 1908, S. 166; O'Flaherty Doniger W. *Ascetism and Sexuality in the Mythology of Siva*. - *History of Religions*, v. 8, N. 4, 1969, p. 315 f.

¹⁵¹ Мелетинский Е.М. Мифологические повествовательные песни "Эдды" и ранние формы эпоса. - Скандинавский сборник, XIV. Таллин, 1969, с. 345 и след. (здесь же - литература вопроса). Ср. также мотивы молодильных яблок, яблок Идун, "живой" воды и т.п. (ATH. 551). Ср.: Он же. "Эдда" и ранние формы эпоса. М., 1968, гл. II.

напитка, эликсира бессмертия, божественной (или дьявольской) влаги возвращает нас снова к теме грибов, поскольку, как показали исследования Р.Г. Уоссона, К. Леви-Стросса, Р. Гейма и других специалистов, именно грибы определенных видов служили лучшим (а иногда и единственным доступным) материалом для приготовления галлюциногенного напитка, открывавшего возможности общения с иными мирами. Во всяком случае на обширных пространствах Евразии и Америнидии сохранилось большое количество свидетельств именно такого использования грибов, прежде всего — мухомора¹⁵², по крайней мере в эзотерических филиациях (внутри данной культурной традиции), сохраняющих архаичные черты. Так или иначе, но в объеме мифа в целом отмеченная выше триада *жизнь — смерть — плодородие* дублируется пространственными перемещениями основного объекта мифа независимо от его конкретных превращений — небо (божьи дети до грехопадения) — земля (грибы, насекомые и т.д. после наказания за грехопадение) — небо (человек, вкушивший напиток бессмертия)¹⁵³. Эта двухаспектность грибов и изофункциональных им объектов в мифе, проявляющаяся в совмещении небесного (божественного) и хтонического (дьявольского) начал, отражает тот элемент риска, с которым необходимо связана вся эволюция человеческой культуры¹⁵⁴. Обращение к темным и чреватым опасностью силам природы, к остаткам хаотического и испытание (и включение его) небесным, космическим вводило в жизнь элемент динаминости, увеличивало роль шанса, выбора, инициативы. Это и были те два благословения, которые определяли путь человека от хаоса к космосу сначала и от космоса к истории позже: "... и да благословит тебя Бог благословениями небесными с выше, благословениями бездны, лежащей долу, благословениями сосцов и утробы"¹⁵⁵. Но неосторожное прикосновение ко всему, что связано с бездной, гибельно. Поэтому любой продукт ее может быть использован лишь при выполнении целого ряда существенных ограничений — пространственных, временных,

152 См.: Wasson R.G. Soma..., p. 231 и след. Ср. также: Dunn E. Russian Use of *Amanita muscaria*: a Footnote to Wasson's Soma. — Current Anthropology, Oct., 1973, v. 14, p. 488-492.

153 Характерно, что приготовление или пользование таким напитком часто является прерогативой шаманов. Они же связаны с молнией, контролируют гром, дождь и под. Ср.: Balikci A. Shamanistic Behaviour among the Netsilik Eskimos. — Southwestern Journal of Anthropology, v. 19, 1963, p. 386; Василевич Г.М. Эвенки. Л., 1969, с. 211 и др.

154 Ср. дарование людям огня Прометеем и реакцию на это богов.

155 Бытие 49, 25. Ср. разворачивание в рамках этих двух благословений истории Иосифа в романе Томаса Манна.

социальных: сакральное место (центр), сакральное время (праздник, жертвоприношения), сакральная группа (шаманы, жрецы т.п.). Только в этих условиях осуществимо обращение к смерти ради жизни¹⁵⁶.

* * *

В заключение несколько соображений относительно неожиданной, но интересной и перспективной гипотезы Р.Г. Уоссона, согласно которой первоначально др.-инд. *soma*- (авест. *haoma-*, индо-иран. **vaita-*) обозначал один из видов мухомора, а именно *Amanita muscaria* (англ. *fly agaric*, нем. *Fliegenpilz*, франц. *fausse orange, tue-mouche, crapaudin* и т.д.). Не касаясь в данном месте вопроса о тождестве Сомы и *Amanita muscaria*¹⁵⁷, можно ограничиться лишь кратким указанием мотивов, которые - в совокупности - не оставляют сомнений в том, что Сома (божество, растение, и напиток) были включены в ту же самую мифологическую схему, в которой в других традициях, как это было высказано выше, выступали грибы.

Среди тех данных, которые Р.Г. Уоссон использовал лишь отчасти или вовсе не затронул, находится свидетельство первостепенной важности: Сома - дитя Парджааньи, бога дождя¹⁵⁸, носителя грома и мол-

156 Покорни солнечным лучам, | Так сходят корни в глубь могили | И там у смерти ищут силы | Бежать навстречу внешним дням, - по словам Фета.

157 Серьезные сомнения по поводу такого отождествления были высказаны недавно Дж. Брафом, см.: *Brough J. Soma and Amanita muscaria*, - BSOAS, vol. 34, 1971, p. 331-362 (ср.: *Idem. Problemes of the "Soma-Mushroom" Theory*. - *Indologia Taurinensis. I. Atti del Convegno Internazionale di Studi Indologici Torino. Torino, 1973*, ср. выше ответ Уоссона в "Ethnomycological Studies", 1972). Наиболее существенны общие соображения (в частности, связанные с различием в индо-иранском двух видов опьяняющего напитка: *soma*, *haoma* - *sura*, *hurā*, ср. ср.-иранск., пехл. *hwr*, о нем см.: *Henning W.B.* - BSOAS, v. 17, 1955, с. 603) и анализ отдельных слов и выражений (*amśi*, *dhāman*, *megha* и *mih-*, *hari*, *nirpij*, *sahasrabhr̥ṣṭi* и т.д.). Основной пафос статьи - в утверждении мысли о том, что аргументы Уоссона недостаточны для доказательства указанного тождества. Принимая эту мысль, можно все-таки настаивать на отнесении сомы к тем мифологизированным продуктам растительного мира, которые, переходя в разряд элементов культуры, сопоставимы с грибами и приготавляемыми из них напитками. Принадлежность к одному классу определяет многочисленные сходства в описании сомы и грибов.

158 Ср. употребление апеллятива *parjányaḥ* в значении грозовых туч в RV. I, 164, 51: *bhūmin parjányaḥ jīnvanti dīvat jīnvanty agnáyah* 'землю поддерживают (освежают) грозовые тучи, небо - о г-

ний¹⁵⁹ (*parjányaḥ pitā*. RV. IX, 82, 3) и Паджры, видимо, Земли¹⁶⁰ (*pájrāyā garbhā*. RV. IX, 82, 4). Имя Парджаны отражает наименование индоевропейского бога грома (*Perkūnas*, Перун и под.); при этом известно, что Парджанья производит скот, растения, семена¹⁶¹, пищу¹⁶²; он связан с лягушками¹⁶³, с молоком и медом¹⁶⁴; сам он сын неба (*parjányāya... divás putrāya...* RV. VII, 102, 1), опора мира (RV. VII, 101, 4), ороситель обоих миров (...*prā vidyútā ródasī ukṣatānah*. RV. V, 42, 14). Интересно, что имена божественных супружеских построены по метатетическому принципу: *Parj-*: *Pajr-*. Из сказанного следует, что Сома – дитя, возникшее в результате оплодотворения божеством, связанным с громом, молнией, дождем, Земли, же-

ни'; ср. также *parjányo vṛṣṭimāṇ* (RV. IX, 2, 9), 'дожденоносный Парджанья', ср. *parjányasyeva vṛṣṭayah* (IX, 22, 2) и т.п.

¹⁵⁹ Ср.: *yat parjánya stanáyan hánti duṣkr̄taḥ*. RV. V, 83, 2 'когда Парджанья гремит, он убивает злочинцев'; *dūrāt siñhásya stanáthā id trate yát parjányāḥ kṛṇuté varṣyam nábhāḥ*. (RV. V, 83, 3) 'Издалека поднимаются громовые раскаты льва, когда Парджанья творит дождевое облако'; ср. также V, 83, 6 и 7; V, 83, 9; I, 38, 14; VIII, 21, 18 и др.

¹⁶⁰ Отождествление, основанное на том, что жена Парджаны (и, следовательно, как можно предполагать, мать Сомы) – Земля (ср. RV. V, 83, 4; VII, 101, 3 и др.). Интересно, что в гимне Земле (V, 84), следующем непосредственно за гимном Парджанье (V, 83), есть стихи, в которых говорится о молнии из-за облаков и о дожде с неба (*yát te abhrásya vidyúto divó várṣanti vṛṣṭayah*), в то время как Земля крепко удерживает деревья в почве.

¹⁶¹ Ср. RV. V, 83, 4: *prā vātā vānti patáyanti vidyúta id oṣadhitr jihate pínuvate svāḥ | irā visvāsmai bhūvanāya jāyate yat parjányāḥ prthivīm rétasávati* "Веют ветры, падают молнии, растения возрастают, взбухает солнце. У каждого существа появится освещение, когда Парджанья семенем (= дождем) подкрепляет землю". Как показано в другом месте, **raj(r)ā* – собств. 'складка', 'стык', 'пространство, образованное двумя поверхностями', ср. в специальном значении (у Лукреция) *Venēris compāgēs* 'Венерины объятия' (лат. *pāg-*; др.-инд. *pāj-*). Особенно существен эпитет Сомы *sahásrapājas* 'обладающий тысячью *pājas'*.

¹⁶² Ср. VI, 50, 12; *parjányāvātā pípyatām iṣāṭ naḥ* 'Парджанья и Вата пусть сделают нам так, чтобы еда разрослась'.

¹⁶³ Ср. знаменитый гимн лягушкам (VII, 103, 1).

¹⁶⁴ Ср.: *śināt parjányo mādhunāt páyobhiḥ ...* RV. IV, 57, 8 ... '[Да принесет] счастье Парджанья через мед и молоко'.

ны этого божества¹⁶⁵. Вместе с тем существуют сотни мест, где указывается связь Сомы с собственно Громовержцем – с Индрой. Не говоря о том, что сома именуется напитком Индры (ср. *indrāpānāḥ*. RV. IX, 96, 3)¹⁶⁶ и включен в целый ряд общих с Индрой мотивов, здесь можно лишь упомянуть нередкие указания на то, что Сома входит в Инду (*īndram indo vṛṣā viśā*. RV. IX, 2, 1 'в Инду, о напиток, войди, о бык!'¹⁶⁷). Конечно, не случайна и связь Сомы с дождем: потоки Сомы – небесный дождь (*prá te dhārā avāscātō divō nā yanti vṛṣṭāyah*. RV. IX, 57, 1); к нему обращаются с просьбой излить небесный дождь (*vṛṣṭīt̄ divāḥ pāri srava*. RV. IX, 39, 2), он – обладатель грома (*pāvamāno ajījanad ... tanyatūm*. RV. IX, 61, 16)¹⁶⁸. Особенno подробно описывается посредническая роль Сомы: он – связь Неба и Земли, родившийся на небе (ср. *arūpāt... divāḥ sīsum*. RV. IV, 15.6 'красное дитя Неба'), он возрастает на земле (ср. RV. IX, 61, 10: *iccā ta jātām ándhaso divī sād bhūmyu ā dade* 'в высинах рождение твоего напитка; на небе презывающего на землю беру я', или RV. IX, 79, 4: *divī te nābhā paramō yā ḍadātē prthivyās ruruhiḥ sānavi ksīpāḥ* 'О ты, у кого высший пуп [происхождение] на небе прикреплен, пальцы на спине земли взросли'), он между двумя мирами, символизируемыми двумя частями преска (*óbhē antā rōdasi*. RV. IX, 70, 5), он – пуп земли и опора неба (ср. *nābhā prthivyā dharānto mahō divō* RV. IX, 72, 7¹⁶⁹, столп небес (ср. *divō ... skambhō*. RV. IX, 74, 2, ср. IX, 86, 35, 45)¹⁷⁰. Ввиду этих данных о Соме и обильных типологических параллелей (ср. хотя бы сочетание трехчлен-

¹⁶⁵ Строго говоря, эта версия рождения не противоречит, – как в случае Сомы, так и, конечно, огня, – указанию на рождение из себя самого, подобно *Tanīparāt' yu* (ср. IX, 5, 2). Весьма примечательно, что в самых разных традициях мотив самозарождения связывается именно с грибами.

¹⁶⁶ Ср. также: RV. IX, 85, 2; X, 22, 15; X, 24, 1 и др.

¹⁶⁷ Ср. RV. IX, 66, 5: *soma...éndrasya jāthāre viśā* 'о Сома,...проникни во чрево Индры!' Ср. также IX, 76, 3: *índrasya soma pāvamāna...jāthāresv ā viśā* [*prā naḥ pīnva viḍyūd abhréva rōdasi*] 'О Сома Павамана, вниди во чрево Индры, о плод отвори нам оба мира, как молния – облако' и т.д.

¹⁶⁸ Ср. к связи Сомы с ваджрай – RV. V, 48, 3; I, 121, 12. Интересно, что *sahásrabhr̄stī* 'обладающий тысячью зубцов (зазубрин)' равно характеризует и ваджру и Сому (который в этих случаях может пониматься как гриб, ср. Р.Г. Уоссон) – RV. IX, 83, 5; IX, 86, 40.

¹⁶⁹ Ср. *пуп* в связи с грибами, русск. *пупырь*, камбодж. *prət* 'пуп' и 'гриб' и др. Сома называется также пупом бессмертия (*amṛtasya nābhīḥ*. RV. IV, 58, 1), ср. напиток бессмертия (сома).

¹⁷⁰ Такие же описания относятся и к Агни, ср. RV. I, 59, 2; III, 5, 10; VI, 8, 3 и др.

ногого гриба с двумя птицами над ним в соседстве с мировым деревом на уже упоминавшейся иониулинской ткани) следует подчеркнуть, что сейчас нет оснований сомневаться в том, что Сома изофункционален мировому дереву¹⁷¹. При таком понимании хорошо объясняются места, сообщающие о том, что Сома – дитя времен года (*ṛtúr jánitri* RV. II, 13, 1), что от связан и с водой (*tásyā apás pári māksū jātā áviśad yási várðhate.* RV. II, 13, 1 'от нее рожденный, он тотчас же проник в воды, в которых возрастает', ср. также IX, 71, 3; IX, 86, 45; IX, 97, 47; III, 36, 2; III, 43, 7; V, 30, 11; VIII, 1, 17; IX, 62, 5; I, 134, 5 и др.) и с огнем (Сома родитель Агни, как и мыслей, неба, земли, Сурьи, Индры, Вишну, ср. RV. IX, 96, 5: *sómaḥ pāvate janitā mātinām janitā divó janitā pr̄thivyāḥ | janitāgnér janitā vīryasya janitēndrasya, janitótā viśvoh* и др.); ср. сходную роль Сомы и Анги в космологических мифах (их жизнь на первозданном холме¹⁷², где они охранялись змеем-драконом – *āhi* и под.).

В связи с Сомой возникает еще целый ряд тем, которые в других традициях нередко связываются с грибами. Уже говорилось о роли счета применительно к Соме и к грибам. В известной мере с этим связано постоянное упоминание о десяти пальцах, о пальцах-сестрах¹⁷³ при описании при-

¹⁷¹ Ср.: Lommel H. Yasna 32. – Wörter und Sachen, Bd. 19, 1938, S. 244 (вопреки П. Тиме, А. Куни и др.).

¹⁷² К мотиву "Сома на горах" ср. RV. I, 10, 2; I, 176, 5; III, 48, 2; V, 36, 2; V, 43, 4; V, 85, 2; VIII, 6, 28; IX, 18, 1; IX, 46, 1; IX, 62, 4, 15; IX, 82, 3; о мотиве "Гриб на горах" см. выше. Заслуживает внимания и тот факт, что Парджанья также локализуется на горах посередине Земли что у него есть бык, что один из его атрибутов – *ṛ*ев (*parjányah pitā mahisasya parṇíno nābhā pr̄thivyā girīṣu kṣayam dadhe.* RV. IX, 82, 3; ...*divó nāke...* duhanty uksá-nām giristhām. RV. IX, 85, 10; ср. о реве – V, 83, 1, 7, 9; VII, 101, 1 и др.). В таком случае этот ревущий бык на горах как атрибут бога грозы Парджаны вполне сопоставим с русской загадкой о громе Тур ходит по горам, Турица-то по долам, Тур свистнет, Турица мигнет. В другом месте было высказано мнение о связи тура с Перуном (ср. *Perkūno oželis* 'Перкунов козел'). Тема ревущего быка может сочетаться с загадкой, основанной на счете (см. выше о грибах и под.). Ср. RV. IV, 58, 3: *catvāri śr̄ngā tráyo asya pādā dvé śīrṣe saptá hāstāso asya | tr̄idhā baddhō vṛṣabho roravīti mahó devo mártvāñ ā viveśa* – 'четыре рога, три стопы у него, две ноги, семь рук у него; трижды стреноженный бык ревет; великий бог вошел в смертных' при загадках о быке или корове типа Четирие четырки, две растопырки, седьмой вертуш и под.

¹⁷³ Ср. у И.Анненского: О сестры, о нежные десятъ! (о пальцах).

готовления Сомы. Ср.: *etám u tyám dásá kṣípo mrjánti sín̄dhumātarām*. RV. IX, 61, 7 'Его, мать которого Синдху, очищают десять пальцев'¹⁷⁴ или *svásāra īm jāmáyo marjayanti...* RV. IX, 89, 4 'его очищают сродненные сестры (= пальцы)' и др.¹⁷⁵. Нередко говорится в связи с Сомой о трех спинности, что также возвращает нас к образам, имеющим отношение к грибам (тройной гриб, гриб трех царств и под.), ср.: *abhi tripr̄sthaiḥ sávanesu sómair... prṇadhvam*. RV. VII, 37, 1 'Наполните себя при жертвенных возлияниях трехспинным Сомой...' (ср. IX, 75, 3; IX, 106, 11; к трехспинному быку ср. IX, 71, 7; IX, 90, 2; IX, 111, 2). К образу гриб - царь¹⁷⁶ и зонту (грибу) как символу царской власти ср. *Somō rājā* 'Сома-царь' (RV. X, 109, 2; ср. X, 167, 3 и др.). Как и грибы, Сома символизирует плодородие, процветание: он - господин силы (*śavasas pate*. RV. IX, 36, 6, ср. также IX, 71, 4, связь с жизненной силой - *váyo dadhe*. RV. IX, 111, 2); господин пищи (*iśas pate*. RV. IX, 108, 9, ср. IX, 14, 7; IX, 15, 7; господин богатства (*rayipáti*. RV. IX, 97, 24; ср. II, 40, 6; IX, 101, 6 и др.)¹⁷⁷; его называют бессмертным (*āmartyo*. RV. IX, 84, 2; ср. IX, 91, 2; VIII, 48, 12 и др.). Характерна неоднократно подчеркиваемая связь Сомы с молоком, его сок - молоко, он богат молоком и т.п. (ср. RV. II, 13, 1; VIII, 1, 17; VIII, 9, 19; IX, 6, 7; IX, 62, 20; IX, 89, 2 и др.). Учитывая, что Сома имеет самое непосредственное отношение к производительной силе (об этом см. и ниже), и факты из ритуальной практики в ряде традиций, где молоко приравнивается к мужскому семени¹⁷⁸ (что отражается и в соответствующих словесных образах), - связь Сомы с молоком приобретает особое значение. Любопытно, что тема молока, доения в ряде случаев сочетается с темой камня (ср. RV. IX, 65, 15: *yásya te mádyam rásam tīvrām duhánty ádríbhiḥ | sá pavasvābhimātihā* 'Очисться как уничтожитель врагов, о ты, чей пьяный, острый (напиток) выдаивают они камнями', ср. также I, 121, 8), что также

¹⁷⁴ Ср. также: RV. V, 43, 4; IX, 8, 4; IX, 38, 3; IX, 46, 6; IX, 56, 3; IX, 80, 4, 5 и др. Интересен пример IX, 15, 8: *etám u tyāt dásá kṣípo mrjyanti sapta dhītāyah...* 'Его самого очищают десять пальцев, семь молитв'. Другой мотив, связанный с десятью пальцами, ср.: RV. X, 90, 1 (гимн Пуруше); ср. там же (4): кто есть и не есть...

¹⁷⁵ Ср.: RV. IX, 68, 4; IX, 72, 3.

¹⁷⁶ Ср. русск. пан, белый гриб *Boletus edulis* (ср. всем грибам полковик ...).

¹⁷⁷ Ср. также RV. I, 91, 23; VI, 44, 2; IX, 35, 2 и др.

¹⁷⁸ См. подробнее: Сиркин А.Я. К типологии оппозиции "молоко" - "кровь" в ритуальных и мифологических системах Индии и Цейлона. - Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970, с. 51-53.

находит многочисленные типологические параллели: ср. чрезвычайно широкое распространение жертвенных камней (чаще всего чашеобразной формы), на которые льют молоко¹⁷⁹; камень нередко находится на холме и служит для ритуала, имеющего целью увеличение плодородия, изгнание злых духов¹⁸⁰, излечение от болезней и т.п.¹⁸¹. Связь грибов с молоком достаточно очевидна в ряде их названий (ср. *молоканка*, *молокитник*, *молоковник*, *молокоедка* и т.д.; ядовитые или горькие грибы мочат в молоке, после чего их отрицательные свойства нейтрализуются, и т.п.). Как известно, и моча может выступить в качестве эквивалента мужского семени¹⁸². Характерно, что многие предания, поверья, приметы, толкования снов, предсказания основаны на этой тесной связи¹⁸³. В ряде работ Р.Г. Уоссон и К. Леви-Стросс в достаточной степени показали, какое исключительное значение имеет этот мотив, приурочиваемый к грибам и к Соме. Как известно, галлюциногенное вещество, содержащееся в *Amanita muscaria*, используется двумя способами (по крайней мере у палеоазиатов).

¹⁷⁹ Ср. *Maitokivi* 'Молочный камень' (Täräntö, финск. окр. Norrbotten в Швеции).

¹⁸⁰ Ср. *Pirun-pöytä* 'Дьяволов Стол', название камня в Kesälahti (Финляндия).

¹⁸¹ Ср.: *Hautala J. Survivals of the Cult of Sacrifice Stones in Finland*. - *Temenos I*, 1965, p. 65-86. Неслучайность включения мотива молока в общую схему такого рода подтверждается, напр., монгольскими поверьями о громе: убитого молнией кладут в яму; девять тайджи в белых одеждах и на белых лошадях участвуют в церемонии; для отвращения грома брызнут молоком на белый войлок посредством цасила, лопаточки с девятью углублениями, и под., см. Потанин Г.Н. Очерки..., вып. IV, с. 140.

¹⁸² В некоторых индейских мифах от мочи Грома у девицы рождается сын Мальчик-Гром, отличающийся чудесно быстрым ростом. См.: *Jacobs M. The Content and Style of an Oral Literature. Clackamas Chinook Myths and Tales*. New York, 1959, № 30а и р. 149 и др.

¹⁸³ Ср. такие толкования снов, как: "Si son urine s'étend par devant son penis, sur le mur et se repand dans la rue: il aura des enfants. S'il urine dans un fleuve, sa moisson sera abondante. S'il urine dans un puit, il perdra ses biens..." - *Leibovici M. Les songes et leur interprétation à Babylone*. - In: *Sources Orientales II. Les songes et leur interprétation*. Paris, 1959, p. 70. Интересно, что в этой же традиции существуют сходные толкования "пищевых" снов (ср.: если съесть плоть своей руки, - умрет дочь; если съесть плоть своей ноги, - умрет старший сын; если съесть плоть penis'a, - умрет сын и под. - там же, с. 68-69).

тов). Речь идет о непосредственном вкушении грибов (чаще в высушенном виде) или же мочи человека, вкусившего грибов. Есть данные, что моча предпочитается первичному продукту. В ряде традиций она используется не только для достижения состояния транса, но и при ритуальных омовениях. Р.Г Уоссон показал, что в некоторых старых районах древнего расселения индо-арийцев, почитавших Сому, сохранились пережитки прежнего культа (ср. использование мочи в ритуальных целях сикхами и мусульманами Панджаба, Кашмира и некоторых других северо-западных провинций)¹⁸⁴. Эти пережитки обнаруживаются и в некоторых древнеиндийских текстах, ср. эпизод из "Махабхараты" (*Aśvamedha Parvan* 14, 54, 12-35), в котором бог Кришна дает своему адепту в качестве напитка бессмертия мочу неприкасаемого, который оказывается Громовержцем Индрой. Заслуживает внимания интерпретация одного места из Авесты¹⁸⁵, в котором осуждаются те, кто позволяет обманывать себя опьяняющей мочой: *Kadd aȝān tūθrəm ahūā madahūā...* *Yasna* 48, 10¹⁸⁶. Во всяком случае еще манихеи не только употребляли "красные" грибы, но использовали, как известно, и мочу¹⁸⁷. Интересно, что в ряде традиций грибы, которые непригодны для такого использования, называются "собачьей мочой" (в ряде мест в Индии, у юкагиров и т.д., ср. алт. *атын сидэги* 'лошадиная моча' при русск. *собачник*, *собачьяки*, *собачьи губы*, *собачий гриб* и др.). Эти факты приводят к следующему соотношению, предложенному К. Леви-Строссом¹⁸⁸: человеческая моча: мухомор = собачья моча: обычный гриб; б) мухомор : обычный гриб = человеческий: собачий¹⁸⁹.

¹⁸⁴ Ср. символический обряд питья бычьей мочи у парсов в Бомбее. См. *Modi J.J. Religious Ceremonies and Customs of the Parsees*. Bombay, 1937, p. 93 (2-е изд.). Интересно, что такую роль моча играет там, где население осталось микофильтским (на фоне общего перехода к микофобии). О моче и Соме см.: *In-galls D.H.H.* Op. cit., p. 189 f.

¹⁸⁵ См.: *Wasson R.G. Soma...*, p. 32; ср. также: *Kui-per F.B.F.* - IIJ, v. 12, 1970, p. 283 и др.

¹⁸⁶ Ср. перевод Р.К. Зенера: "When wilt thou do away with this urine of drunkenness (и далее: with which the priest evilly delude [the people] as do the wicked rulers of the provinces in [full] consciousness [of what they do]?)" ср. др.-инд. *mūtra* 'моча'.

¹⁸⁷ Cp.: *Un Traité manichéen retrouvé en Chine*, traduit et annoté par Ed. Chavannes Et P. Pelliot. Paris, 1912, p. 292-340, особенно p. 302-305, 310-314; *Wasson R.G.* - IIJ, v. 12, 1970, p. 292.

¹⁸⁸ См.: *Lévi-Strauss C.* - *L'Homme*, t. X, 1970, p. 11.

¹⁸⁹ Не выражается ли в вырожденном виде связь грибов с мочой в детском присловии: *Как у Вани на постели грибы, ягоды поспели, | От чего они поспели? - | Ваня ... на постели и т.п.?*

Связь Сомы с мочой теперь не менее очевидна, чем подобная связь грибов и мочи. Об этом свидетельствуют указания на две формы Сомы (ср. два способа употребления *Amanita muscaria*): *tābhyaṁ visvasya rājasi ye pavatāna dhāmanī pratīcī soma tasthātuḥ*. RV. IX, 66, 2. 'Этими двумя формами, которые стоят, глядя (на нас), о Сома, ты царишь, о Павамана' (ср. также II, 3, 5 и др.), отдельные места в ведийских текстах типа RV. IX, 74, 4, где мотив Сомы соединяется с темой божественного напитка и мочеиспускания¹⁹⁰ и, наконец, ряд еще более непосредственных свидетельств. Среди них - RV. VIII, 4, 10:
...pībā sómat vásāñ ánu | níméghamāno maghavan divé-diva
ójisṭām dadhiṣe sáhah '...пей Сому по желанию; день за днем мочась, о Могучий [sc. Индра], ты приобрел величайшую силу'¹⁹¹; ср. отчасти RV. II, 34, 13 (сходный мотив в связи с сыновьями Рудры, принявшими конский облик; ср. также мотив плодоносного дождя Рудры - RV. V. 53, 14; X, 59, 9).

Мотив Сомы в моче, подкрепленный уже указанной практикой питья напитка из грибов во второй его форме, практически окончательно решает вопрос об изофункциональности Сомы и грибов в данной схеме¹⁹², независимо от того,

190 Ср.: ātmanván nábho duhyate ghṛtám paya rtásya nábhir amṛtam vī jāyate | samīcīnāḥ sudānavāḥ priṇanti tām náro hitám ḍva mehanti péravāḥ 'Из исполненного жизнью облака надаивается масло и молоко. Пуп (жертвенного) закона, бессмертный (напиток) рожден; находящиеся вместе, обладающие богатыми дарами чувствуют его; раздувшиеся [sc. мочевые пузыри] мужи испускают мочу' (гимн Соме); ср. в переводе Л. Рену: "Les seigneurs à la vessie pleine compissaient le Soma mis-en-branle" "Др.-инд. mehati 'испускать мочу', видимо, связано с русск. мизинец, мезенец и т. п., обозначающими не только последний палец, но и младшего сына, брата и т. п. (ср. *mīḍg 'мочусь'. Ср. такие названия русских грибов, как ситуха, навозный гриб, пердунок, возможно, серуха, серяк, серянка, серушка (*Lactarius flexiosus*) и под. Ср.: Меркулова В.А. Очерки..., с. 191 и след. Об образах мочи и кала в низовой культуре см. у М.М. Бахтина, с. 362-363.

191 Ср. эпизод из Брахман, где Индра выпил столько Сомы, что моча хлынула даже и через уши.

192 В этом же смысле могут быть, вероятно, истолкованы указания на тройную цедилку Сомы (*trī śā pavitra hṛdy ḥntár ā dadhe*. RV. IX, 73, 8 'он несет внутри сердца три цедилки'). По толкованию Уоссона (Soma.. p. 52 f.), первая цедилка - многочисленные белые пятнышки на шляпке мухомора, вторая - овечья шерсть, через которую пропускают сок сомы, и третья - организм Инды (или Вайю), выпившего сому и возвращающего его в виде мочи. Ср. в связи с этим такие названия грибов, как ситник, ситовик, ситуха, решетник

чем было реальное растение сомы¹⁹³. Более того, эта изофункциональность выходит за пределы мифа и распространяется на область ритуальной практики в ее пищевом и химическом аспектах¹⁹⁴.

Считая, таким образом, несомненной уместность сравнения Сомы с грибами в пределах схемы, следует указать еще ряд особенностей в описании Сомы, также сближающих его с тем, что отмечалось выше в связи с грибами.

Среди этих особенностей – двузначность роли Сомы в мифологическом поединке. В индо-иранский период *Saima- понимался как 'убийца Вритры /или затора/', ср. вед. *vṛtrahán-*, авест. *vərəθrajan-*, тогда как в ряде более поздних текстов Сома иногда идентифицируется именно с Вритрой, ср. *vṛtró vai वृत्रा ईति*. SB. IV, 2, 5, 15; SB. III, 4, 3, 13; *somo vṛtro*. KS. XXIV, 9; KKS. XXXVIII, 2; *वृत्रो वै वृत्राह्*. MS III, 7, 8 и т.п.¹⁹⁵.

Сексуальность Сомы также отвечает этой теме в связи с грибами. Она проявляется в соответствующей символике пола¹⁹⁶.

и т.п. Кстати, мотив насекомого (мухи), распространенный в представлениях о грибах (мухомор и т.п.), отнесен и применительно к Соме, ср. RV. I, 119, 9: *utá या वाम् mādhumān makṣikārapan made वृत्रायासीजो huvanyati* 'И эта муха сладость возвещает вам; в опьянении сомой говорит Аушия'.

¹⁹³ Ср. предположение о том, что им могло быть то растение (ревень?), которое в языках кати, прасун и хновар обозначается словом, восходящим к эпитету, связанному с Сомой, – 'svatra (ср.: Turner R.L. Comp. Dict. № 12762 – открытие Г. Моргенстиерне). Что касается гриба как такового, он упоминается в "Ригведе" лишь однажды (I, 84, 8), но в характерном контексте: *kadā mártam arādhásat padā क्षुत्रम् iva sphurat* "когда он (Индра) скаредного смертного оттолкнет ногой, подобно грибу". Впрочем, значение *क्षुत्रम्* не вполне ясно. Ср. также *andhas* 'трава' и 'гриб' (Амаракоша).

¹⁹⁴ В связи с этим возникает вопрос об "экстатических" алкалоидных средствах в современной Индии (типа *bhāng* на севере или *siddhi* собств. 'оккультная сила', в Бенгалии). Не исключено, что *bhāng* этимологически следует связывать с указанным выше ностратическим звуковым комплексом (см. выше). О такого рода средствах, ср.: Ward R.H. A Drug-taker's Notes. London, 1959; Newland C.C. Myself and I. New York, 1963; Bharati A. The Tantric Tradition. London, 1965, p. 285 f. и др.

¹⁹⁵ См.: Kuiper F.B.J. – IIJ, v. 12, 1970, p. 281. Ритуал покупки растения сомы обнаруживает, что некогда Сома идентифицировался с Варуной (ср. MS. III, 7, 8; KS. XXIV, 6; TS. VI, 1. 11. 4-5 и др.).

¹⁹⁶ Ср. типологически сходную символику в ряде южных традиций. Речь идет, напр., о разделении кокосового ореха надвое и выпускании из него жидкости (ко-

Мужское начало Сомы подчеркивается неоднократно. Ср. его поднятие к небу, возрастание, увеличение в объеме, со-поставимое, кстати, с ощущениями вкушившего галлюционо-генный напиток¹⁹⁷; указания на то, что Сома жених, любовник (ср. RV. IX, 107, 6 и X, 85, 9: *vōtō vadhyūyār abhavad* и др.). О Соме, смешиваемом с водой и молоком, говорят как о быке, соединяющемся с коровами (RV. IX, 6, 6), причем это соитие сравнивается со связью с женщинами (RV. IX, 32, 5; IX, 56, 3), обладательницами прекрасных гениталий (*vīrapasthā*. RV. IX, 61, 21); он сочетается с "сестрами" (*jāmi*), пальцами, выжимающими сому (ср. RV. IX, 99, 6 с деталями; IX, 68, 4 и т.д.)¹⁹⁸; иногда описывается само соитие (ср. RV. IX, 69, 3 или X, 101, 12). В знаменитом свадебном гимне (RV. X, 85) Сома выступает как жених Суры, как божественный прообраз и пример жениха *par excellence*¹⁹⁹. "Сома - мужское, Сура - женское, оба они образуют пару", - свидетельствует "Тайтирия-Брахмана" (I, 3.3.2). Не случайно, что брачная пара должна приготовить сому (RV. VIII, 31, 5). Наконец, полнее всего эти свойства Сомы проявляются в его оплодотворяющей способности (Сома - бык).

И, наконец, последний круг фактов - на этот раз сюжетного характера, - позволяющих включить Сому в ту же схему, в которой в других традициях выступают грибы или другие растения, идущие на приготовление напитка бессмертия. Прежде всего речь идет об известном мифе, проанализированном Г. Ломмелем, в котором рассказывается, как боги во главе с учредителем жертвоприношения Митрой для успешного совершения жертвоприношения должны были совершить убийство их собога Сомы путем сокрушения и расчленения его на мелкие части²⁰⁰. Не менее интересен не раз повторяющийся мотив орла, приносящего Сому для Индры или другого божественного персонажа), ср. *ādhā te būyend mādhu*

косовый орех имеет "мужской" и "женский" концы) в связи с символикой "единения-соития" (напр. Шивы и Шакти). См. *Nur Yalman. Under the Bo Tree. Studies in Caste, Kinship, and Marriage in the Interior of Ceylon*, Los-Angeles, 1967, p. 374.

197 См. самовосхваления бога, напившегося сомы (RV. X, 119).

198 Само выжимание рассматривается как символ соития, а две части ладони, функционирующие как пресс, - как две женские *labia* (*jaghanādhīśavāryā*. RV. I, 28, 2).

199 Ср. роль Сомы на свадьбе, загадки о соме и т.д. О божественном женихе и его связи с элементами Космоса см.: *Dick E.S. The Bridesman in the Indo-European Tradition: Ritual and Myth in Marriage Ceremonies*. - JAF, v. 79, 1966, p. 338-347. Ср. также: AV. XIV, 2, 71 (со схемой отождествлений). Можно думать, что сам ритуал *domum deductio* (ср. нем. *Brautlauf* и под.) имеет в основе космологические образы.

200 См.: *Lommel H. Mithra und das Stieropfer. - Paideuma*, Bd. 3, Hf. 6/7, 1949, S. 207-218.

‘*jahāra*; RV. IV, 18, 13 "тогда орел принес мне сладкий напиток" (речь Индры); *indra pība...ā yām te ēyena... jahāra*. RV. III, 43, 7 'пей, Индра, ... (то), что тебе принес орел' и др.²⁰¹. Иногда Индра похищает Сому, не принимая облик орла, или сокола;ср. *tvāṣṭāram īndro janū-sābhībhyātisya bōtān arības cātīṣu*. RV. III, 48, 4, 'Индра, по рождению превосходя Тваштара, украв силу, выпил (его) из сосудов' (ср. также RV. VIII, 4, 4 и др.). Существенно, что Тваштар - отец Индры и творец мира (ср. мотив кражи у небесного бога его детьми или другими противниками некоего чудесного средства и последующего их наказания). Естественно, что этот мотив издавна сопоставляется с историей похищения Одином меда и в ряде случаев проецируется в индоевропейскую эпоху²⁰².

Недавно, исходя из RV. IX, 71, 2 (*prā kṛṣṭihéva śūśā eti roruvad asuryāt várṇat ní riṇīte asya tám...* 'отчаянный, как человекаубийца, идет он, ревя; этот его асурский цвет снимает он ...'), Кэйпер указал на ряд параллелей (в частности, из более поздней ведийской литературы), которые, кажется, позволяют толковать *várnā* как обозначение некоего элемента организации дуального типа (ср. противопоставления хорошей и плохой *варн*: *bhadrám várṇam - pāpám várṇam*²⁰³). Если речь идет о космическом уровне, с помощью *várnā* различаются день и ночь (ср. KS. VIII, 3; KKS IV, 8 и т.д.; ср. *uśásā-náktā*; на божественном уровне с помощью этого понятия дифференцируются два класса - дэвы и асуры²⁰⁴); на социаль-

201 Ср. также: RV. IV, 26, 6; IV, 27, 4; IV, 26, 4 (для Ману); IX, 48, 3 и др. Иногда вместо орла фигурирует сокол - RV. IX, 87, 6; I, 80, 2; I, 93, 6; IX, 86, 24 и т.д.

202 См.: Schröder F.R. Das Hymirlied. - Arkiv för nordisk filologi, Bd. 70, S. 1-40; de Vries J. Altnordische Religionsgeschichte. Bd. 2, Berlin, 1950, S. 71; Мелетинский Е.М. Миѳологические песни, с. 346 и след. и др. Интересно, что иногда конфликт в семье Громовержца вызывается не похищением чудесного предмета, а добровольным дарением его людям вопреки желанию детей Громовержца, ср. западноиранскую легенду об оружии громовника. См.: Сказки и мифы Океании..., с. 58-59 и др.

203 См.: Kuiper F.B. - IIJ, v. 12, 1970, p. 281-282.

204 Что Сома, как и Агни, принадлежал некогда к асурам, свидетельствует ряд текстов. Ср.: *tasmād āhur agnīśomāv asuryāv iti*. JB. II. 155. 1. 7; ср. KS. XXXIV, 3. В другом месте (KS. IX. 11) сообщается о том, как Праджапати создал дэвов и асов как представителей двух составных частей божественного мира; при этом названные части соотносятся как с днем и ночью, так и с противопоставлением двух цветов. К двум варнам ср. последний стих в RV. I, 179 (Агастья и Лопамудра) - Агастья служит аскетизму и процветанию рода.

ном уровне — арии и дасы²⁰⁵. Следовательно, и здесь Сома входит в число элементов, классифицирующих социальную структуру, как и в случае с шашками и с грибами (см. выше). Еще интереснее то, что здесь также используются для социальной дифференциации цветовые противопоставления (чему есть примеры и в более близкое к теперешнему времени).

Все эти примеры с достоверностью показывают, каким образом одна и та же архетипическая схема реализуется в разных культурно-исторических традициях, во-первых, и для каких целей может эта схема использоваться, во-вторых. При всех различиях в реальных воплощениях схемы и в общей оценке фиксируемого ею со стороны потребителя, следует помнить об огромной роли, которую сыграла и продолжает играть в культурном развитии человечества эта схема, позволяющая связать столь разные явления, как маринданимский дема и гетеевский "Фауст".

Корректурные примечания

К сн. 39: Ср. в "Прохладном вертограде": "Уши иудовы губа, что гриб; у кого горло болит, или кто осипнет, и положить в молоко пресное, да провари немножко, и тем молоком полоскать горло и выплюнуть, и пить молоко помогает" (из главы "О ушах иудовых"); см.: Флоринск ий В.М. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVIII столетия. Казань, 1879, с. 172. О переосмыслении этого образа у Лескова ("Несмертельный Голован", 1880) см.: Сухачев Н.Л., Туниманов В.А. Развитие легенды у Лескова. — В кн.: Миф. Фольклор. Литература. Л., 1978, с. 122.

К сн. 96: Включение грибов в сюжет основного мифа иногда восстанавливается по, казалось бы, очень далеким свидетельствам. Ср., напр., финскую пословицу "Грибы не растут на дороге", понимаемую как утверждение, что у женщин легкого поведения не бывает детей. Из этой пословицы следует два уравнения: 1) грибы = дитя и 2) *придорожный гриб = *дитя женщины легкого поведения, что отсылает нас к одному из ключевых мотивов основного мифа: превращение сына Громовержца с целью проверки его отцовства (иначе говоря, решается вопрос о том, является ли младший сын ребенком верной жены Громовержца или неверной жены, изменившей своему мужу, т.е. свой ли это сын или чужой). Соотнесение ребенка с грибом одно из общих мест в загадках и пословицах многих фольклорных традиций.

²⁰⁵ Ср. следующее соотношение: *d a i v y o v a l várpo b r ā h m a n á h, a s u r y à h s ù d r á h.* ТВ. I. 2. 6. 7.

V.N. Toporov

SEMANTICS OF MYTHOLOGICAL CONCEPTIONS
OF MUSHROOMS

The work continues a series of investigations dealing with the analysis of the main concepts of archaic mythopoetic systems. The part played of mushrooms in human culture can be duly evaluated because of the last achievements in the field of ethnomycology. The following questions are discussed here: the classificatory role of mushrooms; their relation to a number of general semantic oppositions (male-female, adults-children, one's own-alien, sky-earth, fire-water etc.); the place occupied by mushrooms in the scheme of the world tree; their participation in the plot of the principal myth (the Thunderstorm God turning his children into mushrooms); the analysis of the objects isofunctional with the mushrooms; considerations about R.G. Wasson's hypothesis about the connection between mushrooms, possessing hallucinogenic qualities etc.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
В.В. Иванов. Чатал-Гююк и Балканы. Проблемы этнических связей и культурных контактов	5
В.В. Иванов. Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом	39
В.В. Иванов. Архаизмы в глагольных флексиях древнебалканских и албанского языков	56
Т.В. Гамкрелидзе. К огласовке *ā в индоевропейских корнях структуры C ₁ VC ₂	69
И.М. Дьяконов, В.Я. Порхомовский. О принципах афразийской реконструкции (в связи с работой над сравнительно-историческим словарем)	72
В.А. Дибо. Балтославянская система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента.	85
М.И. Лекомцева. Некоторые замечания о структуре консонантизма балто-балканского ареала	102
В.Э. Орел. Албанские смыслные в свете этимологии.	109
Е.А. Хелимский. Чередование долгот, консонантный ауслаут и ударение в истории венгерских именных основ	118
А.А. Зализняк. О понятии графемы	134
Т.М. Николаева. Стихотворная и прозаическая строки: первичное и модифицированное	153
Ю.К. Лекомцев. Дискретные лексические поля как логическая основа анализа художественного текста	161
А.В. Лебедев. Об изначальной формулировке традиционного тезиса Фалеса τὴν ἀρχὴν οὗτον εἶναι	167
И.Д. Рожанский. Место Анаксимена в становлении греческого научного мышления	177
Л.А. Гиндин. Ритуально-мифологический смысл десятой песни "Одиссей"	190
Т.В. Цвэляк. Категория видимого/невидимого: балканские маргиналии	201
Т.Н. Свешникова. Волки-оборотни у румын	208
Л.Г. Невская. Дом в литовской загадке: параллели к балканским текстам	222
Т.М. Судник. Материалы к белор. <i>p'arun</i> , лит. <i>p'arkūnas</i> в связи с архаичными представлениями	229
В.Н. Топоров. Семантика мифологических представлений о грибах	234

BALCANICA
Лингвистические исследования

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканстики АН СССР*

Редактор издательства *Т.М. Дривинг*

Художественный редактор *Т.П. Поленова*

Технический редактор *Н.А. Посканская*

ИБ № 15071

Подписано к печати 03.10.79.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 18,8. Уч-изд. л. 22,0

Тираж 1250 экз. Тип. зак. 708

Цена 2р. 90к.

Книга издана офсетным способом

Издательство "Наука",
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90;

Офсетное производство 3-ей
типографии издательства "Наука",
Москва, ул. Жданова, д. 12

2 р. 90 к.

BALCANICA

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ